

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

В. Н. Барышников

ФИНСКИЕ СС НА УКРАИНЕ И ЮГЕ РОССИИ

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ЛИКВИДАЦИИ

В. Н. Барышников

**ФИНСКИЕ СС
НА УКРАИНЕ
И ЮГЕ РОССИИ
ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ДО ЛИКВИДАЦИИ**

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

**Москва
2025**

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)6
Б26

Рецензенты:

Романько О. В., доктор исторических наук, профессор
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Пянкевич В. Л., доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета

Барышников, Владимир Николаевич

Б26 Финские СС на Украине и Юге России. От возникновения до ликвидации. — М.: Издательство «Кучково поле», 2025. — 336 с.: 32 л. ил.

ISBN 978-5-907813-25-0

В монографии на основе российских и зарубежных источников рассматриваются ключевые события, связанные с предпосылками формирования в Финляндии эсэсовского движения. В работе раскрываются особенности создания финских подразделений СС на территории Германии и рассматривается их вклад в агрессию Третьего рейха против СССР, а также выполнение ими в составе дивизии СС «Викинг» карательных функций на территории Украины, Юга России и Северного Кавказа. Особое внимание уделено причинам их роспуска.

Книга рассчитана на профессиональных историков и широкий круг читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и историей Финляндии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)6

На форзаце: Киевская оборонительная операция (7 июля — 26 сентября 1941 г.). Дивизия СС «Викинг» в составе 1-й танковой группы, двигаясь из Тарнополя в сторону Житомира, приняла участие в наступлении на Киевский укрепрайон. Далее ее части были развернуты в направлении Белая Церковь — Кременчуг — Днепропетровск.

На нахзаце: Ростовская наступательная операция (1 января — 18 февраля 1943 г.). Финские эсэсовцы отступали по линии Нальчик — Ворошиловск (Ставрополь) — Сальск — Ростов-на-Дону.

ISBN 978-5-907813-25-0

© Барышников В. Н., 2025
© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», название серии, 2025
© ООО «Издательство «Кучково поле», издание, оригинал-макет, художественное оформление, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Новой книгой профессора В. Н. Барышникова мы продолжаем серию книг о Финляндии, начатую в 2019 г. Первым объектом внимания автора стал финский маршал Карл Маннергейм, личность которого была мифологизирована отдельными финскими и российскими публицистами. Исследование «Маннергейм и Советский Союз» стало поворотным моментом в развенчании этих мифов. Все более активное участие Финляндии в деятельности НАТО заставило нас обратиться к военно-политической истории северного соседа: в результате вышла монография профессора Барышникова «Финская война». Этот труд также дополнил наши публикации, посвященные сложным политическим процессам, происходившим в Европе в преддверии Второй мировой войны: «Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой» (2018) и «Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала» (2019). В 2024 г. в число книг по этой теме вошла выдающаяся монография канадского историка Майкла Джабара Карлея «Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930—1936 гг.» — первая часть фундаментальной трилогии, которая станет основополагающей работой в западной историографии, посвященной событиям 1930—1941 гг.

Владимир Николаевич Барышников, признанный в России и за рубежом специалист по истории советско-финляндских отношений, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, на протяжении десятилетий занимается финской историей.

Работа «Финские СС на Украине и Юге России» восполняет существенный пробел в советской и российской историографии. Как отмечает В. Н. Барышников, этот пробел объясняется тем, что в контек-

сте добрососедства отечественная историческая наука ориентировалась на положительные аспекты отношений с Финляндией, а тяжелые эпизоды истории мало освещались. В Финляндии такой политики не придерживались. Представленная работа особенно актуальна в связи с попытками финской академической науки скомпрометировать те положительные тенденции, которые долгое время преобладали в российско-финляндских отношениях.

Кроме того, настораживает ход мыслей сегодняшнего президента страны А. Стубба. В ходе предвыборной кампании он, в частности, заявил, что страна будет стремиться с помощью НАТО фактически создать «великую Финляндию». Официальное вступление Финляндии в НАТО состоялось 4 апреля 2023 г. Напомним, что создание «великой Финляндии» было целью маршала Маннергейма, при котором Финляндия трижды воевала против Советского Союза — больше, чем любая другая страна мира.

В книге описаны процессы, о которых даже интересующиеся историей читатели вряд ли когда-либо слышали. Как Германия смогла организовать нацистское движение в Финляндии? Почему оно там зародилось? Каким образом Финляндия оказалась единственным государством в мире, которое добровольно, не будучи оккупированным, позволило нацистам развернуть деятельность на своей территории, причем еще до начала Великой Отечественной войны?

Все эти вопросы профессор Барышников освещает системно и глубоко, анализируя исторический контекст и корни возникновения эсэсовского движения в Финляндии. Для понимания сущности этого процесса автор подробно рассматривает немецко-финляндское сотрудничество 1920—1930 гг. в военно-политическом, культурном и идеологическом аспектах.

Формирование финских эсэсовских частей началось в марте 1941 г. Они вошли в состав дивизии СС со звучным нордическим названием «Викинг». Непосредственно их формированием занимался заметный деятель нацистского движения в Германии «консервативный идеалист» бригаденфюрер СС Ф. Штейнер. Эсэсовский генерал отмечал, что у маршала Маннергейма «властный характер и склонности к жесткости с деспотичными личными капризами». Формирование финских частей СС сопровождалось обещанием Третьего рейха позволить Финляндии присоединить новые территории на Востоке. Автор отме-

чает, что, как и другие подразделения СС, финская дивизия «Викинг» выполняла не только боевые, но и сугубо карательные функции, и делала это с чудовищной жестокостью и беспрецедентной ненавистью к гражданскому населению. В. Н. Барышников особо подчеркивает, что финских эсэсовцев никоим образом нельзя считать патриотами Финляндии, поскольку они записывались в войска СС исключительно по своим личным соображениям. Служба в СС притягивала их безграничной возможностью насилия. Как указывается в книге, в дивизию вступали те, кому «хотелось почувствовать “вкус крови”».

Профессор Барышников подробно рассматривает действия финских эсэсовцев на территории Западной Украины, на пути от Киева к Днепропетровску, далее в Ростове-на-Дону, в Приазовье, на Кубани и на пути к Чёрному морю. Разгром немецких войск под Сталинградом произвел в руководящих кругах Финляндии «воздействие, подобное шоку». «Мы решили, — записал Маннергейм в своих воспоминаниях, — что большая война окончательно достигла своего поворотного пункта, и для Финляндии это означало необходимость поиска путей выхода из нее». В строю финских СС осталось всего 350 человек из 1408 добровольцев. В конце апреля 1943 г. они были отправлены в тыл в Баварию. При этом свои позиции на передовой финны передали эстонскому батальону СС «Нарва». По возвращении 1 июня 1943 г. на родину они уже стали «феноменом прошлого»: Маннергейм пытался спасти себя перед неотвратимым крахом Третьего рейха, и под его влиянием финское правительство срочно начало искать различные пути выхода из войны.

Однако у германского руководства СС оставались планы в отношении финских легионеров. Из них предполагалось сформировать «антисоветское подполье, которое должно было приступить к действиям в случае советского вторжения в страну», отмечает автор. Этот эпизод отсылает к истории строго секретной операции спецслужб США и НАТО «Гладио», начавшейся в 1950-х гг. В частности, реализацией идеи создания антисоветского подполья занялся вместе со своими прежними сослуживцами унтерштурмфюрер СС Лаури Тёрни.

Фигура финского эсэсовца Лаури Тёрни примечательна. Он вошел в темные страницы истории как «солдат трёх армий», посвятивший жизнь борьбе с коммунистами. Тёрни воевал в рядах финской армии в «зимней войне», в составе немецкой дивизии СС «Викинг» на

Украине во время Великой Отечественной войны и в спецназе армии США во Вьетнаме.

Как он оказался в американском спецназе и во Вьетнаме? В конце Второй мировой войны он сдался лояльным британским войскам, затем вернулся в Финляндию, где все же был арестован по обвинению в государственной измене и получил шесть лет тюремного заключения. Однако в 1949 г. Тёрни бежал в Швецию, записался матросом в торговый флот, в Мексиканском заливе прыгнул за борт и добрался до американского побережья. И это только публичная часть истории.

В тот период американские военные и спецслужбы активно набирали европейских радикальных антикоммунистов для проведения секретных операций против Советского Союза и стран Восточного блока. В 1952 г. в силах специального назначения Сухопутных войск США («зеленые береты») был создан 10-й полк спецназа, предназначенный для европейского театра военных действий, а именно для ведения диверсионной войны после возможного «советского вторжения» в Европу, которым пугали самые яростные враги СССР. В 1954 г. в США даже вышел закон Лоджа — Филбина¹, разрешавший иностранцам проходить службу в ВС США, то есть легализовавший набор в американскую армию фашистов и нацистов, которые избежали заслуженного наказания.

В этом полку как раз и продолжил борьбу против Советского Союза в прошлом эсэсовец Тёрни, к тому времени взявший американизированное имя Ларри Торн. В 1960-е гг. 10-й полк вел подготовку к нетрадиционной войне для партнеров по НАТО. В конце концов, Тёрни погиб на войне США во Вьетнаме. Но его «слава» была увековечена. Более того, увековечена она была совсем недавно: в 2010 г. (!) Тёрни-Торн был назначен первым почетным членом полка спецназа армии США, в 2011 г. — введен в Зал почета Командования специальных операций США. Его именем названа ежегодная награда для лучшего оперативного подразделения и главный плац на воен-

¹ Закон Лоджа — Филбина — федеральный закон США, принятый 30 июня 1950 г. Он разрешал вербовку иностранных граждан в вооруженные силы, воюющие под командованием США. Первоначально закон разрешал принять на службу до 2500 иностранцев-нерезидентов (позже их количество было увеличено до 12 500). После успешной выслуги пяти лет с почетным увольнением, иностранцу гарантировалось получение гражданства США.

ной базе 10-го полка. Именно такой «герой» из всех американцев и европейцев, отслуживших в полку за 70 лет, был удостоен высоких почестей.

Важно понять, насколько политики Финляндии и руководство НАТО будут готовы разыграть старую карту в новых обстоятельствах. Ответ на этот вопрос будет получен в ближайшие годы.

*Вероника Крашенинникова, генеральный директор
Института Внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В августе 2023 г. Коалиционная партия Финляндии — одна из ведущих партий страны — на своем внеочередном съезде выдвинула в качестве кандидата на пост финского президента своего лидера Александра Стубба¹. В своем выступлении претендент указал, что собирается с помощью НАТО фактически создать «великую Финляндию». Он заявил, что «мы, финны, понимаем, о чем идет речь», вспомнив при этом и об истории, и об опыте участия Финляндии во Второй мировой войне². И хотя комментарии финских граждан, которые появились в Интернете под видеозаписью этого выступления, были достаточно негативного содержания, тем не менее в действительности сегодня определенные реваншистские настроения явно начинают захлестывать Финляндию. Свидетельством этому явилось также то, что А. Стубб все же стал в феврале 2024 г. президентом страны.

В образе «великой Финляндии»

В целом то, что в настоящее время происходит в Финляндии, стало для российского общества во многом достаточно неожиданным явлением. В России все уже давно привыкли к общему представлению об

¹ Стубб Александр (род. 1968) являлся председателем Национальной коалиционной партии Финляндии (2014–2016), а также заместителем генерального директора Европейского инвестиционного банка (2017–2020). Ранее он был премьер-министром Финляндии (2014–2015), министром иностранных дел (2008–2011), финансов (2015–2016), министром по делам ЕС и внешней торговли (2011–2014). В 2008 г. он являлся председателем ОБСЕ.

² «Великую Финляндию» с помощью НАТО — реваншистские лозунги будущего финского президента Стубба. URL: https://www.youtube.com/watch?v=T_wK25mOm0A (дата обращения: 01.11.2023).

этой стране, как о дружественном и достаточно миролюбивом государстве.

Однако все стремительно меняется... С исторической точки зрения российское общество явно оказалось вначале просто не готово к этому феерическому видоизменению финской политики. Причем во многом эти негативные для России изменения были связаны с тем, что население страны имело весьма слабые представления о советско-финляндских отношениях в XX в. Работы советского периода касались либо изучения проблем истории финских революций XX в.¹, либо вопросов дружественных советско-финляндских отношений уже послевоенного периода, конца 1940-х — 1980-е гг.² Еще как-то вспоминали лишь о событиях, связанных с конфронтацией между двумя странами на заре становления независимого финляндского государства³. Отечественная историография исходила из представления: если что-то и было плохого в наших отношениях с Финляндией,

¹ Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции, 1905—1907. Петрозаводск, 1961; Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967; Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968. См. также: Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920—1930-х гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 56—67.

² Амбарцумов Е. А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Карвонен Т. Советский Союз и Финляндия. Сотрудничество, добрососедство. М., 1977; Бартеньев Т., Комиссаров Ю. СССР — Финляндия: Ориентиры сотрудничества. М., 1978; они же. Тридцать лет добрососедства. М., 1976; Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960; Ингульская Л. А. В борьбе за демократизацию Финляндии. М., 1972; Петров И. А. Добрые соседи: Кратк. очерк дружеств. советско-финляндских отношений. Петрозаводск, 1982; Похлебкин В. В. Урхо Калева Кекконен. Политическая биография. М., 1985; Федоров В. Г. Советский Союз и Финляндия. М., 1988; Комиссаров Ю. «Линия Паасикиви — Кекконена»: история, современность, перспективы. М., 1985.

³ Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921—1922 гг.). Петрозаводск, 1947; Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. М., 1949; Егоров Ф. И. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952; Сюкияйнен И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948; Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия 1918—1920. М., 1975.

то это было связано лишь с тем, что страны Запада просто умело настраивали Финляндию против СССР¹. Раскрывая специфику формирувавшихся в это время в Советском Союзе историографических традиций, известный финский историк, профессор О. Юссила заметил, что тогда в СССР «Россию представляли неизменно подлинным и искренним другом финского народа». Далее же, поясняя эту мысль, он отметил, что тогда советские исследователи стремились представить «конфликты, войны и другие неприятности результатом действия внешних сил, происками шведов и в особенности немцев»². Конкретно финский историк обратил внимание на монографию советского исследователя В. В. Похлебкина. Она в конце 1960-х гг. была сначала опубликована в Финляндии на финском языке под названием «Финляндия как враг и как друг»³. После того как ее высоко оценил тогдашний президент Финляндии У. К. Кекконен⁴, издали уже на русском языке в СССР, но, однако, с другим достаточно нейтральным названием⁵. Показательно тем не менее, что, критикуя книгу Похлебкина, финский историк пытался доказать свою главную мысль о том, что Россия никаких особо дружественных чувств к Финляндии не испытывала и соседнее восточное государство традиционно для финнов представляет лишь очевидную опасность⁶.

Тем не менее в СССР это проявлявшееся в Финляндии в определенных академических кругах отношение к России стремились особо не замечать. Характерной чертой складывавшейся в нашей стране историографической традиции стало то, что на протяжении более чем трех десятков лет, с 1950 по 1980 г., о советско-финляндских войнах говорили очень немного. У нас просто «забыли», что СССР в своей истории ни с кем столько не воевал, сколько с Финляндией: три раза с ней подписывался мирный договор.

¹ См.: *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 годах. Петрозаводск, 1961; *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975.

² *Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo; Hels.; Juva, 1983. S. 14.

³ *Pohlebkkin V. V.* Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967. Porvoo; Hels., 1967.

⁴ *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. М., 1973. С. 74.

⁵ *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973.

⁶ См.: *Барышников Н. И.* О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. № 3. С. 93–101.

Однако столь необычное по своей сути для науки явление, наблюдавшееся тогда в советской историографии, очевидно, было связано далеко не с тем, что по-своему уникальной ситуацией в реальных отношениях с Финляндией в СССР просто не интересовались. Наоборот, научный интерес к истории стран Северной Европы во второй половине XX в. только нарастал¹. Но от изучения достаточно непростых событий, связанных с историей советско-финляндских войн, советские историки категорически отказывались. Это не было вызвано определенной сложностью исследовательских задач или, скажем, закрытием в стране ряда важных архивных фондов. Нет, причина была совершенно другой. После установления между СССР и Финляндией дружественных отношений и с подписанием в 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в Советском Союзе постарались все «плохое» просто не вспоминать. В том числе и в научном плане².

В результате в СССР вообще не публиковалось, практически чуть ли не до самого распада Советского Союза, каких-либо исследовательских работ, связанных с историей войн, которые СССР в первой половине XX в. вынужден был вести против Финляндии³. Предполагалось, что это может нанести ущерб сложившимся тогда достаточно дружественным межгосударственным связям⁴. Более того, начавшийся в 1960-е гг. в Академии наук СССР процесс подготовки и написания цикла фундаментальных обобщающих коллективных монографий по истории стран Северной Европы⁵ так и не увенчался полным

¹ См.: *Барышников В. Н., Возгрин В. Е.* У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. 2015. № 10 (106). С. 227–231; *Барышников В. Н.* Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 136–148.

² См., например: *Кахк Ю.* Белые пятна в истории советско-финляндских отношений // Радуга. 1989. № 9. С. 62–69.

³ Исключением являлись лишь две работы, подготовленные уже во второй половине 1980-х гг. См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985; *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.

⁴ См.: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 10.

⁵ См.: *Барышников В. Н., Возгрин В. Е.* У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы. С. 227–231; *Барышников В. Н.* Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов. С. 136–148.

успехом. Были изданы только обобщающие работы по истории Швеции (1974), Норвегии (1980) и еще два тома по истории Дании (1996, 1998)¹. Опубликовать же общую историю Финляндии так и не удалось. Хотя рукопись этого произведения была уже готова. Все проблемы у авторов так и неизданного труда были, очевидно, связаны с необходимостью представить соответствующие исторические оценки советско-финляндских отношений первой половины XX в. Как указал известный скандинавист, руководитель данного проекта, профессор А. С. Кан: «Запланированное... издание советской “Истории Финляндии” сорвали серьезные расхождения между мною как ответственным редактором и Виктором Холодовским, автором части глав по новейшей истории, с одной стороны, и сотрудниками Международного отдела ЦК партии, авторами других глав — с другой стороны»². Несомненно, именно острые вопросы истории отношений СССР и Финляндии в результате так и не позволили завершить начатое тогда советскими историками весьма полезное и, вероятно, важное в историографическом плане дело.

Но, с другой стороны, от истории, конечно же, было трудно полностью уйти. Поэтому, чтобы скрыть негатив в советско-финляндских отношениях в середине XX в., войну 1939–1940 гг., например, вообще начали квалифицировать лишь как «вооруженный конфликт» двух государств. Именно так ее определяли в фундаментальных работах по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, изданных в СССР³. Об участии же финских войск в блокаде Ленинграда в 1941–1944 гг. вообще стремились даже не упоминать. В результате организация блокады города представлялась как исключительно операция вермахта. Не принято было описывать и политику геноцида в отношении славянского населения на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии. Также весьма скупо писалось и о ходе боевых действий советских войск против Финляндии. Все это, естественно, приводило к искаженным, или, точнее, бла-

¹ История Швеции. М., 1974; История Норвегии. М., 1980; История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996; История Дании. XX век. М., 1998.

² Aleksander Kan (bibliografi med selvbiografi). Archangelsk, 2008. С. 8–9.

³ См., например: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 258–278; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 358–365 и др.

гостным представлениям об участии Финляндии во Второй мировой войне.

Но все это касалось только СССР... В Финляндии все было совсем наоборот. Там, естественно, отмечалось, что в Советском Союзе наблюдалась некая «обходительность... по отношению к острым вопросам»¹. Но это отнюдь не означало, что финские историки тоже не будут писать работы по проблемам участия Финляндии во Второй мировой войне. Наоборот, тема *войны* стала в эти годы одной из самых популярных у финских исследователей². Как заметил в середине 1980-х гг. профессор О. Юссила, из всей истории Финляндии больше всего внимание в их стране тогда привлекали именно события «зимней войны». Далее он это наблюдение усилил, подчеркнув, что «история Второй мировой войны и военная история по-прежнему являются доходной статьей наших издательств»³.

Действительно, по подсчетам финских историков, за период до 1975 г. в Финляндии сюжетам Второй мировой войны было посвящено свыше 70 исследований, что значительно больше, чем, скажем, по любой другой проблеме финской истории XX в.⁴ Обобщая же исследовательские достижения того периода, известный финский историк, профессор Л. Пунтила, прямо отметил очевидную и главную для него вещь. Он указал: «Осмысление политического положения Финляндии с конца XVIII в. приводит к неизбежному выводу: чем слабее положение России в большой политике, тем безопаснее Финляндии»⁵. В результате Советский Союз неизменно представлялся страной, которая несла очевидную опасность для Финляндии, и на это особо и постоянно обращалось внимание самых широких слоев финской общественности.

Иными словами, в Финляндии целенаправленно создавались соответствующие историографические традиции и негативный образ

¹ *Puntila L. A. Suomen itsenäisyyden aika Moskovian horisontista // Historiallinen Aikakauskirja. 1974. № 4. S. 316.*

² *Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies // Finnish-German Yearbook of Political Economy. 2019. № 2. P. 6–7.*

³ *Historiallinen Aikakauskirja. 1983. № 1. S. 13.*

⁴ *Korhonen K. Suomen ulkopoliitiikan ja kansainvälisen aseman tutkimuksesta // Historiallinen Arkisto. 1978. № 71. S. 263.*

⁵ *Puntila L. A. Suurvaltapoliitiikan pyönteissä talvisotaan // Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikan alkutaival. S. 217.*

соседнего государства, постоянно агрессивно настроенного по отношению к Финляндии. Но тогда, во второй половине XX в., это выражалось в сугубо академических конструкциях, которые все же весьма глубоко внедрились в сознание финского общества.

Все это влекло за собой целый комплекс устойчивых мифов, которые нередко вырабатывались в Финляндии сугубо в пропагандистских целях либо еще в годы Второй мировой войны, либо уже после нее, когда требовалось определенное оправдание в глазах финской общественности явно неудачной исторической эпохи в финской политике. В частности, последовательно утверждалось о «независимой» от нацистской Германии войне Финляндии против СССР в 1941–1944 гг. Также говорилось о некой «гуманности» финских войск. Отдельно также формировался еще и «благородный образ» К. Г. Маннергейма, который оказался для Ленинграда в 1941 г. чуть ли не своего рода «спасителем»¹. В итоге в результате попыток соответствующего приукрашивания определенных аспектов участия Финляндии в войне на стороне нацистов в обществе создавался достаточно «благородный» и «чистый» образ Финляндии как «жертвы Второй мировой войны». И это несмотря на то, что всем было хорошо известно, что в годы войны страна вполне осознанно входила в германский блок и, несомненно, должна была нести за это соответствующую ответственность. Но что весьма примечательно, одновременно формировался весьма критический и в то же время достаточно негативный образ Советского Союза. Образ, который позже вполне закономерно был перенесен на современную Россию.

В результате, очевидно, что финское представление о многих острых исторических сюжетах, связанных с проблемой участия Финляндии в войне, серьезно отличалось от российского. Более того, в Финляндии в этих условиях проявилось уже явное «стремление заставить русских испытывать чувство собственной вины» за участие СССР в войне против Финляндии, таким образом формировалось представление о том, что за войну вообще «русским стоило бы попросить у финнов... “прощения”». Так возникала общая картина: «с одной стороны, финские исследователи и публицисты... не хотят отказы-

¹ См.: *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

ваться от созданного в Финляндии на основе этой войны националистского мифа, а в современной России, с другой стороны, не до конца, очевидно, понимают стратегическое значение этой войны для Советского Союза»¹.

В целом утверждение подобных тенденций, выражающихся в стремлении к созданию образа Советского Союза как государства «повинного» в трагедии участия Финляндии в войне, облегчалось еще и тем, что события, раскрывающие, собственно, историю войн с Финляндией, как было уже отмечено, долгое время в СССР вообще не исследовались, а научную или даже публицистическую литературу по этой теме просто стремились не издавать.

Тем не менее дальнейший ход исторического развития привел к тому, что в начале 1990-х — 2000-е гг. книжные рынки России буквально захлестнула низкопробная продукция отечественных публицистов. В ней без какого-то глубокого научного поиска дружно стали просто воспринимать и пропагандировать уже переведенную и изданную в России финскую мемуарную и исследовательскую литературу, содержащую указанные ранее финские пропагандистские штампы². Особенно ярко это прослеживается на примере созданного тогда невероятно возвышенного образа финского маршала К. Г. Маннергейма. В итоге российское общество начало легко усваивать нередко сугубо пропагандистские схемы. Здесь также начал формироваться комплекс «вины» за свою прежнюю историю и за отношения своей страны с Финляндией в годы войны и т. д.

Однако зародившаяся в конце XX в. в российском обществе тенденция неминуемо должна была иметь весьма негативные последствия, поскольку создавала откровенный повод к требованию о восстановлении так называемой исторической справедливости. Следую-

¹ См.: *Барышников В. Н.* Искусственное создание «белых пятен» в отечественном изучении истории Финляндии и последствия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2024. № 1. С. 135–141.

² *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000; *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999; *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997; *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. М., 2005; *Энгл Э., Паананен Л.* Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма 1939–1940. М., 2004; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940. М., 2003; *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 1998 и др.

щим естественным шагом вполне могло стать предложение об изменении государственных границ России с учетом «отторгнутых» от Финляндии в годы войны территорий. Неслучайно в одной из брошюр, изданной на русском языке в Финляндии, спустя около 60 лет после подписания Парижского мирного договора, уже были приведены четкие «обоснования, касающиеся возврата территории»¹.

Конкретно это весьма ярко проявилось в 1993 г. на заседании круглого стола в российском журнале «Международная жизнь». Тогда аккредитованный в Москве представитель ведущей финской газеты «Хельсингин Саномат» Матти Валконен прямо заявил, что теперь «в российской внешней политике есть и такая проблема — проблема границ с Финляндией»². Причем высказанное тогда мнение было настолько устойчивым, что, как считают некоторые финские исследователи, стало «прямой угрозой для российской национальной безопасности»³.

Показательным при этом стал факт, что образ «извечного агрессора» и «врага», который создавался вокруг России, в новых условиях явно стал находить сторонников и в нашей стране. Эта новая тенденция в российском обществе четко была отмечена также и за рубежом. Там тоже заметили, что выработанные финской пропагандой мифы теперь в России вызывают достаточно благожелательное отношение. Причем бросалось в глаза, что такая позиция находит отклик прежде всего у лиц, которые не являются специалистами по истории советско-финляндских отношений. Так, в России, как тогда замечалось зарубежными обозревателями, «внезапно возникшие “эксперты”» оказались весьма энергичными, хотя являлись «в основном или дилетантами, или “охотниками за удачей”»⁴. Действительно, в России на рубеже XXI в. начали появляться и в массовом порядке тиражироваться «произведения», где авторы, с позиции «агрессивного невежества»⁵ и даже более решительно, чем в самой Финляндии, принялись отстаи-

¹ Карельский вопрос. Хельсинки, 1996. С. 28.

² Международная жизнь. 1993. № 3. С. 33.

³ Бекман Й. К проблеме существующих искажений в отражении истории «зимней войны» в финской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 326.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008. С. 17.

вать финские пропагандистские схемы периода Второй мировой войны. Как заметил по этому поводу историк Т. Вихавайнен, «ничего более антисоветского, чем тексты собственных изданий Советского Союза, даже официального по своему характеру, придумать было невозможно»¹.

В результате в современной отечественной историографии четко были представлены самые разнообразные уже давно существующие финские мифы об участии Финляндии во Второй мировой войне. Более того, в России они стали даже несколько модернизироваться, а затем весьма активно распространялись и пропагандировались. Хотя, конечно, не все эти утверждения у российских исследователей находили полную поддержку. Появились также отдельные работы, где авторы, указывая на очевидные искажения истории, касающиеся, скажем, событий «зимней войны», квалифицировали это уже как «оболганную победу» советского народа².

Но что не менее важно, сегодня представление о некой «победе» Финляндии в ее противостоянии с СССР стало доминирующим мнением за рубежом. Ярким примером, в частности, было выступление 8 апреля 2022 г. в Хельсинки президента Украины. Он выступал перед финскими парламентариями в присутствии президента и премьер-министра этой страны, а также президента Федеративной Республики Германии и председателя правительства (Федерального совета) Швейцарии. Тогда, к восторгу всех присутствующих, было заявлено, что «Финляндия тоже воевала с Россией». Обращаясь к финским парламентариям, выступающий заметил, что «ваша храбрость [то есть храбрость финских солдат. — В. Б.] спасла вашу страну»³. Причем, что особенно показательно, эти слова в финском обществе не просто заметили — их стали однозначно толковать в том смысле, что Финляндия не только воевала с Россией, но и победила ее⁴. Другим

¹ *Vihavainen T.* Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. Hels., 1991. S. 286.

² *Иринчеев Б.* Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М., 2009.

³ См.: URL: <https://ya.ru/video/preview/2683689271783683575> (дата обращения: 01.11.2023).

⁴ *Lindblom H.* Sanna Marin: Suomi voitti Venäjän sodassa // Uusi Suomi. Bligit. URL: <https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/henrik-lindblom/sanna-marin-suomi-voitti-venajan-sodassa/> (дата обращения: 01.11.2023).

примером может быть утверждение премьер-министра Финляндии в 2019–2023 гг. Санны Марин, которая в феврале 2023 г. вообще позволила себе утверждать, что все войны против СССР ее страна в действительности выиграла. Дословно она бесхитростно указала, что «Финляндия имеет свою историю с Россией. Мы воевали с Россией. Мы победили»¹.

Тем не менее не всеми в Финляндии эти модернизации истории с радостью воспринимались. На слова финского премьера «о победах над Россией» некоторые финские комментаторы, даже в консервативных средствах массовой информации, смогли лишь горестно заметить, что «возможно, что Марин просто спалá на уроке истории или [наоборот. — В. Б.] у нее есть только *свое* особое представление о том, что подразумевается под словом *победа*»². Действительно, достаточно было просто напомнить о тех территориях, которые Финляндия потеряла в результате финских «побед», а также о том, что финны вынуждены были платить СССР репарации и, более того, «в одиночку заботиться о восстановлении своей разрушенной страны»³, чтобы понять, насколько слабо знает свою историю премьер-министр Финляндии.

Таким образом, теперь даже на высшем государственном уровне в Финляндии итоги Второй мировой войны пытаются пересматривать, причем уже в совершенно нелепом и абсолютно не соответствующем истории направлении. В результате сейчас в России фактически расплачиваются за идеологические ошибки прошлого. Предпринятая в советский период попытка игнорировать возможность серьезного изучения истории участия Финляндии во Второй мировой войне оказалась очевидной стратегической ошибкой, которая была обусловлена исключительно идеологической мотивацией существовавших в советском руководстве представлений.

¹ Sanna Marin: Voitimme Venäjän sodassa. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PKQZFyBOj7w> (дата обращения: 01.11.2023); Lindblom H. Sanna Marin: Suomi voitti Venäjän sodassa // Uusi Suomi. Bligit. URL: <https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/henrik-lindblom/sanna-marin-suomi-voitti-venajan-sodassa/> (дата обращения: 01.11.2023).

² Lindblom H. Sanna Marin: Suomi voitti Venäjän sodassa // Uusi Suomi. Bligit. URL: <https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/henrik-lindblom/sanna-marin-suomi-voitti-venajan-sodassa/> (дата обращения: 01.11.2023).

³ Ibidem.

Финские эсэсовские войска

Одним из ярких примеров участия Финляндии на стороне нацистской Германии в войне против Советского Союза в 1941–1944 гг. является существование в рядах немецкой армии финских эсэсовских формирований. И воевали они на очень далекой от своей родины территории Украины и Юга России. Их появление в Финляндии вовсе не было обусловлено, как это позволяют себе утверждать некоторые отечественные публицисты, лишь одним понятным желанием финского руководства вернуть те территории, которые страна потеряла вследствие поражения в «зимней войне»¹. Здесь наиболее очевидным стал тот же мотив, что и у нацистской Германии. Стремление к уничтожению соседнего государства, объединенное в общую с немцами борьбу за их новое «жизненное пространство»². Здесь также просматривалась и главная цель финского участия в войне — образование «великой Финляндии»³. Одним из весьма показательных явлений, которые существовали в руководстве страны, наряду с устойчивым желанием захватить в 1941 г. значительные советские территории, было и начало создания в рамках войск СС финских эсэсовских формирований. В этом отношении важно учитывать, что Финляндия оказалась вообще единственным государством в мире, где, сохраняя свое относительно независимое от Германии положение, правительство само пошло на предоставление рейху широких возможностей по созданию на своей территории этих крайне идеологизированных соединений. От Хельсинки немецкое руководство получило общее разрешение вербовать финских граждан, разделявших нацистскую идеологию и готовых сражаться в рядах эсэсовских войск под знаменами Третьего рейха. Причем для этих финских добровольцев, как отмечают отдельные исследователи, одним из очень сильных мотивирующих факторов стало проявление ярко выраженной «враждебности по отношению к Советскому Союзу»⁴. В рейхе же, со своей стороны, тогда явно стремились их «превратить в про-

¹ Балашов Е. А. «Освобождение» Финляндии 1939–1940. СПб., 2023. С. 325.

² См.: Auer V., Jutikkala E. Finnlands Lebensraum. Hels., 1941.

³ См.: Барышиников В. Н. Финская война. СПб., 2023. С. 9–11, 413–417.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. Hels., 2019. S. 24.

германскую элиту, которая разделяла бы взгляды национал-социалистической партии Германии и СС»¹.

Сейчас, безусловно, важно понять и ответить на вопросы, как Германия вообще смогла организовать нацистское движение в Финляндии? Почему оно, собственно, там зародилось? И каким образом Финляндия оказалась единственным государством в мире, которое добровольно позволило нацистам на своей территории развернуть соответствующую работу, причем еще даже до начала Великой Отечественной войны?

В Финляндии о своих эсэсовцах, конечно, писали. Там издано до 50 работ, подготовленных либо исследователями, либо самими участниками финских формирований СС. Также среди этих работ есть и большое количество просто научно-популярных или публицистических произведений². Более того, первая книга в Финляндии о финских эсэсовцах была написана в 1945 г., сразу же после окончания Второй мировой войны. Она была выполнена в весьма критическом для них плане и принадлежала перу бывшего эсэсовца С. Лаппи-Сеппяля. Он ее назвал «Могилы у Днепра — из дневника эсэсовца»³. Действительно, в этой работе, оформленной в виде впечатлений автора, который в 1941—1942 гг. сам проходил службу в дивизии СС «Викинг», представлен достаточно негативный образ военнослужащих этого подразделения. Лаппи-Сеппяля тогда нашел смелость сообщить о том, что реально творили эсэсовцы на захваченной ими территории Украины. Эта книга, безусловно, стала тогда большим откровением, поскольку вышла даже до принятия решений Международного военного трибунала в Нюрнберге, осуждавших деятельность эсэсовских войск⁴.

В целом быстрый старт в стремлении понять феномен эсэсовского движения в Финляндии говорил о том, что эта проблема требовала серьезного изучения. Особенно это касалось, конечно, исследований тех преступлений, которые финские эсэсовцы совершали на территории Советского Союза.

¹ Ibid. S. 23.

² Ibid. S. 18.

³ *Lappi-Seppälä S. Haudat Dnjeprin varrella — SS-miehen päiväkirjan lehtiä.* Hels., 1945.

⁴ См.: *Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС.* М., 2009. С. 5—10.

Однако в отечественной историографии проблемы, связанные с формированием из граждан Финляндии частей СС и использованием их на советской территории, долгое время вообще специально не рассматривались. Первым, кто в Советском Союзе еще в годы войны обратил внимание на финское эсэсовское движение, был глава Карело-Финской ССР О. В. Куусинен. Он отметил, что «в Финляндии начали вербовку и посылку “надежных” головорезов в Германию, чтобы там сформировать из них так называемые “финские эсэсовские батальоны” для участия в рядах германской армии в наступлении против СССР»¹. Однако дальше этой констатации в российской историографии дело так и не пошло. Изучение данного щепетильного вопроса долгое время находилось лишь на стадии фиксации указанного исторического факта².

Тем не менее, как совершенно верно отметил финский военный историк К. Ю. Микола, служба финнов в войсках СС «с политической и военно-исторической точек зрения представляет собой весьма интересное и многогранное явление»³.

Лишь в последнее время в России начали появляться научные труды, в которых в определенной степени затрагивались проблемы участия финских солдат в эсэсовских формированиях⁴. Но и в этих нередко научно-популярных произведениях содержалось немало неточных сведений, которые несколько искажали историю финских подразделений СС. Более того, в них явно чувствовалось серьезное влияние зарубежных исследований⁵. К тому же и перевод ряда ино-

¹ Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М., 1966. С. 237.

² Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. С. 35; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 148.

³ Mikola K. J. Poliitiikkaa pataljoonan voimin // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4–1. S. 336.

⁴ См.: Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте // Крестовый поход на Россию. М., 2005; он же. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. М., 2007; Акунов В. Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг. М., 2006; Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. М., 2006; Йокини М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск, 1999.

⁵ См., например, книгу В. Акунова «Дивизия СС “Викинг”. История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг.», где очень большие заимствования материала из работы Р. Батлера «SS-WIKING. История пятой дивизии СС “Викинг”, 1941–1945».

странных работ по этой теме носил весьма фрагментарный характер и содержал ряд фактических неточностей, часто не соответствовавших оригинальному тексту¹.

Что же касается работ, которые стали издаваться в Финляндии, то здесь уже с 1950-х гг. продолжали активно публиковаться либо художественные произведения, создающие определенные уже достаточно позитивные образы финских эсэсовцев², либо весьма «приглаженные» воспоминания. После принятия решений Международного Нюрнбергского трибунала бывшие финские эсэсовцы явно стремились «откреститься» от своего кровавого участия в карательной деятельности немецких войск. Распространенным утверждением стало то, что финские эсэсовцы якобы отрицательно относились «к террористическим актам немецких солдат по отношению к детям, женщинам и больным»³. В результате в Финляндии четко утверждалось представление, что «о некоторых вещах писать нельзя» и здесь запретной темой уже могли стать даже «намекы на зверства и на реалии войны», создавалось мнение, что ничего похожего здесь «никогда не было и что финны не участвовали в зверствах»⁴. В целом сложилось такое общенациональное мнение, при котором «финская общественность в целом отвергла даже саму идею о том, что финские добровольцы могли участвовать в зверствах».

В этом плане весьма показательными стали тогда воспоминания финского эсэсовца У. Парвилаhti (Боман)⁵. Он после окончания Второй мировой войны за совершенные им преступления на территории Советского Союза некоторое время находился в заключении в СССР. Но, получив в 1954 г. свободу, вернулся в Финляндию и довольно быстро написал мемуары, в которых, по мнению уже современных фин-

¹ См.: *Jokipii M.* Финляндия на пути к войне. С. 112–121 (*Jokipii M. Jatkosodan synty.* Hels., 1987. S. 187–207). В оригинальном издании, в частности, правильно указывается время официального начала финско-германских переговоров по поводу создания на территории Финляндии подразделений СС (S. 190), тогда как в переводе эта дата представлена неверно (С. 113). В переводе присутствуют и иные существенные отклонения от оригинального текста и по другим весьма важным фактам.

² См., например: *Lauttamus N.* Hiljaiset sotilaat. Jyväskylä, 1957.

³ См.: *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmät. Porvoo; Hels., 1965. S. 211.

⁴ Finnish volunteers in the Waffen-SS. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Finnish_volunteers_in_the_Waffen-SS (дата обращения: 22.11.2024).

⁵ *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. Hels., 1958.

ских историков, «было бесполезно искать какую-либо критику в адрес финских добровольцев СС»¹. Это также можно было сказать о воспоминаниях бывшего эсэсовца Ю. Тюрккё². Он проходил службу в дивизии СС «Викинг» в качестве штатного военного журналиста, а точнее пропагандиста. Естественно, трудно было и от него получить какую-либо правдивую информацию. Наоборот, речь шла о подготовке «довольно отполированного описания операций»³, которые проводились финскими эсэсовцами.

В целом, очевидно, что в складывавшейся тогда историографической картине существования финского эсэсовского явления явно не хватало оценок профессиональных историков, что, собственно, стало проявляться только в 1960-е гг. В результате, уже с этого времени в Финляндии начали разрабатываться первые научные исследования по проблеме финского эсэсовского движения. Однако в этих работах также явно просматривалась попытка представить финнов в СС как простых солдат, которые осуществляли свою сугубо военную миссию. Участие же финского государства в формировании эсэсовских частей рассматривалось в виде лишь вынужденной меры, к которой пришлось прибегнуть исключительно накануне Великой Отечественной войны. Более того, по мнению ряда финских историков, появление в Финляндии частей СС на самом деле не отражало истинное отношение населения страны к нацизму и нацистскому режиму, а эти части вообще стали исключительно «заложниками» политики своего правительства⁴.

¹ Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies // Finnish-German Yearbook of Political Economy. 2019. № 2. P. 31.

² Tyrkkö J. Suomalaisia suursodassa. SS-vapaaehtoisten vaiheita jääkäreiden jäljillä 1941–1943. Hels., 1960.

³ Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 31.

⁴ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. Hels., 1969; Porvoo, 1996; он же. Jatkosodan synty; он же. Hitlerin Saksa ja sen vapaaehtoisliikkeet: Waffen-SS:n suomalaispataljoona vertailtavana. Porvoo, 2002; он же. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa // Jatkosodan pikkujättiläinen. Hels., 2006; Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolševismia vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasaikakauslehti. 1981; Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsoaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2008. № 27 и др.

Однако подобные утверждения выглядят все же не убедительными. Финские подразделения СС мало чем отличались от немецких и создавались достаточно системно. Причем не только в 1941 г. Сама их организация строилась по четко согласованным с немецким руководством принципам. Более того, эти формирования в самой Германии квалифицировали не иначе как «армией фюрера»¹. В этом отношении, конечно, трудно согласиться с мнением профессора Л. Вестурлунда, который финские эсэсовские формирования характеризовал «как национальное подразделение, которое представляло свою страну в германской армии»². Очевидно, что это «подразделение» было построено на ярко выраженных идеологических принципах и выполняло не только боевые, но и сугубо карательные функции. Для них важной задачей являлось прежде всего подавление сопротивления нацистскому режиму, причем с использованием элементов чудовищной жестокости. Известный российский историк-германист профессор О. Ю. Пленков, в частности, по данному поводу особо подчеркнул, что «злодейский характер СС не вызывает никаких сомнений»³.

Своеобразная оценка деятельности финских эсэсовцев на Украине и Юге России не могла не вызвать некоторое весьма обоснованное недоумение, поскольку, чем в принципе особо прославились войска СС, было хорошо известно⁴. На Нюрнбергском процессе немецкий адвокат, доктор Курт фон Штакельберг даже упомянул, что в городах, через которые на Украине в начале войны проходили части, где служили финские эсэсовцы, «было убито более шести тысяч мирных жителей и евреев»⁵.

Тем не менее в научно-исследовательской литературе сведений, раскрывающих именно террористический характер службы финских граждан в эсэсовских формированиях, существует в весьма ограниченном количестве. Даже в самом подробном исследовании (до тысячи страниц текста), касающемся финских формирований СС, подготовленном еще в середине XX в. финским профессором

¹ См.: *Jokipii M. Jatkosodan syntty*. S. 188.

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943*. S. 22.

³ Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004. С. 109.

⁴ См.: Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 5–10.

⁵ Цит. по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943*. S. 277.

М. Йокипии¹, ясных представлений о карательных действиях финнов в составе войск СС тоже нет². На страницах его книги они даже весьма искусно замалчивались³. В данном случае, здесь можно согласиться с мнением современных финских историков, которые, обращая внимание на творчество М. Йокипии, указывают, что «одним из слабых мест исследования является его фрагментированная структура, состоящая из больших дневниковых цитат, а также из существующих в тексте неточностей и противоречивых, второстепенных деталей...»⁴.

Тем не менее именно работа Йокипии сегодня является чуть ли не «базовым» исследованием для тех, кто стремится продолжать подобного характера научные или публицистические разработки⁵. В результате, как указывают некоторые финские историки, эта книга уже стала «краеугольным камнем, на котором затем были построены последующие исследования, превратившись в хранилище интерпретаций, которые не подвергались сомнениям на протяжении десятилетий»⁶. К тому же сейчас в современной отечественной литературе существует попытка представить части СС, где служили финны, в образе некой элиты «военного рыцарства», исполненной «благородства и доблести», «присущих» им, когда они воевали на советской территории⁷. Утверждается даже, что им просто было «некогда» заниматься массовым террором и геноцидом неарийского населения, поскольку они постоянно вели лишь боевые действия.

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia.

² Объясняется это, вероятно, тем, что М. Йокипии готовил свой труд исключительно на заказ, получив финансовую поддержку для подготовки работы именно от финской ветеранской эсэсовской организации (см.: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuuDET 1941–1943. S. 168–169). Заказчики, естественно, не хотели раскрывать теневые стороны своей службы.

³ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia.

⁴ Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 32. См. также: Westerlund L. Cirkus Collani – De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. Hels., 2017. S. 372.

⁵ См.: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2015.

⁶ Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 32.

⁷ Акунов В. Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг.; Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС; Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». М., 2009.

В целом в исторической литературе традиционно продолжают господствовать общие рассуждения о том, что ни о каких карательных действиях финских эсэсовцев говорить не приходится и что их к террору над гражданским населением вообще даже не привлекали. Более того, существуют утверждения, что восприятие финскими эсэсовцами гражданского населения на Украине и на Юге России было в целом достаточно позитивным. Так, например, в публицистической работе бывшего военнослужащего СС немца Вильгельма Тике, который воевал вместе с финнами, именно эта мысль очень четко проводится. В книге, которая позже была издана довольно большим тиражом на немецком, русском, и финском языках¹, прямо отмечалось, что за время пребывания на советской территории эсэсовцы даже «смогли наладить хорошие и сердечные отношения с местными жителями». Поясняя это утверждение, автор достаточно образно отметил, что нередко финские эсэсовцы «чудесными солнечными вечерами... часто сидели с молодыми женщинами и девушками на лавочках перед домами, болтали и пели песни»². Усиливая эту идиллическую картину, автор также отметил, что когда 9 августа 1942 г. был получен приказ перейти в наступление и пришла, наконец, «пора прощания с местным населением», то наступили самые трогательные для эсэсовцев моменты этой «мирной жизни», поскольку появились «тайные слезы в грустных глазах девушек, когда вечером снова в последний раз звучали русские и финские песни, песни о родине, песни о любви...» и т. д.³

Поскольку Тике писал именно о финнах, то здесь трудно сказать на основе каких сведений ему удалось получить столь яркие и весьма непривычные для суровых будней Великой Отечественной войны образы. Финские эсэсовцы, судя по их дневниковым записям, вообще считали те песни, которые они слышали на Украине и Юге России, достаточно «странными»⁴. Также сложно представить, на каком языке эти люди «болтали» между собой. В целом, очевидно: для того,

¹ *Tieke W.* Das Finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. Osnabrück, 1979; *Tieke W.* Suomalainen SS-pataljoona. Das Finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. Hels., 2002; *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 119.

³ Там же. С. 120.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 281.

чтобы создать более или менее реальную картину взаимоотношений финских эсэсовцев с местным украинским, русским, а также кавказским населением, требуется основываться не только на «впечатлениях», которые после войны озвучил Тике. Сейчас известно о существовании порядка 20 воспоминаний финских эсэсовцев, а также о 76 их подлинных дневниках¹. Кроме того, сохранились личные письма, которые финны тогда отправляли с Юга Советского Союза на родину. Именно сведения, которые содержатся в них, как представляется, действительно могут стать наиболее серьезным документальным источником, раскрывающим специфику повседневной жизни на фронте в условиях некоторых периодов чисто позиционной войны.

Тем не менее определенные попытки критически подойти к деятельности финских эсэсовцев на Украине и на Юге России сейчас уже предпринимаются². Но все же остаются весьма серьезные вопросы, связанные с необходимостью раскрытия специфики службы финнов в эсэсовских войсках, участия их в карательных операциях на оккупированной территории СССР. Причем эта проблема достаточно четко обозначена в научной литературе. В частности, это отмечалось в современных зарубежных научных изданиях³. Безусловно, террористический характер деятельности финских эсэсовцев по-прежнему требует соответствующего научного комментирования, и одной лишь констатации того, что «финским добровольцам приходилось участвовать в убийствах и насилии»⁴, недостаточно. Явное желание замолчать совершенные преступления, а также необходимость определения

¹ См.: *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 276.

² *Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014; *Swanström A.* Hakaristin ritarit. Suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset. Hels., 2018.

³ *Plat T.* Vladimir Baryšnikov: Finny na službe v vojskach SS v gody vtoroj mirovoj vojny [Finnen im Dienst der Waffen-SS während des Zweiten Weltkrieges] // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ZfG)*. 2013. № 61 (6–7). S. 681–683; *Karjalainen M.* Keskustelua suomalaisista SS-miehistä Uusia tulkintoja suomalaisten SS-vapaaehtoisten sotatiestä // *Historiallinen Aikakauskirja*. 2019. № 1; *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies; *Holmila A.* Kiistanalain SS-palapelä // *Historiallinen Aikakauskirja*, 2019. № 1.

⁴ Цит. по: *Karjalainen M.* Keskustelua suomalaisista SS-miehistä Uusia tulkintoja suomalaisten SS-vapaaehtoisten sotatiestä. S. 80.

персональной ответственности за те или иные зверства, которые в действительности начали творить финские эсэсовцы на украинской территории и на Юге России, требуют соответствующего расследования. Тот факт, что раскрытие этой деятельности является крайне затруднительным, поскольку, как отметил финский военный историк М. Карьялайнен, пока существуют реальные «сложности интерпретации»¹, не должен стать препятствием к дальнейшему исследованию свершившихся в годы войны преступлений.

Замалчивать реально происходившие события все же становится достаточно сложно. В 2018 г. в Финляндии все-таки вышла первая работа, в которой была предпринята попытка серьезно исследовать данный вопрос. Причем показательно, что это исследование начало проводиться только после публичного официального запроса к руководству Финляндии от представителей Израиля с самым настоятельным призывом разобраться в данной проблеме. В итоге известному финскому историку-архивисту, профессору Ларсу Вестерлунду было дано «государственное» задание: «провести независимое архивное исследование участия финских добровольцев СС в зверствах в отношении евреев, военнопленных и гражданских лиц»². Причем этому исследователю тема, связанная с финскими эсэсовцами, была неплохо знакома. Он в 2017 г. на шведском языке уже опубликовал отдельную весьма критическую книгу о финском эсэсовском батальоне³.

Работа Л. Вестерлунда, а также другие исследования, появившиеся в последнее время⁴, уже открывают определенную возможность для того, чтобы более обстоятельно рассмотреть скрытые стороны «боевой» работы финских эсэсовцев на Украине и Юге России. В этом отношении, несомненно, большой интерес вызывает изданная

¹ Ibid. S. 79.

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 11.

³ *Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser*. Hels., 2017.

⁴ *Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin; Swanström A. Hakaristin ritarit. Suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset; Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies*. P. 30–36; *Holmila A. Kiistanalainen SS-palapeli; Holmila A. Varieties of Silence: Collective Memory of the Holocaust in Finland // Finland in World War II: History, Memory, Interpretations*. Leiden; Boston 2012; *Karjalainen M. Keskustelua suomalaisista SS-miehistä Uusia tulkintoja suomalaisten SS-vapaaehtoisten sotatiestä*.

в 2018 г. книга А. Сванстрёма «Рыцари свастики — финские эсэсовцы, политика, религия и военные преступления»¹. В ней автор наиболее критически рассмотрел, прежде всего, творчество М. Йокипии. Он уже четко зафиксировал то, что его предшественник «намеренно опустил или, по крайней мере, приукрасил события, связанные с казнью евреев, гражданских лиц и военнопленных», которые совершали финские эсэсовцы.

Но, в первую очередь, остается вопрос: как получилось, что нацистам вообще удалось уже в начале 1941 г. создать из граждан Финляндии особые части СС? Ответ на него пытались получить еще в 1945—1946 гг., когда в Хельсинки проходил судебный процесс над главными виновниками участия Финляндии в войне против СССР. К судебному разбирательству по данной проблеме было даже скомплектовано несколько дел, касающихся образования и деятельности финских подразделений СС. Они составляли материалы, которые собирались для объективного «выяснения внешней политики Финляндии» военного времени². Однако документы, собранные в специальном фонде «О военных преступниках» в Архиве внешней политики Финляндии, сейчас загадочным образом там отсутствуют. Тем не менее в 1945 г. в заключении Следственного комитета по судебному выяснению характера внешней политики Финляндии за период 1939—1944 гг. признавалось, что сформированный весной 1941 г. из финских добровольцев батальон СС являлся составной частью германских войск СС, а сами «отношения между Финляндией и Германией в течение весны 1941 г. развивались как самые сердечные»³.

Действительно, начавшаяся в это время запись финнов в войска СС явно имела достаточно глубокие корни. Обуславливать это явление, как это делают отдельные исследователи, только одним коротким отрезком времени, который предшествовал началу Великой Отечественной войны⁴, видимо, не следует. Его необходимо рассматривать значительно шире. Чтобы понять его природу, требуется изучить

¹ *Swanström A.* Hakaristin ritarit. Suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset.

² Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 110. G 12. Lähete № 12, 13, 30.

³ Ibidem; Suomen ulkopoliitiikan selvittely komitean mietintö 12.07.1945.

⁴ См.: *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941—1943; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia.

весь период военной и общественно-политической истории Финляндии 1920—1930-х гг., обратив при этом внимание на ту роль, которую играла тогда для Финляндии Германия. Только при анализе роли военно-политического, культурного и идеологического аспектов в немецко-финляндском сотрудничестве в 1920—1930-е гг. можно понять, почему стало возможно столь серьезное воздействие нацистской идеологии на финское общество. Также это позволяет еще более ясно разобраться, почему вообще руководство Финляндии поддержало создание на своей территории эсэсовских формирований, поскольку развитие финского эсэсовского движения в стране не обуславливалось тем, что Финляндия являлась фашистским государством с ярко выраженной тоталитарной диктатурой. Это ее несколько отличало в войне против СССР от других союзников Третьего рейха.

Также следует особо обратить внимание на вероятные отличия, которые, возможно, существовали в действиях немецких и финских эсэсовцев в условиях проведения ими карательных операций против мирного населения на захваченных территориях Украины и Юга России. При этом, безусловно, особенностью финских эсэсовских формирований оказалось еще и то, что они так и не смогли помешать руководству своей страны принять решение о разрыве осенью 1944 г. отношений с Германией и начать даже боевые действия против немецких войск, находившихся на севере страны. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что служба финнов в эсэсовских войсках требует достаточно серьезного изучения, которое позволит понять природу этого явления, а также объяснить, почему после окончания Второй мировой войны Финляндия смогла выработать свой особый путь внешнеполитического развития, не закончившийся, в частности, судебным осуждением большинства бывших финских эсэсовцев. Более того, после войны финских добровольцев СС, за редким исключением, ни в чем в Финляндии не обвиняли, чем они, безусловно, были очень горды, подчеркивая, что «ни один военнослужащий дивизии “Викинг” не был осужден за военные преступления»¹. В результате они смогли вполне спокойно и благополучно прожить остаток своей жизни.

В настоящее время среди финских историков разгорается дискуссия. Отдельные исследователи продолжают настаивать, что «лишь

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 211.*

некоторые финские эсэсовцы не соблюдали международное право», и поэтому ученые «не могут окончательно доказать, что финские СС участвовали в военных преступлениях»¹. Другие же, наоборот, все больше и больше обращают внимание на «бессмысленные убийства мирных жителей и преступления, связанные с холокостом», которые, бесспорно, совершали финские эсэсовцы². В целом отсутствие критического подхода к деятельности в годы войны финских эсэсовских формирований и даже удивительно «нейтральное» отношение к этому сегодня в Финляндии можно объяснить лишь тем, что изменения, которые произошли во внешней политике страны на современном этапе, и отход от политики нейтралитета стали, очевидно, проявлением традиции сохранения явной ностальгии по утраченной в годы войны идеи «великой Финляндии».

¹ *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 35.

² См.: *Swanström A.* Hakaristin ritarit. Suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset; *Swanström A.* Valkoisen uskon soturi. Jääkäri, pappi ja SS-mies Kalervo Kurkiala. Hels., 2022.

Часть I

ГЕРМАНИЯ И ФИНЛЯНДИЯ В 1920–1940 гг.

ГЛАВА I

ФИНСКО-НЕМЕЦКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

На заре становления финской государственности и после победы «белых» в гражданской войне, в Финляндии возник и начал активно формироваться некий собирательный образ: молодое независимое государство, превращенное в пограничный форпост на главной линии обороны Запада от Советской России. Линии «защиты Западной цивилизации» и всех ее ценностей¹. Причем, наряду с объединением своей страны с Западом в этот единый цивилизационный мир, в 1920–1930-е гг. в финском обществе особое место традиционно стало отводиться тесным связям и контактам с Германией². Как отмечает финский историк В. Варес, «в мечтах финских друзей Германии Финляндия даже виделась в качестве Северной Пруссии». Финский исследователь подчеркивал, что все «происходило не из-за интересов самой Германии, а потому, что данный путь казался непобедимым и единственно возможным способом обеспечить независимость Финляндии и гарантировать стране значительные позиции в регионе Балтийского моря»³. В целом в Финляндии тогда явно считали именно Германию, «по многим вопросам, общеевропейским лидером»⁴.

¹ См.: Барышников В. Н. Финская война. С. 7–10, 417.

² См., например: *Paasivirta J.* Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. Hels., 1988. P. 335, 338; *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottua politiikkaa. Hels.; Keuruu, 1980. S. 23; *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Hels., 2018. S. 489.

³ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 490.

⁴ Ibid. S. 492.

После провозглашения независимости

Подобное отношение к германскому рейху вполне объяснимо. Уже с момента провозглашения независимости в декабре 1917 г. финско-немецкие связи носили весьма тесный характер. Во многом это было вызвано тем, что именно Берлин оказал определяющее воздействие на становление независимости Финляндии, вмешавшись весной 1918 г. в начавшуюся там гражданскую войну. В результате победа «белых» стала реальным последствием эффективной немецкой военной помощи. Причем кайзеровская Германия открыто встала на сторону «белых» только лишь после официального обращения в Берлин в марте 1918 г. командующего Белой армией генерала К. Г. Маннергейма с просьбой о поддержке, «без которой, — как он подчеркивал, — мы теперь не могли бы твердо и победоносно выстоять»¹. Объективно, быстрая победа «белых» стала возможной только после высадки 3 апреля 1918 г. на юге Финляндии закаленных в боях Первой мировой войны фронтовых частей немецкой Балтийской дивизии².

Что же касается Маннергейма, то после пышного «парада победы», который прошел в столице Финляндии 16 мая, он достаточно быстро подал в отставку. Тогда для «белой» Финляндии Германия реально превратилась в главную силу в государственной политике. Кайзеровский рейх просто занял то место в управлении страной, которое до этого было у царской России³. Символично, что генерал Р. фон дер Гольц, командовавший немецкими войсками в Финляндии, даже разместил свой штаб в Гельсингфорсе в здании, где ранее проживал русский генерал-губернатор⁴. О фон дер Гольце тогда вообще начали говорить, что именно он является фактическим главой Финляндии, «а все остальные — лишь куклы в его руках»⁵.

Тем не менее, как считает финский историк В. Варес, тогда «Германия воспринималась не как оккупант, а как опора». Исследователь

¹ Цит. по: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 232. См. также: *Hувönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918.* Hels., 1977. S. 119–120.

² Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015. С. 63–82.

³ Юссилла О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб., 2013. С. 194.

⁴ Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. С. 85.

⁵ Юссилла О. Великие мифы финляндской истории. С. 194.

далее пояснил, что для победивших «белых» вообще «немецкий солдат стал символизировать безопасность»¹. Более того, он также указал, что для немцев «потребность в переводчиках была небольшой, поскольку все финны, принадлежащие к цивилизованному обществу, знали немецкий язык»². В итоге именно Германию в руководстве страны начали рассматривать как главного лидера Западного мира и партнера Финляндии. Сотрудничество с ней выходило на первый план по всем направлениям.

Что же касается самой Германии, то там увидели, что «успешная интервенция Балтийской дивизии прочными нитями связала официальную и гражданскую Финляндию с Германией»³. Там также начали четко замечать, что «расовое большинство населения» заняло дружественную к немцам позицию⁴. В результате уже осенью 1918 г. в Хельсинки образовалось финско-германское общество, призванное укреплять дружественные связи между двумя странами. Это общество во многом превратилось в проправительственную организацию, а дружба с Германией стала частью государственной политики. Кульминацией этого процесса явилась идея возведения на финский престол представителя немецкой императорской династии Гогенцоллернов⁵.

Однако Ноябрьская революция 1918 г. в Берлине, а также поражение Германии в Первой мировой войне не позволили немцам в союзе с финскими монархистами осуществить столь масштабный проект. Монархия в Финляндии так и не сложилась. Но «дружба» на этом, естественно, не закончилась. Германию теперь стали воспринимать, как «жертву мести других великих держав, как государство-мученика, с которым жестоко обошлись». Ее поэтически стали даже сравнивать с «раненым оленем»⁶. Но при этом, как подчеркивают отдельные исследователи, в глазах финской общественности, «Германия по-прежнему оставалась самой передовой страной Европы и мира в бесчисленных областях науки, техники и многих других видах деятельности»⁷.

¹ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939.* S. 51, 54.

² *Ibid.* S. 489.

³ *Huldén A. Finnlands deutsches Königsabenteuer 1918.* Reinbek, 1997. S. 42.

⁴ *Ibid.* S. 45.

⁵ *Ibid.* S. 213–253.

⁶ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939.* S. 490.

⁷ *Ibidem.*

Достаточно большое количество влиятельных финских государственных, политических и военных деятелей продолжали оставаться горячими сторонниками расширения и укрепления дружественных отношений с Германией. Считалось, что сами эти отношения базировались, прежде всего, на некоторой общности духа двух народов. Более того, постоянно подчеркивалось наличие у финнов и немцев некой внутренней близости. Как отмечали некоторые финские исследователи, в общественной жизни финнов тогда наблюдались четкие проявления присущих немцам «экспансивности и культурно-эмоциональных задатков»¹. В целом, несмотря на провал идеи с монархией, финско-германские духовные связи сохранялись и даже активно продолжали развиваться, причем переплетаясь с уже сложившимися контактами по военной линии. Все это, естественно, не могло не оказывать влияния на политику.

Но главной в финско-германском сотрудничестве оставалась все же военная составляющая. Как и прежде, она имела колоссальное значение. Позже это можно будет увидеть в перспективах финского эсэсовского движения. Хорошей питательной основой этому стало то, что значительная часть высшего офицерского состава финской армии прошла подготовку в рядах кайзеровских войск. Еще во время Первой мировой войны часть антироссийски настроенной финляндской молодежи эмигрировала в Германию, где около 2 тысяч человек поступили на службу в 27-й Королевский прусский егерский батальон. Этот батальон успел даже повоевать на Восточном фронте в Прибалтике². С обретением Финляндией государственной независимости, военнотружущие батальона вскоре вернулись на родину и активно включились в Белое движение. Таким образом, основной командный состав молодой финской армии формировался из числа тех, кто в прошлом был тесно интегрирован с Германией, пройдя прусскую школу военного обучения, воюя в составе немецких войск против России. В целом в вооруженных силах Финляндии 90 % высших командных должностей занимали именно такие офицеры и генералы³, а в Совете обороны Финляндии из пяти его членов три ранее воевали в рядах германской армии в составе финского ба-

¹ *Halmesvirta A.* Turanilaista ja herrasnekereita. Hels., 1993. S. 175.

² См.: *Suomen Vapaussota. Vuonna 1918. Osa. I.* Hels., 1921. S. 207–217.

³ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 31.

тальяна. Все это не могли не замечать в Германии. Как отмечалось в немецкой дипломатической переписке 1920-х гг., «пока существуют хорошие и дружественные отношения между финским офицерским корпусом и германской армией, правительству [Финляндии. — В. Б.] придется учитывать это в момент обсуждения принимаемых решений»¹.

Данное обстоятельство было хорошо заметно. Неслучайно, оценивая складывавшуюся тогда в соседней стране ситуацию, советское руководство приходило к выводу о существовании в Финляндии устойчивых «горячих чувств» к Берлину². Согласно советским разведывательным данным начала 1920-х гг., в частности, четко фиксировались хорошие немецкие связи с представителями финских офицеров и генералов «германской выучки»³.

Любопытно, однако, что в Москве такая информация не вызывала особо отрицательной реакции. По оценке финляндского представительства в СССР, советское руководство выражало даже удовлетворение состоянием германо-финских отношений⁴. И это было вполне объяснимо. После установления в Германии на основе Веймарской конституции республиканского строя и подписания с Антантой унизительного Версальского мирного договора, Берлин в 1922 г. встал на путь сотрудничества с Советской Россией. В результате в Москве не видели для себя каких-либо серьезных проблем с германской стороны. Более того, даже существовавшее германо-финское военное сближение не вызывало больших тревог. Эти отношения не могли серьезно повлиять на усиление боевого потенциала вооруженных сил Финляндии: после поражения в Первой мировой войне немецкая армия и военная промышленность Веймарской республики находились в крайне ослабленном состоянии.

Тем не менее финское руководство хотело видеть в Германии реальный военный противовес Советскому Союзу. Но на данном этапе,

¹ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. V. London, 1953. P. 592.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГАВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 22. Л. 12. Военно-политический обзор о Финляндии, составленный оперативным управлением РКМФ, 1924.

³ Там же. Д. 19. Л. 66; Д. 25. Л. 54, 147. Разведсводки штаба ЛВО к 15.5.1924; Доношения морского агента в Финляндии А. Петрова. 3.6.1924, 24.7.1923.

⁴ Korhonen K. Naapurit vastoin tahtaan. Hels., 1966. S. 84.

отмечал известный исследователь К. Корхонен, «политика Германии в отношении Советского Союза доставляла каждый раз финнам горькое разочарование»¹. Финская элита прекрасно понимала, что «на Германии не может быть построена никакая политика безопасности»². Это обстоятельство, однако, не мешало тому, что в определенных кругах финского общества сохранялись прогерманские настроения. Как указывала финская исследовательница Б. Хиеданниemi, хорошее «знание немецкой культуры, языковые способности и личные контакты, несомненно, развивали политическую германоманию, основательно расширяя чувство пронемецкой дружбы» в Финляндии³. При этом, что было очень важно, устойчивые симпатии к Германии сохранялись, прежде всего, среди влиятельных кругов руководства страны. Так, в частности, ставший в 1931 г. президентом Финляндии, П. Э. Свинхувуд явно и неизменно выражал сильную благосклонность Германии. Его, по мнению исследователей, даже можно было назвать гарантом «финляндских симпатий» к немцам⁴.

Не менее значимым явлением того времени стало еще и то, что существовавшая прогерманская направленность взглядов в определенной части финского общества стала превращаться в предмет пропаганды. Как справедливо отмечала финская исследовательница В.-Т. Васара, «на страницах правых газет в течение всех 1920-х гг. активно напоминали о многовековых исторических и культурных связях Финляндии с Германией»⁵. Действительно, в стране активно внедрялись идеи о том, что финский народ, получив в 1918 г. немецкую помощь, обрел вместе с тем и абсолютный западный ориентир, воплощаемый в Германии с ее достижениями, в сравнении с «враждебной культурой красных». Финляндия в пропаганде этого периода устойчиво представлялась вместе с Германией в виде западной стражи, стоящей на «защите культуры Запада от восточных варваров», и, таким образом, здесь должна была исполняться общая всемирная

¹ Ibid. S. 129.

² *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939.* S. 490.

³ *Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhoittua politiikkaa.* S. 18.

⁴ *Ilvessalo J. Suomi ja Saksa maailmansotien välisenä aikana // Itsenäisen Suomen ulkopoliitiikan alkutaival.* Porvoo; Hels., 1962. S. 170.

⁵ *Vasara B.-T. К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.* 2009. № 3. С. 94.

миссия «спасителей европейской культуры от угрозы с Востока»¹. Иными словами, образ Финляндии в качестве форпоста Запада на границах с СССР устойчиво сохранялся, он пропагандировался и активно внедрялся в сознание населения страны.

Естественно, Берлин также всячески стремился стимулировать проявление в Финляндии дружественных чувств. Германия, в частности, «не забывала» о своей военной помощи «белым» и регулярно финнам о ней напоминала. Это выражалось, например, в традиционно проводившихся финско-германских торжествах, когда ежегодно, весной, в Хельсинки направлялись немецкие делегации на празднования, посвященные победе «белых» в гражданской войне. Наиболее пышно в данном случае отмечалась в 1928 г. десятилетняя годовщина окончания гражданской войны. Тогда в столицу Финляндии прибыла весьма представительная немецкая делегация. Причем с финской стороны, обращаясь к германским представителям, особо подчеркивалось: «Многое изменилось в нашей стране, но в одном отношении мы не претерпели изменения. Мы не забыли о проделанной немцами работе и об их помощи»².

Таким образом, для финско-германского сотрудничества существовала хорошая основа, включавшая в себя политические, военные, культурные и отчасти идеологические формы, создавая очевидную перспективу к дальнейшему своему развитию. Что же касается Берлина, то здесь хотя и наблюдалось определенное желание со стороны государства поддерживать контакты с Финляндией, но не большее, чем в отношении других стран. Также в 1920-е гг. трудно было говорить о проявлении со стороны Германии каких-либо ярко выраженных агрессивных стремлений, направленных на то, чтобы оказывать широкое идеологическое воздействие на проводимую Финляндией политику.

Нацистская Германия и Финляндия

Сложившиеся в 1920-е гг. традиции в отношениях двух стран начали приобретать несколько иные оттенки, когда в 1933 г. в Германии к власти пришли нацисты. С этого момента идеологические аспекты сотрудничества стали важной составляющей. В данной связи представляет

¹ *Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 18–19.*

² Цит. по: *Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. Hels., 1959. S. 152.*

интерес анализ, сделанный одним из руководителей Наркомата иностранных дел Б. С. Стомоняковым. Он 27 апреля 1933 г. обратил внимание, что в Финляндии «положение существенно изменилось». Далее Стомоняков подчеркнул, что в новых условиях «гитлеровская политика экспансии на Восток повышает значение Финляндии для Германии», но при этом заметил, что в определенных кругах Хельсинки тоже «видят в гитлеровской Германии опору для фашизации Финляндии...»¹.

Действительно, как указал в своих воспоминаниях маршал К. Г. Маннергейм, начавшееся именно тогда «идеологическое противостояние между Германией и Советским Союзом повернуло нас к традиционным отношениям с немцами», которые основывались на конфронтации с СССР². В результате в Финляндии фактически «рождение гитлеровской Германии породило надежды на новую весну в старых, особых с ней отношениях»³.

Тем не менее в финской исторической литературе существует точка зрения, что контакты между нацистской Германией и Финляндией до начала Второй мировой войны можно разделить на два этапа. Первый — до 1937 г. — характеризуется как время довольно дружественного сотрудничества, а второй — как проявление определенных проблем или даже его «сильное ухудшение»⁴. Если согласиться с данной точкой зрения, то, очевидно, что эта эволюция в финско-германских контактах в большей степени была обусловлена изменением международной обстановки в Европе, нежели самым структурным характером связей двух государств.

Действительно, на первом этапе в 1933–1936 гг. просматривалось четкое стремление рейха к расширению межгосударственного сотрудничества. Причем со стороны Берлина, несомненно, наблюдалось особое желание усилить их идеологическую составляющую путем наращивания влияния национал-социализма на различные слои финского общества.

Данная модернизация финско-германских отношений была хорошо заметна. Да ее особо и не пытались скрывать. Финляндский посланник в Москве А. С. Ирье-Коскинен в беседе с Б. С. Стомоняко-

¹ Документы внешней политики СССР: в 30 т. Т. XVI. М., 1970. С. 269–270.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 43.

³ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 490.

⁴ *Peltovuori R. O.* Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 18.

вым 9 декабря 1933 г., в частности, признал, что «национал-социалисты ведут большую работу в Финляндии и пользуются большим влиянием в финляндских фашистских группировках». Далее он добавил: «Видные финляндские фашисты ездят в Германию для контакта и получения идеологических указаний»¹. Эту же мысль подтверждал в своих мемуарах и финляндский посланник в Берлине А. Вуоримаа².

В целом рейх, разворачивая новое направление в своих отношениях с Финляндией, явно рассчитывал на соответствующие традиции, а также силы, которые данному процессу будут способствовать. Ни для кого не было секретом, что в Финляндии популярность Германии была весьма значительна, поскольку «все немецкое рекламируется и пользуется уважением; немецкий язык все больше и больше употребляется в разговорах среди аристократических и буржуазных кругов»³. Германия также являлась фактически одним из главных экономических партнеров Финляндии. И в Берлине, с приходом Гитлера к власти, продолжали это сотрудничество только расширять⁴.

Но самое главное, в рейхе понимали, что особую роль здесь должны были «сыграть» исторически добрые финско-германские связи по военной линии. Как «мягко» заметил в своих воспоминаниях маршал К. Г. Маннергейм, в Финляндии явно «существовали круги», которые, «как и прежде, обращали взор на Германию»⁵. Причем эти круги были в финской армии весьма влиятельными. В 1939 г., по подсчетам советской разведки, из 18 финских генералов 17 прошли до этого суровую школу немецкой военной подготовки, повоював против России на фронтах Первой мировой войны⁶. В любом случае в финской армии действительно существовал культ немецкой военной школы, а для финских военнотружаших было крайне престижно лично побывать в нацистском рейхе. В результате с 1933 по 1939 г. в эту страну было направлено 136 финских военных делегаций⁷. Это означало, что в среднем там побывало по 20 делегаций ежегодно.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. С. 730.

² См.: *Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa*. Keuruu, 1967. S. 24, 59.

³ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010. С. 67.

⁴ См.: Там же. С. 85–86.

⁵ *Mannerheim G. Muistelmat*. Osa. II. Hels., 1952. S. 59–66.

⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 90.

⁷ *Vares V. Viileää veljeyttä Suomi ja Saksa 1918–1939*. S. 388. См. также: Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 94–97.

В целом военное взаимодействие между рейхом и Финляндией в 1930-е гг. начало явно нарастать, а контакты по военной линии становились все более и более заметными¹. В первую очередь это наглядно проявлялось в активных финских закупках немецкого вооружения. Именно этими вопросами энергично занялся тогда председатель Совета обороны маршал К. Г. Маннергейм. В декабре 1934 г. он в течение двух недель находился в Германии, где состоялись его очень важные встречи с одним из приближенных фюрера Г. Герингом². Конкретно изучался вопрос о приобретении новейших немецких самолетов. Причем при выборе страны, где следовало производить авиационные закупки, по мнению финского историка К. Сёлена, «Маннергейм отстаивал позицию относительно германской техники»³.

Более того, общение Маннергейма с Герингом заложило основы для их хороших личных контактов. А это был немаловажный фактор в активно развивающемся германо-финляндском сотрудничестве. Обобщая в 1934 г. итоги своего визита в Германию, Маннергейм отмечал, что «из заявлений министра Геринга... видно особое расположение к Финляндии»⁴. Маннергейм, учитывая данное обстоятельство, считал, что проявление этой благожелательности следует всячески стимулировать. 22 января 1935 г. в письме к президенту П. Э. Свинхувуду он просил представить к государственной награде ряд офицеров германской армии, которые участвовали в организации его визита. Сам Г. Геринг также был удостоен высшей финской правительственной награды — ордена Белой Розы⁵. Для него, очевидно, это должно было быть особенно приятно, поскольку цепь, на которой держался этот орден, была оформлена в виде скрепленных между собой свастика. Такой жест, как считал Маннергейм, «усилит в дальнейшем интерес и расположение Германии по отношению к Финляндии»⁶.

Таким образом финский маршал лично включился в процесс развития политического и военно-технического сотрудничества Финляндии с рейхом. Это подтверждает также его новый визит в Герма-

¹ См.: Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД. С. 66—67.

² Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 58; The Times. 1935. 15.10.

³ Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. Forssa, 1974. S. 154.

⁴ KA. Mannerheimin kokoelma. 606. Mannerheimin kertomus Saksan matkustansa.

⁵ Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД. С. 67.

⁶ KA. Mannerheimin kokoelma. 606. Mannerheimin kertomus Saksan matkustansa.

нию уже в 1935 г. Он прибыл по личному приглашению Г. Геринга¹. Причем внимание к Маннергейму одного из приближенных Гитлера было весьма симптоматичным. В руководящих кругах Третьего рейха Геринг считался своего рода знатоком Скандинавии и Финляндии. Да и финский маршал теперь стал рассматривать Геринга как своего «хорошего друга»². В целом Маннергейм был весьма доволен своим визитом. Он считал его исключительно продуктивным. Эта поездка «создала у меня такое убеждение, — отмечал Маннергейм, — что новые германские руководители умело и быстро создают вооруженные силы». Финский маршал лично имел возможность познакомиться с мощными авиационными заводами Юнкера и Хейнкеля, где ему «показали типы самолетов, которые были уже готовы»³.

Однако, конечно, не стоит считать Маннергейма наиболее решительным сторонником развития контактов с нацистской Германией в финском руководстве. В данном случае маршал здесь продолжал проявлять свою многоликость⁴. Для одних он еще мог «представлять русскость и старую Антанту», но для других уже стал сторонником «прусского милитаризма»⁵.

На самом верху финляндского руководства были, естественно, и более радикальные поклонники дружбы с рейхом. Наряду со значительной верхушкой финского офицерского корпуса, идею более тесного сближения с Германией явно продолжал поддерживать П. Э. Свинхувуд, который с 1930 по 1931 г. являлся премьер-министром, а затем до 1937 г. — президентом Финляндии. Он, как было хорошо известно, испытывал весьма сильные симпатии к Германии. Более того, посещая Берлин, Свинхувуд позволил себе выразить очень прямолинейно и крайне комплиментарно для нацистов свои взгляды. В 1937 г. он сказал: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии. По своему существу финский народ является другом

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 58.

² *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. Hels., 1966. S. 266–302; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 32. См. также: *Барышников Н. И.* Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8; *Baryšnikov N. I.* Mannerheim ja Göring // *Ulkopoliitikka*. 2005. Vol. 2. № 2. 2005.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 51.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* Маннергейм и Советский Союз. М., 2020. С. 72–115.

⁵ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 392.

Германии»¹. Причем, конечно, П. Э. Свинхувуд был далеко не единственным в финском руководстве, кто выражал дружеские чувства к рейху. В находившемся у власти с декабря 1932 г. правительстве Т. М. Кивимяки были и другие государственные деятели, стоявшие на крепких позициях сторонников Германии. Сам премьер-министр, а также заместитель министра иностранных дел Р. Виттинг были хорошо известны своим германофильством. Учитывая количество в высшем руководстве Финляндии сторонников сближения с Германией, немецкий посланник в Хельсинки В. фон Блюхер заметил: «Мне представлялось, что между обеими странами каких-либо серьезных противоречий не отмечалось»².

Тем не менее для рейха важно было расположить к «новой Германии» не только известных и, может быть, даже значимых лиц правительства Финляндии, но и завоевать своей идеологией широкие слои финской общественности. Действительно, уже тогда в Финляндии существовали явные сторонники нацизма, которые, естественно, не могли не поддерживать Германию. В частности, на рубеже 1920—1930-х гг. в финском обществе стали активно развиваться праворадикальные настроения, сходные с фашистской идеологией. В конечном итоге в стране даже смогло оформиться крайне националистическое так называемое Лапуаское движение. Оно начало оказывать на политическую атмосферу в Финляндии весьма заметное воздействие³. При этом деятельность лапуасцев носила ярко выраженный антисоветский и антироссийский характер. Тем не менее сторонники этого движения так и не смогли к началу 1930-х гг. превратить его в массовую политическую организацию. Их существование лишь свидетельствовало о том, что в Финляндии в общественно-политической среде происходят сдвиги, которые можно квалифицировать как крайне правые, подтверждая, что часть финского населения находится под достаточно сильным воздействием национализма. В целом Лапуаское движение было весьма шумным и инициативным. Дело даже дошло до попытки с его помощью в 1932 г. организовать государственный переворот. Но он оказался неудачным. Более того,

¹ Documents on German Foreign Policy 1918—1945. Ser. D. Vol. V. P. 536.

² *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44. Porvoo; Hels., 1951. S. 31.

³ *Siltala J.* Lapuan liike ja kyyditykset 1930. Hels., 1985. S. 13.

государство, взяв под контроль деятельность лапуасцев, смогло переориентировать их сторонников на создание легальной политической партии фашистского типа — Патриотического народного движения (*Isänmaallinen kansanliike* — ИКЛ)¹. Данная партия была введена государством в легальные рамки политической системы. Но эта трансформация не принесла лапуасцам реальных практических дивидендов. На формальной, легальной политической ниве они ничем себя не проявили. Лапуаская партия не смогла получить какой-либо значимой поддержки среди широких слоев населения. Более того, в Финляндии стали обращать внимание на то, что ИКЛ слишком активно поддерживала нацистов и особенно восторженно встретила приход в Германии в 1933 г. к власти Гитлера. Это несколько «смущало» финского обывателя. Более того, А. Сомерсало, главный редактор центрального партийного органа ИКЛ газеты «Аян Суунта», в интервью нацистской газете «Фолькишер Беобахтер» откровенно подтвердил, что «во многом ИКЛ имело одинаковые цели с НСДАП (Национал-социалистская немецкая рабочая партия)»². Именно это и отталкивало от партии определенную часть населения страны. В целом по поводу ИКЛ в Финляндии существовало представление, что эта партия являлась «лишь копией зарубежных образцов» и в своей идеологии сохраняла ярко выраженные общие моменты «с подобными организациями Германии и Италии». В результате в стране сложилось устойчивое мнение, что ИКЛ «защищает лишь интересы Германии», а вовсе не своего государства³.

Таким образом, партия ИКЛ не могла стать основным партнером нацистов в Финляндии. Внутри своей страны она оставалась достаточно мало влиятельной политической силой. Единственное, на что в рейхе могли рассчитывать, это начать налаживать через ИКЛ пропагандистскую деятельность. Хотя и здесь было понятно, что, используя лишь исключительно структуры Лапуаской партии, крайне сложно в широком формате распространить нацистскую идеологию на все слои финского общества. В целом все это немецкие дипломаты хоро-

¹ См.: *Васара В.-Т.* Лапуаское движение (1929–1932 гг.) и путч в Мянтсяле // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007. № 1. С. 91–104.

² Цит. по: *Васара В.-Т.* К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии). С. 100.

³ Там же. С. 95–96.

шо осознавали. Они видели, что для Германии не выгодно и не следует в Финляндии чрезмерно «идентифицировать линию ИКЛ с немецкой политикой». Более того, было очевидно, что сотрудничество с ИКЛ может даже где-то ослабить немецкое идеологическое воздействие¹.

Таким образом, нацистская Германия, не замыкаясь исключительно на деятельности слабой профашистской партии, стала наращивать соответствующую работу, разворачивать идеологическую деятельность по самым разнообразным направлениям. Это очень ясно проявилось, когда новый финский посланник в Берлине А. Вуоримаа вручал в августе 1933 г. верительные грамоты рейхспрезиденту П. фон Гинденбургу. Глава Германии, отойдя от дипломатического протокола, начал самым открытым образом критиковать финскую прессу. Он прямо заявил, что «финская печать содержит массу тенденциозно составленных сообщений и публикаций в отношении Германии». Более того, Гинденбург подчеркнул, что в его стране это «вызывает неприятную реакцию»².

Заявление президента Германии говорило о том, что в Берлине планировали усилить «работу» прежде всего с финской прессой. Действительно, уже осенью 1933 г. была организована поездка в рейх представительной делегации финских журналистов, которые, по мнению германского руководства, должны были способствовать «улучшению» освещения в Финляндии германских событий. Принимавший финских журналистов имперский министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс объяснял данное приглашение тем, как важно строить германо-финляндские отношения доверительно, на базе политического сотрудничества³. Характер этого политического сотрудничества еще ранее постарался финнам разъяснить Г. Геринг. Уже через месяц после прихода нацистов к власти, 25 марта 1933 г., на приеме, устроенном в Берлине для иностранных журналистов, он принялся осуждать определенные финские круги, которые распространяют «страхи» о Германии. «Если бы при каких-то обстоятельствах коммунизм добился бы победы в Германии», объяснял он, то «после этого Скандинавия стала бы коммунистической уже через

¹ *Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 20.*

² Цит. по: UM. 5 C 5. Berliinin-lähetystön raportti. 8.9.1933, 5.6.1934.

³ Ibid. Berliinin-lähetystön raportti. 9.11.1933.

12 месяцев». Затем Г. Геринг откровенно добавил: «Мы всегда видим Финляндию в качестве форпоста Скандинавии против Советского Союза»¹.

В целом эти беседы оказались для финских журналистов достаточно полезными. Действительно, в средствах массовой информации Финляндии вскоре начали довольно активно размещать материалы идеологического характера. Причем они явно готовились немецким Министерством пропаганды. Таким образом, рубеж 1935–1936 гг. стал кульминационной точкой для публикаций в финских газетах, где излагались идеи национал-социализма².

Одновременно с публикациями в прессе стали усиливаться попытки активизировать деятельность продолжавшего существовать в Хельсинки финско-германского общества. Его работа тогда целиком перешла «на рельсы фашистской политической организации»³. Как тогда отмечалось, под прикрытием этого общества «работают все центральные германские организации по распространению нацистских идей в Финляндии»⁴.

Кроме того, среди самих немцев, которые тогда проживали в Финляндии, начался процесс организации «политического объединения». В 1935 г. немецкие сторонники нацизма решили «пробудиться от спячки и включиться в активное проведение в жизнь национал-социалистических идей». Более того, была поставлена задача «создать новую политическую организацию, целиком стоящую на платформе германского национал-социализма»⁵. С этой целью в немецкой колонии стал издаваться собственный журнал, который выходил два раза в месяц и «аккуратно» перепечатывал речи фюрера, а также давал «соответствующий обзор политическим событиям»⁶. Также из Германии начала активно завозиться нацистская литература, которую стали бесплатно распространять по всей Финляндии.

Так в немецкой диаспоре закипела работа «по воспитанию не только своих членов в нацистском духе, но и финнов, друзей Герма-

¹ Цит. по: *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 20.

² См.: *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 102–104.

³ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 65.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Цит. по: Там же. С. 63.

⁶ Там же. С. 106.

нии»¹. В частности, немецкая колония смогла наладить «тесные связи с финским учительством, инженерами, студентами, врачами». Также в колонии была организована деятельность различных кружков, налажена лекционная работа: из Германии начали приезжать специалисты, которые читали лекции «на политические темы, например, о расизме, о борьбе с большевиками, о книге “фюрера” “Моя борьба” и пр.». Немецкая колония регулярно практиковала «широкие вечера “финско-германской дружбы”, для которых снимались самые большие рестораны» Хельсинки². Тем не менее целью этой сугубо политической по своей сути деятельности не было создание в Финляндии отделения НСДАП, к работе которой могли бы подключиться и финны. Это отделение здесь уже существовало. Оно было образовано в 1932 г. и возникло вполне официально, с разрешения финского правительства³. Теперь, после прихода Гитлера к власти, естественно, это «финское» отделение получило активную поддержку со стороны немецких дипломатических служб⁴. Причем здесь работа полпредства Германии была очень хорошо налажена. К 1939 г. немецкие дипломаты работали в консульствах и вице-консульствах в 14 финских городах⁵. Что же касается нацистов, то они также создали свои представительства не только в Хельсинки, но и при «германских колониях на перифериях»⁶. К тому же председатель финского отделения НСДАП стал одновременно и членом правления финско-германского общества⁷.

Нацисты явно стремились к расширению своей идеологической деятельности. В том числе они как можно больше внимания уделяли работе с молодежью. Особенно активно нацистская идеология насаждалась в финских немецких школах. Здесь, по мнению исследовательницы Б. Хиеданниemi, идеологическое влияние на учащихся было таким же, как и в самой Германии⁸. Действительно, программа обучения в немецкие школы направлялась прямо из рейха «со всяки-

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ См.: Там же. С. 62.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 98–99.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ *Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikkaa. S. 57.*

⁸ *Ibid. S. 58.*

ми расовыми теориями, германской “географией” и пр.»¹. Более того, как было зафиксировано в подготовленной в 1936 г. справке НКВД, нацистская партия даже проводила свои обычные заседания именно в помещениях одной из немецких школ в Хельсинки². Причем молодых сторонников нацизма, входящих в структурные подразделения партии, направляли на соответствующие «политические курсы» в сам рейх³.

Также было создано Германо-финское студенческое общество. Оно должно было тоже осуществлять «работу по сближению немцев с финнами и внедрению идей фашизма в среду своих членов». Для членов общества проводились научно-популярные лекции, «бесплатные курсы немецкого языка», а также был открыт свободный доступ к немецкой библиотеке, и создавались условия для организации «студенческих экскурсий в Германию», «предоставлялись особые льготы» для обучения в рейхе⁴. Важным здесь являлось еще и то, что по линии этой организации финским студентам открывалась возможность провести летние каникулы в Германии, причем там они могли пройти «военную и политическую подготовку»⁵.

В целом, как было тогда замечено, «немецкая национал-социалистическая партия в Финляндии с большей активностью внедряется в широкий круг финляндской общественной и политической жизни»⁶. Таким образом, рейх сделал ставку не только на финскую профашистскую ИКЛ. Берлин явно стремился к тому, чтобы расширить в Финляндии свое идеологическое влияние. Причем по самым разнообразным направлениям.

Конечно, нацисты не забывали и «старые» формы работы, которые существовали ранее, еще в Веймарский период. Новое германское руководство, естественно, сохраняло и продолжало развивать прежние контакты с представителями «белых» ветеранов гражданской войны, а также с «егерями». Весной 1933 г. была, как всегда, торжественно отмечена очередная годовщина высадки немецких войск

¹ Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД. С. 106.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 64—65.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 63.

на финской территории и победа «белых» в гражданской войне. Причем задача германской делегации, прибывшей в Хельсинки на эти торжества, заключалась в том, чтобы особо продемонстрировать преемственность НСДАП в продолжении прежней политики партнерства с финским руководством. И это дало, как казалось, соответствующий результат. Газета «Ууси Суоми», являвшаяся одним из основных рупоров влиятельной правой Коалиционной партии, выпустила целую серию материалов, в которых высказывалось положительное отношение к национал-социализму. Более того, в статьях явно чувствовалось влияние германской пропаганды¹.

В ключе традиционной пропаганды единства финского и немецкого народов нацисты активно начали продвигать идею дальнейшего «духовного сближения» двух государств². Важную роль здесь играла так называемая Северная идея, предполагающая активное развитие отношений Германии со странами Северной Европы в духе нацистской идеологии. В этом плане немецкое руководство начало непосредственно координировать деятельность созданного в Германии еще в начале 1920-х гг. так называемого Нордического общества. Эта организация находилась в Третьем рейхе под непосредственным подчинением главного партийного идеолога А. Розенберга. Теперь на ее базе Германия приступила к проведению ежегодных фестивалей культуры северных стран. Естественно, на эти фестивали с завидной регулярностью стали приглашать представителей Финляндии³. Как заметил в этой связи посланник А. Вуоримаа, деятельность данного общества стала очень активной, содержа, разумеется, «сильную дозу немецкой пропаганды»⁴.

Что же касается А. Розенберга, то, как было зафиксировано в советских документах НКВД того времени, он лично «завязывает связи с финскими писателями, вызывая отдельных из них для личного свидания в Берлин». При этом в подобных «встречах» нацистский идеолог стремился раскрыть сущность «германизма» и подтолкнуть к мысли о необходимости внедрения «финского влияния в среду племенных народов»⁵.

¹ *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 47–48.

² Более подробно см.: Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 100–103.

³ *Paasivirta J.* Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. P. 488.

⁴ *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 60.

⁵ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 64.

В рейхе стараниями нацистов была организована череда различных мероприятий, связанных с сотрудничеством с Финляндией. На первый взгляд сами по себе факты проведения на немецкой территории, скажем, финских художественных выставок, концертов в связи с 70-летием Яна Сибелиуса или мероприятий, посвященных 100-летию составления сводного текста народного эпоса «Калевала», были вполне обычным явлением. Но бросалось в глаза другое: нарочитое стремление изобразить возрастающее единение Германии и Финляндии и придававшаяся всему этому нацистская идеологическая окраска. Показательной в данном случае была «расистская по своей направленности» речь Розенберга, произнесенная в 1935 г. при открытии финляндской художественной выставки. Характерно, что он неожиданно позволил себе даже объявить финнов принадлежащими, как и немцы, к региону с «нордическим образом мысли»¹.

Эти сугубо идеологического характера мысли, однако, все более отчетливо звучали практически на всех мероприятиях, которые организовывались двумя странами. Так, в 1936 г. в Финляндии весьма торжественно была открыта большая художественная выставка немецких живописцев «новой нацистской школы». Главным ее стержнем стала демонстрация достижений, которых немецкий народ сумел добиться с 1933 г.²

Развивая «Северную идею», в Третьем рейхе решили торжественно отметить 75-летие «друга Германии» — президента Финляндии П. Э. Свинхувуда. Нордическим обществом ему были организованы в Королевском дворце в Берлине роскошные чествования. Сам же президент, не стесняясь своих взглядов, впоследствии выражал убеждение, что «финский народ *по своему существу* [курсив мой. — В. Б.] является другом Германии»³.

В целом можно сказать, что четко обозначилась тенденция к более тесному, чем в 1920-е гг., немецко-финскому сближению. Причем Германия явно занимала здесь самую активную позицию, проявляя к тому же склонность к идеологизации финско-немецких связей.

Однако активно развиваемая немецкой стороной идеологическая составляющая сотрудничества несколько усложняла существовавшие

¹ *Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 99.*

² *Paasivirta J. Finland and Europe. The early years of independence 1917–1939. P. 489.*

³ *Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. V. P. 536.*

хорошие межгосударственные отношения. Финское общество желало лишь «продолжить традиционные отношения со страной, которая всегда была ведущей страной Европы». В Финляндии стремились все же «не занимать позицию национал-социализма»¹. Более того, как отмечал исследователь В. Варес, нацистская идеология рассматривалась финнами лишь как положение немецкой национальной идеи, которая нацистами просто была «доведена до крайности», создавая даже «иногда откровенно карикатурные образы»². По оценке ответственного сотрудника Министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, финнов, в частности, особо настораживало то, что «в основе национал-социалистских взглядов лежит расовое учение»³. Финны к арийской расе не относились, и для финской элиты было вполне достаточно в идеологии сохранять чисто антирусскую направленность, которая стала открыто проявляться в Германии.

Действительно, финскому обществу было крайне сложно проследить какую-либо связь расового арийского учения со своей страной и со своим населением. Весьма благосклонно настроенный к Германии, заместитель министра иностранных дел Р. Виттинг прямо говорил в 1935 г. немецкому посланнику В. фон Блюхеру, что «финны не германцы и не арийцы и не могут принимать расовую теорию “Северного мышления”». Более того, он подчеркнул, что в Финляндии «отвергали как расизм, так и географическое истолкование “Северной идеи”», поскольку это лишь сеет подозрение, почему центрально-европейское государство пытается таким образом сблизиться с северными странами»⁴.

В целом для немецкого руководства было достаточно очевидным, что наращивание пропаганды арийской расовой идеологии пока должного эффекта не имеет, и «в Финляндии едва ли могли находить отклик специфические фашистские идеи». Это следовало учитывать и, как считалось, «немцы научились очень тщательно избегать спорных точек зрения»⁵. Политические перспективы возможного сотруд-

¹ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 499.*

² *Ibid. S. 493.*

³ UM. 5 C 5. Berliinin-lähetystön raportti. 5. 6.1935.

⁴ *Blücher W. Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 40; см. также: Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 87.*

⁵ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 499.*

ничества оставались лишь на базе «тесного идеологического родства, на платформе антикоммунизма»¹. Именно ее немцы активно использовали, не забывая, естественно, о необходимости продолжения «мягкой» пропаганды нацистской идеологии и политики «новой Германии». Только этот подход, связанный с решительным противостоянием коммунизму, мог в полном объеме устроить финское руководство. Впоследствии, в годы Второй мировой войны, такую же «гибкость» нацисты будут проявлять и в отношении принципов формирования эсэсовских подразделений на территории Финляндии. В иностранные части СС будут принимать отнюдь не только арийцев. Важным обстоятельством здесь, конечно же, оставался антикоммунизм.

Финские исследователи настойчиво подчеркивают, что позитивную оценку руководством страны внешнеполитических перемен, связанных с обострением германо-советских отношений, нельзя смешивать со взглядами на национал-социалистическую идеологию. Основным аргументом в данном случае становится констатация сложившейся ситуации: большинство населения Финляндии критически воспринимало «господствующую в Германии систему» и не принимало идеи национал-социализма². Как заметил известный исследователь Р. О. Пелтовуори, «удар по коммунистам, нанесенный Гитлером с приходом к власти, был воспринят повсеместно в буржуазных кругах Финляндии с удовлетворением, но национал-социалистская система быстро вызвала у значительной части финского народа отрицательное отношение к Германии»³.

Из этого заключения можно сделать главный вывод, что проявление в финляндском руководстве пронацистских настроений было связано, прежде всего, с политикой Гитлера в отношении СССР. Это подтверждал тот факт, что число нацистов в Финляндии не росло, как и не наблюдалось усиления влияния таких важных для немцев идеологических организаций, как, например, Финско-германское общество. Оно насчитывало в своих рядах всего 300 членов, что было в два раза меньше численности аналогичного Финско-британского обще-

¹ Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 23.

² Selén K. Genevestä Tukholmaan. Forssa, 1974. S. 156; Kallenautilio J. Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985. S. 151.

³ Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 18.

ства¹. Незначительный результат дала и работа активистов германской колонии в Финляндии. В 1928—1936 гг. ее численность сократилась более чем в два раза². На проводившихся немцами мероприятиях массового притока участников также не наблюдалось³.

Более того, постоянные стремления Берлина показать всему миру тесные дружеские отношения с Финляндией⁴ тоже несколько напрягали финское руководство⁵, поскольку явно осложняли международное положение страны. Как заметил исследователь В. Варес, «для большинства наиболее прогермански настроенных финнов темп Гитлера к концу 1930-х гг. был настолько быстрым и непредсказуемым, что им было трудно понять, что представляла собой Германия, что она значила для них в новой ситуации, чего вообще можно ожидать от нее и, чего, возможно, даже следовало, в конце концов, бояться»⁶. В результате к началу 1937 г. после парламентских выборов в руководстве Финляндии произошло укрепление позиций либерально настроенных кругов и социал-демократов, которые стояли на точке зрения более осмотрительной политики в отношении нацистской Германии⁷. Как считают исследователи, в определенных кругах финской общественности тогда произошла определенная эволюция: здесь «с энтузиазмом относились к Германии в 1918 г., разочаровались в Веймарской республике, пережили краткий период первоначального оптимизма в первые годы национал-социалистической фазы диктатуры, а затем, за исключением некоторых стойких могижан, начали отдаляться от Германии»⁸. При этом, однако, эти «могижане» были очень влиятельными в руководящих структурах страны, и поэтому «отдаляться от Германии» в Хельсинки было далеко не просто...

Тем не менее правительство возглавил умеренный по своим политическим взглядам лидер Аграрного союза К. Каллио. Министром иностранных дел в новом правительстве стал Р. Холсти. Он, как

¹ *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 84.

² *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935—44. S. 126.

³ *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 86, 141.

⁴ *Ibid.* S. 56.

⁵ См.: Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД. С. 109.

⁶ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918—1939. S. 494.

⁷ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti myytti vai todellisuus? Juva, 1984. S. 156.

⁸ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918—1939. S. 495.

считалось, к Германии относился весьма сдержанно, а к нацизму — враждебно¹. Свои мысли, с которыми он вступал на ответственный пост, Холсти описал в воспоминаниях: «Я заметил, как повсюду за рубежом Финляндия рассматривается в качестве как бы некоего союзника Германии и, если такое мнение окончательно бы утвердилось, то, пожалуй, могло принести непомерно большой ущерб, причем уже скоро, после того как возник бы серьезный европейский конфликт»².

Не случайно Р. Холсти начал проводить политику ограничения прогерманской пропагандистской деятельности. В частности, он отклонил предложение о выступлении с лекциями двух нацистов, которые собирались для этого посетить страну³. Более того, с 8 по 10 февраля 1937 г. состоялся первый в истории визит финского министра иностранных дел в Советский Союз⁴. Далее последовали президентские выборы, на которых сторонники П. Э. Свинхувуда потерпели поражение. Новый президент, К. Каллио, а также новый состав правительства, представляли для Германии совершенно иную расстановку политических сил. В результате наметилась тенденция к ослаблению финско-германских связей, а в официальных кругах Берлина начало нарастать откровенное беспокойство. При этом рейх особо настораживало оживление советско-финляндского сотрудничества⁵. Германия стала явно демонстрировать недовольство новыми акцентами финской внешней политики и взяла твердый курс на новое «оживление» связей с Финляндией⁶, поскольку было ясно, что сохранялось «очень большое количество финнов, которое положительно относилось к немецкости»⁷. Это выразилось в череде поездок на отдых в рейх финских граждан по приглашениям Нордического общества, организации ознакомительных и учебных туров по Германии, а также

¹ *Hokkanen K.* Kyösti Kallio. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1986. S. 170; *Peltovuori R. O.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 20; *Kalela A., Isäni A. K.* Cajander kirjeiden ja muistikuvien valossa. Juväskylä, 1985. S. 405.

² *Holstin R.* Muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52. S. 74.

³ *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 86; Документы внешней политики СССР. Т. XIX. С. 615.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* Финская война. С. 41–43.

⁵ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997. С. 161.

⁶ *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 66.

⁷ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 494.

выступлении финских ученых с докладами перед немецкой научной общественностью. Кроме того, была подготовлена целая программа гастролей финских оперных певцов по германским городам¹. Все это свидетельствовало о явном стремлении к новому расширению связей между двумя странами с упором на духовную область, а также на науку и культуру.

Однако больше всего в рейхе стремились сохранять и стимулировать развитие политических основ немецко-финляндской дружбы. Поэтому продолжали активно поддерживаться прежние контакты ветеранов «войны за независимость». В частности, летом 1937 г. три группы финских ветеранов отправились в Германию, где их встречали весьма радушно². В духе «братства по оружию» с Германией торжественно отметили в Финляндии 70-летие Маннергейма. При этом маршалу было передано личное поздравление от А. Гитлера³. Маннергейм же, со своей стороны, вновь, как и в мае 1918 г., подчеркнул, что «каждый финн благодарен за кровь, которую пролили немцы». К тому же он персонально выразил «высокое уважение» уже скончавшемуся ранее рейхспрезиденту Германии П. фон Гинденбургу. Благодарности от маршала звучали, конечно, и самому фюреру⁴. Взаимные поздравления при этом не заканчивались. 6 декабря 1937 г., как вспоминает финский посланник в Берлине, «торжественнее, чем прежде» в Германии прошли празднования Дня независимости Финляндии⁵.

Но особенно ярким проявлением «братства по оружию» стал визит в Хельсинки в августе 1937 г. эскадры немецких подводных лодок. Атмосфера, при которой он готовился, характеризовалась «однозначной политической демонстрацией против воли Советского Союза»⁶. Не менее частыми в это время стали визиты высокопоставленных финских генералов и офицеров в Германию. В этом отношении показательным явилось посещение рейха летом 1937 г. руководителями финской военизированной организации Шюцкор (фин. *Suojeluskunta*):

¹ *Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 67.*

² *Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhoitu politiikka. S. 109.*

³ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 391.*

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 79.*

⁶ *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 42.*

генералом Л. Малмбергом и полковником А. Мартола. Естественно, не упустил возможность съездить в Германию и маршал К. Г. Маннергейм. В октябре 1937 г. он провел свою традиционную встречу с Г. Герингом. Причем акцент этого визита был сделан, прежде всего, на том, что «со стороны Германии Финляндия могла надеяться на большие симпатии»¹. В целом итог встречи с Маннергеймом, по мнению посланника Вуоримаа, был однозначен: «Геринг остался доволен» и, более того, пригласил маршала посетить его снова уже в следующем 1938 г.²

Действительно, череда празднеств перешла и на следующий год, когда в апреле 1938 г. отмечалось 20-летие окончания «Освободительной войны». В юбилее участвовали многочисленные немецкие делегации, состоявшие преимущественно из военных, а в самих торжествах приняло участие до 20 тысяч ветеранов³. Германия явно стремилась поддерживать у финнов мечту, что «новая Германия все же каким-то образом... станет своего рода преемницей Германии 1918 г.»⁴. Причем, конечно, об идеологии не забывали. О том, что ее роль в развитии финско-германских отношений продолжала играть не последнее значение, свидетельствует тот факт, что тогда же из Финляндии на нацистский съезд в Нюрнберг была приглашена официальная финская делегация⁵.

Продолжало свою деятельность и Финско-германское общество. Оно в декабре 1937 г. организовало посещение Финляндии группой немецких спортсменов во главе с руководителем спортивного движения Третьего рейха — группенфюрером СА Г. фон Чаммер унд Остен⁶. Это со всей очевидностью указывало на продолжающееся усиленное внимание в Германии к финской молодежи⁷. Об этом свидетельствует и тот факт, что именно в это время начали укрепляться связи молодежной организации НСДАП — Гитлерюгенда — с аналогичной орга-

¹ *Peltovuori R.* O. Saksa Suomen talvisota. S. 21.

² *Jägerskiöld S.* Mannerheim rauhan vuosina 1920–1939. Hels., 1973. S. 254.

³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 102.

⁴ *Vares V.* Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. S. 495.

⁵ *Suomi J.* Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1939. Hels., 1973. S. 169.

⁶ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 89.

⁷ *Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottu politiikka. S. 57, 63; *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 64.

низацией финской фашистской партии ИКЛ — «Сине-черными» («*Sinimustat*»)¹. Кроме того, летом 1937 г. в Германию отправилась уже целая делегация финских учителей. Росли объемы и академического обмена, который сопровождался усилением немецко-финского студенческого сотрудничества. В частности, в это время стали проводиться германо-финские дни студентов. В Берлине вообще было принято решение: для «благосклонных к национал-социализму финнов» организовывать трехнедельные учебные курсы, где обучаемым рассказывали об основных идеях «новой Германии»². Подобная работа давала отчасти положительный результат. Так, в финских студенческих газетах появлялись целые номера, посвященные Германии, а национал-социализм в этих молодежных изданиях представлялся в положительном свете³.

Весьма важным для определения исторических условий, в которых в Финляндии начало зарождаться эсэсовское движение, стало то, что в это время начинает развиваться прямое сотрудничество между подразделениями СС и финской полицией. Оно прежде всего строилось на идее общей борьбы с коммунистическим движением, которое рассматривалось здесь как проявление «международного преступного явления»⁴. В июле 1937 г. в Хельсинки начались переговоры между высокопоставленными представителями СС и финской государственной полиции. Переговоры с немецкой стороны вели оберфюрер СС Вернер Бест, который являлся одним из ведущих сотрудников Главного управления полиции безопасности, и шеф Тайной государственной полиции (гестапо) — штандартенфюрер СС Генрих Мюллер. Они встречались с весьма примечательной в финской структуре власти фигурой — начальником сыскной (политической) полиции Финляндии майором Э. Риекки⁵. Он занимал столь ответственный государственный пост порядка 15 лет: с 1923 по 1938 г. Более того, именно Риекки впоследствии будет отвечать за организацию на финской территории эсэсовских формирований. На состоявшейся же то-

¹ *Васара В.-Т.* К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии). С. 100.

² Там же. С. 101.

³ См.: *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 169.

⁴ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 30.

⁵ *Silvennoinen O.* Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. Keuruu, 2008. S. 98.

гда встрече речь шла об обмене информацией, связанной с деятельностью коммунистических организаций в различных странах. Но, как отметил исследователь О. Силвенноинен, уже здесь «Гиммлер закладывал основу для своих больших проектов», где главным было «создание глобального общего фронта борьбы против большевизма»¹.

Естественно, что идеологический аспект обозначившегося тогда сотрудничества между двумя государствами «по полицейской линии» являлся определяющим. Более того, в августе 1937 г. Э. Риекки и его заместитель Б. Аалтонен были приглашены в Берлин на «конференцию», организуемую СС. На ней активно проводилась нацистская пропаганда, раскрывающая преимущества фашистского государства. Причем осуществлявшаяся тогда в СС работа в отношении финской политической полиции давала желаемый результат. У Э. Риекки явно начало наблюдаться «некритическое отношение к национал-социализму»². Тем не менее взгляды руководителя финской полиции разделяли не все в правительстве страны. В налаживаемых между ведомствами двух стран контактах с финской стороны, скорее, преобладающее значение имели личностные отношения Э. Риекки. Именно он уже тогда активно стал поддерживать взгляды о необходимости «углубления сотрудничества во имя борьбы с коммунизмом»³.

Однако стремительно расширяющиеся связи Э. Риекки с немецкой тайной полицией начали несколько настораживать финское руководство. Там посчитали, что его «отношения с гестапо были слишком близкие» для руководителя политической полиции Финляндии, и в начале 1938 г. он получил отставку⁴. Это, естественно, не означало, что у СС в финских полицейских структурах больше не осталось единомышленников. Как отметил исследователь О. Силвенноинен, в аппарате полиции Финляндии «большая часть сотрудников была назначена лично Риекки, и они скрытно имели очень похожие с ним политические взгляды»⁵.

Таким образом, перспективы усиления влияния СС в Финляндии в конце 1930-х гг. явно существовали. Неслучайно, например, в нача-

¹ Ibid. S. 99.

² Ibid. S. 100.

³ Ibid. S. 105.

⁴ Ibid. S. 117.

⁵ Ibid. S. 118.

ле августа 1939 г. близкий к Э. Риекки один из руководителей политической полиции Финляндии, Б. Аалтонен, по приглашению шефа гестапо Г. Мюллера посетил Берлин¹. Но, имея на данном направлении определенный успех, Германия все еще не обладала здесь определяющим влиянием. Иными словами, для дальнейшего «идеологического завоевания» Финляндии с помощью расширения сотрудничества требовалось наращивание объема работы и соответствующее время, поскольку желаемого результата Германии с помощью «блиц-атаки» добиться не удалось. Как мрачно констатировал В. фон Блюхер в мае 1938 г., «для немецкого общества очень трудно было получить точку опоры в стране, где было более чем 40 % социалистов и свыше 90 % демократов»². Приходилось по-прежнему главным образом уповать на финские военные круги и прогермански настроенную часть консерваторов.

Хотя и оппозиция германскому нацизму в Финляндии тоже не была до конца результативной. Как считают исследователи, рекомендованные оппозицией средства борьбы с фашистской идеологией «оказались неэффективными, а предлагаемый ими критический образ истоков национал-социализма был слишком серьезно скован их собственной идеологией»³.

В целом германо-финляндские контакты продолжали развиваться и даже стали переходить на новый уровень. В марте 1938 г. в Германию отправился уже главнокомандующий силами обороны Финляндии — генерал-лейтенант Х. Эстерман. В ходе поездки он был 28 марта принят самим А. Гитлером. Подобной чести фюрер не удостоивал еще ни одного представителя Финляндии, а сама эта встреча прошла «вне согласованной программы немецкого армейского командования»⁴. Таким образом, надежды на совместное с нацистами военное противостояние с СССР в армейской среде устойчиво сохранялись. Неслу-

¹ Ibid. S. 133.

² Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. V. P. 562.

³ *Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939.* S. 496.

⁴ *Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa.* S. 81. В беседе с Х. Эстерманом фюрер высказал свое отношение к Советскому Союзу: «Россия является колоссом, который, если его не сломить, всегда будет представлять опасность. Его устремления неизменно представляют собой угрозу всем северным соседям». Далее он также заявил: «Россию нужно разгромить, прежде чем она приобретет такую силу, что ее уже нельзя будет разбить». Подробнее см.: *Барышников В. Н. Финская война.* С. 46–47.

чайню в 1939 г. в финском Генштабе стали раздаваться голоса о том, что «через Союз с Германией, после победоносной войны (Германии с СССР), Финляндия будет играть главенствующую роль в скандинавской политике и экономике и станет действительным гегемоном в Скандинавии»¹. Это показывало, насколько масштабным виделось тогда в Хельсинки финско-немецкое военное сотрудничество.

Естественно, в финской столице традиционно прошли очередные шумные торжества, посвященные 20-летней годовщине высадки в помощь Белому движению на территорию Финляндии немецких войск. День 14 апреля 1938 г. в Хельсинки был отмечен возложением венков из живых цветов у памятника «погибшим немецким героям»². На сами же эти мероприятия из Германии прибыла очередная очень представительная делегация в составе 40 известных немецких офицеров и генералов³.

Тем не менее наметившийся тогда переход нацистов к агрессивной внешней политике и захват Германией первых европейских государств не во всей Финляндии встретил горячую поддержку или даже понимание. Значительная часть финского населения, скорее, сдержанно, чем восторженно выражала свое отношение к агрессивным действиям нацистов. В анализе МИД Германии, сделанном в ноябре 1938 г., указывалось, что финская пресса «за исключением небольшого правого крыла, не проявляла дружелюбия к Германии, не прерывая... своих атак на Германию»⁴. Только профашистские газеты могли себе тогда позволить писать о позитивных изменениях, которые произошли в Центральной Европе, поскольку считали, что теперь с помощью Германии «будет преобразована новая Финляндия, национальная, сильная страна»⁵.

Таким образом, оценивая состояние финско-немецких отношений к концу 1930-х гг., можно утверждать, что нацисты пока не смог-

¹ Цит. по: Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 97.

² Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938–40. Porvoo, Helsinki: WSOY, 1968. S. 30; Blücher W. Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 100.

³ Suomi J. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitiikassa 1937–1939. Hels., 1973. S. 248.

⁴ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 604, 606.

⁵ Цит. по: Васара В.-Т. К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии). С. 102.

ли добиться абсолютного идеологического влияния на финское общество. Это, очевидно, было связано как с достаточно агрессивной внешней политикой рейха, которая несколько настораживала финнов, так и с не совсем адекватной немецкой пропагандой, не учитывавшей определенные особенности финских общественных взглядов и настроений.

Тем не менее устойчивое благожелательное к Германии отношение среди определенной части финской элиты сохранялось. Более того, серьезной базой для идеологического взаимодействия оставался антикоммунизм и антисоветизм. Сближение только на этой идеологической платформе, в принципе, могло вполне удовлетворить рейх, что, собственно, и проявилось в отношениях между Германией и Финляндией накануне Великой Отечественной войны, когда уже начало развиваться финское эсэсовское движение.

ГЛАВА II

РЕЙХ И «ФИНСКАЯ ВОЙНА»

Канун Второй мировой войны серьезно изменил характер финско-германских отношений. Раздел сфер влияния между СССР и Третьим рейхом, который произошел в августе 1939 г., привел к тому, что Германия вынуждена была признать Финляндию сферой интересов Советского Союза. Это оказало серьезное влияние на немецкую политику в отношении Хельсинки.

В начале войны

Действительно, сложившееся в это время германо-финское взаимодействие оказалось в какой-то степени уникальным. Германия явно начала дистанцироваться от Финляндии. Эта специфическая политика нацистского руководства, разумеется, привлекала определенный интерес историков¹. Затрагивались новые черты финско-германских отношений и в воспоминаниях немецких, а также финских политических и государственных деятелей того периода². При этом до сих пор доста-

¹ *Ueberschär G.* Hitler und Finnland 1939–41. Die deutsch finnischen Beziehungen während des Hitler-Stalin-Paktes. Wiesbaden, 1978; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg; *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota; *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001; *Барышников В. Н.* К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.

² *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1950 (пер. на рус. яз.: *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003); *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44; *Kivimäki T. M.* Suomalaisen politiikan muistelmät; *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. Talvisota. Porvoo; Hels., 1958; *Wuorimaa A.* Lähettäläänä Hitlerin Saksassa; *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984.

точно сложно понять природу последовавшего после «зимней войны» процесса быстрого финско-германского сближения, которое выразилось в тесных межгосударственных контактах. Также требуется научное объяснение почему, спустя чуть более одного года после завершения «зимней войны», Финляндия и Германия, действуя уже в военном союзе, совместно нападут на СССР, а на финской территории появятся национальные формирования СС. Такие кульбиты в отношениях между двумя странами не могли быть неожиданными или случайными.

Более того, запутанность финско-германских отношений в момент начала «зимней войны» заключалась еще и в том, что у руководства Финляндии сохранились яркие воспоминания о весьма неплохих контактах, которые существовали между двумя государствами в 1920–1930-х гг. В Хельсинки явно были надежды на возможность получения поддержки от рейха в военном противоборстве с СССР¹. Однако никакой реальной помощи с началом «зимней войны» Финляндия из Берлина, разумеется, не получила. Ситуация складывалась просто парадоксальная. Как отметил немецкий профессор М. Менгер, «в то время, когда в Великобритании, Франции и США бушевал антисоветский шторм, побивший все рекорды, фашистское руководство» по отношению к возникшей тогда ситуации на севере Европы «демонстрировало явную сдержанность»².

Очевидно, что подобная политика Германии являлась следствием секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, подписанного в Москве 23 августа 1939 г. Этот документ, несомненно, затруднял для нацистского руководства после начала «зимней войне» демонстрацию поддержки Финляндии, поскольку ставил «немецкую политику в финском вопросе в относительно тесные рамки»³. Тем не менее в Берлине продолжали видеть в лице СССР потенциального врага, а Договор о ненападении означал, как подметил М. Менгер, лишь то, что «для Германии он был только переменной тактики и не свидетельствовал об одноцветной стратегической ориентации»⁴.

¹ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 112–139.

² *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 53.

³ *Ibid.* S. 54.

⁴ *Ibidem.*

С другой стороны, рейху было важно проводить крайне осторожную политику, придерживаясь нейтральных оценок возникшей войны, еще и ввиду того, что страна сама на тот момент находилась в состоянии войны с Великобританией и Францией. «В немецкой политике по отношению к войне между Финляндией и СССР, — справедливо указывал известный финский историк, профессор О. Вехвиляйнен, — преобладал такой фактор, что пока будет продолжаться война на Западе, она не сможет идти на риск какого-либо конфликта с Советским Союзом»¹. В результате в циркуляре статс-секретаря германского МИД барона Э. фон Вайцзеккера, направленном во все зарубежные дипломатические представительства, давалась строгая установка: «Прошу в ваших разговорах, касающихся российско-финляндского конфликта, избегать какого-либо антирусского тона»². Таким образом, даже моральная поддержка Финляндии в официальном порядке считалась в Берлине недопустимой.

Естественно, сдержанная позиция с немецкой стороны была весьма ощутимой для Хельсинки. Но при этом в финском руководстве хорошо понимали, что «советский контроль над Финляндией не был в интересах» Берлина³. Так, собственно, считал крупный государственный деятель страны Ю. К. Паасикиви. Он не без оснований отмечал: «Согласно нашей оценке, финская война не была для Германии желательной, а захват Финляндии Советским Союзом противоречил интересам Германии»⁴. Поэтому в Хельсинки прежде всего было важно добиться большего в своих отношениях с рейхом.

Очевидно, с этой целью в декабре 1939 г. в Берлин был направлен бывший премьер-министр Финляндии Т. Кивимяки. Итог его поездки был достаточно показательным: он сумел наладить контакты с лицами, очень близкими к Г. Герингу⁵. Это было очень важно, поскольку генерал-фельдмаршал продолжал являться одним из ведущих нацистских руководителей, курировавших рассмотрение скандинавских

¹ *Vehviläinen O.* Finland in the World War. Between Germany and Russia. New York, 2002. P. 57.

² Kansallisarkisto. AA StS, Finnland, 2.12.1939. Bd. 1, B. 0031197; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 479.

³ *Vehviläinen O.* Finland in the World War. Between Germany and Russia. P. 67.

⁴ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 139.

⁵ *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. S. 172; *Kivimäki T.* Suomalaisen politiikan muistelmät. S. 124.

проблем. Из результатов этих встреч стало все же очевидно, что Германия не хотела брать на себя функции, скажем, посредника в мирном улаживании возникшей между Финляндией и СССР войны. Тем не менее Геринг смог все же намекнуть на возможность помощи путем тайных поставок немецкого вооружения¹. Таким образом, Хельсинки дали почувствовать, что определенные симпатии к Финляндии со стороны Берлина еще сохранились.

Действительно, Г. Геринг был именно тем человеком в рейхе, кто активно выступал за необходимость активного снабжения финнов вооружением. Он считал, что его «нужно поставлять в Финляндию столько, сколько возможно без ущерба для безопасности Германии»². Однако в Берлине по этому вопросу не было полного единства. Против, в частности, выступал имперский министр иностранных дел И. фон Риббентроп, который явно опасался дипломатических осложнений с Советским Союзом. Гитлер же допускал скрытую поддержку Финляндии, но при условии, чтобы это не повредило самой Германии³.

В любом случае, тайно нацистское руководство было на стороне Финляндии. По мнению немецких дипломатов, которые работали в Хельсинки, как «Гитлер, так и его министр иностранных дел были полностью едины с Финляндией и с ее борьбой против Советского Союза»⁴. Тем не менее в Германии все же существовало устойчивое мнение, что начавшаяся война не продлится слишком долго и неминуемо закончится поражением Финляндии⁵. Это, естественно, требовало проявлять свои симпатии к Финляндии в крайне осторожной форме⁶.

Однако, как только в рейхе заметили, что Красную армию стали преследовать военные неудачи, то начали проявлять заинтересованность, чтобы советские войска как можно дольше продолжали вести боевые действия в Финляндии. Подобные настроения еще больше

¹ Kivimäki T.M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 124–125.

² Цит. по: Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 69.

³ Ibid. S. 73–74; Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 124.

⁴ Manninen O. Väliarua — olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja, 2004. № 1. S. 100.

⁵ Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 61.

⁶ См.: Барышиников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «Зимней войны». С. 87–88.

усиливали желание Берлина скрытно переправлять Финляндии вооружение. Поэтому идея осуществления тайных военных поставок постепенно стала трансформироваться в реальные действия. Конкретно там видели возможность ее реализации в использовании транзитного канала через территорию Швеции. По договоренности между Герингом и шведскими представителями было решено, что Германия будет передавать Швеции свое вооружение, а шведы, в свою очередь, такое же количество передадут Финляндии из своих запасов¹. При этом, как свидетельствует Т. Кивимяки, в момент немецко-шведских переговоров Геринг «даже бил кулаком по столу, требуя, чтобы Швеция оказала помощь Финляндии и разрешила переправлять оружие из Германии»².

Естественно, этот нюанс в политике Германии также достаточно быстро заметили финские дипломаты. К тому же в рейхе опять начали звучать жесткие заявления по отношению к политике Советского Союза. В частности, А. Гитлер заявил, что видит «немецкую миссию в том, чтобы ликвидировать опасность с Востока»³.

Это не могло не обнадеживать финляндское руководство. По наблюдению финских историков, на протяжении войны в кругах политического руководства Финляндии продолжали «выражаться надежды на разрыв между Советским Союзом и Германией», а следовательно, Третий рейх также «в конце концов не оставит финнов»⁴. Действительно, по мнению президента К. Каллио, Финляндия могла все же «надеяться на то, что душа немецкого народа... выступает против большевизма»⁵.

В этих условиях 27 декабря из Стокгольма пришло сообщение финского посланника в Швеции Э. Эркко, в котором говорилось об уже обозначавшейся возможной перспективе очередного этапа германо-финляндского сотрудничества. Финский дипломат докладывал, что «формально позиция Германии проявляется в угоду Рос-

1 *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 70.*

2 *Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmät. S. 125.*

3 *Безыменский Л. Великая Отечественная в 1940 году // Международная жизнь. 1990. № 8. С. 115.*

4 *Rautkallio H. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Hels.; Juva, 2002. S. 244; Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 167.*

5 *См.: Rautkallio H. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. S. 244.*

сии... однако, на практике таковой не является» и «чувствуется, как будто немцы серьезно готовятся к схватке с Россией... Конфликт будет»¹.

Подобные сведения затем уже весьма регулярно начали поступать в Хельсинки². Как справедливо отметил по этому поводу М. Менгер, «...такие намеки открывали для финского руководства первые, конечно, еще не твердые надежды на перспективу будущего развития» возможного военного сотрудничества с рейхом³. Хотя, безусловно, было еще рано предполагать, что Германия собиралась тогда прямо «использовать Финляндию в войне против Советского Союза»⁴.

5 января 1940 г. финский министр иностранных дел В. Таннер откровенно обратился к В. фон Блюхеру с вопросом: «Может ли правительство Германии дать нам какой-либо совет?»⁵ Этой просьбой, адресованной Берлину, в Хельсинки явно стремились определить будущие перспективы Финляндии, пытаясь разобраться в хитро-сплетениях немецкой дипломатии. Гарантировать военную поддержку Финляндии в это время рейх еще не мог. Даже Гитлер впоследствии признавал, что тогда в Германии должным образом «не смогли помочь» Финляндии, поскольку «это было невозможно»⁶. В итоге ответ немецкого дипломата был вполне прогнозируемый и соответствовал официально проводившейся в отношении начавшейся «зимней войны» немецкой политике. Блюхер твердо заявил, что «Германия не участвует в финской войне»⁷.

Таким образом, у Финляндии на тот момент могли сохраняться лишь надежды на получение скрытой немецкой помощи. Да и они, как считали в дипломатических кругах страны, имели перспективы

¹ UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.

² Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 66–67; Kivimäki T. M. Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 127–128.

³ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 67.

⁴ Вехвиляйнен О. Первые шаги к компромиссу // Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1999. С. 241.

⁵ Documents on German Foreign Policy 1918–1945 V. VIII. P. 614; Blücher W. Suomen kohtalonaikojen muistelmia vuosilta 1935–44. S. 171. См. также: Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 118.

⁶ Цит. по: Vilkuna K. Hitler marsalkan 75-vuospäivillä // Uusi Kuvalehti. 1954. 5.11.

⁷ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 160.

только на более отдаленный отрезок времени, если вообще «не будут, — как докладывал Э. Эркко из Стокгольма, — слишком запоздалым» для Финляндии ответом на действия СССР¹.

Германия и выход Финляндии из «зимней войны»

В целом финско-германские отношения в декабре 1939 — начале января 1940 г. показали, что у Финляндии существует определенная возможность рассчитывать на тайную поддержку рейха². Однако эта перспектива несколько осложнялась тем, что Великобритания и Франция, противники Германии во Второй мировой войне, также активизировали свою политику и попытались вмешаться в возникшую конфликтную ситуацию на Севере Европы на стороне Финляндии. Лондон и Париж явно стремились использовать «финскую войну» для усиления своих позиций в Скандинавии³. Тем не менее историк Р. О. Пелтовуори, который очень внимательно занимался немецкой внешней политикой в 1939—1940 гг., в своей книге «Германия и финская зимняя война», утверждает: «Едва ли для Гитлера было неприятным в данном случае вступление западных держав в войну против Советского Союза»⁴. Действительно, Берлин лишь только выиграл бы от такой ситуации, когда на Севере Европы — на территории Финляндии, — разгорались бы боевые действия западных союзников против СССР.

Но, с другой стороны, нацистское руководство ни в коем случае не хотело, чтобы английские и французские войска окончательно утвердились на Севере Европы⁵. Сведения о намерениях Западных держав осуществить десантную операцию начали поступать в Берлин⁶. Это создавало крайне запутанную ситуацию. В таких условиях немецкое

¹ UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.

² Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны». С. 90.

³ См.: Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 427—455.

⁴ Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 93.

⁵ Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 140.

⁶ См.: Зимняя война 1939—1940. Политическая история. С. 266.

командование приступило к подготовке военной операции в Скандинавии, мотивируя это, как заявил Гитлер, тем, что противник «будет готовиться распространить войну» на этот регион¹. При этом речь не шла о переброске войск в Финляндию или об оказании ей военной помощи. В Берлине стали обращать особое внимание на стратегические районы Норвегии. По мнению английского исследователя Б. Лиддел Гарта, «Гитлер, несмотря на неразборчивость в средствах, предпочел бы оставить Норвегию нейтральной и не планировать вторжение на ее территорию, однако, явные признаки готовящихся враждебных акций союзников в этом районе спровоцировали его на этот шаг»².

Таким образом, не имея ничего против разрастания Советско-финляндской войны, даже в тайне удовлетворенная перспективой участия в ней против СССР западных государств, Германия крайне болезненно реагировала на намерения Великобритании и Франции утвердиться в Скандинавии. Более того, естественно, немецкое руководство не было заинтересовано в усилении позиций западных стран в Финляндии, которое неминуемо бы произошло с появлением их войск на территории стран Северной Европы. В такой ситуации линия Третьего рейха в отношении Финляндии становилась крайне противоречивой.

Для нацистских кругов наиболее подходящим оставался такой исход войны, при котором действующая самостоятельно Финляндия неминуемо рано или поздно проиграла, но при этом не была бы полностью разгромлена. С другой стороны, в Берлине, естественно, не хотели, чтобы Англия и Франция закрепились бы на Севере Европы, а Финляндия попала бы под влияние либо СССР, либо западных союзников. Для рейха оставалось важным сохранить свое влияние в этой стране, а также использовать, в случае частичного поражения финской армии, реваншистские настроения в финском обществе, которые, несомненно, могли затем возникнуть.

Складывающаяся ситуация на советско-финляндском фронте и явный провал наступательных планов командования Красной армии позволяли Берлину с начала января 1940 г. надеяться, что страте-

¹ Liddell Hart B. H. History of the Second World War. London, 1973. P. 54.

² Ibid. P. 52.

гия «частичного военного поражения» Финляндии может быть вполне реализована. Что же касалось возможности окончания «зимней войны», то здесь Германия готова была оказать Финляндии дипломатическую поддержку «в плане достижения мира», но только, как заметил Р. О. Пелтовуори, «на поздней стадии», когда могла «возникнуть опасность разгрома Финляндии»¹. Для немецких дипломатов вполне оптимистично звучали слова В. М. Молотова, заявившего 25 января немецкому послу — графу Ф. В. фон дер Шуленбургу, что «нельзя указать день, к которому уладится вопрос с Финляндией, однако... долго это дело не затянется»².

В этой ситуации финскому руководству из Берлина стали поступать советы «продержаться до июля либо путем противостояния, либо с помощью перемирия», рейх же «с победой на Западе осуществит поворот в своих действиях, направив их против Востока»³. Иными словами, Хельсинки предлагалось сделать соответствующий выбор и определиться на дальнейшую перспективу борьбы против СССР.

Тем временем обстановка в ходе «зимней войны» начала коренным образом меняться. В феврале 1940 г. советское командование, сконцентрировав на Карельском перешейке значительное количество войск, отдало приказ о переходе в решительное наступление. Это наступление должно было закончиться разгромом финской армии. При таком повороте в Берлине стали понимать, что для Финляндии наиболее выгодным становится быстрое завершение войны и любой вариант мирного урегулирования. Это стало окончательно ясно, когда 5 марта 1940 г. Молотов открыто изложил советские предложения окончания войны⁴ немецкому послу в Москве. Шуленбург быстро отреагировал, сказав, что «финны, конечно, должны ухватиться за это согласие советского правительства» начать мирные переговоры⁵.

В целом Германия явно начала подталкивать финское руководство к активизации поиска пути достижения мира, подчеркивая лишь

¹ *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota* S. 92.

² Документы внешней политики. Т. XX. Кн. 1. М., 1995. С. 51; *Documents on German Foreign Policy 1918—1945* P. 708.

³ *Manninen O. Välirauha — olemassaolon säilyttämiseksi* // *Historiallinen Aikakauskirja*. 2004. N 1. S. 98.

⁴ См. советские предложения: *Барышников В. Н.* Финская война. С. 380—382.

⁵ Документы внешней политики. Т. XX. Кн. 1. С. 132.

одно: «Договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки»¹. Даже А. Гитлер позволил себе тогда сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии «являются естественными и умеренными». Он прямо подчеркнул: «Вопрос стоит о территории [передаваемой Финляндией СССР по условиям подписания мира. — В. Б.], которая прежде принадлежала русским»². Эти слова были весьма показательными, поскольку буквально через несколько месяцев Германия будет активно провоцировать финское руководство на возвращение утраченных в ходе «зимней войны» территорий.

В результате в тот момент, когда стало ясно, что финская армия может столкнуться с неминуемым поражением, вызванным мощным советским наступлением, Германия стала демонстрировать финскому руководству мнение, что наступило время прекращать войну. Более того, в рейхе даже начали торопить Финляндию. 22 февраля 1940 г. Г. Геринг прямо заявил находившемуся в Германии финскому представителю, Т. Кивимяки, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях, а потери можно будет возратить в будущем»³. Так финскому руководству намекнули, что с подписанием мирного договора и окончанием «зимней войны» не все потеряно и возможен реванш. Кроме того, до слуха Т. Кивимяки была доведена еще одна «истина». Было четко указано, что в Хельсинки следует принимать окончательные решения, и от этого решения будет уже зависеть последующая ее внешнеполитическая перспектива.

После разговора с Г. Герингом Т. Кивимяки увидел тот путь, по которому Финляндии следовало далее двигаться. Он был явно окрылен раскрывающимися перспективами будущей помощи Германии. Кивимяки хорошо расслышал фразу о том, что можно «потери будет возратить» и, поспешно вернувшись на родину, сразу же проинформировал о состоявшемся с Г. Герингом разговоре премьер-министра Р. Рюти и министра иностранных дел В. Таннера. Причем в беседах с высшим руководством Финляндии, отвечавшим за внешнюю политику страны, Кивимяки «убежденно выступал в пользу достижения мира», поскольку, по его мнению, «у нас нет другого пути»⁴.

¹ UM. 109, В 6. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.

² Цит. по: Зимняя война 1939—1940. Политическая история. С. 350.

³ Цит. по: *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota*. S. 110.

⁴ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза

Показательно, что в это время финны начали реанимировать свои отношения с СС. 26 февраля высокопоставленный представитель финской политической полиции Б. Аалтонен написал частное письмо, адресованное руководителю гестапо Г. Мюллеру и начальнику 1-го Главного управления имперской безопасности оберштурмбанн-фюреру СС В. Бесту, с просьбой разъяснить складывающуюся ситуацию в германо-финляндских отношениях. Ответ также пришел обнадеживающий. В нем говорилось, что «о чувствах немецкого народа к судьбе Финляндии следует судить не только по немецкой прессе», и далее эсэсовцы подтверждали свое стремление к сохранению сотрудничества¹.

В результате целью развития финско-германского сотрудничества и создания в Финляндии, как считают некоторые исследователи, более благоприятных для национал-социализма условий, главный редактор финской национал-социалистической газеты «Густав Ваза» и бывший личный секретарь президента Э. Свинхувуда, Э. Райккёнен написал письмо рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру, где поставил вопрос о возможности «получения из Германии инструкторов для подготовки финских солдат»². Фактически таким образом уже тогда стали проглядываться будущие контуры появления в Финляндии эсэсовского движения, где неофициально именно финская сторона начала выступать в качестве его инициатора.

Но для Хельсинки, конечно, главным являлось заявление Г. Геринга. Все последующие события ясно показали, что отношение к неофициальному предложению Г. Геринга было весьма серьезным. И вообще, с этого момента «германский вопрос» становится в руководстве Финляндии все более и более актуальным. Здесь стали задумываться не просто об окончании «зимней войны», но и делать предположения о перспективах общих итогов мировой войны. Это было особенно заметно в отчете Т. Кивимяки о своей поездке в Берлин на Государственном совете. В выступлении перед членами правительства он объективно донес им мнение нацистских верхов, указав на необходи-

и Финляндии 1939—1940. С. 238.

¹ *Silvennoinen O.* Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933—1944. S. 137.

² *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941—1943 and Related Finnish studies. P. 7.

мость Финляндии «проявить мудрость, с тем, чтобы, заключив мир на как можно лучших условиях, ожидать окончания мировой войны». Тогда Кивимяки особо подчеркнул, что в Германии уже считают, что «настал тот момент, когда нужно договориться» об окончании войны с СССР¹.

Эту идею решительно поддержал премьер-министр Р. Рюти. Он заявил: «Лучше сохранить армию боеспособной и страну от разрушения, так чтобы можно было бы добиться затем выгоды от происходящего». И, далее, Рюти заявил, что «лучше начать восстановление страны от Выборга, чем от Торнио [город на границе Финляндии со Швецией. — В. Б.]»². Таким образом, премьер-министр явно начал проводить среди членов правительства мысль, что, опираясь на мощь Германии, у Финляндии есть явная перспектива близкого реванша. Об этом же говорил и министр иностранных дел В. Таннер, который прямо указал, что Финляндия переживает «последний момент, когда мы можем вести переговоры» с СССР³. В целом в руководстве страны явно утверждались представления, что для Финляндии лучше всего быстро заключить не выгодный для себя мир, чтобы затем, готовясь к реваншу, уже полностью связать свою судьбу с Германией. Это изменение во взглядах финского руководства произошло в самом начале марта 1940 г., когда советские войска уже начали штурм Выборга. Теперь для Рюти и Таннера наступило время, когда надо было вспомнить о словах Г. Геринга, переданных Т. Кивимяки.

Перемены в отношении к Германии наиболее отчетливо можно было наблюдать во время дискуссии, разгоревшейся в правительстве 3 марта. Тогда был откровенно поставлен вопрос: «Возможно ли вообще официально повернуть на сторону Германии?»⁴ И ответ министра иностранных дел В. Таннера был ошеломляющим: «Я не понимаю предложения о том, чтобы мы перешли на сторону Германии. Мы этим занимаемся уже со второй половины декабря...»⁵

¹ UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 28.02.1940.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. Istunto 3.03.1940.

⁵ Ibidem.

Тем не менее, чтобы гарантировать союз с немцами, министр обороны Ю. Ниукканен предложил передать им за предполагаемую в будущем поддержку «в качестве платы, Аландские острова». Он заявил, что «это будет мстью западным державам и Швеции за их слабую помощь»¹. Таким образом, в данном предложении Ниукканена уже просматривалась не просто перспектива сотрудничества с Германией, а идея создания немецко-финляндского союза, за который Финляндия была готова заплатить даже частью своей территории.

Объективно дискуссия в правительственных кругах выявила весьма примечательный момент. Здесь не наблюдалось какого-либо серьезного раскола во взглядах относительно значения Германии для политики страны. Но при этом четко просматривались две точки зрения. Президент К. Каллио явно обозначил вскрывшиеся разногласия и заметил, что вопрос состоял лишь в том, когда перейти на немецкую сторону: немедленно или когда Финляндия твердо решит закончить войну и заключит с СССР мирный договор².

В руководстве страны все больше становилось тех, кто склонялся к скорейшему окончанию войны. В результате 12 марта 1940 г. в Москве мир был подписан. Причем в Хельсинки его сразу стали рассматривать как «перемирие», то есть как «передышку», которая должна позволить подготовиться к тому, чтобы «поскорее возвратить утраченную территорию обратно»³. Таким образом, именно нацистская Германия сыграла определяющую роль в окончании «зимней войны», а в финском руководстве она стала рассматриваться как наиболее подходящий союзник в предстоящей борьбе с СССР. В Хельсинки именно на рейх возложили все дальнейшие надежды. Не случайно, финский генерал-майор П. Талвела уже в декабре 1940 г., когда встречался в Берлине с Г. Герингом, прямо ему сказал: «Война [1939—1940 гг. — В. Б.] все-таки вовремя закончилась, и мир был заключен в не меньшей мере благодаря Вашему совету, который господин рейхсмаршал дал нам через министра Кивимяки»⁴.

¹ Ibidem.

² Ibidem.

³ См.: UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 12.03.1940.

⁴ Цит. по: *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. S. 231.

Действительно, ситуация после подписания мира в Москве начала меняться, а Германия становилась главным гарантом перспективы возможного реванша, о котором говорили в правительстве страны еще в годы «зимней войны» и к которому в Финляндии затем на протяжении всего так называемого «перемирия» 1940–1941 гг. явно стремились. Более того, достаточно быстро прошли тайные финско-немецкие военные переговоры, которые закончились привлечением Финляндии к реализации плана «Барбаросса».

Саму же новую войну, начавшуюся в июне 1941 г., в Хельсинки называли «войной-продолжением», что уже само по себе говорило о ее прямой связи с «зимней войной». В этом плане далеко не случайным выглядит объяснение Финляндии в 1941 г. целей «войны-продолжения». В ноте, направленной 11 ноября в финские зарубежные дипломатические представительства, руководство страны прямо констатировало: «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 г.». Затем следует уточнение: «Было бы настоятельно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 г., во время первой фазы войны, если бы только силы были для этого достаточны»¹.

Следовательно, прав был финский профессор Х. Юликангас, который отметил, что Германия сыграла важнейшую роль в окончании войны 1939–1940 гг., выяснив ее позицию, «Финляндия пошла на перемирие с тем, чтобы затем быстро и с полной определенностью присоединить к своей территории Карелию»².

¹ UM. 12 L. Sähke Suomen ulkomaan edustajastoille 11.11.1941: Ankara, Berlin, Berne, Bucharest, Budapest, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Washington, Tokio. Подробнее см.: *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1942. СПб.; Хел., 2002. С. 142–145.

² *Ylikangas H.* Tulkintani Talvisodasta. S. 148.

Часть II

ФИНСКИЕ ЭСЭСОВЦЫ

ГЛАВА I

МЕЖДУ МИРОМ И НОВОЙ ВОЙНОЙ

В поисках большего

Стремительное подписание мирного договора для финского руководства означало лишь достижение определенного, не совсем приемлемого для них результата. В Хельсинки мир стал рассматриваться только как «передышка» или «перемирие». В день окончания «зимней войны» 13 марта 1940 г. в приказе главнокомандующего силами обороны Финляндии маршала К. Г. Маннергейма содержались многозначительные слова: «У нас есть гордое сознание того, что на нас лежит историческая миссия, которую мы еще исполним...»¹ Эта «миссия», о которой говорил маршал, конечно, заключалась в том, чтобы продолжать стойко защищать «западные ценности», являясь форпостом западной цивилизации на границах с СССР и, таким образом, продолжая борьбу до полной победы над Советским Союзом. Причем, что не менее важно, в Хельсинки окончательно «потеряли надежду на эффективную поддержку Финляндии со стороны великих Западных держав»². Война с СССР виделась неизбежной, а главным союзником рассматривалась исключительно Германия.

Участник московских переговоров — генерал Р. Вальден, являвшийся наиболее близким к К. Г. Маннергейму человеком, охарактеризовал заключенный мир «как дело государственной мудрости» и «дальновидно обдуманную меру»³. Характеризуя же в целом настроения в Финляндии, пресс-атташе германского дипломатического

¹ Приказ Маннергейма от 13 марта 1940 г. // Родина. 1995. № 12. С. 116.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. Jyväskylä, 1996. S. 729.

³ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Hels., 1970. S. 302.

представительства в Хельсинки Г. Метцгер написал в своих воспоминаниях, что здесь опять «хотели возникновения войны»¹. Таким образом, расчет нацистского руководства оказался правильным. Позиция государственно-политического и военного руководства Финляндии наиболее четко декларировалась на закрытых заседаниях парламента. Там твердо звучали голоса, что заключенный «мир не будет окончательным» и «надо считать его перемирием»².

Теперь оставался лишь вопрос о том, как реально на практике могут быть реализованы те обещания, которые в феврале 1940 г. Г. Геринг давал финскому посланнику Т. Кивимяки. Неслучайно, в Хельсинки сразу же предприняли попытки вновь прояснить позицию нацистов. И вновь финских дипломатов обнадежили, что для Финляндии не все потеряно, ее положение будет «исправлено», но это произойдет только с завершением военных действий на Западе. К тому же в руководстве вермахта принялись усиленно заверять в искреннем стремлении к «возобновлению взаимного сближения и дружественности с финской армией»³. Финнам дали незатейливый совет: «вооружаться так хорошо, как только возможно»⁴. Не забывали о своих уже существовавших контактах с Финляндией и в СС. Тогда из их руководства пришло обнадеживающее послание Б. Аалтонену, в политическую полицию Финляндии. В нем также выражалась надежда на «более тесное сотрудничество» финской полиции с СС⁵.

Более того, финским дипломатам в Берлине показали «новую карту Европы», где были отражены не только интересы Германии, но и определялись контуры будущей «великой Финляндии». По этой карте новая финская граница обозначалась «от северного побережья Финского залива к Ладожскому озеру и через Онежское озеро к Белому морю». То, как «собираются исправить восточную границу Финляндии после того, как Германия... развернет войну с Россией»⁶, не могло не впечатлить финское руководство.

¹ Metzger H. Poliittiset aseveljet. Hels., 1986. S. 22.

² Salaiset keskustelut. Lahti, 1967. S. 33.

³ UM. 5 C5. Донесение из Берлина, 18 марта 1940 г.

⁴ Ibid. 12 L (Saksa). Донесение из Берлина, 6 мая 1940 г.

⁵ Silvennoinen O. Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. S. 132.

⁶ UM. 5 C5. Донесение из Берлина, 1 июня 1940 г.

Тем не менее было ясно, что открытое сближение с Германией пока сдерживалось двумя обстоятельствами: рейх находился в состоянии войны с Западными державами, а в Берлине продолжали демонстрировать верность заключенным в 1939 г. договорам с СССР.

Но события разворачивались быстро. В апреле 1940 г. немецкие войска захватили Данию, в начале июня им удалось целиком оккупировать Норвегию. В результате Северная Европа оказалась в совершенно новой геополитической ситуации. Далее были повержены еще три европейских государства: Бельгия, Голландия и Люксембург. 22 июня капитулировала Франция. Все это не могло не произвести впечатление. Немецкий посланник в Хельсинки В. фон Блюхер в своих воспоминаниях заметил, что в этот момент ряд крупных политических деятелей, как ему стало известно, обратились к премьер-министру страны Р. Рюти, «настаивая на том, чтобы правительство Финляндии проявило “повышенное внимание” к Германии»¹. Таким образом с немецкими победами на Западе в Хельсинки у тех, кто рассматривал заключенный с СССР договор лишь как перемирие, появилась возможность увидеть реальные перспективы будущей борьбы. Действительно, уже наступило время, когда можно было вспомнить о том, что зимой 1940 г. говорил Т. Кивимяки Г. Геринг. Теперь ясно стала вырисовываться перспектива: с помощью Германии взять реванш в противостоянии с СССР.

Причем подобные настроения в финском руководстве стали еще больше усиливаться, поскольку в это время произошли существенные изменения и в финском МИД. Прогерманская ориентация в нем стала определяющей. В частности, министром иностранных дел был назначен германофил Р. Виттинг. Кроме того, в Берлин в качестве посланника был направлен Т. Кивимяки, военным атташе там был назначен немец по происхождению — полковник В. Хорн. Известный финский государственный и политический деятель К. О. Фрич по этому поводу достаточно откровенно отметил: «...Немцам не нужно было создавать в Финляндии скрытую пятую колонну, ... поскольку официальные круги Финляндии сами слишком охотно стремились к сотрудничеству...»²

¹ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935—44. S. 200.

² *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 320.

Кроме того, финская политическая полиция продолжала всячески цепляться за уже сложившиеся к этому времени контакты с руководством СС. Причем для финнов в данном случае главным было, прежде всего, найти подтверждение тому, что Германия в лице ее эсэсовских структур «по-прежнему ориентирована на борьбу против большевизма». Это четко можно было проследить по переписке Б. Аалтонена с шефом гестапо Г. Мюллером¹.

Тем временем летом 1940 г. в рейхе началось планирование агрессии против Советского Союза. Причем для нацистского руководства уже не было большим секретом, что Финляндия будет готова поддержать это нападение. В Берлине хорошо понимали, что результат «зимней войны» неминуемо порождает «жажду реванша». Более того, финское руководство — и это становилось заметным — само начало принимать меры к подготовке к этому населения страны. 10 июня 1940 г. в Государственной информационной службе было создано специальное контрольное ведомство. В его задачу входило активное распространение официальных пропагандистских материалов, а также масштабный просмотр и фильтрация десятков тысяч информационных сообщений, сотни из которых отсеивались². В результате, как отметил известный финский историк М. Йокипи, «материалы финских газет начали готовиться в выгодном для правительства духе, также появились бесцветные и препарированные комментарии о международных событиях, которые свели на нет всякую возможность граждан к самостоятельному политическому мышлению»³. В финских газетах теперь в полный голос принялись говорить о том, что «Германия является нашим основным внешнеполитическим другом»⁴.

Естественно, в рейхе это не могли не замечать. Вместе с тем, постепенно в официальных материалах, которые передавались для финской прессы, стали преобладать исключительно немецкие источники. Германское дипломатическое представительство в Хельсинки превратилось в своеобразный центр распространения немецкой инфор-

¹ *Silvennoinen O.* Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. S. 158.

² *Vilkuna K.* Sanan valvonta. Sensuuri 1939–1944. Hels., 1962. S. 54.

³ *Jokipi M.* Jatkosodan synti. S. 49.

⁴ KA. R. Holstin kokoelma, 68. N 14.

мации и пропаганды¹, а посланник В. фон Блюхер — в одну из ключевых фигур в ее организации². Финской печати и радио было «не рекомендовано» критиковать нацизм и его преступления. По радио начали широко транслировать речи Гитлера, превозносились фашистские порядки и германская внешняя политика.

В тот момент в Финляндии уже возник весьма ограниченный круг лиц, который и направлял всю финскую политику³. Этот «круг», минуя правительство страны и его парламент, начал решать кардинальные вопросы внутренней и внешней политики. Плюрализм мнений, естественно, в таких условиях не приветствовался. Отмечая происходившие в Финляндии перемены, германские газеты восторженно писали, что здесь после марта 1940 г. «начала вырисовываться основная линия авторитарного режима» и Финляндия «готовится к включению в новый порядок в Европе»⁴, то есть порядок, который устанавливали тогда нацисты.

Тем временем 4 июля министр иностранных дел Р. Виттинг с упоеанием отрапортовал В. фон Блюхеру, что «у населения Финляндии дружественные настроения к Германии нарастают подобно лавине». Далее он добавил, что сейчас уже «существуют взгляды о необходимости создания правительства, которое исключительно было бы сориентировано на Берлин»⁵. Столь серьезное заявление было конкретизировано пожеланием, чтобы финские войска «с помощью немецких армий могли бы через несколько месяцев вернуть территорию, которая перешла к России»⁶.

Естественно, подобные утверждения были крайне обнадеживающими для германских представителей. В Берлине четко почувствовали, что «финская перспектива давала благоприятные возможности» для подготовки похода на Восток с использованием «северного плацдарма»⁷.

¹ *Salminen E.* Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Hels., 1976. S. 31.

² *Ibidem.*

³ См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003. С. 28.

⁴ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 127.

⁵ *Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. X.* London, 1957. P. 121; *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 200.

⁶ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 200.

⁷ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 78.

Более того, имея соответствующую позитивную для себя информацию, рейх перешел к конкретному зондированию возможностей активного военного сотрудничества с Финляндией.

Первый отчетливый знак внимания нацистов в этом направлении был дан в середине июля. Агент Службы безопасности (СД) и внешнеполитической разведки Германии Л. Вейссауер, находясь в Хельсинки, развернул активную работу по выяснению позиции финнов в случае, «если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт»¹. Результат для рейха стал позитивным: «Вейссауер получил разъяснение о готовности Финляндии воевать», а сами его переговоры «показали, что финны ожидали конфронтации между Германией и Советским Союзом и улавливали симпатии к себе со стороны Германии»². Таким образом был сделан первый шаг на пути к последующему определению места Финляндии в начавшейся разработке плана «Барбаросса».

Более того, в то же самое время, когда Л. Вейссауером велись переговоры в Хельсинки, министр иностранных дел Р. Виттинг со своей стороны постарался выяснить у самого Г. Геринга, «в какой мере Германия готова предоставить Финляндии прямую помощь» в случае очередного конфликта с СССР³. Причем финляндские представители открыто начали искать возможность лично встретиться с рейхсминистром иностранных дел И. фон Риббентропом или даже с А. Гитлером. Предметом их переговоров, как это становится понятно, должен был стать вопрос о кардинальном усилении взаимодействия Германии и Финляндии⁴. Вот что в этой связи узнал и срочно сообщил в Берлин Блюхер: «Я не получил от г-на Виттинга четких сведений, о чем представители финского правительства собираются говорить в Берлине. Но я узнал из другого источника, что они желали бы достигнуть договоренности... относительно их собственной территории, которая бы значительно потеряла свой суверенитет в пользу Германии»⁵.

¹ Ibidem.; *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3–20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. Keuruu. 1979. S. 294, 132.

² *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Hels.; Juva, 1984. S. 42; *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 114.

³ *Reimaa M.* Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3–20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. S. 129.

⁴ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D. Vol. X. P. 406.

⁵ Ibidem.

Тем не менее дальнейшего развития данная инициатива не получила. Финляндское руководство никаких официальных действий предпринимать не стало. Да и в Берлине посчитали, что «время для такой поездки еще не пришло»¹. В этом отношении показательным было то, что сведения, поступавшие из Хельсинки, дошли до самых верхов, и переданную информацию очень хорошо запомнили. Даже весной 1942 г. о финской инициативе вспомнили, причем заговорил об этом сам фюрер. Гитлер тогда сказал, что одно время «финны на-прашивались на протекторат Германии»². Очевидно, что в период неожиданного для рейха затягивания войны с СССР, воспоминания о желании финляндского руководства пожертвовать своим суверенитетом в пользу Германии имели важное политическое значение для дальнейшего развития союзнических отношений.

Летом же 1940 г. указанная идея просто не могла быть реализована. В Берлине тогда были не в состоянии пойти на подобный шаг, не рискуя вызвать нежелательную реакцию и подозрение у СССР. Гитлер достаточно определенно раскрыл впоследствии суть своей политики по отношению к Финляндии. «После своей первой войны с русскими, — признавал он, — финны... предложили установить германский протекторат». Но он «не сожалеет, что отклонил тогда это предложение... Было гораздо правильнее сохранить такой народ в качестве союзника, нежели включить в германский рейх, ибо это вызвало бы только трудности»³.

Немецкие войска в Финляндии

В целом Финляндия не обрела для себя надежных гарантий того, что рейх ей окажет какую-либо реальную военную помощь. Поэтому в Хельсинки явно стремились выдвигать такие инициативы, которые могли бы закрепить предполагаемый военный союз. Неслучайно тогда появилась идея возрождения прежнего «егерского движения», возникшего еще во время Первой мировой войны⁴. Его сторонники,

¹ Ibid. P. 424.

² Manninen O. Suur-Suomen ääriiviivat. Hels., 1980. S. 140.

³ Застольные беседы в ставке Гитлера (июль 1941 — июнь 1942 г.) // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 177.

⁴ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 23.

как известно, активно включились на стороне кайзеровской Германии в борьбу против России и стали надежным связующим звеном между финским и немецким руководством.

Однако летом 1940 г. подобные радикальные предложения в рейхе продолжали считать преждевременными. Как тогда указал хорошо разбиравшийся в финско-германских отношениях Т. Кивимяки, в данных условиях следовало в открытой форме продолжить налаживание контактов главным образом по линии экономического, а также культурного сотрудничества¹. Военные и политические связи, конечно, не афишировались.

Тем не менее финляндско-германские контакты становилось все труднее скрывать. По данным советской разведки, уже с первых дней июля проявился «наплыв в Хельсинки немцев, которые... чаще всего посещают МИД и военное министерство»². Лето 1940 г. стало переломным временем в определении перспектив будущего развития. Причем в рейхе все пытались делать поэтапно и весьма основательно. В Берлине полагали, что самое главное — это «организация продажи Финляндии оружия», которая позволила бы закрепить «ее в качестве союзника в войне против СССР»³. Но основной целью германского командования являлось получение от Хельсинки согласия на использование финской территории немецкими войсками. Причем предоставление Финляндии вооружения и боевой техники рассматривалось здесь как своего рода «приманка»⁴.

Для реализации этого замысла А. Гитлер 14 августа 1940 г. дал указание направить в Финляндию специального представителя для ведения секретных переговоров. Им стал бывший немецкий офицер Йозеф Фельтьенс⁵, который занимался в то время сделками по продаже оружия. Цель поездки заключалась в том, чтобы тайно встретиться с Маннергеймом и добиться решения двух проблем: во-первых, получить согласие на перемещение через финскую территорию в Северную Норвегию («транзитом») германских войск; во-вторых,

¹ УМ. 5 С5, Донесение из Берлина 4 августа 1940 г.

² Силицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 94.

³ Korhonen A. Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Porvoo; Hels., 1961. S. 99.

⁴ Documents on German foreign policy 1918–1945. Ser. D. Vol. X. P. 467.

⁵ В исторической литературе транскрипция фамилии Йозеф Фельтьенс (Joseph Veltjens) дается еще как Йозеф Вельенс.

добиться конкретизации вопроса о поставках Финляндии оружия¹. Таким образом, речь уже пошла о возможности появления на территории Финляндии немецких войск. Их «транзит» должен был стать просто прикрытием официального вступления вермахта на финскую территорию. Однако — и это было очень показательно — предполагалось, что столь важная проблема, касавшаяся суверенитета Финляндии, должна была обсуждаться не с руководством страны, а с главнокомандующим финской армии. В Берлине хорошо представляли роль финского маршала в управлении государством и поэтому учитывали, что его влияние выходило далеко за рамки Военного ведомства. В рейхе знали, что Маннергейм весьма активно вторгается в область внешней политики².

Действительно, 18 августа Фельтьенс был принят Маннергеймом, и Германия получила от Финляндии согласие на «транзит». Это означало абсолютный успех немецкого руководства. Герман Геринг, подытоживая значение визита Фельтьенса, указал: «В это мгновение решилась участь Финляндии. Теперь она снова принадлежит немецкой сфере влияния»³.

Однако этот разворот в политике следовало хранить в строгом секрете. Финляндский посланник в Берлине Т. Кивимяки 29 августа направил специальное письмо К. Г. Маннергейму, в котором приводились слова, сказанные ему Г. Герингом. Представитель высшего нацистского руководства строго предупредил Кивимяки: «Вам, финнам, нельзя ничего говорить, пока вы не получите разрешения!»⁴ Таким образом, соблюдение тайны оставалось одним из важных условий последующего германо-финского военного сотрудничества.

Уже 21 сентября первые немецкие транспорты с войсками и оружием прибыли на побережье Ботнического залива в финский порт Вааса. После этого «немецкий поток» только нарастал. В Финляндию активно доставлялись все новые и новые части германской армии, которые высаживались в финских портах, а затем следовали по железной дороге на север до Рованиеми, административного центра губер-

¹ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 80.

² *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 22.

³ Цит. по: *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 81.

⁴ Цит. по: *Nevakivi J.* Ystävistä vihollisiksi. Suomi Englannin politiikassa 1940—1941. Hels., 1976. S. 64.

нии Лапландия. В течение нескольких недель — с конца сентября до середины октября 1940 г. — через Финляндию проследовало порядка 5 тысяч солдат вермахта¹. Более того, чуть ли не половина прибывших в Финляндию германских военнослужащих уже тогда осталась в стране. Более 2 тысяч немецких солдат должны были теперь обеспечивать «охрану» путей передвижения германских войск². Чуть позже немецкие войска стали также направляться в Финляндию и из Норвегии.

Тем не менее в Финляндии, несмотря на появление германской армии на ее территории, продолжали упорно стремиться ускорить процесс общего сближения с рейхом по военной линии. Прежде всего для Хельсинки было крайне важно получить большую ясность в перспективном плане войны³. Однако в Берлине не особенно спешили с форсированием переговоров. Было ясно, что Финляндии остается выбирать одно из двух: вместе с Германией участвовать в войне против СССР, либо приступить к выдворению немецких войск из своей страны, что было уже нереально⁴.

В целом финско-германское сотрудничество развивалось, как и раньше, на сугубо конспиративной основе. Причем важную роль здесь продолжали играть германские структуры СС. Так, шеф гестапо Г. Мюллер пригласил во второй половине октября в рейх представителя финской политической полиции Б. Аалтонена с тем, чтобы ему сообщить: «Германии необходима информация о России»⁵. Этим запросом высший чиновник Главного управления имперской безопасности не только подтверждал развивающиеся связи своего ведомства с финской полицией, но и, как считает О. Силвеннонен, намекал «о том, что конфронтация с СССР становится все более вероятным вариантом» развития событий⁶.

Имея полное понимание о перспективах участия Финляндии в совместной войне против СССР, в Берлине приступили к завершающей

¹ *Terä M.V.* Tienhaarassa. Syksyn 1940 tapahtumat Barbarossa — suunnitelmat tausta vasten. Hels., 1962. S. 165; *Korhonen A.* Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. S. 110.

² *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg... S. 83; *Korhonen A.* Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. S. 110.

³ См.: УМ. 5 С5. Донесение из Берлина 25 сентября 1940 г.

⁴ *Lehmus K.* Tunteimat Mannerheim. Hels., 1967. S. 29.

⁵ *Silvennoinen O.* Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. S. 169.

⁶ Ibidem.

стадии выработки плана агрессии, в котором финская армия должна была совместно с вермахтом принять активное участие в наступлении на северо-западные территории Советского Союза. Так, 5 декабря 1940 г. на совещании с военным руководством Гитлер совершенно определенно заявил, что в операции против СССР «будет участвовать Финляндия»¹. В результате в директиве № 21 (план «Барбаросса»), которую 18 декабря Гитлер подписал и в которой содержались общий замысел и исходные директивы об агрессии против СССР, указывалось: «На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России»².

Сразу же после этого финский представитель, генерал П. Талвела, который находился в это время в Германии по заданию К. Г. Маннергейма, был принят Г. Герингом. Высокопоставленный представитель Третьего рейха ему твердо заявил: «...Финляндия оказалась в сфере интересов Германии. И Вы можете, генерал, сказать маршалу [Маннергейму. — В. Б.], что Финляндии нечего бояться»³. Далее Геринг особенно подчеркнул, что Финляндии «надо идти вместе с Германией последовательно и неколебимо» и когда рейх «одержит победу, то также победит и Финляндия»⁴. Разумеется, наивно полагать, что после этих слов финское руководство не могло прогнозировать развитие последующих событий. 7 января 1941 г. К. Г. Маннергейм лично направил письмо, адресованное Г. Герингу, где «благодарил рейхсмаршала» за то, что тот пошел «навстречу надеждам, выраженным Финляндией»⁵.

Так, период выяснения перспектив германо-финляндского сотрудничества закончился. Г. Геринг выполнил обещание, которое дал еще в феврале 1940 г. Германия продемонстрировала финнам свое реальное желание начать подготовку к войне с СССР. И теперь началось военное планирование общих наступательных боевых действий. Именно тогда, в начале 1941 г., произошла целая серия встреч пред-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник: в 4 т. Т. 2. М., 1969. С. 278, 281.

² Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 2. М., 1958. С. 560, 563.

³ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 1. Jyväskylä, 1976. S. 262.

⁴ Ibid. S. 265.

⁵ Reimaa M. Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3—20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. S. 244.

ставителей высшего немецкого и финского военного руководства, в ходе которых рассматривались уже конкретные совместные действия в планировавшейся агрессии против СССР.

По распоряжению Маннергейма в Германию срочно выезжает начальник Генштаба — генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. Он сразу же приступил к переговорам с начальником Генштаба сухопутных войск генерал-полковником Ф. Гальдером. Оценивая прошедшие переговоры, присутствовавший на них финский военный атташе полковник В. Хорн сделал в своем дневнике лаконичную запись: «Знаменательный день в истории Финляндии...»¹ На следующий день была подписана Директива Верховного командования сухопутных войск (ОКХ), в которой четко формулировалось: группа армий «Север», наступая «совместно с финской армией и переброшенными для этого из Норвегии немецкими войсками, окончательно лишает противника последних оборонительных возможностей в северной части России»².

При этом о произошедших изменениях в сотрудничестве между Финляндией и Германией уже знали не только высокопоставленные финские военные. Об этом знали и в высших кругах руководства страны. Сразу же после визита Э. Хейнрикса в Германию посланник Т. Кивимяки от имени президента Р. Рюти вполне официально сообщил имперскому министру иностранных дел И. фон Риббентропу, что Финляндия полностью становится на сторону Германии³. Сам же президент на заседании правительства 12 февраля и через два дня в письме к посланнику в Москве Ю. К. Паасикиви дал информацию о достигнутых к этому времени результатах⁴. Причем на дальнейшую их перспективу он выразил весьма оптимистические взгляды. Рюти писал тогда Паасикиви: «Немцы, ... когда почувствуют, что обстановка станет для них благоприятной... ударят по России и захватят ее основные промышленные районы»⁵. Это свидетельствовало о том, что

¹ *Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 160.*

² 1941 год. Кн. I. М., 1998. С. 576.

³ *Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 165.*

⁴ *Ibid. S. 165.*

⁵ Цит. по: *Manninen O. Political expedients for security during the «Interim peace» and at the start of the Continuation war (1940–1941) // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62. P. 111.*

у финского президента уже не существовало особых сомнений ни в предстоящей войне между Германией и СССР, ни в конечном ее итоге.

Перелом, который произошел в финско-германских отношениях на рубеже 1940—1941 гг., требовал от руководства страны новых политических решений, и они начали приниматься. Как раз на этом этапе и начала реализовываться идея организации в Финляндии подразделений войск СС.

ГЛАВА II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭСЭСОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ

Сложные политические процессы, которые происходили в германо-финляндском сотрудничестве, не могли не повлиять к началу 1940-х гг. на отношение в финском обществе к нацистской идеологии. Решительное намерение встать рядом с Германией в готовящейся агрессии против СССР требовало от руководства Финляндии принятия ответственных политических решений. В этом плане в Хельсинки решили войти в уникальный по своей сути проект: поддержать идею создания Германией из граждан своей страны нацистских формирований. Причем, как считают некоторые исследователи, «добровольцы приобрели бы ключевую роль в качестве гарантии или “залога” де-факто германо-финской военной коалиции»¹.

Позиция руководства Финляндии в отношении эсэсовского движения

В целом это была необычная в своей исторической практике задача. Ни одно из независимых государств мира до этого не участвовало на правительственном уровне в организации на своей территории немецких эсэсовских подразделений. Конечно, главные решения тогда принимались в Берлине, где, в условиях подготовки к войне против СССР, возникал серьезный дефицит в войсковых соединениях, в том числе и нацистского характера. Это требовало поиска дополнитель-

¹ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 22. См. также: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 730.

ных источников для их пополнения, чего можно было отчасти добиться путем вербовки поклонников нацистской идеологии в подчиненных рейху странах. В результате по решению руководства СС на оккупированных немецкими войсками территориях началась вербовка лиц так называемого нордического типа. Подобная работа активно развернулась в захваченных немцами Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Попытка же Германией в начале июля 1941 г. наладить вербовку добровольцев в нейтральной Швеции встретила в Стокгольме резко негативную реакцию, и немецким представителям было заявлено, что «Швеция не разрешит своим гражданам вступить в какую-либо иностранную армию»¹.

Тем не менее возникла идея привлечь к формирующимся интернациональным подразделениям войск СС также и граждан Финляндии. Как полагали в Берлине, здесь особых проблем не должно было возникнуть. Действительно, финское руководство эту инициативу поддержало. Финляндия вполне осознанно и добровольно пошла тогда на столь идеологически компрометирующий для себя шаг, призванный «показать, по замыслу Гимmlера, общеевропейское стремление уничтожить коммунизм»². Именно в этом идейном ключе борьбы с коммунизмом и рассматривалась возможность создания из граждан Финляндии эсэсовских формирований.

Вспомнив о старом егерском движении, когда финские добровольцы воевали на стороне кайзеровской Германии против России в Первую мировую войну, и используя его, как перспективный аналог развертыванию в Финляндии вербовки для Германии новых добровольцев, финское руководство решило, что это «сохраняет традиции», при которых могли «общей военной службой объединять народы»³. Единственно, что явно отличало финских старых егерей от новых эсэсовских добровольцев, был пронацистский характер «нового егерского движения». Тем не менее прежние егеря сумели к этому времени познакомиться со спецификой формирования немецких

¹ *Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasaikakauslehti. 1981. S. 782.*

² *Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 461.*

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 23.*

дивизий СС, соединив таким образом прежнюю традицию с новым эсэсовским движением. Их делегация съездила в Берлин и осталась вполне довольна тем, что им показали в казармах «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер»¹. Более того, бывшие егеря сами, собственно, и предложили организовать «набор финских добровольцев в немецкую армию»².

Но, естественно, встать на путь привлечения финских граждан в эсэсовские формирования в рейхе могли лишь когда было окончательно решено сообщить финскому руководству о будущих перспективах совместной войны. Это произошло, как известно, в конце 1940 г.³ Проблема привлечения финнов к эсэсовскому движению тогда стала «аккуратно» подниматься в руководстве СС. Как отмечает профессор М. Йокипии, в октябре, а затем в декабре 1940 г., вопрос о включении «финского контингента» в эсэсовские подразделения конкретно начали обсуждать с бывшим егерем, генералом Х. Эстерманом⁴. Разумеется, все эти действия проходили параллельно с принятием общего концептуального решения о необходимости создания новой эсэсовской дивизии и своего «гитлеровского интернационала»⁵.

Окончательно решение об образовании новой дивизии СС А. Гитлер объявил 21 декабря 1940 г. Чуть позже это эсэсовское формирование получило звучное наименование «Викинг». Командиром дивизии был назначен достаточно заметный деятель нацистского движения в Германии бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Ф. Штейнер. До этого он принимал активное участие в создании войск СС, а с 1936 г. командовал штандартом СС «Дойчланд»⁶. До назначения на должность командира дивизии СС «Викинг» у него был уже опыт службы в дивизии СС «Рейх»⁷.

¹ См.: Ibid. S. 24.

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 21.

³ *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 164–167.

⁴ *Jokipii M. Jatkosodan synty* S.189.

⁵ *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 6; *Залесский К. А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М., 2009. С. 543.

⁶ *Залесский К. А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 765.

⁷ См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 94–95.

В целом Ф. Штейнер, вероятно, как никто другой подходил на пост командира дивизии «гитлеровского интернационала». Он характеризовался как «консервативный идеалист»¹. Штейнер с «пониманием» и «доверием» относился к идее привлечения в СС представителей других стран. Он считал, что «феномен западного волонтерства имел более глубокие психологические основы», которые отражали «духовный кризис европейской молодежи». Ф. Штейнер подчеркивал, что новобранцы, поступающие в ряды дивизии «Викинг», представляли собой, прежде всего, молодых людей, «разочаровавшихся в национализме своих отцов», и поэтому они «окажутся отзывчивыми» ко всем тем задачам, которые в идеологическом плане ставились перед эсэсовскими войсками. Как указывают некоторые исследователи, Штейнер активно включился в формирование своей дивизии, полагаясь здесь на необходимость «сохранять пангерманские или европейские связи среди своих людей»².

Если говорить о включении в состав дивизии финляндского контингента, то поддержка этому оказывалась в СС на самом высоком уровне. По мнению немецких дипломатов, прежде всего, «Гиммлер проявлял к Финляндии особый интерес»³. В самой организации из граждан этой страны подразделений войск СС он видел «соответствующую настоящему времени политическую модель», создаваемую Третьим рейхом⁴. Более того, в данном случае нацисты смогли еще и прозондировать финское общественное мнение. По заданию эсэсовского руководства, в январе 1941 г. прошли неофициальные «переговоры с активистами в Хельсинки», в ходе которых пытались выяснить, «насколько финны готовы присоединиться к недавно созданной дивизии СС “Викинг”»⁵. Результат оказался вполне обнадеживающий: «Выяснилось, что в стране достаточно добровольцев, чтобы сформировать из них, по крайней мере, один батальон ваффен СС»⁶.

¹ Ibid. S. 93.

² Цит. по: Ibid. S. 94.

³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 301.

⁴ *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa S. 243.

⁵ *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 9.

⁶ *Бамлер P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 19, 21; См. также: *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 10.

Единственное, что не могло не смущать обе стороны, — неарийское происхождение большей части населения страны. Финно-угорские народы никак не укладывались в расово-теоретические построения нацистов, поскольку они не являлись представителями ни индоевропейской, ни, тем более, арийской расы. Поэтому в Берлине вначале планировали комплектовать в Финляндии части СС преимущественно из лиц шведского происхождения. Только их могли рассматривать в качестве идеального «образца в расовом отношении» для службы на стороне Германии. Иными словами, в рейхе надеялись, что в эсэсовских подразделениях финских шведов окажется значительно больше, чем собственно финнов¹.

В целом идея создания из граждан Финляндии эсэсовских формирований нацистским руководством полностью разделялась. 30 января 1940 г. Г. Гиммлер дал на это свое окончательное согласие. Спустя чуть меньше месяца, 20 февраля, согласился и сам фюрер². Только после принятия решения на самом верху о нем, наконец, решили официально сообщить финскому руководству.

1 марта 1941 г. к посланнику Финляндии в Берлине Т. Кивимяки обратился начальник Главного управления СС бригадефюрер и генерал-майор войск СС Г. Бергер. Он считался «главным специалистом по расовому отбору кандидатов в СС»³. Бергер выразил финскому дипломату надежду, что «для сближения отношений между Финляндией и Германией» будет начато открытое создание на финской территории эсэсовских частей. Бергер к тому же подтвердил, что рейхсфюрер Г. Гиммлер лично «дал свое согласие на включение финнов в войска СС»⁴.

В итоге вопрос ставился как бы «в рабочем порядке», без его общего согласования в финском правительстве. Это говорило о том, что для нацистов на данном историческом этапе не существовало никаких «загадок» в отношении политики Финляндии. Там явно не существовало сомнений в отношении позиции финского руководства. Из Берлина лишь дали понять, что Финляндии следует конкретными «делами подтвердить свое желание следовать немецким курсом».

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 200.

² *Ibid.* S. 190; *Seppälä H.* Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Hels.; Juva, 1984. S. 73.

³ *Батлер P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 14.

⁴ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen politiikan muistelmia. S. 209–210.

В рейхе также особо подчеркнули, что теперь демонстрация Финляндией своего лояльного отношения к нацизму с помощью только «пропагандистских выступлений отдельных лиц... недостаточна»¹.

Весьма примечательно, что предложение о необходимости образования финских частей СС немецкое руководство подкрепляло обещанием присоединения к Финляндии новых территорий. Они, конечно, должны были находиться на Востоке. Конкретно сообщалось, что «Германия в войне против России будет заботиться о том, чтобы Финляндия не только вернула свои прежние границы, но и установила границы там, где она сама захочет». Этот аргумент, как считает финский исследователь, профессор М. Йокипии, «был действительно сильным»².

В целом дальнейшие переговоры по вопросу о создании из финских граждан эсэсовских формирований осуществлялись сугубо по государственной линии. 9 марта 1941 г. МИД Германии поручило своему посланнику в Хельсинки В. фон Блюхеру официально «получить согласие финского правительства на набор финского добровольческого батальона СС»³. Уже 11 марта в финском Министерстве иностранных дел начались переговоры, а 12 марта государственное и военное руководства Финляндии единогласно приняли немецкое предложение. Его приняли президент Р. Рюти, премьер-министр Ю. Рангелль, министр иностранных дел Р. Виттинг, министр обороны Р. Вальден и министр внутренних дел Э. фон Борн, а также главнокомандующий финскими силами обороны К. Г. Э. Маннергейм⁴.

Таким образом в середине марта 1941 г. между финским правительством и представителями Главного управления СС была достигнута окончательная договоренность об организации набора финских добровольцев на военную службу в Германии⁵. Проблема с возможностью создания финских частей СС была решена. Причем знак равенства между образуемыми в Финляндии формированиями СС и добровольческими подразделениями СС на оккупированных нем-

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 193.

² *Ibidem.*

³ *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 10.

⁴ *Ibid.* P. 10–11.

⁵ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 21.

цами территориях поставить нельзя. В Хельсинки сами принимали по данному поводу окончательные решения. Также бессмысленно было закрывать глаза на то, что эсэсовские войска серьезно отличались от вермахта. Любые попытки финского руководства, которое хорошо понимало разницу, добиться, например, переподчинения финских добровольцев командованию вермахта, не давали, естественно, никакого результата¹. Для рейха важным было участие финнов именно в войсках СС.

Так в Финляндии был сделан четкий шаг не только к военному союзу с рейхом, но и, что не менее важно, началось движение в сторону нацизма. Однако ни у министра иностранных дел Р. Витинга, ни у премьер-министра Ю. Рангелля, ни у министра обороны Р. Вальдена или министра внутренних дел барона Э. фон Борна, ни, естественно, у президента Финляндии Р. Рюти возможные перспективы комплектования эсэсовских частей из финских добровольцев не вызвали никаких принципиальных вопросов².

Особенное значение имело отношение к «эсэсовской идее» маршала К. Г. Маннергейма. Но он также не возражал против нее³. Это означало, что Маннергейм готов был собственноручно санкционировать решение, которое предоставляло Германии право формировать из финских граждан мобилизационного возраста новые немецкие войсковые соединения. Таким образом, в условиях активной подготовки Финляндии к новой войне против СССР, даже общая ограниченность людского потенциала для широкого развертывания собственных вооруженных сил не стала преградой для финского руководства в принятии столь ответственного политического решения. Причем, в частности, к Маннергейму у эсэсовского руководства не было за это особой благодарности или какого-либо пиетета. Командир дивизии СС «Викинг» Ф. Штейнер вообще характеризовал его достаточно презрительно. После личной встречи с Маннергеймом он

¹ Ibidem; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 35.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 35.

³ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmät. S. 210. Показательно, что сам Маннергейм пытался этот факт в своих воспоминаниях отрицать (см.: *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 365–366), хотя последующий ход событий указывает на то, что он был одним из ключевых фигур в решении проблемы формирования финских эсэсовских частей.

посчитал, что финский «маршал, без сомнения, представляет собой архетип старого генерала царской гвардии в его полной нетерпимости и изощренных интригах». Далее же Штейнер еще отметил, что у Маннергейма «властный характер и склонность к жесткости с деспотичными личными капризами»¹. Так характеризовал финского маршала эсэсовский генерал...

В результате весьма легко в марте 1941 г. немцы смогли получить от финского руководства исключительное право на комплектование на финской территории довольно специфических воинских соединений. Причем на создаваемые в Финляндии эсэсовские подразделения полностью стала распространяться директива, предполагающая, чтобы у новобранцев «национал-социалистическая идеология должна быть господствующей» и «каждый эсэсовец должен быть готовым слепо выполнять любой приказ, отданный его вышестоящим начальством или фюрером, невзирая на те жертвы, которые могут при этом потребоваться»².

Начавшаяся в Финляндии работа, так же, как и следовавшая транспортировка финских добровольцев непосредственно в Германию, должна была осуществляться в глубокой тайне. В частности, завербованных СС финнов в рейх планировали переправлять секретно, исключительно морским путем. Причем даже «избегая шведских территориальных вод». Более того, доставляемых на немецкую территорию финнов следовало маскировать «под рабочих для заводов Германа Геринга»³. Так, достаточно витиевато, но весьма детально, продумывался весь механизм скрытого межгосударственного взаимодействия на базе формирующегося в Финляндии эсэсовского движения.

15 марта 1941 г., вскоре после достижения принципиальных договоренностей между Финляндией и Германией о записи на финской территории в немецкие войска СС жителей страны, в Хельсинки с целью непосредственной практической организации соответствующих мероприятий прибыл из Германии штандартенфюрер СС П. Дам⁴. Он до этого уже занимался подобными вопросами на терри-

¹ Цит. по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 97.*

² *Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 18.*

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 33.*

⁴ Дам также являлся депутатом рейхстага. — *Примеч. ред.*

тории оккупированных нацистами Голландии и Норвегии. Но специфика нового для него назначения состояла в том, что Финляндия являлась независимым государством. Поэтому он отправился в данную командировку конспиративно, облачившись в сугубо штатский костюм¹. Таким образом, конспиративность разворачивающихся на финской территории мероприятий являлась одним из важных условий формирования эсэсовских частей. Ни немцы, ни финны явно не собирались афишировать начинающуюся работу. Эта тенденция сохранится практически до самого начала Великой Отечественной войны.

С другой стороны, было ясно, что финское руководство предоставляет нацистам абсолютно комфортные условия для развертывания их деятельности. Это можно было заметить даже по тому, что непосредственная организация вербовки в СС финской молодежи была поручена уже известному по налаживанию связей с нацистами прежнему начальнику сыскной (политической) полиции Финляндии — майору Э. Риекки. У него, как известно, сложились весьма тесные отношения с эсэсовцами.

После этого своего «назначения» Риекки срочно, 17 марта, был отправлен в Берлин². Там его детально проинструктировали, а он, со своей стороны, твердо заверил эсэсовское руководство, что отбор добровольцев в Финляндии будет вестись весьма строго. Риекки подчеркнул, что в СС не будут записывать «авантюристов и безработных, а только самых лучших людей»³.

Затем, 26 марта, через несколько дней после того, как Риекки из Германии вернулся, в помощь ему был образован некий неофициальный комитет. Создание этого комитета финскому руководству было крайне необходимо, поскольку он официально представлялся в качестве «неправительственной вербовочной организации», что подразумевало отсутствие любых связей с государственными структурами⁴. Таким образом, формально финское руководство дистанцировалось от разворачивающегося в стране эсэсовского движения, а оно превращалось в сугубо «общественное движение».

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan syntyy. S. 194.

² *Ibid.* S. 191.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 41.

⁴ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 21.

Тем не менее связь с государством комитета Риекки трудно было не заметить. Как отметил депутат парламента С. О. Фрич, сразу же стала просматриваться откровенная «правительственная поддержка». Фрич указал, что эта организация явно стала «получать соответствующие средства из государственных фондов, прежде всего, от министерств обороны и иностранных дел»¹. Иными словами, связь руководства государства с начавшейся работой по развитию в Финляндии эсэсовского движения хотя и скрывалась, но не на столько, чтобы не быть заметной. Ее просто было очень сложно утаить. Хотя, как заметил профессор Л. Викалунд, «на самом деле только ближний круг правительства был полностью проинформирован о схемах вербовки и о различных практических шагах, которые тогда предпринимались»².

Были также предприняты попытки официально откеститься от эсэсовского движения и ряда государственных структурных подразделений. Военное ведомство, например, явно пыталось скрыть какую-либо свою причастность к поддержке деятельности эсэсовского комитета. В результате военные действовали через другие государственные структуры. В частности, Министерство обороны стремилось перечислять средства для финансирования деятельности комитета через Министерство иностранных дел. Также определенную роль в финансировании эсэсовского движения стали играть различные подставные организации, такие как, например, некое «Инженерное бюро Ратас»³.

Таким образом, если внимательно отследить «финансовые потоки», можно, отбросив явно подставные организации-однодневки, четко зафиксировать роль, которую в создании финских эсэсовских формирований играло государство. В итоге, как заметил профессор М. Йокиппи, «с исторической точки зрения важно, что финское правительство само начало осуществлять значительные затраты для бесплатного и щедрого набора» в немецкие войска граждан Финляндии⁴.

Также показательным стало то, что в состав комитета Риекки вошли деятели правых политических организаций, а также представители финских государственных структур, включая сотрудников поли-

¹ *Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 350.*

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 22.*

³ *Ibid. S. 21.*

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 83.*

ции и военнотружущих. Кроме того, в комитете оказались видные представители крупного капитала, которые тоже должны были, очевидно, помогать решать конкретные финансовые вопросы, связанные с работой по развешиванию по всей Финляндии эсэсовской пропаганды¹.

В целом в руководстве Финляндии активно, но негласно включились в работу по налаживанию вербовочного движения. С другой стороны, здесь еще надеялись, что неофициально, через комитет Риекки, можно будет ставить свои условия, связанные с перспективой эсэсовской вербовки. Так Риекки, например, полагал, что поскольку «Финляндия является единственной свободной страной, которая предоставила Германии добровольцев, то новобранцы по их положению должны были принципиально отличаться от тех, которых набирали на территории оккупированных стран»². Из Хельсинки, в частности, просили позвешить образовать самостоятельное эсэсовское подразделение, которое не будет растворено в общей массе войск СС. Также выражалась надежда, что финские добровольцы будут принимать свою собственную военную присягу, которая отличалась бы от текста, принятого для немецких эсэсовцев³.

С точки зрения Финляндии, подобные просьбы казались вполне понятными. Здесь хотели дистанцироваться от нацистской идеологии, которая явно дискредитировала руководство страны, будучи определяющей для подобных военизированных формирований. В Хельсинки хорошо знали содержание присяги поступающих на службу в СС новобранцев. Там, например, добровольцы были обязаны лично дать клятву «в верности и отваге» только одному фюреру⁴. Это обстоятельство, очевидно, несколько «смущало» финское руководство.

Однако в Германии подобная своенравная позиция финских правящих кругов не могло понравиться. Тем не менее нацисты стремились демонстрировать свою «гибкость». Для Берлина главным оставался сам факт возникновения в Финляндии эсэсовского движения, и в рейхе явно не хотели обострять отношения с финским руковод-

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synti. S. 193.

² *Jokipii M.* Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 58.

³ *Jokipii M.* Jatkosodan synti. S. 193.

⁴ *Батлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 19; *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 247.

ством. В результате эсэсовцам рекомендовалось «избегать любых поступков, которые могли бы ущемить... национальную гордость» финского населения¹. Гиммлер также ясно дал понять, обращаясь к иностранным legionерам СС: «Все, что мы от вас просим... чтобы вы следовали идеям высшей расы и ее историческому идеалу, что является единственной и восхваляющей силой, скрепляющей Германский рейх»².

Чтобы как-то договориться с финнами и преодолеть возникающие «шероховатости» в деле создания на финской территории нацистских частей, в Хельсинки срочно был направлен еще один эсэсовский эмиссар. Он должен был провести серию соответствующих переговоров с тем, чтобы не допустить в дальнейшем новых «возражений» со стороны Финляндии. В конечном итоге, по рекомендации министра иностранных дел Р. Витинга, было решено вербовку финнов в СС начать без промедления и без каких-либо особых официальных соглашений или условий³.

Набор финнов в СС весной 1941 г.

Таким образом между Германией и Финляндией все договоренности о начале деятельности по вербовке финнов в эсэсовские войска были достигнуты. Работа закипела. 7 апреля Э. Риекки уже провел первое свое совещание с 30 вербовщиками, прибывшими в Хельсинки из различных районов страны⁴. Причем на совещании присутствовал далеко не полный состав лиц, которые должны были приступить к работе по организации активно развернувшейся в Финляндии записи добровольцев в СС. Главной их целью стала тогда активная пропаганда в финском обществе нацистских идей. Кроме того, нужно было, не затягивая, приступить к непосредственной вербовке всех сочувствовавших нацизму финских граждан, чтобы их затем можно было определить в эсэсовские войска СС. Но это была не финальная часть их деятельности. Далее предстояла другая, не менее ответственная, работа: провести отбор уже записавшихся доброволь-

¹ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 21.

² Цит. по: Там же. С. 14.

³ Jokipii M. Jatkosodan syntyy. S. 198.

⁴ Ibid. S. 194.

цев. Нужно было выбрать наиболее подходящих финнов для службы в войсках СС.

Все это, безусловно, требовало организации среди финского населения непосредственной системной работы. Что, собственно, и началось осуществляться. К тому же в страну достаточно быстро прибыло еще до 50 официальных представителей СС, которые также включились в эту деятельность. Они без всякого промедления приступили к работе буквально на всей территории страны.

Что же касается агитации за вступление в войска СС, то здесь зачастую использовали хорошо известный финскому населению исторический аналог из недавнего прошлого, связанный со службой в период Первой мировой войны в немецкой армии так называемых егерей. В результате запись финнов в германские эсэсовские войска стали именовать «новым егерским движением». Действительно, финских добровольцев, как и в Первую мировую войну, набирали исключительно для борьбы против России. Это для финнов являлось очень важным условием. В Хельсинки настаивали, чтобы финские добровольцы, учитывая аппетиты фюрера, могли воевать на фронте исключительно против советских войск¹.

С другой стороны, для Германии одним из главных условий приема в войска СС, наряду «безупречным физическим и моральным духом»², являлось их «арийское происхождение». Это, как объяснялось добровольцам, позволяло иметь соответствующие преимущества. В частности, уже сама их служба позволяла не только находиться в течение трех лет в элитных для Германии эсэсовских частях, но еще и получить «право на немецкое гражданство». Доброволец мог в дальнейшем остаться в рейхе и устроиться на государственную службу, в частности, «на работу на железных дорогах, в почтовом, а также таможенном ведомствах» или других подобного характера учреждениях Германии. Кроме того, отслужившие в СС финны обретали право «на получение имения площадью в 25 га в удобных для земледелия районах»³, причем, конечно, на будущих, захваченных нацистами, новых территориях Германии в Восточной Европе.

¹ *Pajunen J., Karjalainen M.* Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 12.

² *Jokipii M.* Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 78.

³ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. Hels., 1971. S. 31.

9 апреля 1941 г. при Э. Риекки в Хельсинки было образовано особое бюро, а точнее эсэсовский «военкомат». Именно здесь принималось окончательное решение о возможности добровольца проходить службу в частях СС. В «военкомате» работали исключительно немецкие специалисты. Они занимались финальным отбором прибывающих из различных частей Финляндии претендентов. В процессе этой селекции особо обращалось внимание не только на медицинские показания, но прежде всего на расовые особенности кандидата. Здесь предпочтение отдавалось, естественно, тем, кто имел хоть какие-нибудь «арийские черты»¹.

Кроме того, нацистский «военкомат» стал получать от финской государственной полиции соответствующую политическую информацию о добровольцах. Она была необходима эсэсовцам, чтобы препятствовать проникновению в СС сторонников, скажем, коммунистических взглядов². Также просматривались персональные анкеты, которые добровольцы заполняли лично. Здесь уже открыто выяснялось отношение добровольца к расовой теории нацистов и, в частности, к евреям. Одним из вопросов, на который доброволец в произвольной форме должен был обязательно ответить, заключался в установлении его политических симпатий. Как указывает финский профессор Л. Вестерлунд, в этих анкетах «около 60 % добровольцев записывали себя в качестве сторонников того или иного правого течения, а 10 % вообще называли себя национал-социалистами»³.

Из анализа представленных анкет становилось ясно, что финские добровольцы не были патриотами своей страны. Они никоим образом не подражали своим предшественникам, прежним егерям, и отправились в Германию исключительно по своим собственным личным соображениям. Их притягивала служба в СС, как указывает финский историк А. Холмила, исключительно, как мужчин, которым «хотелось почувствовать “вкус крови”», а также «получить “лучшее” образование». «Вербовка в СС, — подчеркивает исследователь, — была путем к реализации этих мечтаний»⁴.

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan syntyy. S. 200.

² *Ibid.* S. 198.

³ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 32.

⁴ *Holmila A.* Kiistanalainen SS-palapeli. S. 83.

Сам же эсэсовский «военкомат» разместился в весьма престижном месте, в самом центре Хельсинки. И, как замечали жители финской столицы: «Туда все время шли люди. Студенты, школьники и т. п. Они с воодушевлением записывались в это новое “егерское движение”»¹. По оценке финских экспертов, около 40 % добровольцев принадлежали к возрастной группе от 17 до 19 лет и таким образом, вообще «были политически неопытны, так как не имели еще возможности голосовать на выборах»².

В целом, получая соответствующую поддержку финского государства, вербовщики никаких особых проблем не испытывали. К тому же, как указывал посланник Финляндии в Германии Т. Кивимяки, в это время вообще «среди финской молодежи стали проявляться нацистские настроения»³. Они создавали, однако, для сотрудников «военкомата» и определенные сложности. Дело в том, что в немецкие войска СС активно устремились именно подростки. Они, даже не достигшие совершеннолетия, вообще не подлежали призыву в армию. Как отмечают исследователи, «это были все те же неоперившиеся юнцы, жаждавшие самоутверждения, приключений, воинской славы или же идеализировавшие геополитические устремления Гитлера»⁴.

В результате дело доходило до того, что молодые «искатели приключений» пытались «подделывать свои свидетельства о рождении или согласия своих родителей» на их службу в армии⁵. Естественно, все это требовало от вербовщиков повышенного внимания к желающим служить. Но одновременно это еще указывало на нарастающую популярность среди молодежи фашистской идеологии и неприязнь к СССР. Действительно, «очень сильным мотивом вступления финских добровольцев в ваффен СС была их ярко выраженная враждебность по отношению к Советскому Союзу»⁶. В целом в эсэсовские части тогда смогли, преодолевая тщательный отбор, записаться более четырех десятков лиц, так и не достигших 18-летнего возраста⁷.

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 26.

² *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 32.

³ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmia. S. 211.

⁴ *Уорвал Н.* Войска СС: история и факты. Ростов н/Д, 2010. С. 189.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 85.

⁶ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 25.

⁷ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 101.

Единственное, что у эсэсовцев реально не получалось, так это заинтересовать новым «егерским движением» шведское, то есть арийское население Финляндии. Здесь у немецких медиков, которые, собственно, и занимались проводившимся расовым отбором, начали возникать «вопросы». От услуг некоторых добровольцев пришлось сразу же отказаться, «поскольку у них были обнаружены “славянские черепа”»¹. Для нацистов это становилось уже реальной проблемой. Но поскольку задача формирования финских эсэсовских подразделений в Берлине все же не снималась, то работа сотрудников «военкоматов», несмотря на данную трудность, продолжалась. Как не без иронии заметил работавший в Хельсинки германский дипломат Г. Мецгер, «лидеры СС решили не беспокоить свой великогерманский головной мозг такими мелкими вещами»². В результате пришлось записывать в СС именно финнов. Более того, финские добровольцы, как отметил профессор М. Йокипии, «по отзывам немецких врачей, были столь хороши, что их старые представления о распространении “северной расы” среди финнов претерпели существенную корректировку»³.

Стремительное нарастание эсэсовского движения одновременно указывало на то, что в Финляндии явно была решена и проблема, связанная с существующей в стране многопартийной системой. В действительности набор добровольцев проходил при показательно молчаливой, а иногда и открытой поддержке ведущих политических партий страны. Особенно удивительным являлось то, что нацистское движение в Финляндии стали поддерживать социал-демократы. Невзирая на то, что в рейхе членов немецкой СДПГ подвергли открытым преследованиям, которые проводились зачастую именно силами СС, лидеры финской СДПФ сами стали «разделять» идею необходимости создания на территории своей страны эсэсовских подразделений.

Еще 31 марта 1940 г. руководитель финских социал-демократов В. Таннер согласился поддержать линию правительства по данному вопросу и даже не стал возражать против начавшейся кипучей деятельности по организации записи добровольцев⁴. Все это в самой пар-

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 33.

² *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 247.

³ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 200.

⁴ *Ibid.* S. 194, 200; «Käymme omaa erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. Hels., 2006. S. 75.

тии полностью одобрить не смогли. В среде финских социал-демократических функционеров все же проявилось некоторое сожаление, что их партийное руководство было «вынуждено» взять на себя «моральную ответственность за происходившие события», связанные с формированием эсэсовских частей¹. Но робкие голоса, звучавшие против, в целом не повлияли на политику руководства СДПФ.

Более того, благосклонное отношение социал-демократов к проводившейся в Финляндии эсэсовской вербовке выразилось еще и в том, что бывший секретарь партии К. Лехмус был даже прикреплен к «комитету Риекки»². Причем Лехмус в это время находился в армии и проходил службу в ставке маршала Маннергейма. Это делало его работу в «комитете Риекки» еще более весомой, поскольку он непосредственно представлял здесь не только партию, но еще и военные структуры. Все это, конечно, для эсэсовцев было крайне важным. Неслучайно, поэтому еще до создания комитета в течение четырех недель К. Лехмус, так же, как и Риекки, находился в Германии. Там ему, собственно, и должны были рассказать о специфике стоявших перед комитетом задач³.

Естественно, со своей стороны К. Лехмус весьма обстоятельно информировал о работе комитета Маннергейма. Маршал, по его словам, «просто слушал, и ни в какие с ним дискуссии или обмен мнениями не вступал»⁴. Тем не менее было понятно, что именно Маннергейм и решал тогда все связанные с эсэсовским движением в Финляндии военные вопросы. Активная вовлеченность финского военного и политического руководства в развитие эсэсовского движения могли привести, как тогда полагали, к тому, что президент посчитал бы себя вправе провозгласить «в стране нацизм», где «новые “егеря” в любом случае поддержали бы в Финляндии диктатора», причем «крепенькие “фюеры”», наряду с эсэсовцами, как раз и оказались бы тогда на месте»⁵.

В целом набор финских добровольцев в СС шел весьма энергично. Уже 6 мая первая партия претендентов, прошедших все стадии отбора, отбыла из Турку на немецком корабле в Германию. С этого момен-

¹ *Voionmaa V. Kuriiripostia* 1941–1946. S. 32

² *Lehmus K. Kolme kriisiä.* Hels., 1971. S. 43.

³ *Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa.* Hels., 1982. S. 171.

⁴ *Lehmus K. Kolme kriisiä.* S. 44.

⁵ *Voionmaa V. Kuriiripostia* 1941–1946. S. 29, 33.

та отправка из Финляндии завербованных в эсэсовские войска добровольцев начала проводиться регулярно. Она продолжалась целый месяц¹. При этом, чтобы не афишировать саму транспортировку новобранцев, их официально перевозили в рейх в качестве обычных рабочих «для немецкой военной промышленности»². Более того, отъезжавшие даже не имели при себе никаких необходимых для пересечения финской государственной границы документов, что на самом деле грубо нарушало общее законодательство страны.

Тем не менее факт отправки финских граждан в Германию сразу же стал в стране достаточно хорошо известен. В результате на заседании Комиссии финского парламента по иностранным делам, проходившем в середине мая, депутатами была предпринята попытка выяснить у главы МИД Финляндии Р. Виттинга причину происходящего. В частности, тогда было отмечено, что финские «парни без паспортов и прочих документов проходят на немецкие суда... и беспрепятственно отбывают на некую патриотическую службу». Однако Виттинг ничего вразумительного в ответ на это не произнес³.

Не стал он ничего разъяснять, и когда министр внутренних дел барон Э. фон Борн указал ему на то, что «надо все же соблюдать финские законы и не выпускать за пределы страны людей без паспортов». Р. Виттинг в ответ лишь смог отшутиться, назвав Борна «буквоедом»⁴. Но, а сам Борн вынужден был для себя признать очевидный факт. Он понял, что у «нового егерского движения» есть «высокие покровители»⁵. Таким образом, государство сознательно шло на нарушение эсэсовскими добровольцами элементарных правил пересечения финской государственной границы. Очевидно, что это делалось исключительно в целях соответствующей конспирации, чтобы об этом не узнали в Москве.

В итоге активной поддержки со стороны государства процесс вербовки в войска СС в апреле — мае 1941 г. стал набирать обороты. Вскоре в эсэсовские части записались до 1566 кандидатов, из которых

¹ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 201.

² *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 351; *Бамлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941—1945. С. 21.

³ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941—1946. S. 26; *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 351.

⁴ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941—1946. S. 27.

⁵ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 350.

затем в Германию было отправлено — после соответствующей селекции — лишь 1226 человек «похожих на арийцев»¹. Для рейха это был очень неплохой результат. Фактически немцам удалось за очень небольшой срок завербовать столько финнов, что из них можно было создать полнокровный батальон.

Более того, созданные тогда в Финляндии благоприятные условия для активного формирования частей СС, очевидно, даже несколько вдохновили германское руководство. Там посчитали возможным продолжить развертывание «нового егерского движения» и приступить к формированию финского полка СС, который также должен был войти в состав дивизии «Викинг». 9 мая Гиммлеру было официально доложено, что в Финляндии существует возможность «добиться формирования полномасштабного полка»². Этому полку даже придумали свое название. Он стал именоваться полком «Суоми» и должен был состоять из одного шведоязычного и двух финноязычных батальонов³. Однако развить эту идею все же не удалось. Опять здесь не последнюю роль сыграло финское государство. В начале руководство страны активно поддерживало инициативу развития эсэсовского движения в Финляндии. Но развертывание для нужд Германии все новых и новых воинских формирований вступало в явное противоречие с собственной энергичной подготовкой финнов к новой войне с СССР. В Хельсинки не могли не понимать, что, помогая создавать для Германии новые воинские части, они своими же руками ослабляют собственный мобилизационный военный потенциал. Развертывание финской армии для нападения на Советский Союз требовало максимальных усилий. В итоге в финскую армию к началу войны было призвано до 17 % населения⁴. Это означало, что практически все мобилизационные ресурсы страны были исчерпаны. Неслучайно начальник Генерального штаба финской армии Э. Хейнрикс уже 4 июня начал проявлять беспокойство в отношении общего развертывания финских войск на границе с СССР. Он вообще поставил вопрос о том, чтобы «возвратить в Финляндию всех финских эсэсовских добро-

¹ *Jokipii M. Jatkosodan syntyy. S. 200.*

² *Ibidem.*

³ *Ibid. S. 202.*

⁴ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 154.*

вольцев», объяснив это естественными потребностями самой финской армии, «в связи с предстоящей войной»¹. К тому же в это время начало нарастать недовольство среди представителей различных политических партий. Здесь получали все больше и больше информации о проходящем в Финляндии формировании подразделений войск СС. Так в стенах финского парламента уже 27 мая 1941 г. произошла острая дискуссия по данному вопросу. В ней приняли участия депутаты от социал-демократической партии и Аграрного союза. Начали звучать прямые обвинения в том, что так называемых финских добровольцев «Германия хочет подготовить... в чисто политическом плане» и «вербует их не для себя... а для того, чтобы с их помощью подготовить фашизацию Финляндии». Далее эта мысль развивалась: «Получив нацистскую подготовку, эти господа будут в Финляндии действовать в пользу германской системы». Все это могло привести, как считалось в определенных политических кругах страны, к опасным для Финляндии последствиям, и поэтому выражалось требование — «вербовку более не продолжать»².

В конечном итоге в начале лета 1941 г. в руководстве государства пришли к выводу, что дальнейшая работа вербовочных пунктов не совсем целесообразна. Эта деятельность начала плавно сокращаться³. Таким образом, формирование полка СС в Финляндии не состоялось. Единственное, что было вынуждено признать руководство Финляндии это то, что финны, выехавшие в Германию, отправлялись туда не для «работы на военных предприятиях», а «добровольцами ваффен СС, проходящими воинскую службу»⁴.

Теперь уже главным вопросом становилась дальнейшая судьба финских добровольцев, поскольку в действительности они не всегда получали то, о чем мечтали, когда записывались в СС.

¹ *Manninen O.* Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 784; *Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 247.

² *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 33–34.

³ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 203, 207.

⁴ *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 107.

ГЛАВА III

ФОРМИРОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕРМАНИИ ФИНСКИХ ЭСЭСОВСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Финны в строевых частях дивизии СС «Викинг»

Прошедшие отбор финские добровольцы были отправлены в рейх пятью отрядами на кораблях из портов Турку, а затем и Вааса. Первые три отряда — 700 человек — прибыли сначала в Данциг (Гданьск), а затем вдоль северного побережья Германии через Штеттин (Щецин) — в Штральзунд. Далее финских новобранцев везли через всю Германию на юг, в известный немецкий военный полигон Хойберг в Гогенцоллерне-Зигмарингене. Здесь традиционно размещались учебные лагеря немецкой армии. Также Хойберг был известен тем, что именно в этом районе нацисты после прихода к власти организовали один из своих первых концентрационных лагерей. Тут же находилась и так называемая зимняя школа для нацистских штурмовиков. В момент же прибытия финских добровольцев в Хойберг и размещения их в казармах СС, рядом с ними по соседству был обустроен концентрационный лагерь для французских военнопленных¹.

Иными словами, место первоначальной дислокации значительной части финских добровольцев в Германии выбрали достаточно специфическое. Оно само как раз могло служить «хорошим целям» выработки соответствующего духа, характерного для немецкой армии и для эсэсовских подразделений. Действительно, именно в Хойберге находились основные части дивизии «Викинг». Ее девиз тогда был:

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 111.*

«Победа потом и кровью», что предполагало усиленные военные тренировки и активную боевую подготовку. Причем когда сюда были доставлены отряды финских добровольцев, то военнослужащие этой дивизии уже активно отрабатывали будущие сценарии боевых действий на советской территории, проводя «непрерывные дневные и ночные маневры»¹.

Что же касается двух других отрядов, прибывших из Финляндии, то они состояли исключительно «из молодых людей или тех, кому требовалось начальное военное обучение»². Поэтому в нацистском руководстве решили их сразу же перебросить не туда, где размещались основные подразделения дивизии СС «Викинг», находившиеся уже в процессе боевой подготовки, а в особый учебный центр. Финских новобранцев отправили дальше в Центральную Европу. Они прибыли в Австрию, где их разместили в Вене, в казармах СС неподалеку от бывшей резиденции австрийских императоров в Шёнбрунне. Причем финским новобранцам пояснили, что эти казармы считались одними из лучших в Германии. Действительно, ранее здесь дислоцировался штандарт СС «Дер Фюрер», входивший в дивизию СС «Рейх», что, очевидно, свидетельствовало о достаточно высоком уровне удобств, которыми решили обеспечить финских добровольцев.

Но самое главное, завербованные в СС финны в Германии сразу оказались разделены на две части. Распределение носило сугубо прикладной характер и было вызвано слишком разной степенью военной подготовки новобранцев. Те, кого направляли в Вену, просто не имели какой-либо серьезной боевой выучки. Таким образом, для значительной части финских добровольцев потребовалась более основательная подготовка. Теперь в Германии должны были заняться организацией их «настоящего обучения»³.

Сам же переезд в глубь Европы, видимо, сильно врезался в память молодым финским новобранцам. Действительно, им пришлось не спеша, несколько дней, ехать эшелонами по железной дороге через значительную часть Центральной Европы. Причем в ходе этой перемещения финские добровольцы явно могли почувствовать атмосферу приближения войны с СССР. Один из них, Я. Саарела, даже

¹ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 7.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 117.

³ Ibid. S. 117.

оставил об этом путешествии весьма выразительные наблюдения. Он, очевидно, тогда впервые в своей жизни знакомился с новыми европейскими странами, которые были на тот момент уже оккупированы Германией. Финский доброволец записал: «Наше путешествие продолжается через Чехословакию. Я пришел к выводу, что население Чехословакии очень враждебно к немцам» и далее добавил: «Везде заметно, что они явно поддерживают русских. Немецкие же танковые соединения, которые перебрасываются к русской границе, постоянно встречают здесь явное негативное отношение». Тем не менее, со своей стороны, он твердо подчеркнул: «все мы, финны, искренне надеемся и поддерживаем войну между Германией и Россией»¹.

Переброска финских добровольцев сразу в два района рейха: на полигон Хойберг и в Вену, оказалась весьма неприятным сюрпризом для руководства Финляндии. Эсэсовских новобранцев, фактически, поделили. Таким образом, немецкое командование явно не собиралось (на что, собственно, надеялись в Хельсинки) создавать некое единое подразделение, полностью состоящее из финских добровольцев, похожее на финских егерей Первой мировой войны. Более того, в тот момент среди финских добровольцев опять началась новая селекция.

В Хойберге в конечном итоге остался только 421 финн². Порядка же 280 человек, не прошедших нового военного отбора, направили в Вену к остальной части финских добровольцев. Оставшихся начали распределять по ранее образованным подразделениям дивизии «среди немцев, норвежцев, датчан, голландцев и фламандцев»³. Считалось, что эти финны, находившиеся в Хойберге, не будут проходить азы первоначальной военной подготовки. Им засчитали их участие в боевых действиях периода «зимней войны» и, таким образом, оставили на полигонах в Хойберге в общем составе дивизии. В результате фактически данные финские новобранцы полностью растворились

¹ Цит. по: Ibid. S. 119.

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 27.* Численность проходивших боевое слаживание финнов в Хойберге, однако, исследователи называют все же различную. Существует лишь общее утверждение, что их там было от 415 до 426 человек (см.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 166).*

³ *Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 201; Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1966. 4.10. S. 443.*

в различных частях дивизии и теперь занимались по программе боевого слаживания частей дивизии СС.

В итоге финны в Хойберге не смогли образовать своего какого-либо единого войскового подразделения. Больше всех, 372 человека, сразу же прикомандировали к нескольким самым разнообразным частям дивизии¹. Прежде всего они оказались приписаны либо к полку СС «Нордланд», состоявшему в основном, кроме немцев, еще из норвежцев и датчан, либо к полку СС «Вестланд», где значительной составляющей являлись фламандцы и голландцы². Финны также были включены в артиллерийский полк этой дивизии, в ее противотанковый и разведывательный батальоны³.

Причем больше всего финских эсэсовцев оказалось в полку СС «Нордланд»: 203 человека. Здесь стали проходить службу 7 бывших финских офицеров и 196 солдат⁴. К полку же «Вестланд» было прикомандировано только 69 финна⁵. Кроме того, 9 бывших финских офицеров были определены в полк СС «Германия»⁶. Это соединение считалось чисто немецким, но теперь и к нему начали приписывать иностранцев. Также финны приписывались и в другие войсковые подразделения дивизии. «Таким образом, — как заметил профессор Л. Вестерлунд, — финские добровольцы были неравномерно распределены между примерно дюжиной различных подразделений дивизии СС “Викинг”»⁷.

Что же касается командования дивизии, то из 25 старших офицеров СС как минимум 11 из тех, кто командовал либо полком, либо батальоном, либо аналогичными им подразделениями, являлись членами НСДАП. Более того, командир полка «Вестланд» Х. Вэкерле и командир противотанкового батальона Б. Маак ранее даже возглавляли первый из созданных в рейхе нацистами концлагерь в Дахау⁸.

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 29.*

² *Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismiä vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasaikakauslehti. 1981. S. 784; Bamler P. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 15.*

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 86–90.*

⁴ *Ibid. S. 81. См., также: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 167.*

⁵ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 83; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 167.*

⁶ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 169.*

⁷ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 29–30.*

⁸ *Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 553, 625.*

Вообще из 528 офицеров дивизии около 8 %, в той или иной степени, до этого служили в концлагерях¹. Это, разумеется, являлось вполне естественным для столь специфических войск. Да и командир дивизии бригадфюрер СС и генерал-майор войск СС Ф. Штейнер, как считается, тоже «предпочитал грубых командиров (*Durchdränger*), то есть крепких, крутых и закаленных в боях людей: кадровых офицеров, бывших командиров СА и комендантов концлагерей, членов НСДАП и вообще лиц, не склонных решать свои дела в лайковых перчатках»².

Тем не менее среди иностранцев в дивизии «Викинг» финский этнический компонент штатного состава был далеко не самым малочисленным. Общее количество финнов уступало только голландцам, которых в дивизии в начале войны насчитывалось 631 человек³. Но, естественно, «финский сегмент» количественного состава дивизии не мог стать определяющим. Финских солдат в дивизии было всего лишь чуть более 2 %⁴. Однако количество бывших финских офицеров достигало 7 % от общего числа кадровых военных этой дивизии⁵.

Тем не менее, как это и следовало ожидать, подавляющим этническим компонентом дивизии «Викинг» в Хойберге (до 90 %⁶) были «коренные» немцы (*Reichsdeutsche*). Понятно, что и все командные должности в этой дивизии тоже занимали исключительно немецкие офицеры.

Таким образом, финские эсэсовцы не могли играть какой-либо самостоятельной или особой роли ни в командной, ни в рядовой составляющей дивизии. Они, влившись в нацистский «интернационал», могли только подчиняться немецким офицерам СС. Никаких собственных функций, естественно, финские эсэсовцы не выполняли. Более того, как считает профессор М. Йокипии, «к добровольцам обычно относились весьма шаблонно, как к своего рода вспомогательному персоналу, которого немцам приходилось приучать к дисциплине и порядку»⁷. Что же касается самих немецких командиров,

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 99–100.*

² *Ibid. S. 102.*

³ *Ibid. S. 27.*

⁴ *Ibid. S. 92; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 161.*

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 161.*

⁶ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 28.*

⁷ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 420.*

то, как жаловались финские новобранцы, прошедшие до этого горнило «зимней войны», они оказались мало компетентны и зачастую вообще «не имели боевого опыта». Финские добровольцы даже считали, что немецкие офицеры сами «могли бы многому научиться у своих финских подчиненных»¹.

У эсэсовских офицеров к тому же присутствовали пагубные наклонности, которые не могли не вредить общему делу военной подготовки. В частности, полком «Нордланд», где было больше всего финских добровольцев, командовал штандартенфюрер СС Фриц фон Шольц. Он, член НСДАП с 1932 г.², получивший в полку прозвище Старый Фриц, имел неплохие отношения с финскими добровольцами, и даже считалось, что он «больше всех контактировал» именно с ними³. Но Шольц имел свой очевидный недостаток. Он явно страдал от непомерного употребления алкоголя. Говорили, что штандартенфюрер даже «был несколько равнодушен к еде, но очень хотел выпить...». Уже в ходе боевых действий на советско-германском фронте, как отмечали немецкие офицеры, Шольц, «чтобы поддерживать себя в тонусе, ежедневно выпивал целую бутылку коньяка»⁴. Такое же пристрастие к алкоголю в этом полку было зафиксировано еще у двух батальонных командиров — штурмбаннфюреров СС Гарри Полевача⁵ и Вальтера Плёва⁶. Причем последний, как отмечалось, уже в период боевых действий, продолжал принимать алкоголь, когда «очень нервничал» и, прежде всего, «много пил вместе с командиром полка СС “Нордланд” Фрицем фон Шольцем»⁷. В целом явная склонность в СС к пьянству некоторыми исследователями объясняется тем, что «”садистский способ ведения войны” немцев мог создать потреб-

¹ Ibid. S. 421.

² Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 762.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 164; Tuke B. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2015. С. 105.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 82.

⁵ Он также был членом НСДАП с 1928 г. и до перехода в полк «Нордланд» командовал батальоном в полку «Германия». См.: Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 659.

⁶ В. Плёва был членом НСДАП с 1932 г., а до этого командовал ротой в штандарте СС «Дойчланд»

⁷ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 83.

ность контролировать эмоции с помощью обильного и постоянного потребления алкоголя»¹.

Что же касается финнов, то прибывшие в распоряжение немецких командиров финские ветераны, независимо от их личного опыта участия в боевых действиях, невзирая на то, что некоторые из них уже имели военные специальности и соответствующие воинские звания, офицеры рассматривали СС в качестве самых обычных солдат или простых «рекрутов и безусых новобранцев»². Как по этому поводу выразился военнослужащий этой дивизии В. Тике, «финские офицеры с винтовками в руках, почти не имея командных функций», просто влились в эсэсовские части³. Для финских ветеранов это было в достаточной степени унинительно⁴. Они с горечью чувствовали, что немцы выказывали к ним «удивительную слепоту и глухоту». Прежде всего это проявлялось в откровенном отсутствии всякого уважения, особенно ко всему тому, что могло «касаться финского менталитета»⁵.

Если учитывать специфику тех немецких частей, в которых им теперь предстояло служить, для финских эсэсовцев все это стало неприятным, хотя и вполне прогнозируемым открытием. В результате 30 июля 1941 г. первые финские добровольцы уже отправились назад в Финляндию. Среди тех, кто вернулся домой, оказалось 16 незадействованных финских офицера и 3 унтер-офицера. Они «были отчислены из учебной группы и отправлены обратно из-за ненадлежащего поведения»⁶. Что же касается причин, почему так быстро именно финские офицеры разочаровались в службе в эсэсовских войсках, то считалось, что «они были недовольны не только своими званиями [получаемыми у эсэсовцев. — В. Б.]... но и размером немецкого воен-

¹ Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 50.

² Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjosmaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasaikakauslehti. 1981. № 11. S. 784.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. С. 67.

⁴ См.: Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 445; Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 189.

⁵ Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 190.

⁶ Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 24.

ного жалования»¹. Таким образом, в идеологическом плане у немцев с финнами больших проблем не возникало.

Тем не менее в эсэсовских частях вся система военной подготовки строго основывалась именно на идеологии, согласно которой «у солдат разных национальностей должна была быть сформирована единая общая велико-германская задача, которая превращалась в главную цель всех национальных групп» эсэсовцев². Таким образом, финны в войсках СС должны были сражаться против Советского Союза, но не за Финляндию и даже не за Европу. Они должны были идти в бой «за Германию». Очевидно, правы некоторые финские историки, которые утверждают, что в этом плане у Гитлера «многонациональной европейской армии никогда не существовало». Здесь определяющим становилось то, что «немецкая расовая политика и грубые методы обращения почти лишали фашистов тех небольших национальных контингентов», которые стали возникать в эсэсовских войсках³. Иностранные добровольцы, включая финнов, «были всего лишь пушечным мясом для ваффен СС»⁴. Поэтому изначально добровольцы и стали распределяться по разнородным в национальном отношении частям дивизии. Сами же эти эсэсовские подразделения создавались не по признаку военной целесообразности, а чисто «из политических соображений»⁵.

Тем не менее дивизия СС «Викинг» считалась тогда в Германии во всех отношениях образцовым соединением. К ней относились как к «элитному подразделению не только в ваффен СС, но и во всей немецкой армии». Существовала уверенность, что эта дивизия должна была проявлять просто «фанатичный боевой дух»⁶. Свое внимание не

¹ Ibidem. К маю 1942 г. домой из дивизии «Викинг» был отправлен уже 51 финский офицер. Тогда же в Финляндию еще вернулось 99 унтер-офицеров и 32 рядовых солдата. Примечательным, однако, было также и то, что среди вернувшихся на родину были еще и те, у кого были явные проблемы «от чрезмерного употребления алкоголя» (Ibid. P. 27).

² Mikola K. J. Poliitiikkaa pataljoonan voimin // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4—1. S. 333.

³ См.: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941—1943. S. 43.

⁴ Ibidem.

⁵ Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М., 2009. С. 202.

⁶ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941—1943. S. 38.

без гордости обратил на это обстоятельство майор финской армии Л. Викман, который впоследствии занимался в Германии решениями вопросов, касающихся финских эсэсовских добровольцев. Он подчеркнул, что войска СС представляли собой, главным образом, «военную силу национал-социалистической партии». Поясняя эту особенность, Л. Викман заметил, что, прежде всего, здесь «солдаты СС проявляли свою крайнюю свирепость и непримиримость». Далее он указал на еще одну особенность данного формирования. Викман подчеркнул вполне очевидную вещь: «Они, прошедшие идеологическую обработку, всегда оставались верны партии» и добавил: «Определяющими характеристиками ваффен СС являлась вера в то, что немецкий солдат должен быть безжалостным и в два раза беспощаднее, чем враг»¹. Все это, естественно, должно было быть привито и финским добровольцам.

В результате определить конкретный вклад в дальнейшую деятельность дивизии «Викинг» распыленных по ее частям 421 представителя Финляндии очень трудно. Они просто не могли в своей службе чем-то особым отличаться от немцев. Поэтому здесь можно лишь констатировать: с 3 июня 1941 г. началось развертывание дивизии в рамках реализации плана «Барбаросса». «Мощная военная машина Германии, — как заметил профессор М. Йокипии, — была запущена»². К концу июня основные части дивизии СС «Викинг», включая финнов, стали перебрасываться из Южной Германии в немецкую Силезию, в район города Бреслау (Вроцлав). Затем оттуда к 21 июня они были переведены в район юго-восточнее польского города Люблина. Таким образом дивизия выдвигалась к советско-германской границе³. Причем в частях, «хотя цель еще не была объявлена, уже царила атмосфера войны»⁴. И эта атмосфера, если судить по дневниковым записям финнов, была скорее «праздничной». Как отметил в своем дневнике один из эсэсовцев: то, что тогда происходило, «для нас финнов, давало веру и надежду успеть “к бою” — туда, куда мы, собственно, попасть и надеялись»⁵.

¹ Цит. по: Ibid. S. 38–39.

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 175.

³ *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 8; *Stein G. H., Krosby H. P.* Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 443.

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 177.

⁵ Цит. по: Ibidem.

Было абсолютно понятно, что для них «не имеет никакого значения, на каком фронте воевать против русских»¹.

Боевая задача дивизии была уже определена. Она заключалась в том, чтобы в составе немецкой группы армий «Юг» вместе с другими войсками XIV армейского корпуса 1-й танковой группы изготавиться к вторжению на территорию Советского Союза². В итоге дивизии СС «Викинг» предстояло одной из первых нанести удар по частям Красной армии в Западной Украине. Теперь, в эти критические мгновения, руководству дивизии оставалось лишь дожидаться «последней команды, которой было достаточно, чтобы подобно лавине двинуть войска во внезапное общее наступление»³.

Создание отдельного финского батальона СС

Однако, как известно, не все финские эсэсовские добровольцы были направлены на передовую, в действующие подразделения дивизии. Из значительной их части (ок. 1 тысячи человек) руководство СС все же решило сформировать отдельное финское боевое подразделение. В результате, в войсках СС с большим усердием начали теперь сколачивать единую войсковую часть, состоящую в большинстве своем исключительно из граждан Финляндии. Причем она, естественно, создавалась на основе нацистских рекомендаций по эсэсовским технологиям и с помощью исключительно немецких специалистов. В данном случае, речь шла о формировании в составе дивизии «Викинг» отдельного финского батальона⁴.

Разумеется, в формируемом батальоне весь командный состав, начиная с офицеров и заканчивая младшими командирами, также являлся исключительно немецким⁵. Как указал служивший в батальоне немец В. Тике: «Молодые выпускники юнкерского училища СС в Бад-Тельце и унтер-офицерского училища СС в Лаунбурге приняли

¹ Цит. по: Ibid. S. 180.

² Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». М., 2006. С. 14; Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 545.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 174.

⁴ Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 201; Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. С. 468.

⁵ Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 202; Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444.

под свою команду подразделения батальона»¹. Финских офицеров, которые в качестве добровольцев весной 1941 г. записались на службу в СС, в рейхе не собирались использовать в этом батальоне на командных должностях. 125 финских офицеров и унтер-офицеров, отобранных эсэсовцами, отправили в действующие войска. Их к формирующемуся отдельному финскому батальону приписывать просто не стали. Эсэсовцы явно не хотели, да и не могли, доверять им столь ответственное дело: руководить молодыми финскими новобранцами. Причем все это, конечно, мотивировалось не только расовыми, но, безусловно, и идеологическими соображениями². Естественно, в формирующейся отдельной этнической финской эсэсовской части «язык команд оставался немецкий... так же как и немецкие песни, под которые маршировали солдаты»³.

18 июня 1941 г. финский батальон, состоящий из четырех рот, был объявлен официально сформированным и получил название «Нордост». Однако для самих бойцов это наименование оказалось не слишком подходящим и в результате не прижилось. Уже в сентябре немцы от него отказались, и с 13 сентября батальон начал лаконично именоваться Финским добровольческим батальоном войск СС (*Finnisches-Freiwilligen Bataillon der Waffen-SS*). Его общая численность составила 1180 человек⁴.

Командиром батальона был назначен гауптштурмфюрер СС Ганс Коллани⁵. Он был достаточно известен в эсэсовских кругах. Член НСДАП с 1932 г. Коллани через три месяца вступил в СС⁶. Кроме

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 77.

² Jokipii M. Jatkosodan synty. S. 201.

³ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 8.

⁴ Причем показательно, что изначально в Германии проходило обучение 1200 человек, из которых и начинал формироваться батальон. См.: Westerlund L. Suomalaiset SS-varaacheitoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 90.

⁵ Ганс Коллани погиб в Прибалтике в июле 1944 г. (Красная звезда. 1944. 19.08). Причем считается, что тяжело раненный Коллани покончил жизнь самоубийством, когда советские бойцы должны были взять его в плен. См.: Westerlund L. Suomalaiset SS-varaacheitoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 92.

⁶ Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 604; Westerlund L. Suomalaiset SS-varaacheitoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 91. До этого с 1931 г. Г. Коллани в качестве матроса плавал на кораблях германского торгового флота и даже смог побывать в это время в Ленинграде и Мурманске (см.: Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 604).

того, он с 1935 г. проходил службу в «Лейбштандарте»¹. Командовал этим эсэсовским подразделением группенфюрер СС Йозеф Дитрих, который очень высоко ценил Коллани, считая его человеком, «способным к адаптации в самых сложных ситуациях»². Естественно, что навыки, которые он за это время получил у Й. Дитриха, считавшегося одним из наиболее жестких людей в эсэсовском руководстве, не могли ему не пригодиться, поскольку с ноября 1939 г. Коллани стал начальником Оперативного отдела Инспекции учебных заведений СС. В дивизию СС «Викинг» он был переведен в феврале 1941 г., где начал служить в штабе полка «Норланд»³. Фактически именно с этой должности его 15 июня 1941 г. и назначили командиром финского батальона. Теперь Коллани смог активно применять те навыки, которые получил в СС, но уже для обучения финских новобранцев⁴. Единственная видимая проблема, которая была у Коллани, как заметил профессор М. Йокипии, заключалась в том, что он не имел никакого практического фронтового опыта и слабо представлял на деле, что значило быть настоящим боевым офицером и командиром⁵.

Сама же система обучения в войсках СС была действительно достаточно своеобразной. Она была весьма жесткой. По воспоминаниям солдат берлинского учебного центра «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер», где когда-то проходил службу Коллани, получение военных навыков осуществлялось самыми суровыми методами. По поводу принятых здесь технологий оставил свои мемуары закончивший эту «школу» военнослужащий Й. Вальтерс. Он писал: «Проходили неделя за неделей, дни были неотличимы друг от друга — все те же окрики, оскорбления, угрозы наших опекунов, воспитателей и командиров»⁶. Эти воспоминания оставил немец. Однако в отношении тех, кто начал служить в эсэсовских частях, но не имел арийского происхождения, ситуация была еще более печальной. Как отмечает исследователь

¹ См.: *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. М., 2004.

² Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 332.

³ *Залесский К. А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 604.

⁴ См.: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 360.

⁵ См.: *Ibid.* S. 444.

⁶ *Нидермайер Г., Вальтерс Й.* Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. М., 2009. С. 155.

Н. Уорвал, «настоящим бичом... стали случаи издевательства и плохого обращения с иностранцами в войсках СС»¹. К финнам данная констатация подходила больше всего, поскольку «немецкие унтер-офицеры на финнов смотрели свысока, считая их странным национальным контингентом сомнительного происхождения»². Что же касается гауптштурмфюрера СС Г. Коллани, то среди финских добровольцев вообще преобладало мнение, что он оставался в отношениях с финнами как бы «отстраненным» и плохо представляющим «финский склад ума»³. Финны начали его просто называть «придурком»⁴, для которого важными были лишь «строгая дисциплина и упор на формальности». Причем все это сочеталось с очень «резким отношением к своим подчиненным»⁵. Более того, прививая им приближенный к фронтовым условиям аскетический, суровый образ жизни, сам Коллани, как фиксировали не без обиды финские добровольцы, «был известен своей любовью к хорошей еде и спиртным напиткам»⁶.

В итоге надежды руководства Финляндии на создание целиком самостоятельного подразделения, состоящего исключительно из финнов, которое бы просто входило в состав войск СС, оправдались не полностью⁷. Линия нацистского руководства никоим образом не могла предполагать формирование чисто этнически однородного подразделения. Финны могли находиться исключительно в подчиненном к немецким командирам положении. Более того, в батальоне считалось, что только «жесткая дисциплина и методы обучения добровольцев будущей дивизии в конечном итоге способствовали созданию воинской части с незаурядной боевой мощью, закрытого фор-

¹ Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 190.

² Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 78.

³ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuuudet 1941–1943. S. 92; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 443; Parvilahti U. Te-rekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 113.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 470.

⁵ Ibid. S. 443.

⁶ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuuudet 1941–1943. S. 92. См. также: Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 74–75.

⁷ См.: Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444–445.

мата»¹. Однако не все то, чему финских добровольцев принялись обучать эсэсовские инструкторы, было в военном отношении хорошо продумано. По мнению военного историка К. Ю. Микола, «наиболее очевидной слабостью войск СС являлось отсутствие у эсэсовских офицеров хорошей командной подготовки»². Эту мысль также разделял и немецкий генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, который, говоря об эсэсовском военном руководстве, тоже прямо указывал, что у их командного состава наблюдалось очевидное отсутствие «военной подготовки». Также он вынужден был признать, что эсэсовские «командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии [вермахта. — В. Б.] уже давно научились»³.

Такое же мнение в годы войны сложилось в отношении командного состава войск СС и у финского военного руководства. Считалось, что немецкие части СС, сражавшиеся, скажем, на финском участке фронта и входившие в дивизию СС «Норд», были плохо подготовлены и «не требовалось много времени, чтобы заметить, что солдаты СС слабо обучены». У финских фронтовых частей также возникали проблемы при взаимодействии с подразделениями СС, где, как указывалось, командование «оказалось просто непригодным» к проведению совместных боевых операций⁴.

О низкой военной подготовке в дивизии СС «Викинг» свидетельствовали и сами финны, которые в ней служили. Как, в частности, заметил финский кадровый офицер Юрьё Кайла, который с 1941 г. служил в этой дивизии в звании гауптштурмфюрера СС, «тактические действия дивизии СС “Викинг” были в лучшем случае посредственными». Он также отметил такие недостатки военной подготовки: эсэсовские военнослужащие «в бою местность использовали плохо, но зато храбрость и тупое послушание были предостаточными». Также он указал на «полное отсутствие дисциплины стрельбы». Подводя же итог своим наблюдениям, Ю. Кайла весьма жестко подчеркнул: «Во всем я мог видеть весьма заметные признаки либо дилетантства, либо невежества, либо высокомерного пренебрежения к истинному профессионализму»⁵.

¹ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 7.

² Mikola K. J. Poliitikkaa pataljoonan voimin. S. 333.

³ Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 202.

⁴ Ahto S. Siilasvuo ja saksalaiset // Tuntematon sota. Hels.; Porvo, 1991. S. 63.

⁵ Цит. по: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 42.

Естественно, что подобные недостатки в боевой подготовке частей СС на своем военном опыте смогли ощутить и финские legionеры. Они четко указывали уже после первых боевых столкновений с советскими войсками, что их офицеры «заменяли отсутствие своего образования... кровавой храбростью» и общим нежеланием разбираться в тактических вопросах, поскольку у них «боевое управление считалось элементарным делом, которое не требует специального военного мастерства». Поэтому эсэсовские командиры часто «военный план заменяли импровизацией», а «эта высокомерная тактика презрения к смерти, — по мнению бойца Л. Лехти, — была эффективна только на первом этапе войны — летом» 1941 г.¹ В итоге, как отметил профессор М. Йокипии, в дивизии «Викинг» боевой «опыт был достигнут лишь постепенно в тяжелых сражениях, которые, вероятно, были излишне кровопролитными»². Историк же Л. Вестерлунд, вообще заметил, что созданный из этой «дивизии образ элиты оказался мифом, не во всех отношениях соответствующим действительности»³.

В целом в Германии из финских добровольцев стремились прежде всего сделать идейно подготовленных, «настоящих» эсэсовцев. Как высказался по этому поводу А. Гитлер, было необходимо особо обращать внимание на их «идеологическое воспитание в духе приверженности Германскому рейху». Далее он прямо подчеркнул, что «никогда не следует забывать, что любой из этих legionеров, если только не проникнется сознанием своей кровной связи с Германским рейхом как основой нового европейского единства, будет чувствовать себя предателем своего народа»⁴. В результате идеологическая обработка новобранцев в духе нацизма становилась одной из центральных задач воспитательной работы. Им внушалось, что «в войсках СС не признают никакого другого Бога, кроме как Гитлера»⁵.

Для контроля за идеологическим воспитанием бойцов в дивизии существовало особое подразделение. Оно в соответствии с заранее подготовленными планами и инструкциями занималось идейной обработкой военнотружущих финского батальона. Конкретная зада-

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 209.

² *Ibid.* S. 211.

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943.* S. 42.

⁴ *Пукеп Г. Застольные разговоры Гитлера.* Смоленск, 1998. С. 178–179.

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 337.

ча данного подразделения заключалась в том, чтобы как можно шире доводить до сведения личного состава все расовые и политические идеи нацистской партии. Это работа осуществлялась путем организации политзанятий. Судя по воспоминаниям проходивших обучение солдат, особое впечатление на них производили занятия, касающиеся расовых вопросов и, в частности, проблем, связанных с необходимостью войскам СС осуществлять важную антисемитскую миссию¹.

При этом данная идеологическая обработка сочеталась с непрекращающимися суровыми военными тренировками. Они имели вполне целенаправленный жесткий характер. Наибольшее внимание здесь обращали, прежде всего, на воспитание предельной выносливости в тяжелых полевых условиях², а также общей дисциплины и солдатской выдержки³. Как было заявлено финским новобранцам, им нужно всегда помнить: «Сейчас идут тяжелые тренировки, а затем сразу — на фронт»⁴. Но одновременно, как считалось, важным оставалось добиться «привыкания финских добровольцев к германским воинским отношениям и установления доверия к германскому менталитету»⁵.

Тем не менее на фронт из Вены финских эсэсовцев пока не отправляли. Вместо этого 9 июля их опять перебросили на север Германии в Померанию, в уже знакомый им Штральзунд. Там их разместили в предместьях города в бывшей психиатрической больнице, палаты которой были приспособлены под казармы войск СС. Место, которое выбрали для дальнейшего прохождения службы финнов, было на самом деле достаточно жутким. Дело в том, что вскоре после начала Второй мировой войны и незадолго до появления там батальона, на германских землях в Померании и в Восточной Пруссии спецкоманды СС в массовом порядке занялись казнями пациентов психиатрических лечебниц, а сами эти заведения освобождали для нужд СС и вермахта. В результате на этих территориях было уничтожено до

¹ См.: *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 251.

² См.: *Батлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 27; *Нидермайер Г., Вальтерс Й.* Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. С. 150–153; *Posio S.* Isänmaan puolesta Saksan ja Suomen armeijassa // *Turun Sanomat*. 2006. 22.4.

³ *Маништейн Э.* Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 200.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 334.

⁵ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 77.

10 тысяч больных, которых «умерщвляли при помощи уколов или больших доз лекарств»¹. Данные массовые убийства проходили по личному распоряжению фюрера. Осенью 1939 г. он отдал приказ «обеспечить милосердную смерть неизлечимым больным, руководствуясь здравым смыслом и исходя из критического состояния их здоровья». В результате финские добровольцы оказались в тех самых зловещих помещениях, где ранее свои последние дни доживали пациенты этой клиники перед массовыми казнями, которые называли на служебном жаргоне «дезинфекцией».

Очевидно, что само новое место размещения финского батальона и эта передислокация были продиктованы стремлением эсэсовского командования создать для бойцов «более подходящие» условия в дальнейшем их «спартанском» обучении. Причем помещения бывшей клиники были меньше, чем казармы в Вене. Поэтому в прежних больничных палатах теперь размещалось сразу более 40 бойцов². «Так начиналась для финского батальона, — заметил профессор М. Йокипии, — повседневная армейская жизнь»³.

Нацистское руководство и тут приложило максимум усердия, чтобы данная жизнь прибывших в Штральзунд финских новобранцев была крайне изнурительной и приближенной к условиям реального военного времени. Немецкое командование к тому же стремилось максимально сочетать тяжелые физические нагрузки с весьма скудным питанием. Горячие блюда солдатам, в частности, полагались только один раз в день. Однако столь аскетический образ жизни стал оказывать влияние на настроения финских добровольцев. Не все новобранцы оказались в состоянии выдержать новые суровые условия службы. В финском батальоне начали распространяться различные заболевания. Они во многом были вызваны именно безжалостным отношением немецких инструкторов к своим финским подчиненным. Принцип «пот бережет кровь»⁴ считался здесь самым главным. Кроме того, финнов активно тогда приобщали к немецкому языку, поскольку лишь 1/3 добровольцев могла понять те приказы и распоряжения, которые

¹ Пленков О. Ю. Третий рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии). СПб., 2004. С. 286.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 339, 110.

³ Ibid. S. 339.

⁴ Ibid. S. 348.

отдавали им немецкие командиры¹. В результате финские новобранцы вынуждены были много времени тратить на то, чтобы этот язык как-то освоить. Это отнимало много сил и энергии у тех, кто хотел стать «настоящим» эсэсовцем. Реально пребывание в Штральзунде превращалось для финнов не только в «школу молодого бойца», здесь они получали еще и соответствующее нацистское обучение и образование.

Место, где размещался финский батальон, очевидно также не до конца устраивало руководство СС. Помещения бывшей психиатрической клиники находились непродуманно близко от города. Дело в том, что по немецким военным правилам, «полевые учения требовали, чтобы проводившиеся здесь занятия не мешали гражданскому населению», поэтому «центры военной подготовки должны были быть расположены на относительно удаленном расстоянии от городов»². В результате идеологические и армейские навыки большинству финских добровольцев пришлось осваивать в другом районе Померании, — учебном центре Гросс-Борн (Борне-Сулиново), южнее Нойштеттина (Щецинек). Сюда их доставили 25 августа 1941 г.

Любопытно, что и новое место дислокации имело достаточно своеобразную направленность. Наряду с существовавшим там военным полигоном, здесь был организован довольно крупный лагерь для военнопленных — Шталаг 302. В этот лагерь с началом Великой Отечественной войны стали интенсивно направлять советских пленных. Первые из них прибыли туда уже 27 июля³, то есть еще раньше, чем здесь появились финские эсэсовцы. В тот момент, когда они были доставлены из Штральзунда, советских военнопленных насчитывалось там уже как минимум 12 тысяч человек⁴. Здесь казни тоже были обыденным явлением. В районе Гросс-Борна уже после войны было обнаружено около 20 тысяч захоронений военнопленных⁵.

¹ Ibid. S. 344; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaihteita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 105.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 353.

³ См.: Stalag 302, Gross Born — шталаг 302, Гросс-Борн. URL: <http://www.proza.ru/2008/04/03/67> (дата обращения: 12.06.2010).

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 354. Профессор М. Йокипии «дипломатично» называет их — «русские рабочие».

⁵ Stalag 302, Gross Born — шталаг 302, Гросс-Борн. URL: <http://www.proza.ru/2008/04/03/67> (дата обращения: 12.06.2010).

Тем не менее, как отметил В. Тике, у финнов «в Гросс-Борне интенсивность подготовки еще больше возросла». Поясняя это, он подчеркнул, что там «на полевых занятиях их обучали главным образом ориентированию на местности», причем, пишет Тике, «в каждой группе был по крайней мере один финн, который худо-бедно, но мог понимать немецкий язык и при случае служил для остальных переводчиком»¹. Тем не менее официально 1 сентября 1941 г. финские эсэсовцы завершили «курс молодого бойца», о чем командир батальона гауптштурмфюрер СС Г. Коллани торжественно им объявил. Он сказал, что они теперь являются «гарантией немецко-финского братства по оружию» и подчеркнул: «Я знаю, что могу рассчитывать на вас в настоящем бою»². Но эти высокопарные слова отнюдь не означали, что финский батальон немецкое командование немедленно отправит на фронт. В Гросс-Борне они пробыли довольно долго — до конца 1941 г. — и еще некоторое время проходили специфическую эсэсовскую подготовку. Кроме того, тогда «батальон уже обзавелся и собственным музыкальным взводом, которым командовал и руководил Тауно Пайунен, который и сочинил песню, ставшую гимном батальона»³. Казалось, что финские эсэсовцы сделали уже все, что было можно...

То, что германское командование не стремилось быстро отправить финский батальон на фронт, выглядело достаточно удивительным. В батальоне тогда даже существовало шутовское утверждение, что «Гитлер забыл про финнов в Гросс-Борне»⁴. Действительно, в практике подготовки новобранцев к боевым действиям в рейхе существовал порядок, при котором обучение длилось не более одного месяца. Финнов же эсэсовцы готовили больше полугода, причем весьма тщательно, мотивируя это необходимостью с помощью «серии мер воспитательного характера минимизировать в будущем военные потери»⁵.

Столь «трогательное» отношение к финским новобранцам, однако, не может не вызвать определенные вопросы. Фактически создава-

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 78.

² Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 355.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 79.

⁴ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 385.

⁵ Ibid. S. 356.

лись условия, когда «батальон представлял собой не более чем представительскую воинскую часть в армии братьев по оружию»¹. Это выглядит более чем удивительным. Если учесть, что в рейхе планировали по плану «Барбаросса» закончить войну с СССР победой к осени 1941 г., то столь тщательная военная подготовка финнов выглядела несколько излишней. Создавалось впечатление, что финский батальон на фронте просто не нужен. Немецкий военнослужащий этого батальона В. Тике в своих воспоминаниях даже задал вполне закономерный вопрос: «Какой другой германский батальон в столь горячее время получил целых семь месяцев для своей подготовки?»²

Очевидно, что у эсэсовского руководства могли быть совершенно другие цели, нежели чем щепетильное шлифование у финнов солдатского мастерства. Возможно, что молодые финские эсэсовцы могли быть более полезны для рейха в дальнейшем, уже для решения политических задач в самой Финляндии, когда она, в случае победы Гитлера, должна была занять предназначенное ей место в «Новой Европе» и, вероятно, не совсем такое, как это предполагали в Хельсинки. В этом отношении обученные в СС молодые финны как раз и могли оказать рейху эффективную помощь и таким образом пригодиться нацистам. Не случайно, что финских эсэсовцев, наряду с организацией для них масштабных военных тренировок и специфических «политзанятий», еще активно знакомили с современной германской культурой³. Частыми гостями в батальоне в то время были немецкие артисты. Кроме того, фактически ежедневно солдатам демонстрировали немецкие кинофильмы, что позволяло «ненавязчиво» прививать немецкие стереотипы нацистской массовой культуры. В этих фильмах, в частности, активно пропагандировались антисемитские настроения, с которыми ранее финские новобранцы были знакомы весьма слабо⁴. Оставалась единственная проблема: очень многие из финских новобранцев «не понимали еще ни слова по-немецки»⁵.

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. С. 68.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 77–78; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 351–352.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 256.

⁵ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. С. 78.

15 октября 1941 г. бойцы финского батальона были наконец приведены к присяге. Это еще больше усилило зависимость финских легионеров от Германии и командования СС. Теперь в батальоне уже официально не вспоминали о борьбе за «великую Финляндию» и ее будущее. Единственным, что хоть как-то напоминало финским эсэсовцам об их родине, было батальонное знамя¹. Его изготовили в Финляндии и к церемонии принятия присяги доставили в Гросс-Борн. Именно перед ним командир батальона Коллани твердо заявил, что с этого момента «ваше решение сражаться за свободу, величие и новый порядок в Европе находит теперь свое величайшее воплощение в вашей клятве». Теперь финны должны были окончательно забыть о своей родине. Обращаясь к финским эсэсовцам, Коллани особо подчеркнул, что с принятием присяги «честь солдата состоит теперь в безоговорочном подчинении своей личности командирам и тому сообществу, в котором он отныне будет жить»². И они действительно стали вслед за своим командиром повторять: «Клянусь тебе, фюрер Адольф Гитлер, быть верным и храбрым солдатом. Я обещаю повиноваться приказам твоим и назначенным тобою командиров до самой смерти, в чем да поможет мне Господь»³.

С 1 ноября 1941 г. в руководстве СС финский батальон стал рассматриваться как «боеспособное подразделение»⁴. Так, пройдя суровую школу эсэсовских инструкторов, финские добровольцы получили устойчивые представления о самых главных принципах, на которых строилась вся система командования эсэсовских войск. Эти принципы основывались прежде всего на установке, что «подчинение должно было быть беспрекословным»⁵.

¹ Это знамя к 1943 г. было при загадочных обстоятельствах утрачено (Там же. С. 82).

² Там же. С. 83.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Цит. по: *Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945.* С. 18.

Часть III

УКРАИНА

ГЛАВА I

1941 ГОД: ФИНСКИЕ ЭСЭСОВЦЫ НА УКРАИНЕ

Замыслы германского командования в отношении СССР заключались в том, чтобы провести стремительное широкомасштабное наступление, которое и началось 22 июня 1941 г. Немецкое руководство полагало, основываясь на плане «Барбаросса», что исход начавшейся кампании можно решить одним мощным ударом, который должен был привести к разгрому Красной армии. Это был уже отработанный вариант ведения войны, осуществлявшийся в форме блицкрига. Подобный план был успешно опробован вермахтом в ходе боевых действий против Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции, Греции и Югославии. В связи с этим в Берлине ставка была сделана на победу в первых приграничных сражениях, в первые же месяцы войны.

Первые дни войны — первые зверства

Финские эсэсовцы, входившие в состав дивизии СС «Викинг», естественно сразу же включились в реализацию этого плана. Более того, из финляндского представительства в Берлине к ним срочно обратились с ободряющими словами приветствия. Было подчеркнуто, что «начавшиеся в воскресенье, 22 июня 1941 г., боевые действия также решат и судьбу Финляндии». Причем, как указывалось в обращении, «нашей стране для начала строительства счастливого будущего, нужно быть твердо рядом с могучей Германией». Кроме того, в обращении торжественно сообщалось: «Вы, борясь против русских, таким образом, продолжаете старые традиции братства по оружию с Герма-

нией, формируя авангард финской армии». Заканчивалось же это «праздничное воззвание» очень вдохновляющими словами: «Да здравствует свободная и мощная Финляндия!»¹

Таким образом, финское руководство, обращаясь к своим эсэсовцам, явно стремилось указать на неизбежную перспективу того, что и Финляндия в ближайшее время также вступит в войну на стороне рейха. Да и сами финские эсэсовцы в этом, конечно же, абсолютно не сомневались. Они хорошо понимали, что в реальности между Советским Союзом и Германией начиналась война на уничтожение. Причем сама германская агрессия проводится и в глобальных интересах собственно Финляндии. Более того, о том, что СССР должен быть полностью уничтожен, говорилось еще и в приказе, отданном по дивизии 22 июня. Как показывают документы, до сведения финских эсэсовцев тогда довели, что «в СС пленных не берут» и «всех пленных следует расстреливать»². Таким образом, в живых никого оставлять не собирались.

Однако части дивизии СС «Викинг» не сразу были брошены в бой. Они оказались во втором эшелоне наступающих частей немецкой армии. Считалось, что эсэсовская дивизия «была менее опытной в боевых действиях, чем другие немецкие войска, поэтому какое-то время немецкое верховное командование вообще воздерживалось от постановки перед ней сложных задач»³. В результате в приграничных сражениях не они, а подразделения вермахта попробовали сломить ожесточенное сопротивление Красной армии. Только после достижения первоначального успеха германское командование планировало ввести в бой дополнительные части для развития предполагавшегося стремительного прорыва⁴. Именно тогда и должна была вступить в бой дивизия СС «Викинг».

Не находясь на передовой, финские эсэсовцы все же не могли не почувствовать, насколько тяжелыми для немецких войск оказались эти первые боевые столкновения. Как отмечал финский боец дивизии «Викинг» Мартти Леппяля, он, следуя вместе с частями своей дивизии на Восток по только что захваченной советской территории,

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 335.

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 138.

³ *Ibid.* S. 30.

⁴ *Хаунт В. Сражения группы армий «Юг».* М., 2006. С. 21.

«на протяжении всего пути видел, как немцы хоронят погибших в бою: на обочине дороги устанавливают деревянный крест и к нему крепят каску погибшего. Кроме того, были заметны и тела погибших солдат противника». Далее он еще приписал: «Следы битвы видны повсюду»¹. Все это явно указывало на то, что германскому военному командованию будет далеко не просто реализовывать задуманные в рейхе планы. Стало понятно, что за неделю боев «группой армий “Юг” так и не был достигнут запланированный Ставкой фюрера оперативный прорыв оборонительных построений русских армий»².

Тем не менее сам характер начавшейся войны уже тогда становился предельно понятным. Как вспоминает один из военнослужащих дивизии СС «Викинг» Г. Фляйшман, он лично наблюдал уже на первых километрах пути, пройденных им по территории Украины, «виселицы из врытых в землю свежих бревен». Далее описывая жуткую картину происходящего, он отметил: «Их было штук 50 на каждой стороне [дороги. — В. Б.], и на каждой болтался повешенный. Мы будто следовали через туннель из виселиц. И что самое страшное — среди повешенных мы не увидели ни одного военного. Все сплошь гражданские!»³

Война на уничтожение началась... Но задуманный стремительный и глубокий прорыв группы армий «Юг» на территорию Украины до конца так и не получился. Стало понятно, что «русский солдат воюет с такой энергией и самоотверженностью, на которые не были способны французы и англичане во время Западной кампании»⁴. Таким образом, опробированный ранее вермахтом блицкриг стал явно давать сбои. 26 июня начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в дневнике: «Группа армий “Юг” медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери»⁵. Действительно, для Красной армии ситуация здесь складывалась более благоприятная, чем на других участках советско-германского фронта⁶. Как

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 189.

² Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 167.

³ Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца. М., 2009. С. 158.

⁴ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 18.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 47.

⁶ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. М., 1963. С. 34.

отмечается в отечественной военно-исторической литературе, «войска фронта не только на целую неделю задержали противника на этом направлении и нанесли ему большие потери, но и сорвали замысел врага по окружению главных сил фронта в Львовском выступе»¹. В целом в зоне продвижения немецких частей, в которые входила дивизия СС «Викинг», советское командование располагало довольно большим количеством войск. Наиболее сильная группировка Красной армии находилась в районе Львова, где советское командование рассчитывало в случае начала войны «нанести мощный удар и отрезать войска Германии, находящиеся в Польше, от балканских государств»². Однако руководство РККА не смогло завершить оперативное развертывание, а «оборонительные рубежи на должном уровне подготовлены не были»³.

Тем не менее в зоне ответственности группы армий «Юг» после крайне ожесточенных приграничных сражений немецкому командованию срочно потребовалось вводить в бой резервы⁴. Поэтому 29 июня 1941 г. дивизия СС «Викинг» получила приказ о передислокации на переднюю линию. Таким образом ей следовало подключаться к активной фазе боевых операций, проводимых германской армией⁵. Рано утром 30 июня финские эсэсовцы вместе с другими военнослужащими дивизии «Викинг» должны были впервые вступить в боевое соприкосновение с советскими войсками⁶. Однако в реальных встречных боях эсэсовцам на этот раз участвовать не довелось, и в этом отношении начало боевых действий для дивизии оказалось достаточно удачным.

Как раз тогда от границы уже началось общее отступление советских войск. Именно в это время, 30 июня, в своем дневнике генерал Ф. Гальдер отметил, что теперь «на фронте группы армий “Юг”, несмотря на отдельные трудности местного значения, бои развиваются успешно». Далее он подчеркнул: «Наши войска шаг за шагом теснят противника»⁷. Действительно, советское командование принимает решение об отводе частей Красной армии из района Львова. Они дол-

¹ Там же.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. II. М., 2012. С. 755.

³ Там же.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 58.

⁵ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 9.

⁶ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 186–187.

⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 64.

жны были отходить на рубеж укрепленных районов, находящихся по линии государственной границы 1939 г.¹ В целом решение, принятое в Москве, было продиктовано исключительно неудачным началом войны на других участках советско-германского фронта. Возникла очевидная опасность «глубокого охвата» на Западной Украине главных сил Красной армии. Под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, которые прикрывали львовское направление². В результате части РККА начали свой быстрый отход за Днестр и к середине июля вышли на рубеж Житомир — Бердичев — Каменец-Подольский — Могилев-Подольский³.

Но даже при таких достаточно благоприятных для вступления в бой условиях нельзя было сказать, что эсэсовцы сразу же смогли продемонстрировать свою особую доблесть и хорошую военную выучку. Ю. Кайла, один из финских офицеров СС, прошедших до этого школу «зимней войны», записал: «Я заметил много храбрости, но почти никаких боевых навыков. Офицеры войск СС тактическими вопросами не занимались! Воевать и руководить сражением считалось настолько простым, что для этого не требовалось никаких особых военных навыков, великая германская храбрость должна была просто загнать в тень всю прозу жизни»⁴. Это мнение тогда поддержал и немецкий генерал пехоты Г. А. фон Витерсгейм, который командовал XIV моторизованным корпусом, в который вошла дивизия СС «Викинг». Он безжалостно сообщал 18 июля 1941 г. своему начальству: «Командование крупными моторизованными боевыми подразделениями требует опыта, которого в дивизии СС “Викинг” пока нет. Ввиду ее подготовки и неравномерности состава, тактические знания офицеров весьма разнородны. Они зачастую просто непрофессионалы, поэтому действуют чисто эмоционально»⁵.

В результате весьма слабая обученность и неприспособленность к реальным боевым условиям у эсэсовцев стала проявляться во всем. Даже в том, что буквально первым, кто погиб при боевом столкнове-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 32; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. С. 763; *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова. М., 2004. С. 216; *Хаунт В.* Сражения группы армий «Юг». С. 24.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. С. 763.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 209.

⁵ Ibid. S. 210.

нии с частями Красной армии, оказался командир полка «Вестланд» — штандартенфюрер СС Х. Вэккерле. Он был убит у села Новосёлки, Львовской области 2 июля 1941 г. Так бывший первый комендант концлагеря в Дахау, человек, который прошел, начиная со времени «Пивного путча», все этапы нацистского движения в Германии, видимо, не сумел овладеть элементарными навыками старшего армейского офицера. Он явно пренебрег своей безопасностью, что, собственно, и привело его к гибели. Причем при невыясненных обстоятельствах. Некоторые исследователи утверждают, что этот высокопоставленный нацистский офицер был убит, просто когда «пытался открыть люк подбитого советского танка... выстрелом одного из членов экипажа» этого танка¹. Есть другая версия, что он был «застрелен сзади» советским снайпером. Также существует предположение, которое можно считать самым экстравагантным, что Х. Вэккерле был убит в момент, когда, проявляя «гуманность», пытался оказать первую помощь раненному советскому солдату².

На самом деле пострадал от атаки бойцов Красной армии не только Х. Вэккерле, но и часть его командно-штабной группы, которая тогда при нем находилась³. И это было явное боевое столкновение. Что же касается помощи советским пленным, то эсэсовцы ее никогда не оказывали. Более того, их жестокость была хорошо известна. Как мрачно заметил исследователь Н. Уорвал, «на совести солдат с эсэсовскими рунами в петлицах много крови» и далее добавил: «По-другому они воевать не умели. Годы нацистской муштры превратили их в безотказные машины для убийства»⁴.

Действительно, сам факт гибели командира полка был воспринят в частях дивизии СС как повод для организации массовой расправы над гражданским населением, а также для расстрелов пленных солдат Красной армии. Был даже отдан приказ «в отместку расстрелять всех жителей села [Новосёлки. — В. Б.], сжечь дома и зарезать весь скот»⁵.

¹ Залесский К. А. Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. С. 553.

² Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 9.

Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 192; Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 163.

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 167.*

⁴ Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 320.

⁵ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 163.*

Село Новосёлки, у которого погиб Х. Вэккерле, было, естественно, сожжено. Кроме того, «в то же время, — как указывает профессор М. Йокипии, — некоторые из тех, кого подозревали в помощи снайперу из числа русских и евреев были тоже сразу же казнены»¹.

Кстати, в полку «Вестланд», которым командовал Вэккерле, проходило службу достаточное число финских эсэсовцев, а в село тогда вошли сразу четыре роты этого полка. Поэтому финны не могли не участвовать в начавшихся зверствах. И события в Новосёлках оставили у них яркие воспоминания, которые теперь стали доступны для исследователей. В частности, к сегодняшнему дню обнаружено, по крайней мере, семь разнообразных показаний финских эсэсовцев об их карательной миссии в Новосёлках. Они дают весьма живописное представление о том, чем они там конкретно занимались. Характер их действий в этом селе можно, например, проследить по дневниковым записям офицера связи оберштурмфюрера СС Э. Пихкала, который зафиксировал произошедшие события. Офицер записал, что после гибели Вэккерле, «чтобы отомстить, в качестве наказания, несколько десятков русских пленных были расстреляны», и тут же указал на финнов из 5-й и 6-й рот этого полка. Как он подчеркнул, они еще «вчера принимали участие в сражении», и «парни хорошо потрудились»².

Унтерштурмфюрер СС Ахти Пайккала, служивший в 7-й роте, также оставил запись в своем дневнике о действиях нацистов в Новосёлках. Он бесхитростно заметил, что «7-я рота отправилась на “экскурсию возмездия”, и после этого деревня превратилась в пепел». Далее не менее цинично он уточнил: «Некоторые руссы [финское презрительное название русских. — В. Б.] и евреи перестали стареть»³. Показательно, что в 7-й роте полка СС «Вестланд» примерно $\frac{2}{3}$ составляли голландцы, было несколько датчан и шведов, а также девять финнов⁴. Более того, данная «интернациональная» рота «прославилась» затем и зверствами в селах Кривичи и Словите. Там местные жители были либо просто расстреляны, либо их сожгли в их же домах, причем сожгли заживо⁵.

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 192.

² Цит. по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 164.

³ Цит. по: *Ibid.* S. 165.

⁴ *Ibid.* S. 173–174.

⁵ *Ibid.* S. 173.

В целом следует учитывать, что массовые казни военнопленных и мирного населения (прежде всего, конечно, еврейской национальности) производились отнюдь не в качестве «мести» бойцам и командирам Красной армии или из-за каких-либо неудач, постигших дивизию на фронте. Все это были хорошо спланированные и продуманные операции, которые специально организовывались в занятых ваффен СС районах. Особенность участия «Викинга» в агрессии как раз и заключалась в организации карательных акций. Характерной чертой в ведении боевых действий, которая явно отличала эту дивизию от частей вермахта, было то, что она всегда демонстрировала невероятную жестокость. И эта жестокость была обращена, главным образом, на тех, кого им удавалось захватить, что относилось как к гражданскому населению, так и к военнопленным. Более того, как заметил исследователь Бернд Болл, солдатам и офицерам дивизии СС «Викинг» казалось, что «первые дни войны на Востоке были чем-то вроде охотничьей экспедиции, добычей которой становились люди»¹.

Данные представления относились ко всем этническим группам этой дивизии, включая и финнов. Из дневниковых записей становится понятно, что финские эсэсовцы считали начавшуюся агрессию некой «военной игрой», тогда как «зимняя война», в которой им тоже довелось участвовать, наоборот, казалась действительной, «настоящей» войной². В любом случае «среди финских добровольцев СС особенно бурным выражением антисоветских настроений стала, — как указывает профессор Л. Вестерлунд, — их относительная готовность расстреливать советских военнопленных»³.

Эту особенность деятельности военнослужащих дивизии СС «Викинг» сразу же зафиксировали в командовании частей вермахта, продвигавшихся вместе с ней в том же направлении. Прошло буквально несколько дней, как дивизия участвовала в наступлении, а ее «почерк» стал уже всем хорошо известен. Только за один день, 2 июля 1941 г., из разных подразделений вермахта поступили доклады руководству, что в дивизии СС «Викинг» «...вслепую расстреливают русских солдат, а также подозрительных гражданских лиц». Также сообщалось

¹ Цит. по: Ibid. S. 45.

² См.: Ibid. S. 164; *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 192.

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943.* S. 25.

«о невероятном обращении СС с местным населением», где только по внешнему виду могли «расстреливать всех, кто выглядит хоть немного подозрительным, например, мирных жителей с бритыми головами»¹... В целом начавшиеся 2 июля повсеместные расстрелы можно было объяснить только тем, что в этот день дивизия СС «Викинг» не продвигалась далее на Восток. В этот день она «стояла практически неподвижно»², что и позволяло эсэсовцам заниматься тем, чему они были хорошо обучены: проводить карательные экспедиции.

Действительно, дивизия СС «Викинг», как указывают различные историки, «отличалась от других частей ваффен СС тем, что пленных брали мало», а «когда продвигались по дорогам, ведущим на восток, то не задерживались, а просто своей бронетехникой давили мирных жителей»³. Бывшие финские эсэсовцы этот факт своей биографии также подтверждали, подчеркивая, что вначале «в течение нескольких месяцев пленных вообще не брали», а «убивали всех, кто попадался на пути дивизии»⁴. Один из них так режиме реального времени рисовал леденящую кровь картину того, что тогда происходило на дороге: «Вдоль дорог горит множество зданий, и ни у кого нет времени их тушить. Никто не успевает убирать тела, лежащие на дороге. По ним проходят тысячи автомобильных колес и гусениц танков, превратив их в бесформенные плоские куски, покрывающие пыль шоссе. Похоже, что на дороге валяются пустые мундиры, покрытые белой пылью...»⁵

Причем позже, после окончания войны, финские эсэсовцы, разумеется, отрицали, что они лично принимали участие в карательных операциях и казнях. Обычно они подчеркивали, что были лишь свидетелями происходившего⁶. Хотя, естественно, встречались и те, кто, «набравшись смелости», подтверждал, что все-таки сам участвовал в расстрелах и тоже «убивал, но, конечно, только по необходимости»⁷. В дневниках, которые вели финские добровольцы, сохранились разнообразные сведения об их непосредственном участии в казнях. В частности, 4 июля

¹ Цит. по: Ibid. S. 46.

² Jokipii M. Panttipataloona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 192.

³ См.: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 46.

⁴ Ibid. S. 68.

⁵ Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaihteita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 64.

⁶ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 130, 132.

⁷ Ibid. S. 133.

в одном из дневников прямо зафиксировано, что его автор «застрелил 8 русских» и при этом вообще «не чувствовал никакой жалости»¹.

Кроме военнопленных, основной «добычей» дивизии стало гражданское население². Как свидетельствовали финские эсэсовцы, сразу же перед ними «была поставлена почетная миссия заставить варваров Востока перейти на дальний берег Волги». Более того, пояснялось, что в начавшейся войне вообще «русские должны были быть уничтожены, вплоть до грудных детей»³. Профессор Л. Вестерлунд подчеркнул, что в дивизии СС «Викинг» «не были определены примеры наказаний, которые бы четко разделяли военнопленных и обычных мирных жителей». «Как следствие, — заметил финский историк, — практически любой мог быть арестован, а каждый арестованный фактически уже являлся заключенным, что открывало возможность для его расстрела»⁴.

В целом действия военнослужащих дивизии СС вполне соответствовали тем распоряжениям, которые они получали от своего руководства. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер прямо заявил: «180-миллионный народ [речь идет о жителях СССР. — В. Б.], чудовищная смесь рас и народностей, с непроизносимыми на человеческом языке названиями и настолько отталкивающей внешностью, что только за одно это всех их можно с чистой совестью расстреливать»⁵.

Во исполнение этих приказов, уже с первых дней войны эсэсовцы дивизии на занятой ими территории принялись энергично организовывать массовые казни. Общей зоной продвижения дивизии СС «Викинг» стала территория Украины от границы через Львов и далее в глубь страны. Причем по сведениям, которые содержатся в дневниках и воспоминаниях финских добровольцев, в период с 1 по 15 июля 1941 г. с участием подразделений дивизии СС «Викинг» на Украине было совершено, по крайней мере, 20 массовых, масштабных репрессивных акций, направленных против мирных жителей и, прежде всего, против евреев. Также жестко поступали и в отношении военнопленных⁶.

¹ Ibid. S. 131.

² *Bamler P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 47.

³ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 138.

⁴ Ibid. S. 139.

⁵ Цит. по: *Уорвал Н.* Войска СС: История и факты. С. 158.

⁶ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 278.

О том, что они занимались в основном этими акциями свидетельствуют, в частности, записи одного из финских эсэсовцев, который прямо обращал внимание своего командования, что его подразделение находится в тылу, а не на фронте. Тогда как на передовой их навыки были бы более востребованы, а «...казнить евреев можно и с меньшей огневой подготовкой»¹. Как указывает профессор Л. Вестерлунд, видно, что для эсэсовца «расстрел евреев является пустяком» и он бы «с гораздо большим энтузиазмом относился к тому, чтобы советские солдаты попали бы в прицел его винтовки», поскольку борьба именно против СССР является «первостепенной задачей, в то время как уничтожение евреев... сродни унылой работе в ремонтной мастерской в тылу»². В целом финские эсэсовцы, служившие в дивизии «Викинг» в начале войны, были явно разочарованы, что «в конечном итоге свои навыки стрельбы могли использовать лишь в расстрелах евреев»³.

Ярким примером использования эсэсовцев как карателей явились события во Львове. 1 июля 1941 г. основная часть дивизии СС «Викинг» вступила в город. Именно в это время здесь набирали обороты наиболее массовые казни мирных жителей. Реальные зверства прокатились по городу с 30 июня по 2 июля. Тогда там погибло свыше 4 тысяч человек. Только в ночь на 2 июля во Львове было убито до 3 тысяч человек. Показательными при этом стали расправы над местной интеллигенцией. В частности, в ночь на 4 июля погибли более 20 польских профессоров, преподававших во Львовском университете⁴. Причем само участие в расправах над гражданским населением военнослужащих дивизии СС «Викинг» финский профессор М. Йокипии «постарался», скажем так, не заметить. Как он особо подчеркнул, солдат за начавшиеся в городе зверства вообще «никто не критиковал»⁵.

¹ Цит. по: Ibid. S. 55; См. также: Финские СС расстреливали мирных жителей на Кавказе. В Финляндии об этом вспоминать не любят // *АиФ — Санкт-Петербург*. 2023. 6 июня. URL: <https://dzen.ru/a/ZH3wJ6KdXybEbvQo> (дата обращения 25.11.2024; *A. Swanström. Suomalaiset SS-miehet ja sotarikokset* // *Suomen kirkkohistoriallinen seura*. 11.10.2017. URL: <https://www.skhs.fi/suomalaiset-ss-miehet-ja-sotarikokset/> (дата обращения: 25.11.2024).

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 56.

³ Ibidem.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 32.

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 191.

Действительно, определенно сказать, как финские эсэсовцы могли включиться в развернувшуюся во Львове бойню, сложно. Главный удар обрушился на состоятельную часть жителей и особенно на еврейское население, а также на поляков. Наиболее активными в этом отношении оказались не эсэсовцы, а украинские националисты. Именно они, по свидетельству финских добровольцев, «в бешенстве выводили оставшихся евреев на улицы и беспощадно их забивали». Причем, как было отмечено, «помилований от них не получали ни дети, ни старики»¹. Но, что не менее важно, финны им, конечно, не мешали. Финский эсэсовец Унто Боман (Парвилахти) заметил: «В этой резне участвовали все жители города. Их охватило какое-то кровожадное массовое безумие, которое ничто не могло обуздать и контролировать». Далее, передавая атмосферу происходящего, он записал: «Во Львове мы испытывали настоящее опьянение от радости... Публика приносила нам все, что, по их мнению, должно быть нами оценено: конфеты, музыкальные инструменты, торты, цветы и так далее». Причем финский эсэсовец затем уточнил: «Толпы грабили государственные магазины и приносили нам колоссальное количество алкоголя. Нам приходилось немедленно выпивать эти напитки, пока толпа кричала нам “Ура”»².

Действительно, пьянство среди финских эсэсовцев было тогда очень сильно распространено³, а сама обстановка во Львове их вполне устраивала. Начавшиеся погромы они никоим образом не стремились останавливать. Да и трудно было бы представить, чтобы они вообще собирались это делать. Как они сами отмечали, в этом первом украинском городе, в который финны вступили, они сами «также могли участвовать в мародерстве»⁴. У. Боман же впоследствии признался, что «все же убивал», но пояснив, что лишь «ради своих убеждений»⁵. Данное признание финский эсэсовец не посчитал для себя каким-то зазорным. И это вполне объяснимо. Дело в том, что 2 июля

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 155.*

² *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 70–71. S. 157, 159.*

³ *Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 24.*

⁴ *Ibid. S. 160.*

⁵ Цит. по: *Ibid. S. 200.*

по частям дивизии был отдан приказ, согласно которому «убийство еврея не будет считаться проступком, заслуживающим наказания»¹.

Тем не менее аналогичные события в дальнейшем стали последовательно повторяться и в других украинских населенных пунктах. Везде, куда вступали части дивизии СС «Викинг» все происходило по одному и тому же сценарию, в одно и то же время, даже в один и тот же день. Так, в частности, 2 июля 1941 г. за Львовом СС заняли сразу пять сел (Ольшаница, Кривичи, Куровичи, Словите и, наконец, Новосёлки). Далее они захватили еще три небольших города (Золочев — 2–3 июля, Зборов — 4 июля, Озерная — 3–5 июля). Везде военнослужащие дивизии вели себя чрезвычайно жестоко. В зверствах также принимали достаточно активное участие и финские эсэсовцы. Более того, немецкий историк К. Струве, в частности, охарактеризовал убийства в городе Золочев, как «первую крупномасштабную бойню дивизии СС “Викинг”». В ней, несомненно, принимали участие и финские эсэсовцы, которых в Золочеве тогда было, по крайней мере, 25 человек².

О результатах этих зверств сохранился даже специальный рапорт командования дивизии. Эсэсовцы сами сообщили, видимо с гордостью, своему руководству, что «в местечке Зборов между Тарнополем и Львовом было уничтожено 600 евреев». Причем указывалось, что эти массовые казни проводились «в качестве ответной меры за жестокость советских солдат»³. Трудно сказать, в чем заключалась «жестокость советских солдат», но то, что начали творить подразделения «Викинг», могло быть охарактеризовано только как самое настоящее варварство.

Действительно, казненных местных жителей и, прежде всего, евреев в Зборове было от 600 до 850 человек. Их тела не предполагалось даже как-либо цивилизовано захоронить. Убитых просто закапывали в гигантских братских могилах⁴. Но еще до казни проявлялся невиданный цинизм. Жителей города заставляли «петь и танцевать», а потом уже их просто «расстреливали из автоматов»⁵. Самым важным

¹ *Бамлер P. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 45; См. также: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 116–120.*

² *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 195.*

³ Цит. по: *Бамлер P. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 45.*

⁴ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 196.*

⁵ *Ibid. S. 197.*

было то, что творящееся в городе уже имело свою особенность. Казни не стали следствием карательных действий со стороны украинских националистов. В Зборове роль украинских националистов, как считают исследователи, была весьма незначительной, «поскольку в данных действиях участвовали лишь подразделения дивизии СС “Викинг”, которые использовали украинцев просто как помощников»¹. Финны также принимали участие во всех этих зверствах. Один из них, военнослужащий 5-й роты полка «Нордланд» Яаакко Лакеала даже оставил об этих событиях свои личные впечатления. Он, в частности, достаточно ярко описал сцену, как евреи сами «копали голыми руками могилу для убитых»².

Тем не менее особо кровавые расправы над еврейским населением были организованы в занятом частями дивизии Тарнополе (современное название — Тернополь). Взятие этого города стало первым реально «тяжелым боем» для частей дивизии. Дело в том, что эсэсовцы здесь столкнулись с определенным сопротивлением. Передовые части дивизии были достаточно неожиданно атакованы советскими войсками. Причем «когда русские начали атаковать, — отметил один из участников этого боя финский эсэсовец В. В. Халлаво, — немцы по команде сразу же отступили, бросившись в укрытие». Далее он добавил: «Да, это был действительно неудачный бой!»³. Но именно в нем реально проявили себя финские добровольцы. По мнению некоторых исследователей, для них тогда это оказалось «своеобразным боевым крещением» на Украине⁴. Именно тогда появились первые раненные финские эсэсовцы, а командир дивизии бригадефюрер и генерал-майор войск СС Ф. Штейнер после этого боя финских добровольцев особо даже отметил. Он подчеркнул их заслуги, указав, что в это время «финнам... приходилось в неравном бою сражаться с русскими танками»⁵.

Но основные события начали развиваться уже после этого первого крупного боевого столкновения. Главное заключалось не в том, что после взятия Тарнополя, город был просто разграблен. Действительно, эсэсовские части, не стесняясь, занялись откровенным мародер-

¹ Ibid. S. 196.

² Ibid. S. 197.

³ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 210.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 136.

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 193.

ством, «успев “организовать” для себя из заброшенных магазинов и квартир немало еды, алкоголя, табака и нижнего белья»¹. Самым трагическим для жителей города стали новые массовые казни. В Тернополе погибло до 5 тысяч человек².

Широкомасштабные репрессии обрушились, как всегда, на еврейское население. Реально они начались 4 июля 1941 г. Именно тогда в Тернополе разместился штаб дивизии СС «Викинг»³. С этого дня на улицах города «началась охота на евреев»⁴. В целом массовым истреблением еврейского населения подразделения дивизии занимались в течение недели. При этом отдельные части дивизии оказались в непосредственном подчинении у немецкого коменданта города. В результате эсэсовцы стали играть самую активную роль в организуемых там массовых убийствах. Так, по воспоминаниям финских эсэсовцев, в начале июля военнослужащие полка «Вестланд» задержали для последующего расстрела около 500 человек⁵. Также активную роль в зверствах, как считают некоторые исследователи, играла 3-я рота полка «Нордланд»⁶. По впечатлениям немногих, кто выжил в этой бойне, «после рейдов немецких и украинских частей, город был усеян телами»⁷.

Профессор М. Йокипии по этому поводу достаточно «сухо» и формально позволил себе зафиксировать, что «с гражданским населением... обращались беспощадно»⁸. Но на самом деле эта «беспощадность» вылилась в то, что в Тернополе погибли тысячи человек. Причем центральную роль в организации расстрелов здесь явно занимали опять не украинские националисты, а именно военнослужащие дивизии СС «Викинг». Как отмечает Л. Вестерлунд, «солдаты подразделений дивизии СС “Викинг” вербовали местных украинцев для поиска

¹ Ibidem.

² Тернополь. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14093> (дата обращения: 12.06.2010). Существуют и другие сведения о погибших в Тернополе гражданских лицах. Число казненных здесь колеблется от 2400 до 9000 человек (*Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 206*).

³ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 8.

⁴ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 207.*

⁵ Ibid. S. 211.

⁶ Ibid. S. 207.

⁷ Ibidem.

⁸ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 194.*

евреев и подстрекали их к убийству». Но при этом исследователь уточнил: «Тем не менее основная часть насильственных действий была совершена солдатами СС... Тарнополь стал главной ареной зверств дивизии»¹. Да и сами финские эсэсовцы свое личное участие в организуемом в городе массовом терроре гражданского населения особо не скрывали. «Город был в наших владениях, — отметил Олави Лиесинен из полка “Нордланд”, — пришел приказ — пройти по гражданским квартирам и приказать всем мужчинам в возрасте от 15 до 60 лет собраться на определенной площади для удостоверения личности. Мы с Калле [сослуживец Лиесинена. — В. Б.] вместе отправились в этот тур. Врываясь в квартиры, мы приказывали мужчинам и молодым людям, которые могли еще интересоваться детскими книжками, идти на площадь. Все прошло гладко, приказ выполнялся добросовестно»². Участь собранных на тарнопольской площади людей была уже решена.

Завершая еврейские погромы, немецкие власти объявили, что у оставшихся в живых евреев будет произведена полная конфискация имущества. Им запретили любую возможную предпринимательскую деятельность, а также ограничили свободу передвижения или вообще смену места жительства³. Таким образом, на Западной Украине начало образовываться первое на территории СССР еврейское гетто⁴. Естественно, что непосредственными свидетелями, если не прямыми участниками этих кровавых карательных действий, стали и финские военнослужащие дивизии СС «Викинг»⁵.

Таким образом, в первых приграничных сражениях, в которых участвовали финские эсэсовцы, главным становились не сами боевые действия с частями Красной армии, а организация масштабного террора на захваченных территориях. Эта особенность данных «боевых» операций дивизии СС «Викинг» сохранилась и в последующий период.

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 209.*

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 213.*

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 207.*

⁴ Тернополь. Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/14093/> (дата обращения: 12.06.2010).

⁵ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 213–214.*

«По выжженной равнине — За метром метр — Идут по Украине» финские солдаты ваффен СС

Приграничные сражения дивизии «Викинг» заканчивались. Ее части уже подходили к старой советско-польской границе, существовавшей до сентября 1939 г. Там находились созданные в предшествующий период советские укрепрайоны. Именно их теперь предстояло штурмовать немецким войскам. Однако, как и прежде, сами части дивизии СС пока еще особо не втягивались в какие-либо ожесточенные сражения, которые вели в это время солдаты вермахта. В результате первые впечатления от боевых действий финских эсэсовцев указывали на то, что им начавшаяся война продолжала казаться не особо сложным делом. По словам гауптштурмфюрера СС Юрьё Кайла, тогда ему даже представлялось, что эти «многочисленные захваты пустых деревень, после артподготовки, и обычные стычки с предполагаемыми снайперами... являлись лишь проявлением опереточной войны»¹. Действительно, впечатления от событий Советско-финляндской войны у прошедших ее финнов были явно другими. Но, тем не менее, дивизия «Викинг», несмотря на своеобразную форму ведения боевых действий, все же несла потери, и они, очевидно, были хорошо заметны ее командованию. Ф. Штейнер впоследствии вынужден был признать, что уже в первых боях на советской территории он почувствовал, что «противник оказался жестче, чем поляки в 1939 г. или французы в 1940 г.»².

Части вермахта, действовавшие севернее дивизии СС «Викинг», после перегруппировки все же смогли прорвать долговременные советские укрепления на старой границе в районе Новоград-Волынского и начали наступать в направлении города Житомир³, заходя, таким образом, в тыл основным силам Красной армии. Для немецкой армии открывалась перспектива окружения частей советских войск и прорыва к Киеву⁴. Как образно пишет М. Йокиппи: «Танковые колонны и колонны легкой моторизованной техники немецких дивизий “плы-

¹ Ibid. S. 195.

² Ibid. S. 196.

³ Великая Отечественная война 1941—1945 годов. С. 764; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 105.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 105.

ли” свободно над залитыми солнцем зерновыми полями черноземного региона Украины, как если бы это были военно-морские части, действовавшие на суше»¹.

Основные подразделения дивизии СС «Викинг» также устремились к Житомиру. Другие же ее части одновременно начали перебрасываться из Тарнополя в район Дубно Ровенской области — причем отнюдь не для ведения боевых действий. Они были необходимы, как отмечает М. Йокипии, «не столько из-за их малоизвестной боевой ценности, а для того, чтобы их прибытие освободило танковые дивизии наступающих войск [вермахта. — В. Б.] от контроля над мостами и селами в ближнем тылу и, таким образом, позволяло продолжить атаку» передовым частям действующей армии².

В результате финским эсэсовцам оставалось решить лишь одну серьезную проблему: выдержать ужасную жару. Поэтому в их дневниковых записях можно обнаружить не столько указания на какие-либо боестолкновения с частями Красной армии, сколько воспоминания о том, что «весь день светит солнце, как в сауне», что «кукурузные поля, куда ни посмотришь, похожи на море», что «едем целый день на серой от пыли машине, а рот пересох, без воды»³. Действительно, как отмечает Р. Батлер, «танки дивизии прошли по пыльным дорогам Украины от Дубно до окраин Житомира почти беспрепятственно»⁴.

9 июля сопротивление защитников Житомира было сломлено, и тогда «“Викинг” отпраздновал свой успех, превратив город в руины»⁵. Причем, как и прежде, подразделения дивизии здесь особо в военном отношении не прославились. В занятый вермахтом город части дивизии начали прибывать лишь 14 июля. Причем в Житомире три роты полка «Нордланд» серьезно задержались. Они там находились до 22 июля. Естественно, главной задачей в городе для эсэсовцев стали аресты «обычных подозреваемых». В результате, как всегда, были налажены масштабные репрессии, направленные против граждан-

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 199.

² *Ibid.* S. 202.

³ Цит. по: *Ibid.* S. 200.

⁴ *Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945.* С. 53.

⁵ Там же. С. 47.

ского населения¹. В итоге от рук СС погибло 402 человека². Конечно, убивали не только евреев, но также казнили и всех арестованных партийных, а также советских работников³. Как в это время четко докладывалось в Берлин, «в Житомире расстреляно около 400 евреев, коммунистов и сторонников НКВД»⁴. При этом казни всех мирных жителей, поддерживавших советскую власть, никоим образом не вызывали у финских эсэсовцев никакого «внутреннего протеста» или возражения. По мнению профессора Л. Вестерлунда, «когда дело доходило до антисоветских и антикоммунистических взглядов, между мнениями эсэсовцев “Reichsdeutsche” и северных добровольцев, вероятно, не было большой разницы»⁵. Это подтверждалось и на послевоенных судебных разбирательствах, проходивших в отношении военных преступлений военнослужащих дивизии СС «Викинг». Какой-либо разницы в зверствах немцев и финнов не фиксировалось⁶.

Тем не менее особых боевых действий части дивизии пока еще не вели. Да и войска вермахта несколько затормозили свое продвижение в глубь Украины. Более того, 11 июля, уже на подступах к Киевскому укрепрайону немецкая армия, «встретив сильные контратаки», была остановлена⁷. Что же касается эсэсовцев, то тогда даже фюрер, который, естественно, весьма внимательно следил за происходящими событиями на фронте, был обеспокоен «медленным продвижением... дивизии СС “Викинг”»⁸. Командование группы армий «Юг», учитывая складывавшуюся ситуацию, предложило своему руководству рассмотреть в дальнейшем несколько иной план действий. Речь шла о том, чтобы вместо штурма Киева двинуть «главными силами танковой группы — на Белую Церковь, а оттуда — в южном или юго-восточном направлении» с тем, чтобы оттуда зайти в тыл обороняющим Киев советским войскам⁹.

¹ См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М., 1954. С. 585—589.

² *Battler P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941—1945. С. 48.

³ Там же.

⁴ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941—1943. S. 237.

⁵ Ibid. S. 35.

⁶ См.: Ibid. S. 53.

⁷ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 119, 125; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. С. 764.

⁸ Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 118.

⁹ Там же. С. 108—109.

Таким образом, эсэсовцы по-прежнему в боевые действия особо не вступали. Дивизия «Викинг» лишь постепенно продвигалась вперед по уже занятым германской армией территориям. Причем профессор М. Йокипии, говоря о тех представлениях, которые тогда складывались у финнов, особо подчеркивал, что «для пешек войны, для людей, марширующих в беспощадной жаре, такое движение, цель которого оставалась для них неясной, было, конечно, тяжелым»¹. Но тем не менее финские эсэсовцы, несомненно, что-то все же понимали... Как отметил тогда один из финских военнослужащих полка «Нордланд»: «Ходят слухи, что русские контратакуют, и нам, возможно, следует вначале отразить это нападение, а затем уже захватить Киев...»² Таким образом, на киевском направлении дело до прямых сражений у дивизии «Викинг» пока не доходило. Но она к ним уже явно готовилась.

Продвигаясь в целом достаточно широким фронтом, подразделения дивизии не забывали устраивать кровавые расправы над местным мирным населением и военнопленными. В частности, в районе села Микулинцы были взяты в плен оказавшиеся в окружении около 300 бойцов Красной армии. Причем командир дивизии Ф. Штейнер лично ходил вдоль рядов военнопленных и указывал на тех, кто, по его мнению, казался «менее германским». В результате около 200 человек, выражение лиц которых ему «не понравилось», были приговорены к расстрелу³. Иными словами, весь начальный путь следования по советской территории дивизии СС «Викинг» постоянно сопровождался кровавым следом массовых репрессий.

Однако по мере продвижения немецких войск на восток, сопротивление Красной армии по всем направлениям явно начало нарастать. Бои на Украине становились все более и более кровопролитными. Особенно это стало заметно, когда немецкие части развернули широкомасштабные операции на подступах к Киеву. Здесь уже действительно стали разгораться ожесточенные сражения. Финские эсэсовцы тоже, естественно, не могли не принимать в них участия. Но, как с сожалением заметил один из них, непосредственное «взятие Киева нами было пропущено»⁴.

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 203.*

² *Ibidem.*

³ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 222.*

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 204.*

Действительно, когда казалось, что «до Киева было уже рукой подать», а «солдаты разведывательных подразделений в лучах вечернего солнца уже различали силуэты киевских соборов»¹, немецкое командование приняло новое решение. Основные части дивизии СС «Викинг», входившие в состав 1-й танковой группы, были стремительно развернуты и направлены отнюдь не на штурм киевских укреплений. Им было приказано начать обход города с юга в направлении Сиквира — Белая Церковь — Богуслав. Как отметил чуть ранее в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, теперь уже «Киев и переправы через Днепр южнее Киева представляют собой второстепенную цель»². От взятия столицы Украины сходу немецкое командование решило отказаться.

Что же касается дивизии СС «Викинг», то в целом характер ее боевых действий сохранялся. В своем дневнике Ф. Гальдер 14 июля отметил, что «главные силы дивизии СС “Викинг” идут во втором эшелоне за 9-й танковой дивизией, которая начала наступление от Житомира на Белую Церковь»³. Так, следуя за передовыми частями немецких войск, дивизия «Викинг», несколько развернув свои части, вступила в уже занятый немцами город Белая Церковь. Здесь эсэсовцами вновь, традиционно, были устроены показательные массовые казни. Как всегда, они были проведены в отношении гражданского населения и, прежде всего, жителей еврейской национальности. В итоге в городе погибло до 700 евреев⁴. Причем финские эсэсовцы как минимум присутствовали при всех этих зверствах. В частности, по воспоминаниям Ахти Покеле, он лично находился рядом со специально вырытой для казни гигантской ямой, куда сгоняли местных жителей и там их убивали с помощью «автоматов и ручных гранат»⁵.

После этих очередных кровавых событий, дивизия, продвигаясь на восток, примерно в 100 километрах от Киева, в районе поселка Тараща впервые столкнулась с реальной боевой обстановкой и приняла участие в военных действиях. Заняв 16 июля Таращу, подразделениям

¹ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 28.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 109.

³ Там же. С. 133.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 234.

⁵ Idid. S. 235.

полков «Вестланд» и «Германия» пришлось перейти к обороне, поскольку они вынуждены были отбиваться от контрнаступающих частей Красной армии. В результате только через месяц после начала войны для дивизии все же настал «самый трудный недельный бой»¹. Действительно, в Тараше дело стало доходить до рукопашных схваток. Как отмечали финские эсэсовцы, им пришлось активно участвовать в боях, когда «в рукопашных схватках винтовки применялись подобно дубинкам»². В целом советские войска постоянно, волнами атаковали позиции эсэсовцев и даже стали уже прорываться к их командному пункту. Только к 20 июля ситуация стабилизировалась. Но ожесточенные боевые действия, как это видно из дневников финских эсэсовцев, продолжались вплоть до 24 июля.

Активность советских войск на данном направлении являлась достаточно объяснимой. Командование Красной армии четко фиксировало угрозу выхода немецких частей в тыл сразу трем советским армиям Юго-Западного фронта. Естественно, этому пытались помешать. В результате наступление соединений 1-й танковой группы, действительно, было задержано³, что позволило советскому военному руководству «выиграть время для отвода в юго-восточном направлении 6-й, 12-й и 18-й армий, которым угрожало окружение»⁴.

Однако перехватить инициативу Красной армии на данном направлении все же не удалось. Более того, германское командование оказалось готовым к этому советскому контрнаступлению. Немецкая разведка смогла вовремя перехватить приказ советского командования о его начале⁵, переданный по радио, что, очевидно, облегчало задачу нацистам, и они смогли здесь вовремя перестроиться и организовать соответствующую оборону. Единственное, что Красной армии удалось — это не допустить быстрого прорыва германских войск. Как зафиксировало высшее немецкое военное руководство: «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это с одной стороны — яростные контр-

¹ Ibid. S. 222.

² Ibid. S. 227.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 162, 166; Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 30.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 100.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 157.

атаки против наших передовых отрядов... а с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов...»¹.

Но период, когда военнoслужашие дивизии СС «Викинг» больше всего уделяли внимания репрессиям, а не проведению боевых действий, постепенно заканчивался. Группа армий «Юг» несколько замедлила свое продвижение по Украине. Это, естественно, зафиксировало германское командование. Но пока некоторые неудачи связывались исключительно с погодными условиями. Как отметил 19 июля 1941 г. в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, «плохая погода, удерживающаяся в течение продолжительного времени, замедляет продвижение войск группы армий “Юг”»². Но не только летние дожди замедляли темп немецкого наступления. 26 июля один из финских бойцов зафиксировал: «Вечером шел дождь из воды и гранат» и далее уже 27 июля он приписал: «Прошлой ночью я спал пять часов — и это является рекордом в течение длительного времени»³. Действительно, подразделения дивизии «Викинг» вынуждены были тогда вести непрерывные бои в районе города Богуслав. Здесь финские эсэсовцы столкнулись с очередным контрнаступлением советских войск. Красная армия наносила удар на стыке 6-й армии и 1-й танковой группы⁴. Все это говорило о том, что бои для дивизии «Викинг» принимали очевидный затяжной и вполне реальный характер.

Что же касается финских эсэсовцев, то теперь их определенный боевой «успех стал сочетаться еще и с весьма болезненными собственными потерями»⁵. Для них бои под Таращей и Богуславом означали 12 погибших, а также большое число раненых. Эти потери в целом для финнов можно было считать достаточно серьезными. Ранее, при участии в прорыве укреплений на старой советско-польской границе, которое было осуществлено немецкими войсками пару недель назад, финны потеряли лишь только одну треть от общего числа убитых под Таращей и Богуславом. Всего же к концу июля финские эсэсовцы недосчитались 18 человек⁶.

¹ Там же. С. 195

² Там же. С. 157.

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 230.

⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 годов. С. 792.

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 231.

⁶ *Ibid.* S. 673.

В итоге для финских СС начавшаяся война все меньше стала походить на некую «игру» или «охоту». Более того, по мнению М. Йокипии, «накапливающаяся усталость от боев начала еще совпадать с голодом»¹, который, очевидно, был связан с плохо организованным продовольственным снабжением наступающих частей немецкой армии. Как отмечалось германским командованием, на данном направлении «из-за крайне плохих дорог количество грузов, перебрасываемых транспортными колонами большой грузоподъемности, уменьшилось на 50 %»². Все это говорило о том, что «около 50 % необходимого продовольствия» так и не поставлялось в действующие части³. В подобной ситуации было очевидно, что с помощью одного лишь мародерства и разграбления захваченных украинских сел и городов, которым они и до этого постоянно занимались, теперь полностью обеспечить дивизию продовольствием становилось сложно.

Общие проблемы для дивизии «Викинг» явно нарастали. Прежде всего эсэсовцы стали связывать военные действия не только с хорошо отработанными приемами «зачистки» захваченной территории, а также с преодолением изнурительной жары, сочетавшейся с непогодой или с перебоями со снабжением. Теперь перед эсэсовской дивизией возникла необходимость проводить реальные боевые операции. Она вынуждена была решать конкретные оперативные задачи, сопряженные со стремлением немецкого командования достигнуть глубокого обхода Киевской группировки советских войск.

Эти изменения в характере действий дивизии СС «Викинг» означали, что ей приходилось все чаще отвлекаться от участия в жестких карательных экспедициях против мирного населения. Снижение к концу лета репрессивной активности стало достаточно очевидным явлением. Как считает профессор Л. Вестерлунд, это было, прежде всего, вызвано тем, что на новых захваченных украинских территориях уже просто «не оставалось еврейских поселений»⁴. Но это мнение представляется все же не совсем верным. Еврейского населения в районе Киева и на остальной части Украины было немало. Но на новых

¹ Ibid. S. 229.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 159.

³ Там же. 220.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. S. 232; См. также: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 216.

территориях, которые немецкие войска захватили после прорыва на старой советско-польской границе, ситуация изменилась не только или, даже, не столько с точки зрения этнического состава местных жителей. Здесь явно поменялась сама их ментальность. Советское население, воспитанное в духе интернационализма, уже не разделяло украинские националистические настроения и, таким образом, с меньшей активностью, чем на Западной Украине, стремилось помогать эсэсовцам в решении задач расового характера. Этот факт вынуждено было признать и германское командование, которое уже в самом начале августа фиксировало: «Население, проживающее в Западной Украине, стремится к самоопределению. В русской части (Украины) среди населения царит тупое равнодушие»¹ к националистическим лозунгам. Иными словами, того украинского националистического подъема, который эсэсовцы наблюдали ранее, на новых захваченных территориях не фиксировалось.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 222.

ГЛАВА II

ОТ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Немецкое командование в условиях продолжающегося общего наступления на территории Украины не решилось использовать основной потенциал дивизии СС «Викинг» для участия в завершающем этапе Киевской операции. Основная часть дивизии с 29 июля была уже подключена к наступлению в Юго-Восточной Украине, в направлении Кременчуг — Днепропетровск (Днепр)¹. В результате выстроившись в колонны, ваффен СС были «отведены на приличное расстояние от места последнего боя»².

От Киева к Днепропетровску

Дивизия «Викинг» должна была произвести перегруппировку, а затем начать наступление по новой оперативной линии. В результате особо не задерживаясь, эсэсовцы направились от Киева на юго-восток. Причем по строго определенному командованием СС маршруту. На киевском же направлении был оставлен только полк «Вестленд»: его задержали на одну неделю (с 30 июля по 8 августа), и он находился в тыловых расположениях немецкой армии. Тем не менее постепенно этот полк тоже стал втягиваться в ожесточенные боевые действия. 2 августа вместе с частями вермахта он вынужден был активно отбивать в районе села Севериновка контратаки советской армии. Затем его использовали в ходе Уманской операции, но потом все

¹ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 33.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 232.

же вывели из-под Киева и вернули в подчинение командования дивизии СС «Викинг». В срочном порядке полк «Вестленд» принялся догонять ушедшие вперед остальные подразделения своей дивизии.

В это время у эсэсовцев начались новые и достаточно серьезные боестолкновения с частями Красной армии. В частности, 6 августа неожиданно «в утреннем тумане продвигающийся на марше штаб дивизии натолкнулся на окраине деревни Смела [небольшой город Черкасской области. — В. Б.] на русское пехотное соединение»¹. Причем командование дивизии, двигавшееся на машинах, все же «успело развернуться и поехать в обратном направлении». Однако автомобиль возглавлявшего Оперативный (Командный) отдел старшего офицера штаба дивизии штурмбаннфюрера СС 33-летнего Г. Экке попал под плотный огонь и в результате был серьезно поврежден. Сам же Экке, пытаясь как-то скрыться от огня, оказался в «близлежащем кукурузном поле», где и «был убит в ближнем бою»².

Гибель человека из высшего командного звена дивизии являлась для нее серьезной потерей. Особенно смерть Г. Экке была неприятна для командира дивизии, который считал его своим близким другом. Действительно, потери среди командного состава дивизии «Викинг» превращались в достаточно обычное для нее явление. Вообще за время боевых действий из 26 старших командиров в бою погибло 11 человек³. Это означало, что до половины старшего командного состава было убито. Причем непосредственно «в полевых условиях».

Регулярная гибель старших офицеров дивизии «Викинг» была явно не связана с «легендарной германской храбростью». Это, прежде всего, свидетельствовало о плохой подготовке офицеров, которая, как указывалось ранее, сочеталась с очевидной склонностью командного состава к алкоголизму. Так, осенью 1941 г. только чудо спасло жизнь командиру 3-го батальона полка «Нордланд» штурмбаннфюреру СС Вальтеру Плёве, который, находясь вместе с финскими эсэсовцами в штабной машине, натолкнулся на советский танк. Плёв, как не без иронии впоследствии сообщал командир дивизии, стал пытаться отбиваться, причем «у него под рукой ничего не было, кроме бутылки

¹ Ibid. S. 234.

² Ibidem; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 235.

³ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 99.

коньяка». Ф. Штейнер тогда шутливо обратил внимание на находчивость штурмбаннфюрера: «Плёв поднял бутылку с коньяком, словно собирался швырнуть ее, как коктейль Молотова. При этом жесте водитель советского танка резко развернул машину, и она дала задний ход»¹. Подобный курьезный случай, если верить командиру дивизии, однако, не менял общую тенденцию. Гибель эсэсовских командиров была для подразделений дивизии СС «Викинг» достаточно серьезной проблемой. Кстати, тогда у города Смела «погиб солдатской смертью» и финский эсэсовец унтерштурмфюрер СС Э. С. Пихкала, который выполнял в дивизии функции военного священника².

Финские эсэсовцы в целом достаточно хорошо проявили себя в бою у Смелы. В глазах немецких командиров они «показали свое истинное значение». И, как считают некоторые исследователи, поправили «изначально недооцененное положение» в дивизии³. Более того, что было особенно почетно, одному из финских военнослужащих командир батальона за участие в этих боях «пообещал Железный крест 2-й степени и подарил бутылку коньяка»⁴. Действительно, тогда явно существовала общая «практика, когда в качестве поощрения использовалась дополнительная выпивка»⁵.

В целом бои у города Смела несколько задержали продвижение дивизии. Но 8 августа в районе поселка Чигирин ее передовые соединения все же достигли Днепра. Однако поскольку советское командование заблаговременно уничтожило здесь все возможные переправы, сходу форсировать эту полноводную реку эсэсовцам не удалось⁶. Единственное, что оставалось частям дивизии в этих условиях — постараться закрепиться на правом берегу Днепра. Причем, как вспоминает один из финских эсэсовцев: «Местность для атаки была весьма

¹ Ibid. S. 83.

² Ensio Pihkala // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Ensio_Pihkala (дата обращения: 10.04.2024); *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 237; *Tuke B.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 76; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 234–235.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 237.

⁴ Ibidem.

⁵ *Westerlund L.* Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 50.

⁶ Именно эта задача была поставлена перед своими войсками германским командованием (см.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 241).

странной, песчаные дюны высотой около 30—50 метров, на которых ничего не росло... Мы же, под палящим солнцем, все время поднимались вверх и спускались вниз по холмам тонущего песка»¹. В целом части дивизии только закреплялись на правом берегу Днепра. Теперь их задача заключалась в том, чтобы постепенно двигаться на юг, через Кременчуг к Днепропетровску.

К тому же серьезного сопротивления частей Красной армии на правом берегу Днепра дивизия СС «Викинг» явно не встретила. Советское командование еще в начале августа пришло к выводу о необходимости «мобилизовать все силы на то, чтобы остановить противника на Днепре». Таким образом войска должны были удерживать оборонительные позиции, используя эту выгодную для обороны водную преграду на левом берегу реки². 19 августа, учитывая «несомненную опасность для тыла Юго-Западного фронта», войскам, прикрывавшим данное направление, советское руководство дало разрешение отойти на левый берег Днепра³.

В итоге подразделения дивизии вполне беспрепятственно достигли района города Кременчуга. Причем большую часть города, расположенную на левом берегу Днепра, захватить эсэсовцам тогда не представлялось возможным. Для этого им нужно было форсировать широкую водную преграду, а это было дивизии явно не под силу. Они смогли занять лишь дальний, западный район Кременчуга (историческое название Крюковский посад), расположенный как раз на маршруте продвижения дивизии по правому берегу. Только здесь, как отметил в своем дневнике гауптштурмфюрер СС Юрьё Кайла, у эсэсовцев после схватки у города Смела вновь «произошел реальный боевой контакт с противником, удерживающим плацдарм»⁴. Но большого значения Крюковский плацдарм для советского командования, вероятно, не имел, и он был оставлен.

Особенно не задерживаясь в районе Кременчуга, части дивизии СС «Викинг» двинулись дальше «вниз по Днепру, осуществляя охрану берега». Причем постепенно оборону занятых участков Приднепровья они начали передавать 9-й итальянской пехотной дивизии «Пасубио»,

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 238—239.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. С. 102.

³ Великая Отечественная война 1941—1945 годов. С. 797.

⁴ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 239.

которая в это время прибыла на Украину. С 18 августа итальянцы окончательно взяли под свой контроль линию фронта у Кременчуга¹, а эсэсовцы были переброшены на передовую линию немецкого наступления, на юг, на днепровское направление.

Тем не менее реальные боевые действия для частей дивизии во время их достаточно «спокойного» продвижения по украинской территории оставались лишь эпизодическими. Красная армия с боями отходила, и это облегчало общую задачу эсэсовцам, которые хотя и находились на фронте, но в активные боевые действия все же не вступали. В подтверждение этого один из финских бойцов СС в своем дневнике откровенно зафиксировал полное тогда отсутствие каких-либо боев. Как он заметил, в это время происходило уже совсем другое: укрепление общего «братства по оружию» с немцами. Он прямо указал: «Подводя итог, можно сказать, что этот период был для меня исключительно ярким. За почти месяц самого прекрасного лета на Украине нас, горстку финских парней, успели посчитать [в дивизии. — В. Б.] за людей, мы имели уже уважение то же самое, что и немцы». Далее он прибавил, что эта «дружба была закреплена кровью»². Они, очевидно, получали то, за чем, собственно, устремлялись из Финляндии в немецкие эсэсовские войска весной 1941 г. К тому же расстрелы пленных в районе Кременчуга тоже, естественно, продолжались³.

Зверства также происходили и в следующем захваченном дивизией на правом берегу Днепра городе Днепродзержинске (Каменское). Подтянув туда к 21 августа все свои основные части, эсэсовцы начали там свое фронтальное боевое наступление. Для командования штурм Днепродзержинска считался крайне важным, поскольку до этого, собственно, побед на фронте у дивизии «Викинг» было весьма немного. Теперь, «чтобы сохранить и без того еще только растущую репутацию, дивизия должна была добиться там своего успеха»⁴.

Обстановка, складывавшаяся в начале штурма города, для эсэсовцев была вполне выгодной. В Днепродзержинске тогда проводилась

¹ Ibid. S. 239, 241.

² Ibid. S. 241.

³ См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 238.

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona.* S. 242.

ускоренная эвакуация советских частей на левый берег. Таким образом, дивизия СС «Викинг» наносила удар в момент уже начавшегося общего отступления Красной армии. Для советского командования являлось крайне важным успешно завершить эвакуацию, что приводило к ожесточенным боевым столкновениям. В результате первая попытка штурма города дивизией оказалась неудачной. Более того, наступающие части, в которые входили и финские эсэсовцы, попали еще и под «дружественный» огонь своей артиллерии.

Лишь во второй половине дня 21 августа, после проведения соответствующей перегруппировки и ввода в бой основных подразделений дивизии, эсэсовцы смогли захватить небольшую часть города. Причем советские войска в режиме быстрого отступления сами покидали Днепродзержинск. В итоге «остаток дня мы продвигались квартал за кварталом, — отмечает финский эсэсовец, — не встречая особо сильного сопротивления»¹. Однако дальше развить свой относительный успех дивизия СС «Викинг» не смогла. Лишь 23 августа после тщательной подготовки начался финальный штурм города, и он был полностью захвачен. Дальше началась главная для эсэсовцев часть операции: «зачистка» Днепродзержинска. Она продолжалась несколько дней.

В районе Днепродзержинска оказались в окружении прижатые к реке отдельные части 26-й советской кавалерийской дивизии. Вместе с ними сражался также один полк 230-й стрелковой дивизии. Тем не менее советские части к утру 24 августа смогли переправиться на левый берег Днепра и вырваться из окружения². Однако это удалось не всем: по данным финского историка М. Йокипии, в Днепродзержинске было взято в плен порядка 2 тысяч человек³. Причем некоторые из тех, кто не сумел вовремя эвакуироваться и попал в плен, все же смогли спастись. Им удалось вырваться из плена и смешаться с большим количеством беженцев, которые в это время скопились в Днепродзержинске. Это явилось поводом для «новой волны» казней. Террор, начавшийся в городе, организовывался эсэсовцами в достаточно большом и «профессиональном» масштабе. Причем он был вызван лишь одним подозрением, что «на ком-то были русские воен-

¹ Ibid. S. 243.

² Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 479—480.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 245.

ные сапоги, а на другом русская военная рубашка»¹. Сами же расправы, как свидетельствуют финские эсэсовцы, проводились с неизменной жестокостью. Задержанных не просто сразу же убивали: «резня совершалась путем ударов лопатой по голове». Боец 2-й роты полка «Нордланд» К. Кяярйяйнен уточнял: «Русских казнили лопатой и автоматом»².

Если же говорить о военном результате, то дивизия СС «Викинг» при штурме Днепродзержинска вновь не сумела показать боевую выучку и добиться поставленной задачи. Ей не удалось предотвратить переправу из города на левый берег основных сил Красной армии. Эта неудача, как считают некоторые исследователи, во многом была связана еще и с тем, что бойцы Красной армии в Днепродзержинске действительно оказали эсэсовцам достойное сопротивление. Они очень «упорно сражались»³, чего командование СС явно не ожидало.

Но в любом случае финские эсэсовцы остались недовольны своими немецкими командирами. Это очень хорошо почувствовали прибывшие в дивизию СС «Викинг», впервые с начала войны, представитель Ставки Маннергейма в Германии генерал Х. Эквист, а также Э. Риекки, человек, который в свое время отвечал в Финляндии за набор в эсэсовские подразделения. Они должны были оценить общее моральное состояние воюющих за Германию финских солдат. 28 августа 1941 г. Эквист и Риекки смогли переговорить с бойцами полка «Нордланд», а на следующий день состоялась встреча с финнами из полка «Вестланд».

Картина для визитеров открылась весьма печальная. Финские эсэсовцы явно были недовольны тем, что им приходилось воевать под началом немецких офицеров и унтер-офицеров, которые в личном обращении нередко употребляли команды в сугубо «оскорбительных выражениях». Но это было не самым главным. Они считали, что немецкий командный состав «выглядел довольно бледным», а в военных вопросах проявлял удивительную некомпетентность. Это, по мнению финских добровольцев, приводило к тому, что их подразделения несли «неоправданные потери». Единственным выходом из сложившегося положения они видели в формировании сугубо национально-однород-

¹ Ibid. S. 244; *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 239.

² *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 239.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 245.

ной воинской части, состоящей исключительно из военнослужащих финляндского происхождения¹. Также финны хотели, чтобы немецкий младший командный состав учитывал их прежний боевой опыт, поскольку многие из них уже прошли школу «зимней войны». Причем, финские эсэсовцы считали несправедливым, что, имея прежде в финской армии звания, скажем, унтер-офицера, они «в лучшем случае производились в чин ваффен-ротенфюрера (ефрейтора)»².

Естественно, что эти жалобы были доведены до сведения командира дивизии Ф. Штейнера, который пообещал представителям финского военного руководства «навести порядок»³. Тем не менее у генерала Х. Эквиста данные заверения не вызвали большого оптимизма. У него тоже сложилось достаточно критическое отношение к командному составу эсэсовской дивизии. Для себя Эквист с досадой вынужден был признать, что здесь присутствует, «с одной стороны, пестрый состав штаба Штейнера и обильное употребление спиртных напитков, с другой стороны»⁴.

В любом случае факт обращения к представителям финского руководства со стороны финских эсэсовцев явно свидетельствовал о несовершенстве тех идеологических построений нацистов, которые лежали в основе формирования и боевых возможностей эсэсовских войск. Штейнер это также хорошо понимал, поскольку от его дивизии все больше и больше требовалось заниматься не «зачистками» территорий и террором в отношении гражданского населения, а решать конкретные боевые задачи, от которых уже зависел последующий общий результат военных действий, связанный с кровопролитными схватками в районе Днепропетровска.

Именно участие в захвате этого города стояло очередной задачей дивизии. Причем данным вопросом германское командование стало вплотную заниматься уже с середины августа. Как тогда зафиксировал в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, здесь завязались «серьезные бои»⁵. Однако, сказать, что дивизия СС «Викинг» сразу же смогла активно подключиться к этим боям, достаточно сложно. Также нельзя сказать,

¹ Ibid. S. 248.

² Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 189.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 248.

⁴ Ibidem.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 293.

как утверждает немецкий военный историк В. Хаупт, что именно «танковая дивизия СС “Викинг” овладела Днепропетровском»¹. Захват города был осуществлен, прежде всего, силами частей вермахта. Тем более что заметных успехов германских войск под Днепропетровском вовсе не наблюдалось. Поэтому 23 августа Ф. Гальдер вынужден был указать в своем дневнике на продолжающиеся «упорные бои на западном берегу Днепра», подчеркнув, что «обстановка на этом участке фронта требует ввода в бой главных сил 1-й танковой группы»², в число которой, собственно, и входила дивизия СС «Викинг». Однако дивизия была подключена к штурму не сразу и не в полном составе. Вначале, 24 августа, в наступление был брошен лишь полк СС «Вестланд», однако особыми успехами он вновь не прославился. Более того, сразу же начал нести значительные потери³.

В конечном счете, ведя тяжелые бои, немецкие войска 25 августа смогли захватить лишь только западную часть Днепропетровска и тем самым прорваться к реке. Как отмечает военный историк А. В. Исаев: «В 1:30 25 августа советские войска под натиском противника оставили Днепропетровск, переправив на левый берег Днепра людей и технику. Отход проходил под нажимом частей корпуса Э. фон Маккензена». При этом исследователь подчеркивает, что тогда «ночью в городе шли уличные бои», и лишь «в 8 утра немецкие солдаты стояли на берегу Днепра»⁴. Самым важным было то, что немецкие войска успели захватить не взорванной одну из трех переправ через Днепр. Это позволило начать переброску на восточный берег пехотных частей. Был отдан приказ: «удерживать плацдарм и по возможности расширять его»⁵.

Как записал 29 августа в своем дневнике Ф. Гальдер: «Командование группы армий [«Юг». — В. Б.] оценивает обстановку на своем фронте довольно оптимистически. Оно рассчитывает на возможность использования днепровского плацдарма в своих далеко идущих целях и полагает, что противник отведет свои войска по всему фронту»⁶. В результате на плацдарм начали перебрасываться новые части. Среди тех

¹ Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». С. 59.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 299.

³ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 254.

⁴ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 480.

⁵ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 303.

⁶ Там же. С. 315.

сил, которые немцы направили для расширения плацдарма, оказались и части полка «Нордланд». Его первые подразделения в ночь на 1 сентября были переброшены на восточный берег, где очутились в самом пекле: там «постоянно бушевал сильный артиллерийский огонь»¹. Сюда позже были переправлены и остальные полки дивизии. В итоге дивизия СС «Викинг» заняла весь левый фланг немецкого плацдарма².

Однако перспектива для германского командования расширить захваченный на левом берегу Днепра плацдарм оказалась достаточно проблематичной. Также крайне сложно было развернуть с него дальнейшее масштабное наступление в глубь украинской территории. С левого берега Днепра никто не отступал. Части 6-й советской армии заняли достаточно сильные оборонительные позиции³. Они стойко защищались и не позволяли осуществить какой-либо прорыв фронта.

Красная армия, развернув здесь свои артиллерийские позиции, вела эффективный и точный огонь, нанося чрезвычайно ощутимые удары по переброшенным на левый берег Днепра войскам противника. Фактически им удалось сковать любую реальную наступательную активность немцев: вермахт никак не мог решить «главную задачу — выйти из-под удара советской артиллерии»⁴. Как отметил в своем дневнике один из финских эсэсовцев, советский «артиллерийский огонь был самым сильным, который я когда-либо испытывал». Другие же финские добровольцы сравнивали воздействие артиллерийского огня с тем, что они испытали во время «зимней войны», в момент прорыва Красной армии в 1940 г. «линии Маннергейма» на Карельском перешейке или во время штурма Выборга⁵. В результате, по ироничному мнению военного историка А. В. Исаева, «для советской стороны это был один из успешно захваченных немцами плацдармов на Днепре». Как подчеркивает исследователь, этот плацдарм, вообще, оказался «единственный... на Днепре, с которого не было развито наступление», и в результате «немецкие подвижные соединения почти на месяц застряли на этом плацдарме, не имея возможности ни раз-

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 259.

² Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 603.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 112.

⁴ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 603.

⁵ См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 271–172.

вить наступление, ни эвакуироваться»¹. Далее историк еще достаточно образно уточнил, что немцы были буквально «“зафиксированы” на клочке земли, осыпаемом снарядами разных калибров»².

Именно в таких условиях финским эсэсовцам и пришлось вступать в реальные боевые действия. Для них это стало «сущим адом» и «одним из самых ожесточенных сражений этой войны»³. Постепенно немецкие яростные атаки начали сходиться на нет. К середине сентября 1941 г. бои «переросли в обычную позиционную войну»⁴. В итоге финские эсэсовцы в целом потеряли 27 человек убитыми и 84 ранеными⁵. Это была весьма печальная для них статистика. Получалось, что за первые три месяца войны около четверти финских солдат, сражавшихся в рядах ваффен СС, либо погибли, либо получили серьезные ранения. За июль — сентябрь 1941 г. в составе дивизии СС «Викинг» из строя выбыли и погибли уже 43 финских эсэсовца⁶.

Столь крупные потери, как указывает исследователь Н. Уорвал, вполне «вписывались в концепцию “крови и пота”, исповедуемую руководством рейха». Как он уточнил, «Гитлер не раз повторял загадочную фразу: “Войска, подобные моим СС, должны платить за победу большей кровью, чем другие...”»⁷. Но каких-либо реальных военных побед пока что дивизия СС «Викинг» не имела. Единственным достижением была организация, параллельно с продвижением по территории Украины, казней и расстрелов гражданского населения. Даже на занятой территории на левом берегу Днепра, несмотря на весь ужас происходивших здесь кровавых боевых действий, эсэсовцы умудрялись находить гражданское население и организовывать казни. Финский эсэсовец гауптштурмфюрер Юрьё Кайла лично зафиксировал, как в подвале одного из домов были обнаружены до 10 гражданских. Как он указывает, командир роты «активно продемонстрировал садистское отношение к мирным жителям» и сразу же казнил всех задержанных⁸.

¹ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 617.

² Там же. С. 618.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 261.

⁴ Ibid. S. 273; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 337.

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 274; Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444.

⁶ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 673.

⁷ Уорвал Н. Войска СС: История и факты. С. 138.

⁸ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaachtoiset ja väkivaltaisuuDET 1941–1943. S. 235.

В целом все продолжалось как и прежде. В военном плане для финских эсэсовцев единственным реальным достижением стало то, что в этих первых серьезных боевых столкновениях, как не без пафоса было замечено, проявились достаточно высокие морально-волевые качества «солдат, словно выкованных из железа... способных даже из ада достать дьявола»¹. Они действительно с бесстрашием сражались «плечом к плечу» с немецкими эсэсовцами, а также легионерами из других стран. «В эти дни, — отмечает один из военнослужащих полка “Нордланд”, — немцы, датчане, норвежцы и финны сплотились воедино», а командир дивизии Ф. Штейнер к этому еще добавил, что солдаты, прошедшие тогда боевое крещение, стали «достойны того, чтобы быть вписанными в историю немецкого воинства»².

Так, без особых военных побед, постепенно происходило слияние солдат различных стран, связанных общей кровавой службой в дивизии СС «Викинг», в единый организм. Финны с неменьшим усердием начали активно завоевывать вместе с другими нацистами новое «жизненное пространство» для Германии. При этом они воевали как за общую победу в войне, так и за будущую «великую Финляндию», то есть сражались за те же цели, что и сама финская армия, принимавшая активное участие в агрессии против СССР.

На юг, в Новороссию

19 сентября Ф. Гальдер записал в своем дневнике весьма примечательную фразу. Он указал, что «командование группы армий “Юг” наконец решило в соответствии с нашим желанием» из Днепропетровска «наступить в юго-восточном направлении на Ростов»³. Теперь, как заметил генерал, оставалось только получить одобрение этого решения у фюрера. Таким образом немецкие войска на юге приблизились непосредственно к территории России.

21 сентября, как отметил Ф. Штейнер, дивизию СС «Викинг» «для освобождения ее в боевом применении отрывают от замерзшего дне-

¹ См.: *Stein G. H., Krosby H. P.* Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444.

² Цит. по: *Батлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 54, 57.

³ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 1. С. 361.

пропетровского плацдарма»¹. На смену ей на этом участке фронта, как и прежде, направили итальянцев. К концу сентября эсэсовцы окончательно передали свой участок фронта под Днепропетровском 52-й итальянской пехотной дивизии «Торино», а сами, выстроившись в колонны, двинулись к контролируемой немцами переправе через Днепр в районе Кременчуга. Вдоль правого (западного) берега Днепра, через позиции немецких войск дивизия СС «Викинг» возвращалась туда, где ей уже довелось повоевать — причем далеко не так успешно. Но теперь особых боевых столкновений не происходило. Как вспоминали финские эсэсовцы, им запомнились только «на подходе словацкие войска, пехота и артиллерия, пешая и на лошадях»². Союзная рейху марионеточная Словацкая республика также направила свои войска на Украину, и финские эсэсовцы здесь столкнулись с подразделениями так называемой Быстрой словацкой дивизии³.

Именно к этому времени у дивизии СС «Викинг» стали возникать новые проблемы. Они были вызваны неготовностью Германии и ее армии к продолжительной войне и необходимостью учитывать изменения в погодных условиях. «Погодные катаклизмы» оказались где-то даже неожиданными для нацистского командования. Как считает немецкий военный историк В. Хаупт, уже в конце августа 1941 г., «наряду с постоянным ожесточением боев, отчаянностью и самоотверженностью врага [советских войск. — В. Б.] и медленно начинающимся сопротивлением в тылу, погода тоже стала проявлять себя как новый опасный противник»⁴.

Невероятно жаркое лето, сменившееся дождливой осенью, а также ожидание предстоящей суровой зимы, становились важным фактором, который немецкое военное руководство, очевидно, не учло в своем стратегическом планировании. Это начало вызывать у командования нарастающее беспокойство. Германская армия не рассчитывала встретить в СССР зиму, тем более в условиях нараставшего сопротивления советских войск. Да и осень ничего хорошего не сулила: начались затяжные дожди и на марше, как вспоминали финские эсэсовцы, «дорога

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 275.

² *Ibid.* S. 281.

³ Быстрая дивизия // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Быстрая_дивизия (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». С. 46.

была ужасно плохая, она была и болотистая, и глинистая, так что машины проваливались на некоторых ее участках полностью по самые колеса»¹.

Переправившись у Кременчуга на левый (восточный) берег Днепра, дивизия СС «Викинг» начала двигаться на юго-восток, в направлении Новомосковска, причем опять без каких-либо боестолкновений: «наступление» велось по уже занятой немецкими войсками территории. Здесь, собственно, и происходила концентрация основных сил 1-й танковой группы, которые готовились к стремительному прорыву боевых порядков советских войск на стыке 6-й и 12-й армий. Целью наступления было быстрым ударом «окружить и уничтожить армии Южного фронта восточнее Мелитополя»². Далее предполагался обход Донбасса уже с юго-запада и развертывание наступления на Ростов. 29 сентября запланированное наступление началось. При этом дивизия СС «Викинг» (вместе с итальянской дивизией «Пасубио») вновь находилась во втором эшелоне наступающих войск. Эсэсовцы продвигались по левому берегу Днепра (от города Кобеляки, через Царичанку до Чаплинки). Их основной задачей оставалась, как обычно, «зачистка» захваченных украинских территорий³. Только эпизодически, прежде всего у подразделений находившегося в авангарде дивизии полка «Нордланд», отмечались случаи незначительных боевых соприкосновений с подразделениями 12-й советской армии⁴, которая вынуждена была быстро отходить из района Днепропетровска. Ее отступление являлось вынужденным, поскольку над ней нависла угроза полного окружения. Судьба тех, кого эсэсовцам дивизии «Викинг» удавалось взять в плен, оставалась печальной. Как и прежде, «сотни сдавшихся в плен советских солдат были расстреляны на месте»⁵. Было предельно ясно: оборона советских войск на восточном берегу Днепра была прорвана, и для Красной армии сложилась крайне опасная ситуация, связанная с выходом немецких войск в глубокий тыл Южного фронта.

В этой ситуации дивизии СС «Викинг» немецкое командование, наконец, поставило конкретную боевую задачу. Дивизия передавалась

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 281.

² *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова. С. 623.

³ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 282.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 66.

в первый эшелон наступавшей группировки, где должна была сменить танковые части вермахта. Конкретно перед ними была поставлена цель захватить город Павлоград¹. Однако и теперь было сложно заметить активизацию ее боевых действий. Пока части дивизии ограничились лишь незначительными стычками с советскими войсками, а также захватом и разграблением ряда сел западнее Павлограда. Более того, непосредственное взятие города доверили 198-й пехотной дивизии вермахта. Причина подобного решения заключалась в том, что в это время начали стремительно развиваться события на самом юге. Там готовилось основное немецкое наступление, в связи с чем германскому командованию «для битвы на побережье Азовского моря потребовалась быстроходная легкая дивизия типа “Викинга”»². Ее срочно туда и направили.

6 октября генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Прорыв танков армии Клейстера в направлении Мариуполя развивается настолько успешно, что уже завтра можно ожидать окружения значительной части группировки противника, находящейся в этом районе»³. Именно для развития начавшейся операции части дивизии СС «Викинг» сняли с Павлоградского направления и перебросили дальше на юго-восток Украины.

От Павлограда эсэсовцы быстрыми темпами стали двигаться к Азовскому морю: опять же по территории, уже занятой немецкими войсками, то есть они вновь «наступали», не встречая какое-либо организованное сопротивление советских войск. Более того, в сложившейся обстановке командование Красной армии приняло решение к утру 5 октября отвести 12, 18 и 9-ю армии на рубеж Павлоград — Большой Токмак — Мелитополь⁴. К этому рубежу устремилась и немецкая армия, которой «в качестве цели наступления для своих корпусов и дивизий» определили прежде всего «побережье Азовского моря»⁵.

Отступая, советским войскам никак не удавалось закрепиться и остановить рвущиеся вперед части группы армий «Юг», которые смогли уже

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 284.

² Ibid. S. 287.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 18.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 219; Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 624.

⁵ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 94.

7 октября прорваться к побережью Азовского моря в районе села Оси-пенко (недалеко от Бердянска). В итоге и здесь оборона советских войск была прорвана. Более того, значительная часть отступающих подразделений Красной армии была окружена. «Однако, — как мрачно заметил генерал Ф. Гальдер, — по-видимому, значительная часть этой группировки... успела выйти из-под угрозы окружения и ушла на восток»¹.

Что же касается дивизии СС «Викинг», то она, не сталкиваясь с отходящими советскими войсками, вообще не видела для себя особых проблем. Эсэсовцы просто продвигались вперед к намеченным немецким командованием целям. Как заметил отечественный военный историк А. В. Исаев, «советская сторона просто не успевала вскрыть намерения противника»² и в результате явно запаздывала с принятием соответствующих оперативных решений. Таким образом, дивизия СС «Викинг», пройдя в походном строю около 200 километров, к 10 октября сосредоточилась в районе Большой Токмак — Черниговка — Конские Раздоры, где и ожидала новых указаний, поскольку немецкие войска без ее помощи уже заканчивали бои в азовских степях: 8 октября был захвачен Мариуполь³.

Дивизии СС «Викинг» объективно оставалось продолжить уже начатое ими движение, наступая севернее Мариуполя. Каких-либо сражений с советскими частями у них опять не происходило. Как отмечает финский историк М. Йокипии, «бои под Мариуполем обычно представляли собой лишь легкие стычки с уже разбитыми дивизиями» Красной армии⁴. Более того, в сам город эсэсовцы так и не вступили. Не всем военнослужащим эсэсовской дивизии это нравилось. Голландский доброволец Питер Виллемс из 1-й роты полка СС «Вестланд» записал в своем дневнике: «Мариуполь... самая красивая добыча, о которой мы могли только мечтать». И добавил, что могло привлечь эсэсовцев в этом городе — «это 13 000 евреев, попавших в наши руки живыми»⁵. Именно с такими настроениями тогда воевали эсэсовцы, находясь всего в 30–40 километрах от азовского побережья. Им оставалось просто и методично занимать отдельные населенные пункты Приазовья.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 22.

² Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 623.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 23.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 293.

⁵ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaachtoiset ja väkivaltaisuuDET 1941–1943. S. 51.

Только 12 октября дивизия «Викинг» все-таки приняла участие в широком наступлении на город Волноваха. Но, как вспоминали об этом финские эсэсовцы, для них главной на тот момент проблемой были не боевые действия, а исключительно тяжелые погодные условия: «шел мокрый снег, который превращался... в чисто ледяной дождь»¹. Тем не менее были, конечно, и потери. При захвате полком «Германия» села Златоустовка, находящегося юго-западнее Волновахи, был тяжело ранен финский унтерштурмфюрер СС Г. Карвинен².

Тем не менее советскому командованию уже стало окончательно понятно, что остановить немецкие войска имеющимися в его распоряжении силами просто невозможно. Оставался только один выход: продолжить отход и занять более выгодные для обороны позиции дальше от границ Украины. Предполагалось встретить врага на реке Миус³ и с этого рубежа затем нанести встречный контрудар.

Однако и этот план тоже оказался не до конца проработан. Немецкие части, имевшие приказ «незамедлительно пробиваться на Ростов»⁴, не оставляли времени советским войскам для организации контрудара. Они фактически «на плечах противника» форсировали реку Миус в южной ее части и 17 октября взяли город Таганрог⁵.

Что же касается дивизии СС «Викинг», то она продвигалась севернее главного немецкого наступления и подошла к реке Миус, когда советская оборона у Азовского моря уже была прорвана. Только 17 октября штаб дивизии расположился западнее, в нескольких километрах от этой реки, в селе Мокроеланчик. Туда «лишь через пару дней постепенно собрался ползущий по грунтовой дороге полк “Нордланд”»⁶. Реку Миус эсэсовцы начали форсировать восточнее Мокроеланчика, у села Куйбышево. Здесь они сумели захватить плацдарм на левом берегу — это произошло уже в самом конце октября. Прорваться в глубь

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 291.

² Ibid. S. 292.

³ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 626; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 220; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. М., 1975. С. 117–118.

⁴ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 99; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 25.

⁵ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 627; Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 101.

⁶ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 294.

обороняемых позиций советских войск дивизия СС «Викинг» так и не смогла. За плацдарм разгорелись весьма ожесточенные бои. Как вспоминают финские эсэсовцы, 31 октября они велись даже ночью, «при лунном свете»¹. Развить наступление на левом берегу Миус части дивизии СС «Викинг» никак не могли. Причем объяснения столь малоэффективных действий эсэсовцев опять-таки сводились либо к плохой погоде, либо к плохо организованному снабжению немецких частей.

Тем не менее к этому времени германская армия сумела добиться серьезных успехов. Территория Украины оказалась почти полностью захвачена. Теперь немецкие части разворачивали свои боевые порядки уже в южных степях России... Для них главной целью становился Ростов-на-Дону.

Где должны были воевать финские эсэсовцы?

Однако война явно затягивалась. В военном руководстве Германии уже летом 1941 г. начали фиксировать, что продвижение их войск оказалось не таким быстрым, как это ранее предусматривалось. Это становилось понятным и финскому командованию. В Хельсинки тоже увидели, что первоначальный военный план Германии, сориентированный на быструю победу и общий стремительный блицкриг, начинает срываться. В Хельсинки уже в середине августа 1941 г. почувствовали, что и на Северо-западном направлении Германии сходу взять Ленинград не удастся. Пробуксовывало наступление в Карелии и Заполярье. Немецкие войска с северных рубежей Финляндии в ряде мест даже не смогли перейти государственную границу. При таком развитии событий для дальнейшего наступления финскому командованию было необходимо прикладывать максимальные усилия и, прежде всего, создать достаточное количество резервов. Численность финской армии к осени 1941 г. достигла более полумиллиона человек². Такого количества солдат в процентном отношении к общему населению страны не смогло выставить ни одно государство нацистского блока. Чтобы держать гигантский фронт, финскому командованию элементарно не

¹ Ibidem.

² См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 154; Saraste E. Totaalinen liikekannallepano // Suomi 1941. Hels., 1989. S. 10.

хватало солдат. И это происходило в условиях, когда нужно было решать новые и весьма непростые задачи, связанные с ведением напряженных боевых действий у стен Ленинграда и в Карелии.

Факт того, что финны в составе войск СС либо воюют с Красной армией совершенно на другом направлении, либо находятся на «учебе» на Севере Германии, стал вызывать недовольство финского руководства. Вначале в Финляндии были больше всего заинтересованы вернуть неплохо обученных и прошедших школу «зимней войны» бывших финских офицеров. Было хорошо известно, что они занимали в дивизии СС «Викинг» значительно более низкие должности, чем ранее в финской армии. Поэтому возникла идея возвратить «хотя бы часть из 80 присоединившихся к эсэсовцам офицеров запаса»¹. Но поступивший по этому поводу запрос был в Германии сразу же отвергнут. Там пояснили, что причиной отказа стал эксперимент, по которому «руководство СС желало, чтобы финские офицеры, как и другие иностранцы, в конечном итоге смогли полностью “интегрироваться” в составе дивизии “Викинг”». Считалось, что эта дивизия является «первым образцовым подразделением СС “Новой Европы”». Поэтому в берлинском штабе заявили, что «дивизия не может от них отказаться»². Таким образом в нацистском руководстве участие финнов в боевых действиях стали рассматривать как некий опыт, проводившийся над финскими военнослужащими.

Но при этом оставались еще не участвовавшие в эксперименте финны из не вводившегося пока в бой отдельного финского батальона. Поэтому, признавая «очевидную» полезность эксперимента с бывшими финскими офицерами, в Хельсинки решили обратить внимание нацистского руководства на батальон, который не воевал, а продолжал отрабатывать свое военное мастерство на полигонах Гросс-Борна. Его можно было использовать на финском фронте. К тому же тщательная подготовка нацистами из финнов солдат, преданных делу рейха, также, по большому счету, не могла устроить финское руководство. Там стали опасаться, что в СС занимаются лишь методичным превращением финнов в «солдат фюрера». В Хельсинки почувствовали, что если их вовремя не вернуть на родину, то они впоследствии

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 414.

² Ibidem.

начнут «укреплять» нацистское влияние Германии в самой Финляндии¹, что для руководства страны было даже в чем-то опасно.

В этих условиях 2 августа 1941 г. отвечавший за вербовку финских добровольцев СС Э. Риекки направил в Берлин военному атташе Финляндии полковнику В. Хорну предложение постараться провентилировать в руководстве рейха возможность возвращения из Германии на родину части завербованных в СС финнов. По крайней мере, по мысли Э. Риекки, могли быть возвращены финские солдаты, проходящие обучение в Гросс-Борне. Они к этому времени явно были в военном отношении уже полностью готовы, но находясь не на фронте, а в Померании. Поэтому, как полагал Э. Риекки, их можно было легко вернуть на фронты исторической родины, где они были тогда крайне необходимы.

Еще одним обоснованием этого предложения было то, что у финских эсэсовцев наблюдались элементарное «незнание немецкого языка и неприспособленность к местности и климату Украины». Логично, по мысли Риекки, что «если бы эти войска использовались на финском фронте, то эти недостатки были бы устранены, а их боевые действия на родной земле были бы лучше стимулированы, чисто психологически». Кроме того подчеркивалось, что «Финляндия не может передать своих хорошо обученных солдат, не ослабив при этом себя», и если бы солдат вернули, то в Финляндии «для ее финальной битвы, это бы вызвало огромную волну энтузиазма»².

Однако в финском дипломатическом представительстве в столице Третьего рейха к данной идее отнеслись весьма негативно. Там считали ее реализацию невозможной, поскольку понимали, что, после подобного обращения из Хельсинки, Финляндию просто «не поймут»³. В. Хорн прямо указал, что находившимся в Северной Финляндии немецким солдатам «за Полярным кругом едва ли легче, чем нашим ребятам на жарком солнце Украины»⁴. Более того, финский посланник

¹ См.: *Stein G. H., Krosby H. P.* Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444.

² Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 409.

³ *Manninen O.* Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismiä vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 785; См. также: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 410.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 410.

в Берлине Т. Кивимяки, когда узнал об идее, связанной с возвращением финских добровольцев, дал В. Хорну достаточно короткое распоряжение: «Ничего делать не следует»¹. Да и приближенный к Маннергейму начальник Оперативного отдела Генштаба генерал-майор В. Туомпо, понимая щепетильность поднимавшихся вопросов, также посчитал, что ставить вопрос о финских эсэсовцах перед маршалом преждевременно. В Финляндии попросту продолжали надеяться, что «батальон после завершения подготовки каким-нибудь образом переведут воевать туда, где солдаты знают местные условия и язык»².

Поскольку положение на финском фронте все более и более обострялось, актуальность возвращения из Германии финского батальона выглядела для командования все более необходимой. Действуя сугубо по военной линии, финское руководство продолжило попытки выяснить перспективу возвращения легионеров на родину. Это желание стало наиболее заметно, когда в Германии решили официально проинформировать финское руководство об изменении общих планов ведения войны с СССР. 20 августа через представителя вермахта в Ставке Маннергейма — генерала пехоты В. Эрфурта, маршалу сообщили, что «у немецкой стороны нет намерения стремительным штурмом захватить Петербург». В результате изменившейся обстановки, как сообщалось, германские войска «скорее постараются осадить город и разрушить его оборону с помощью авиаударов и артиллерийским огнем». Таким образом, взятие Ленинграда предполагалось в виде хорошо подготовленной осады, а задача Маннергейма «заключается в том, чтобы как можно большее количество финских войск участвовало в блокаде Санкт-Петербурга с севера»³.

Это сообщение произвело на Маннергейма, по наблюдению Эрфурта, очень «пагубное впечатление». Немецкий генерал записал в своем дневнике: «Было явно заметно, что он не согласился с пожеланиями немцев. Однако сдержался и просто спросил: “Как я могу сделать все это?.. Я не имею ни современного вооружения, ни авиации и несу большие потери”»⁴. Маннергейму стало понятно, что первона-

¹ Цит. по: Ibidem.

² Ibid. S. 409—410.

³ Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä, 2017. S. 202.

⁴ Ibid. S. 203.

чальные планы Германии, которые до этого с ним согласовывались, теперь серьезно менялись и «появился, — по словам маршала, — совершенно новый натюрморт». В изменившихся условиях финские войска должны были взять на себя существенно бóльшую, чем ранее предполагалось, ответственность. Как он прямо указал Эрфурту, это означало, что для финской армии нужно было «значительно дальше продвинуться на обоих фронтах» — как на Карельском перешейке, так и в Карелии¹, — что делало операцию более длительной и более масштабной. Война, таким образом, принимала явно не такой характер, на который маршал рассчитывал, давая разрешение на размещение в стране немецких войск и на вербовку финнов в подразделения СС. Перед финской армией ставились достаточно сложные новые цели. Они требовали и нового напряжения сил, и значительного числа подготовленных войск.

В итоге Маннергейм заявил германскому представителю, что участие финских войск в длительной осаде Ленинграда «является большой задачей, которая никак не могла быть решена слабыми силами финнов»². На это Эрфурт смог лишь ответить, что «задача, стоящая перед финской армией, показывает, что германское военное руководство очень доверяет финским солдатам и их главнокомандующему»³.

Подобные заявления давали определенные надежды на понимание у нацистского руководства необходимости возвращения финских эсэсовцев на родину. Представитель Ставки Маннергейма в Германии, генерал Х. Эквист, возобновил консультации с финским посланником и военным атташе о способах решения «деликатного вопроса, касающегося требования Маннергейма вернуть наших добровольцев СС домой»⁴. Однако посланник Т. Кивимяки направил в МИД Финляндии официальный рапорт, в котором прямо указал, что от подобной идеи в Хельсинки следует без всяких раздумий отказаться⁵.

Тем не менее маршал продолжал настаивать и дал распоряжение генералу Х. Эквисту лично заняться решением вопроса о возможно-

¹ Ibidem.

² Ibid. S. 204.

³ Ibidem.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 411.

⁵ Ibidem; Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 786.

сти возвращения финского эсэсовского батальона в Финляндию. Однако, как и следовало ожидать, в положительном смысле для Хельсинки данная проблема тогда так и не была разрешена. Более того, Т. Кивимяки вынужден был отправить 18 сентября собственное сообщение К. Г. Маннергейму, в котором постарался дать подробное обоснование причин, почему не нужно поднимать в немецком руководстве вопроса о месте дислокации финских эсэсовцев. Посланник подчеркивал, что подобные просьбы могут вызвать лишь раздражение, и это раздражение, прежде всего, будет проявляться у влиятельнейшего в немецком руководстве человека — рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. Это уже само по себе, как считал финский посланник, может негативно сказаться на Финляндии¹. Действительно, к этому времени в руководстве СС появились явные подозрения, что в Финляндии уже существуют желающие отозвать «от нас людей, увлеченных идеями Великой Германии и национал-социализмом»².

В конечном итоге, учитывая щепетильность «эсэсовского вопроса», в Хельсинки не рискнули открыто обсуждать с нацистами перспективы возвращения своих добровольцев в Финляндию. Маннергейму оставалось лишь поздравлять немецкое командование «с великими победами группы армий “Юг”» на Украине³ и думать, как имеющимися у него силами продолжать войну. Таким образом, идея вернуть финских эсэсовцев на родину осталась нереализованной. Все прибывшие из Финляндии добровольцы должны были сражаться на юге России, где тогда уже находились части дивизии СС «Викинг».

Полностью подготовив отдельный финский батальон СС, германское руководство приняло решение направить его в боевые порядки своих собственных войск — на южный участок Восточного фронта. 30 ноября батальон, наконец, получил приказ «находиться в готовности к походу»⁴, а 3–4 декабря 1941 г. финских эсэсовцев, «полных сил и энергии», начали четырьмя железнодорожными составами перебрасывать на юг

¹ *Manninen O.* Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolsevismia vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa. S. 787.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 412.

³ *Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941.* Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. S. 248.

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 87.

России¹. Они должны были пополнить полк «Норланд»² и таким образом получить «редкий опыт участия в современной моторизованной кампании “блицкрига” на классических полях сражений» Восточного фронта³.

Но вначале предстояло преодолеть в ускоренном порядке значительную территорию уже захваченных нацистами Польши и Украины. В своем дневнике, описывая начавшееся «путешествие», один из эсэсовцев зафиксировал свои впечатления: «Медленно, но верно вперед через Польшу. Через руины и страдания, подобных, которым еще не было... Когда поезд ненадолго останавливается, вокруг него всегда собираются всех возрастов оборванные гражданские люди, и у всех одно и то же, а именно: “Herr bitte Brot” (“Господин, дайте хлеба”). Пейзажи однообразны. Одни и те же...»⁴

Во время этого переезда, по воспоминаниям финских эсэсовцев, произошли первые боевые столкновения с польскими партизанами, которые атаковали один из эшелонов вечером 5 декабря 1941 г.⁵ Эта стычка, несомненно, всем показала, что эсэсовцев ждали впереди весьма непростые испытания. Причем они никоим образом себя от немцев не отделяли и чувствовали себя в Польше как оккупанты на захваченной Германией территории. Более того, финны проявляли самую горячую готовность сражаться за рейх. Как видно из дневниковых записей, они хорошо понимали цели предстоящей борьбы. Один из эсэсовцев откровенно записал в своем дневнике: «Настроение у всех очень уверенное, потому что мы на пути к нашей будущей миссии. Мы наконец-то добились этого, что и было целью для всех нас»⁶.

Таким образом, эсэсовская «учеба» дала «хороший результат». Это можно увидеть даже по тому, как радостно встречались военнослужа-

¹ Там же. С. 87–88; *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin // *Sotahistoriallinen Aikakauskirja*. 2008. № 27. S. 115; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 471.

² *Туке В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 86.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 430.

⁴ Цит. по: *Ibid.* S. 389.

⁵ *Ibidem.* Один из военнослужащих батальона был в результате этой стычки убит. Это была первая потеря в финском батальоне, который еще даже не начал боевые действия. См.: *Ibid.* S. 471; *Туке В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 88; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 157.

⁶ Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 390.

щие германского интернационала. В частности, финские добровольцы на маршруте столкнулись с венгерскими солдатами: «Они тоже собирались на фронт и очень обрадовались, когда услышали, что мы финны. Мы обменялись сигаретами и сфотографировались» на память¹. Такое же приподнятое настроение финские эсэсовцы испытывали и в украинской Виннице. В город батальон прибыл 8 декабря². Здесь они оставались некоторое время, поскольку им предстояло покинуть эшелоны и двинуться к месту дислокации дивизии уже на машинах.

Винница эсэсовцам понравилась тем, что здесь они слышали «почти вавилонскую смесь языков, когда немецкий, итальянский, венгерский, голландский, финский и шведский языки солдат смешивались с различными русскими и украинскими диалектами местного населения». Это финских легионеров не могло не вдохновлять: все собранное Германией воинство направлялось в настоящий «крестовый поход» на Восток. Причем один из финских эсэсовцев узнал, что «в то время в Виннице пребывали солдаты из девяти разных стран»³. Полученные впечатления никоим образом не способствовали тому, чтобы финские эсэсовцы начали сожалеть, что их не возвращают обратно в Финляндию. Как они писали, в Виннице «мы ждали начала моторизованного марша: целью было идти на помощь к Ростову»⁴. Причем двигаться они должны были очень быстро. На переброску было отведено 10 дней. Это означало, что батальон «своим ходом» должен был ежедневно преодолевать около 90 километров⁵.

10 декабря батальон вновь отправился в путь. Теперь ему предстояло продвигаться исключительно по грунтовым дорогам Украины, что оказалось для финских эсэсовцев серьезным испытанием. Как отметил немецкий военный историк В. Хаупт, «проливные дожди... превратили местность в сплошную грязевую пустыню»⁶. В условиях осенне-зимней распутицы, как образно описал в своем дневнике один финский эсэсовец, «дороги были, как рисовая каша — полметра чернозема

¹ Цит. по: Ibidem.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 88.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 391.

⁴ Ibidem.

⁵ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 89.

⁶ *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». С. 101.

и грязи»¹. Это, конечно, серьезно затрудняло любое движение. Участвовавший в марше В. Тике зафиксировал: «Липкая грязь цепко держит сапоги и колеса, неимоверно осложняя продвижение войск. И ко всему этому еще и бесконечный дождь!»² В своем дневнике один из финских эсэсовцев мрачно описал обычный пример их продвижения на Востоке: «Многие наши машины оставались на обочине, и мы могли их вытаскивать только после нескольких часов наших общих усилий»³. В таких условиях батальон крайне медленно стал продвигаться по украинской земле к фронту, а его бойцам оставалось лишь постоянно замечать следы ожесточенных боев: попадавшиеся на их пути «деревни были частично сожжены или разрушены до основания», а «люди — оборванные и грязные»⁴.

С грехом пополам финские эсэсовцы 22 декабря добрались до Днепропетровска. Причем «на маршевой дороге» батальон потерял 28 грузовых и легковых автомобилей⁵. В результате его части оказались не в состоянии двигаться дальше, в связи с чем в Днепропетровске произошла вынужденная задержка. К тому же «резко похолодало, внезапно наступила зима», что способствовало еще и тому, что «самые нетерпеливые потянулись к бутылке», и в батальоне «резко возросло употребление алкоголя»⁶. В целом пребывание в Днепропетровске было отмечено резней, которую финские эсэсовцы в канун Рождества учинили в городе. Они в центре Днепропетровска просто вышли на улицу и открыли огонь. Как отметил один из эсэсовцев, «пулеметы были выдвинуты вперед и... каждый из них стрелял в каком-то направлении», причем стреляли «довольно яростно». Как впоследствии записал свои впечатления об этом обершарфюрер СС Т. Курри: «Могу сказать, что никто из нас не забудет эту Рождественскую ночь» и далее приписал: «Столько зла мы причинили»⁷.

¹ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 393.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 89.

³ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 393.

⁴ *Ibid.* S. 394.

⁵ *Ibid.* S. 400.

⁶ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 89, 90.

⁷ *Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser*. S. 28.

Расправы над гражданским населением, однако, мало чем помогали эсэсовцам. Им, потерявшим весь свой транспорт, 28 декабря было приказано «продолжать марш на Сталино [Донецк. — В. Б.]»¹, причем исключительно пешим строем, лишь изредка используя возможности железной дороги. Это еще больше задержало переброску батальона. На марше новобранцы и встретили Новый год — «изрядным количеством шнапса»². В это время на Украине начались уже по-настоящему суровые морозы. Для финнов они не могли быть в новинку и, вероятно, даже в чем-то напомнили им родные места. Тем не менее «ледяной встречный ветер на всем протяжении пути едва ли не сметал солдат с ног»³.

До участка фронта, который занимала дивизия СС «Викинг», батальон добрался лишь 8 января 1942 г. В ходе этой пешей переброски, при отсутствии каких-либо боевых столкновений, батальон оставил в полевых госпиталях одного офицера и двадцать два солдата. Лишь «добрая треть всех транспортных средств батальона оказалась на тот момент на ходу»⁴. Как было доложено 6 января командованию дивизии: «...Выход из строя транспортных средств составляет: 49 грузовиков, 11 легких автомобилей»⁵.

Таким образом финны батальона СС на Украине одержали свою первую победу: они добрались до фронта... Причем, как отметил профессор М. Йокипии, это была «волевая победа, добытая над силами природы: ценой потерь тяжелой техники и обморожений». Исследователь особо подчеркнул, что сама переброска финского батальона таким способом стала «выражением решимости немецкого руководства, но в то же время и его безрассудным упрямством»⁶. В Берлине видели финских эсэсовцев только на юге России. И они туда попали...

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 91.

² Там же; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 156; *Westerlund L.* Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 30.

³ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 92.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 404.

⁵ Цит. по: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 89, 90.

⁶ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 405.

Часть IV

НА ЮГЕ РОССИИ

ГЛАВА I

ПРОВАЛ ПЛАНА «БАРБАРОССА»

Когда отдельный финский батальон СС еще готовился к переброске на фронт, дивизия «Викинг» продолжала решать задачи, связанные с наступлением на Ростов-на-Дону. Попытки форсирования реки Миус на рубеже октября — ноября 1941 г. заняли довольно продолжительное время и оказались достаточно сложной операцией. Подобное «невезение» в финской исторической литературе объясняется тем, что в дивизии наблюдался просто «вопиющий дефицит» топлива, которого могло хватить лишь на 30—40 километров продвижения вглубь российской территории. Только к 5 ноября удалось пополнить запасы горючего «для продолжения масштабной атаки»¹. Таким образом, как утверждает профессор М. Йокипии, срыв наступления дивизии тогда «был вызван общим провалом снабжения немецких войск»². Но не только этим. Как с горечью еще в начале октября указал в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, «противник все время оказывает сопротивление», и «ощущаются большие затруднения вследствие плохой погоды»³. Действительно, немецкой армии приходилось преодолевать распутицу, и она буквально «захлебывалась в грязи»⁴.

Срыв наступления немецких войск на Ростов-на-Дону

Тем не менее 5 ноября начались яростные атаки немецких войск⁵. Генерал Ф. Гальдер тогда записал, что армия стала «успешно продвигаться».

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 296.

² Ibidem.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 8, 35, 36.

⁴ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 109.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. С. 221; Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 417—420.

гаться севернее Ростова»¹. Причем к моменту общего наступления части дивизии СС «Викинг» оказались серьезно потрепанными. Даже при незначительном участии эсэсовских войск в периодически возникающих боевых столкновениях, их участие в наступлении имело серьезные последствия. Они сказывались на численном составе войск. Дивизия СС «Викинг» постоянно «таяла». Как заметил профессор Л. Вестерлунд, «поздней осенью 1941 года дивизия пережила период истощения» и далее добавил: «Во время лихорадочного форсированного марша на восток командир дивизии Феликс Штейнер прожог свою свечу с обоих концов»². Однако реально это относилось не только к дивизии СС «Викинг», но и ко всем немецким войскам. С 22 июня по 6 ноября 1941 г. германская армия потеряла 689 108 солдат, или «20,17 % общей численности войск Восточного фронта»³. Что же касается направления, где наступали эсэсовские части дивизии «Викинг», то Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Необходимо пополнение!» и далее, позже, еще приписал: «Состояние дивизий: Измотаны боями»⁴. Это почувствовало и советское командование⁵.

Тем не менее, выполняя требование своего руководства, дивизия «Викинг» продвигалась вперед и к 9 ноября вышла на рубеж реки Крепкая⁶. Именно там разгорелись ожесточенные бои, в которых советские войска, стойко сдерживая наступление противника, не допускали прорыва ни далее на юг России, ни тем более к Кавказу. Как заметил начальник штаба Юго-западного направления генерал-лейтенант И. Х. Баграмян: «Кое-где фашисты еще пытались атаковать, но эти атаки невольно напоминали брызги разбившегося о скалистый берег грозного девятого вала»⁷. Действительно, здесь, в районе между рекой Северный Донец и Таганрогским заливом, по мнению военного историка А. В. Исаева, численность советских войск была увеличена более в чем два раза и превосходила наступающие немецкие части примерно в 1,8 раза⁸.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 33.

² Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 31.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 41.

⁴ Там же. С. 54, 55.

⁵ См.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 424.

⁶ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 108.

⁷ Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 426.

⁸ Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 645; История Второй мировой войны. Т. 4. С. 120.

В такой ситуации дивизии СС «Викинг», занимавшей фронт в 60 километров, ставить масштабные задачи наступления и непосредственного прорыва к Ростову германскому командованию было достаточно сложно. В результате эсэсовцы должны были, прежде всего, прикрывать тыловые позиции северного фланга главной ударной группировки немецких войск.

Накопив необходимые силы, германская армия 17 ноября все же возобновила общее наступление на Ростов. Причем в тот же день в контрнаступление перешла и Красная армия¹. В результате «своеобразие борьбы под Ростовом... — как считают отечественные военные историки, — состояло в том, что наступление вели обе стороны»². В итоге получилось, что, когда «противник стремился прорваться к Ростову... в тыл и во фланг его наступающей группировки наносили удар советские войска»³. Начальник штаба Юго-западного направления И. Х. Баграмян заметил, что командующий 1-й немецкой танковой армии генерал-полковник Эвальд фон Клейст просто «махнув рукой на угрозу с севера, очертя голову бросился на Ростов», немецкий генерал буквально «как голодная собака кидается на кость». Теперь советскому военному руководству оставалось лишь ответить на вопрос: «Успеем ли мы схватить его за хвост и остановить?»⁴ Становилось понятно, что хваленая немецкая стратегия не всегда дает положительный результат. У советского военного руководства даже возникало общее недоумение, неужели командующий немецкой танковой армии не видит опасности и, «словно очумелый, рвется в Ростов, невзирая на смертельную для его армии угрозу, неумолимо надвигающуюся с севера, со стороны ударной группы Южного фронта?». Очевидно, что для немцев это была «явно авантюрная затея», которую «можно было объяснить лишь тем, что успехи первых месяцев войны вскружили голову гитлеровским генералам»⁵.

С большим трудом, усилиями четырех дивизий, 21 ноября немецкими войсками Ростов-на-Дону был взят. Но двигаться далее они уже

¹ История Второй мировой войны. Т. 4. С. 120.

² Там же.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 2. С. 222.

⁴ Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 448.

⁵ Там же. С. 452—453.

были не в состоянии. Более того, бросив значительную часть войск на захват города, немецкое командование серьезно ослабило свой северный фланг. Это и облегчило возможность нанесения контрудара. Поэтому генерал Ф. Гальдер вынужден был зафиксировать, что «севернее Ростова идут тяжелые бои с численно превосходящим противником». 22 ноября ему пришлось признать, что у Ростова немецкая армия «вынуждена перейти к обороне» и даже возникла по этому поводу «тревога в Ставке фюрера», где стали считать, что там «создалось критическое положение»¹. Таким образом, взятие немецкими войсками Ростова лишь серьезно осложнило общую ситуацию на фронте.

К тому же именно 22 ноября советское военное руководство приняло решение продолжать контрнаступление и не отменило задачу удара по тылам 1-й танковой армии немецких войск. Общим направлением контрудара стал город Таганрог и левый берег реки Миус². В итоге возникла реальная угроза, что все находившиеся в районе Ростова немецкие войска могут оказаться в окружении.

На этот раз удар наносился непосредственно по боевым порядкам дивизии СС «Викинг»³, которая как раз и прикрывала данное направление. В результате для дивизии начавшееся советское контрнаступление стало «самой крупной и жестокой проверкой» ее реальных боевых возможностей⁴. Не выдерживая напора наступающих войск, дивизия начала отходить. Это достаточно ярко описал в своем дневнике один из финских военнослужащих полка СС «Норланд»: «Ночное отступление 22–23.11 осталось у всех в памяти» и далее — «в темной снежной пустыне едва ли можно было найти другой способ ориентироваться, кроме как от естественных факелов, возникших из-за горящих деревень»⁵. Действительно, отступление осуществлялось с применением тактики «выжженной земли», причем гражданское население, как это видно из дневников финских эсэсовцев, не было до этого эвакуировано. В итоге наибольшие страдания

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 61, 63, 65.

² История Второй мировой войны. Т. 4. С. 120–121; Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 650; Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 431, 458.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. М., 2012. С. 108; Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 441.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 76.

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 315.

мирным жителям причинили даже не сражения, а действия отступающих нацистов¹.

Эсэсовцы, конечно, несли большие потери. Это касалось практически всех подразделений дивизии, но прежде всего полка СС «Норланд». Один из трех его батальонов был полностью обескровлен². Командование было вынуждено его «на время отвести в тыл для реорганизации»³, и из-за больших потерь в дивизии требовалось также расформирование как минимум 1-й роты 5-го разведывательного батальона СС и 1-й батареи 5-го зенитного батальона СС. В целом можно было говорить о том, что в дивизии практически «все подразделения были истощены и физически находились на пределе своих возможностей»⁴.

К тому же отступая, части полка «Норланд» бросили служебную документацию, включая неотправленные на родину письма эсэсовцев. Они дали возможность советскому командованию получить представление, какие настроения царят в дивизии СС «Викинг». В частности, в письмах читалось, что солдаты потеряли надежду, что «война скоро кончится», также приходит осознание того, что «борьба будет очень упорной и жестокой»⁵. В целом характер боев даже создавал впечатление, что немцы уже «дрались с отчаянием обреченных»⁶.

Наступление Красной армии развивалось достаточно успешно. Более того, командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Я. Т. Черевиченко посчитал, что дивизию СС «Викинг» вообще, как малоэффективное военное формирование, было «можно сбросить со счета»⁷. Ее части попытались занять оборону по реке Тузлов, но поскольку к этому моменту они были «изрядно потрепаны»⁸, то были вынуждены продолжить отступление. Несмотря на категорический приказ Гитлера, запрещающий оставлять позиции под Ростовом, немецкие части начали общий отход «на рубеж Таганрог,

¹ Ibid. S. 319.

² См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 31; *Jokipii M. Panttipataljoona*. S. 328.

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 312.

⁴ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 31.

⁵ Цит. по: Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. С. 392–393.

⁶ *Баграмян И. Х.* Так начиналась война. С. 466.

⁷ Цит. по: Там же. С. 462.

⁸ Цит. по: Там же. С. 464.

Миус, Бахмутовка»¹. Причем советская сторона этот отход вообще квалифицировала как паническое бегство², а немецкое командование определило положение своих войск под Ростовом как «критическое». Более того, эти события стали вызывать «большое недовольство фюрера»³.

29 ноября Ростов был уже освобожден. Советские войска сумели прорвать фронт и начали преследование отходящих войск противника. Отступление закончилось лишь 2 декабря, когда немецкие войска смогли зацепиться на правом берегу Миуса⁴. Причем дивизию СС «Викинг» советское командование посчитало вообще разгромленной. Эта оценка была не так далека от истины. По мнению современных специалистов, «в сложившейся ситуации командование дивизии уже не имело возможности своевременно и обдуманно руководить операциями»⁵. И. Х. Баграмян указывал, что тогда у командования Красной армии существовало представление, что большая часть эсэсовцев этой дивизии уже «нашли себе могилу в широких просторах донецких степей и на подступах к устью Дона»⁶. Подобная информация поступила 4 декабря 1941 г. и в сообщениях Советского Информбюро. В сводке с фронта фиксировался разгром «под Ростовом-на-Дону немецкой дивизии СС “Викинг”»⁷. Но полного поражения все же не произошло. Дивизия отступала вместе с остальными частями немецкой армии и оказалась, как отметил один из финских эсэсовцев, на реке Миус «примерно на той же высоте, что и 5 ноября, когда начались “letzte Kampfesphasen” (“последние этапы сражения”)»⁸.

Таким образом, немецкие войска, «оставив за спиной, — по замечанию Р. Батлера, — горы трупов», были отброшены от Ростова на 60–80 километров⁹. Это стало первым крупным поражением Герма-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 78, 84. См. также: История Второй мировой войны. Т. 4. С. 121.

² Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 467.

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 80, 84.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 224; Исаев А. В. От Дубно до Ростова. С. 652; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 89.

⁵ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 31.

⁶ Цит. по: Баграмян И. Х. Так начиналась война. С. 467.

⁷ Сообщения Советского Информбюро. С. 392.

⁸ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 320.

⁹ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 65.

нии на южном фланге Восточного фронта и, соответственно, первым серьезным поражением дивизии СС «Викинг». Теперь она, как и остальные немецкие войска, никуда не наступала, а закрепившись на реке Миус, перешла к оборонительной, позиционной войне.

Находясь на переднем крае, на правом берегу реки Миус, эсэсовцы попытались быстро обустроить оборонительные рубежи: их главная задача заключалась лишь в том, чтобы не допустить дальнейшего прорыва Красной армии. Причем боевые позиции, занятые дивизией СС «Викинг», простирались на достаточно широкой линии соприкосновения с советскими войсками — на 40 километров. Зоной ответственности этого подразделения стали позиции от села Куйбышево и до Алексеевки. Дивизия постепенно приводила себя в порядок. Здесь, собственно, бесславно и закончилось первое сражение за Ростов.

Что же касается финнов, то понесенное поражение произвело на них большое впечатление. Особенно на тех, кто ранее служил в финской армии на офицерских должностях. Эти эсэсовцы, по мнению историка М. Йокипии, «слежили за боями, как будто они были заложниками». Причем, как заметил исследователь, лишь только «некоторых из них осенью стали использовать для заполнения вакансий, освободившихся после гибели немцев, но унтер-офицеры, с плохим знанием языка, продолжали еще воевать как обычные солдаты»¹. Эти все обстоятельства оказали влияние на то, что в Финляндию «в начале 1942 г. были возвращены 21 офицер и 117 унтер-офицеров, которые явно были недовольны своей службой»².

В целом битва за Ростов-на-Дону оказалась одной из важнейших, с точки зрения развития Великой Отечественной войны. По накалу боевых действий ее можно сравнить с Тихвинской оборонительно-наступательной операцией под Ленинградом и битвой за Москву. Фактически именно в ходе нее советские войска окончательно уничтожили надежду германского командования на реализацию блицкрига, что означало и полное крушение первоначального плана войны против СССР. Неслучайно 30 ноября 1941 г. командующий группы армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт был освобожден от занимаемой должности. Причем перед этим у него состоялся с А. Гитлером «более чем

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 732.

² Ibidem.

неприятный разговор», при котором «говорил один фюрер» и «осыпал главкома упреками и бранью»¹. Действительно, для фюрера произошедшее под Ростовом стало одним из первых и очень неприятных сюрпризов, который был связан не только с утратой уже захваченных территорий, но также провалом блицкрига и значительными потерями.

Для финских эсэсовцев потери также были весьма существенными. За более чем пять месяцев войны в боевых порядках СС финнов недосчитались до полутора сотен бойцов, 40 из которых погибли, а около 100 были ранены². Эти потери вполне соответствовали общим потерям дивизии СС «Викинг», которая лишилась трети своего первоначального состава³. Из подготовленной 30 ноября командованием дивизии для своего руководства справки видно, что в ходе боев «Викинг» потерял 237 офицеров, 1109 унтер-офицеров и 4753 солдат — то есть более 6 тысяч человек. Износ автотранспорта доходил до 70 %⁴. Командир дивизии Ф. Штейнер сделал крайне печальный вывод: его «дивизия, как моторизованное соединение, уже больше не боеспособна», и «войскам нужен отдых»⁵.

Поражение дивизии СС «Викинг», так же, как и всей немецкой армии, завершило и наступление группы армий «Юг», которое «триумфально» началось от границы СССР в Западной Украине. Как заметил один из немецких эсэсовских офицеров: «Фронт дрогнул!.. Германская армия на востоке уже больше не могла успешно противостоять такой огромной, превосходящей силе, как Красная армия»⁶.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник... Т. 3. Кн. 2. С. 85.

² Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 444. По данным М. Йокипии, финнов в составе дивизии после всех боевых действий в 1941 г. осталось на фронте всего около 160 человек (см.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 434).

³ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 10; Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 28; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 328, 329. Однако некоторые исследователи считают, что тогда уже вообще «все полки имели лишь около половины своего личного состава» (см.: Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 104).

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 328, 329.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 329. См. также: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 31.

⁶ Мейер К. Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС. 1939–1945. М., 2007. С. 152.

На всех основных направлениях Восточного фронта советские войска одержали важные стратегические победы. Можно считать, что СССР в конечном итоге выиграл кампанию 1941 г. Несмотря на летнюю катастрофу и захват немецкой армией значительной части советской территории, главное заключалось в другом. Сокрушительный удар германских войск в июне — сентябре 1941 г. Советский Союз выдержал и тем самым сорвал нацистский блицкриг — план «Барбаросса». Немецкие войска везде были остановлены, а затем начали отступать. Ни на одном из стратегических направлений рейх не смог реализовать свой общий замысел. Это меняло и прежний настрой в эсэсовских войсках: они вынуждены были признать, что с данного момента сражаются не за великую Германию, а «за свою собственную жизнь!»¹.

Финские эсэсовцы в ожидании нового наступления

На рубеже 1941—1942 гг., после катастрофического отступления от Ростова-на-Дону, между немецкими и советскими войсками в приазовских степях сложилось некоторое равновесие сил. Дивизия СС «Викинг» была к этому времени серьезно измотана. Ее положение было близким к критическому, ее части «стремительно выгорали, обращаясь в горстку шлака»². Однако поскольку наступательные действия Красной армии на данном направлении на достаточно продолжительное время закончились, ситуация на фронте на Юге России стабилизировалась³. Это сохраняло для германского командования надежду на новый прорыв. В Берлине продолжали считать необходимым «захватить нефтеносный район Майкопа», и «поэтому нельзя сбрасывать со счета Ростов». Для группы армий «Юг» в итоге «ближайшей задачей признается пополнение войск»⁴.

Передышка на фронте предоставила эсэсовцам возможность провести реорганизацию и пополнить части личным составом. Дивизию

¹ Там же.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 86.

³ См.: Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 337; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 97.

⁴ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 99, 98.

«Викинг» не стали отводить в глубокий тыл «на отдых», как это практиковали с другими частями СС. Она осталась на передовой, что даже вызывало у некоторых исследователей определенное недоумение¹. Данное отношение немецкого командования к личному составу дивизии «Викинг» было связано лишь с тем, что участок фронта, который контролировали ее части, перестал считаться опасным. В конце 1941 г. дивизия не была до конца разбита. В результате, как заметил В. Тике, для ее восстановления, «после преодоления первого шока... германское командование немедленно приняло решение бросить на Восточный фронт... все имевшиеся под рукой готовые или полуготовые пополнения для передовых частей, даже отдельные батальоны, в том числе и финский батальон»².

В дивизии СС «Викинг» особенно серьезные проблемы были у полка «Нордланд». Его срочно требовалось доукомплектовать. В связи с этим именно к нему начали приписывать новое пополнение. В этот «интернационал» в основном входили датчане и норвежцы, однако новобранцы были «слишком мягкие» и «плаксы» по сравнению с предыдущими добровольцами³. Также в «Нордланд» предполагалось направить еще и «свежий» финский батальон⁴, который, наконец, добрался до фронта.

Первоначально из финнов решили организовать дополнительный 4-й батальон в составе полка СС «Вестланд»⁵. Он был развернут исключительно на тыловых позициях в городе Амвросиевка, где «сменялись, отдыхали и проводили дезинсекцию после долгих недель пребывания на фронте роты и батальоны дивизии»⁶. В целом, в штабе дивизии посчитали, что «только после того, как каждая рота приобретет фронтовой опыт, всему батальону будет предоставлена своя поло-

¹ См.: *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. М., 2016. С. 131.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 86.

³ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941—1943. S. 29.

⁴ *Семенов К. К.* Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. С. 468.

⁵ Финский батальон перешел в подчинение полка «Нордланд» лишь 16 февраля 1942 г. (см.: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 105).

⁶ Там же. С. 94.

са обороны». Поэтому финский батальон изначально рассматривали лишь в качестве резерва¹.

С появлением в начале 1942 г. в дивизии СС «Викинг» финского батальона несколько меняется направление исследования конкретного вклада финнов в деятельность эсэсовских войск. С этого момента имеющиеся источники предоставляют возможность для предметного рассмотрения деятельности финнов в составе дивизии. Теперь, по подсчетам профессора М. Йокипии, «примерно один из 20 солдат дивизии “Викинг” говорил на финском языке»².

Естественно, в штабе дивизии финский батальон очень ждали. Об этом говорит хотя бы тот факт, что 18 января 1942 г. ее командир Ф. Штейнер счел нужным лично встретиться с финнами и выступить перед ними. Он даже «удосужился персонально пожать руку каждому из бойцов» финского батальона³. Что касается выступления перед строем эсэсовцев, то Штейнер явно стремился подчеркнуть мысль, которую финнам не раз уже внушали в Германии. Он вновь стал говорить «о смысле борьбы против большевизма, который угрожает также и Финляндии». Для командования дивизии было важно, чтобы батальон как можно скорее занял позиции на линии фронта. Также было важно продемонстрировать финнам общую специфику войск СС. Они должны были изначально понимать культивируемую эсэсовцами жестокость в отношении к противнику. В день, когда Ф. Штейнер встречался с личным составом финского батальона, в дивизии состоялся массовый и в чем-то ритуальный расстрел раненных советских военнопленных, о котором финские добровольцы были очень хорошо осведомлены⁴.

Поскольку положение на фронте для немецких войск оставалось весьма тяжелым, а подготовка финского батальона шла достаточно успешно, финских эсэсовцев решили, «не затягивая», двинуть на передний край, на участок фронта, который до этого занимали словацкие войска⁵. 21 января батальон получил приказ: «Занять позиции на

¹ Там же. С. 93; *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 433.

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 434.

³ Ibid. S. 435. См. также: *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43.* S. 157.

⁴ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 294.

⁵ *Tuke B. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943.* С. 94.

передовой линии, обороняя западный берег реки Миус»¹. Причем финнам было еще указано: «...Солдат живет, остается и умирает на этих позициях. Пути назад нет»².

Начиная с 22 января 1942 г., батальон перешел к реальным боевым действиям на северном фланге дивизии СС «Викинг». Вначале он занял около 3 километров фронта, которые располагались перед позициями 248-го стрелкового полка 31-й советской стрелковой дивизии³. Штаб батальона разместился в хуторе Новобахмутский. В составе финского батальона насчитывалось 768 солдат, из которых только порядка 90 являлись немцами, все остальные — исключительно финны⁴. Как патетически подчеркнул В. Тике, все «они обрели здесь вторую родину, увидели с самого первого дня, что дивизия “Викинг” есть также и их дивизия»⁵.

Следует заметить, что брошенные на передовую «необстрелянные» финские эсэсовцы сразу же начали попадать в разнообразные сложные ситуации. В первую очередь, если верить их воспоминаниям, на финнов произвела впечатление суровая «русская зима», которая «привела к множеству обморожений». Кроме того, им еще запомнились «голод... а также неприятности, вызванные грязью, вшами и тяжелой караульной службой». Все это «приходилось терпеть и терпеть»⁶. Борясь с недоеданием, как записал один эсэсовец, «даже котов, если их поймать, можно было отправить в котел!»⁷.

Но, самое главное, батальон начал нести боевые потери. Буквально за первые три дня пребывания на передовой, без каких-либо серьезных боевых действий, 14 человек оказались в госпиталях, причем большинство из них далеко не от обморожения⁸. Появились и погибшие. Уже на второй день пребывания на передовой в батальоне был

¹ Цит. по: *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin. S. 116.

² Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 438.

³ *Семенов К. К.* Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте. С. 468; *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 95.

⁴ Suomalaisen vapaaehtoispatalljoonan nimiluettelo. 1942.02. URL: <http://www.genealogia.fi/hakem/luettelo065s.htm> (дата обращения: 11.06.2010).

⁵ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 95.

⁶ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 348–439.

⁷ Ibid. S. 441.

⁸ Ibid. S. 439.

убит первый финский доброволец¹, а к началу февраля число погибших достигло восьми человек². Иными словами, безвозвратные потери в батальоне были обычным явлением, и это происходило несмотря на то, что на фронте «стояло относительно затишье»³. По воспоминаниям бойца В. Неппонена, который служил в составе пулеметного расчета, «из-за своего безрассудства многие ребята были убиты уже при первом боевом столкновении»⁴. Так на практике начали проверяться результаты прошедшей многомесячной тщательной «учебы» у немецких эсэсовских инструкторов на полигонах в Гросс-Борне.

Позиционная, окопная война, к которой перешли части дивизии СС «Викинг», позволила финнам «в спокойной обстановке» полностью адаптироваться к фронтовым условиям. Фактически их главной задачей стала «напряженная работа по созданию укрепленных позиций и их последующая оборона», что тем не менее не уменьшало число «регулярных потерь». К 10 марта уже 45 солдат получили серьезные ранения или были убиты. Это означало, как отметил профессор М. Йокипии, что «с учетом еще и заболевших, потери батальона составили уже 200 человек»⁵. Действительно, волна простудных и инфекционных заболеваний буквально захлестнула все части финского батальона, включая даже его командира⁶, который вынужден был признать, что в его части «болезней было поразительно много»⁷.

Единственное, к чему финские эсэсовцы оказались явно не готовы, это к тому, что они не могли никак проявить свою доблесть. Единичные разведывательные вылазки, которые иногда переходили

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 99.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 442.

³ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 99; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 157.

⁴ Цит. по: *Posio S.* Isänmaan puolesta Saksan ja Suomen armeijassa.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 453.

⁶ *Ibid.* S. 454.

⁷ Как Г. Коллани докладывал начальству: «Всего с 19.01.42 по 22.07.42 в госпиталь было отправлено 345 офицеров, унтер-офицеров и солдат. Из больных и раненых унтер-офицеров и солдат, отправленных в госпиталь, в батальон не вернулись 159 человек» (*Ibid.* S. 471). См. также: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 109.

в рукопашные схватки и о которых достаточно ярко пишет В. Тике¹, не становились предметом особой гордости. Положение на фронте выглядело так: «до конца февраля и почти весь март с обеих сторон перемежались артиллерийские и минометные обстрелы, вылазки разведгрупп, огонь снайперов»². Таким образом, у финнов первые месяцы фронтовой жизни — «зима в окопах... холод, нехватка продовольствия, а весной 1942 г. все то же однообразие окопной войны — не могли вселить особый боевой дух»³.

Также присутствовал страх перед возможными «встречами» с партизанами⁴, который, в их собственных глазах, оправдывал «естественные» расправы над мирным гражданским населением. Так 22 февраля в хуторе Скелянский, недалеко от которого находились позиции батальона, финны открыли огонь из ручных пулеметов по скоплению местных жителей. Эсэсовцы приняли их за «партизан». Причем убитыми оказались исключительно женщины, дети и несколько стариков⁵. Столь жестокое отношение к гражданскому населению было отнюдь не следствием какой-либо ошибки, допущенной финскими СС, или стало результатом нелепых действий самих мирных жителей⁶. Просто командир батальона Г. Коллани, опасаясь использования прифронтового хутора партизанами или советскими войсками, твердо решил его сжечь. Эта убежденность у него возникла после гибели там очередного финского эсэсовца. Столь характерный для руководства СС замысел, как считает профессор М. Йокипии, не был реализован, поскольку Коллани от карательных миссий солдат все время отвлекали мелкие события, которые происходили непосредственно на линии фронта⁷. Иными словами, ограничивались пока расстрелами...

Застывший фронт давал возможность финским эсэсовцам не только воевать и расстреливать гражданское население, но также иметь

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 101–102, 106–108.

² Там же. С. 107.

³ Jalonен J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esiköiden silmin. S. 120.

⁴ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 120–128; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 440.

⁵ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 127.

⁶ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 448.

⁷ Ibid. S. 440, 445.

определенные контакты с местными жителями. Характер данных контактов может отчасти раскрыть взгляды финских эсэсовцев — они сами писали об этом в своих письмах. В 2000-е гг. в финском военно-историческом журнале были опубликованы (с соответствующими комментариями) письма военнослужащего финского батальона Т. Э. Э. Полона¹. Они, конечно, не носили всеобъемлющий характер. Тем не менее их анализ позволяет сделать определенные выводы, относящиеся прежде всего к характеристике автора, хотя, с другой стороны, проливает свет и на общие настроения, господствовавшие в финском батальоне.

Вначале прибывшие на фронт финны познакомились лишь с российской теплой одеждой, а также с русской едой, которая, как свидетельствуют письма Полона, особо их не удовлетворила². Из писем понятно, что финские эсэсовцы изначально занимались откровенным мародерством. Они весьма жестко «реквизировали» у гражданского населения необходимые вещи. Это для них являлось вполне естественным, поскольку, скажем, зимняя одежда из рейха в эсэсовский батальон начала поступать лишь «только тогда, когда зима уже закончилась»³. Неслучайно служивший в батальоне вместе с финнами немец В. Тике образно позволил себе заметить, что «солдаты на передовой сами заботились о себе, натягивая русские тулупы и валенки, нахлобучивали на головы меховые шапки»⁴. Подобное пополнение эсэсовской амуниции за счет вещей, отобранных у местных жителей, по меньшей мере показывает отсутствие любого «благородного» отношения к гражданскому населению. Эсэсовцев явно не смущало, что использование чужой, «русской», одежды может противоречить их особым расовым убеждениям. С другой стороны, по мнению профессора М. Йокипии, финские эсэсовцы вообще «с интересом наблюдали за деревенской жизнью гражданского населения» и даже приходили к удивительным для себя откровениям: русские дети были похожи на финских, а разница заключалась «лишь в их одежде и язы-

¹ См.: *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin // *Sotahistoriallinen Aikakauskirja*. 2008. № 27.

² См.: *Ibid.* S. 117.

³ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 101.

⁴ Там же.

ке»¹. Эти «соображения» также несколько размывали проповедуемые нацистами расовые идеи. Но пока подобные наблюдения не могли изменить реального отношения эсэсовцев к гражданскому населению... По имеющимся источникам нельзя сделать вывод, что финские эсэсовцы, оказавшиеся в приазовской части СССР, как-то по-особому, отлично от немцев, относились к местным жителям. Они, как и полагалось в СС, проявляли свое откровенное высокомерие и нескрываемое «расовое превосходство» по отношению к гражданскому населению. Как отмечается современными финскими исследователями, военнослужащие эсэсовского батальона явно демонстрировали «нормальные черты финского национального предразсудка... выражавшегося в чувстве превосходства, а иногда и презрения завоевателей» к представителям «отсталых и слабо развитых» местных жителей².

Тем временем 25 апреля финским эсэсовцам было приказано двигаться маршем далее на юг в район крупного села Александровка³. Новая позиция также находилась вдоль реки Миус. Причем эта их переброска была ознаменована вручением финским эсэсовцам наград. Все военнослужащие батальона тогда получили немецкую медаль «За зимнюю кампанию на Востоке 1941–1942 гг.». Ее они, вероятно, заслужили за то, что выдержали «мрачные и холодные дни русской зимы»⁴.

Тем временем, весной, когда позиции батальона стали «окружать цветущие фруктовые сады»⁵, общее настроение у финских военнослужащих, казалось, начало налаживаться. Также происходило благоустройство всей фронтовой жизни. Командный пункт батальона разместился недалеко от села Александровка, в хуторе Демидовка. Он

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 455.

² Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esiköiden silmin. S. 116, 117.

³ Nieme J., Pipes J. Volunteers in the Wehrmacht in WWII // Feldgrau.com — research on the German armed forces 1918–1945. URL: <http://www.feldgrau.com/articles.php?ID=19> (дата обращения: 13.06.2010).

⁴ Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 111.

⁵ Nieme J., Pipes J. Volunteers in the Wehrmacht in WWII; Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 110.

был «обустроен в доме в самом центре села. На крыше этого здания даже создали специальный наблюдательный пункт, который при условии хорошей видимости позволял просматривать часть территории противника»¹. Иными словами, финны начали обживать на новом месте, активно используя гражданские постройки, и налаживая, таким образом, свою фронтовую, окопную жизнь. Более того, «участок фронта у Демидовки оказался спокойным»². Местное гражданское население стало активно использоваться на работах на нужды батальона. Оставшихся женщин, стариков и детей направляли «как рабочую силу на солдатские кухни», они «стирали белье и топили бани, заботились о коровах и птице»,³ которые затем шли на питание эсэсовцев.

В финской исторической литературе ничего не говорится об отношении финских эсэсовцев к советским военнопленным. Хотя об этом сказать стоило бы. Дело в том, что в занятом финскими частями селе Александровка пленные тоже имелись. Как свидетельствуют местные жители, они были определены в подворье сохранившейся в селе церкви. Более того, могилы захваченных в плен и расстрелянных советских солдат до сих пор находят прямо перед этим храмом⁴. Не вызывает сомнений, что их гибель напрямую была связана с пребыванием здесь эсэсовских войск.

В любом случае финны не могли не стать свидетелями массовых расстрелов военнопленных и гражданского населения, которые осуществлялись тогда в этих местах по приказу эсэсовского руководства. Как замечает финский исследователь Ю. Рислакки, военнослужащие дивизии СС «Викинг» «принимали участие в характерных для СС жестоких мерах по отношению к гражданскому населению и пленным, даже если у многих финнов это могло вызывать ужас»⁵. Если рассмотреть дневниковые записи молодых финских добровольцев, то видно, что передаваемая ими информация о кровавых расстрелах фиксиру-

¹ *Nieme J., Pipes J. Volunteers in the Wehrmacht in WWII; Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 111.*

² *Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 112.*

³ Там же. С. 111–112.

⁴ Александровка. Концлагерь на подворье // Меотида и окрестности. URL: <https://meotyda.ru/node/642> (дата обращения: 30.07.2024).

⁵ *Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 171.*

ется «в достаточно нейтральном тоне»¹. И это несмотря на то, что только в одном Мариуполе, где размещался штаб дивизии СС «Викинг», были казнены десятки тысяч человек. В частности, здесь погибло около 1500 раненых и больных советских военнопленных, которых демонстративно расстреливали «в дни траура», объявленного после очередного поражения немецкой армии на Восточном фронте.

Кстати, именно в Мариуполь прибыл с инспекцией новый представитель финской Ставки при Верховном командовании вермахта (ОКВ) генерал-лейтенант Пааво Талвела. Он также в годы войны вел дневник, обратившись к которому можно представить настроения, которые он наблюдал у финских эсэсовцев. Судя по записям, на П. Талвела финский «батальон произвел бодрое и хорошее впечатление», так же, как и сам командир дивизии группенфюрер СС Ф. Штейнер, с которым он встретился 16 мая 1942 г. Как отметил Талвела, Штейнер «принял его любезно»². В рамках этой поездки для Талвелы были организованы «смотры, экскурсии, концерты, посиделки с икрой, моллюсками, крымским шампанским и финскими банями»³. Вся эта «любезность», впрочем, была вполне понятна. Представитель финской Ставки прибыл в расположение дивизии СС «Викинг» с тем, чтобы вручить Штейнеру высшую в Финляндии награду времен Второй мировой войны — Крест 1-го класса ордена Креста свободы. Награда давалась за особую храбрость и отвагу. Так финское военное руководство решило отблагодарить командира дивизии СС «Викинг», поскольку к этому времени уже заканчивался первый год службы финнов в эсэсовских войсках, и таким образом можно было подвести первый итог. При этом не понятно, за какую такую «храбрость и отвагу» финское руководство награждало тогда командира дивизии. В рамках этих торжеств финский батальон 15 июня отметил годовщину своего образования, так, что, как вспоминали солдаты батальона, «шнапс лился рекой, а приданная батальону батарея артиллерийских орудий даже произвела... праздничный салют»⁴.

¹ *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esiköiden silmin. S. 118.

² *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 2. Jyväskylä, 1977. S. 148.

³ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuuDET 1941–1943. S. 96.

⁴ *Tuke B.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 112.

Реальными результатами деятельности финских частей СС и дивизии в целом стали отнюдь не победы в каких-либо значимых сражениях. В настоящих боевых действиях на Восточном фронте дивизия, действовавшая во втором эшелоне, принимала активное участие достаточно редко. Более того, ее боевое использование при форсировании, скажем, Днепра в районе Днепропетровска, или участие в наступательных операциях у Ростова-на-Дону оказались малоэффективными, если не сказать неудачными. Части дивизии, особенно в низовьях Дона и приазовских степях, несли очень серьезные потери. Единственным, чем реально они прославились, были кровавые расправы с мирным населением. Профессор Л. Вестерлунд насчитал «особенно летом 1941 г., примерно два десятка мест, включая муниципалитеты, поселки и города, располагавшиеся вдоль маршевого движения дивизии СС “Викинг”, где происходили зверства»¹.

Это вполне укладывалось в те представления, которые существовали в самой Финляндии. Вероятно, здесь подобные «подвиги» рассматривались как вполне естественные действия, которые и заслуживают награды. В Хельсинки прекрасно понимали, что финны, служащие в ваффен СС не могли по отношению к гражданскому населению и военнопленным вести себя как-то отлично от немцев. Следовательно, подобные действия дивизии СС «Викинг» вполне устраивали финское командование. Поэтому генералу П. Талвела и было велено вручить Ф. Штейнеру одну из высших финских военных наград.

Ожидать в Финляндии другого восприятия деятельности эсэсовцев было трудно. На оккупированной территории советской Карелии финские войска действовали в начале войны точно так же, как эсэсовцы на Украине и Юге России. Там армия Маннергейма осуществляла ярко выраженную расовую политику. Здесь русское население так же рассматривалось как «недочеловеки». В результате в Карелии значительную часть гражданского населения русского происхождения (41 510 человек) для «безопасности и удобства» вообще разместили в специальных лагерях². Причем по существовавшим инструкциям

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuuDET 1941–1943. S. 18.*

² См.: *Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. С. 224–227.*

к содержащимся в лагерях применялись такие же меры принуждения и наказания, как и к военнопленным¹. Что касается последних, то к ним в Финляндии относились с предельной жестокостью. Такая политика приводила к тому, что в организованных финнами лагерях наблюдалась массовая гибель людей. Смертность среди военнопленных была в процентном отношении даже выше, чем в аналогичных немецких концентрационных лагерях. В частности, в финских лагерях в годы войны погибло 18 700 человек, что составляло более чем 29 % от общей численности советских солдат, захваченных финнами в плен (64 188 человек)². Причем в Финляндии карательная политика по отношению к мирному населению и военнопленным осуществлялась и контролировалась не эсэсовцами, как это было в рейхе, а Ставкой Маннергейма. Несомненно, что за столь жестокую политику в отношении гражданского населения и военнопленных, соизмеримую с военными преступлениями эсэсовцев, высшее военное руководство Финляндии несет очевидную и полную ответственность.

В Финляндии, действительно, были вполне удовлетворены деятельностью финских подразделений ваффен СС. Однако для самих же эсэсовцев достаточно тихая и спокойная жизнь постепенно заканчивалась³. Дивизия СС «Викинг» после понесенных поражений постепенно была приведена «в порядок», и теперь ей вместе с другими частями и соединениями немецкой армии предстояло принять участие в новом наступлении на Юге России. Его целью был прорыв к Кавказу и северному побережью Черного моря.

Готовясь к этому, дивизия СС «Викинг» уже получила пополнение личным составом и вооружением. Теперь, оснащенная новейшей по тем временам боевой техникой, она должна была включиться в готовившийся прорыв. Перевооружен был и финский батальон: он получил последние образцы германской бронетехники⁴. Это позволяло осуществлять маневренные наступательные операции.

¹ Гиентнев К., Леонтьев П. Советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 годах // Север. 1989. № 6. С. 78.

² Пизтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 92.

³ См.: Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin. S. 120–122.

⁴ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 79; Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 505.

Для подготовки же к новому наступлению, а также для освоения новой техники, батальон 13 июля был вновь отведен в тыл с линии фронта на 25–30 километров. Финны на некоторое время вернулись в пределы советской Украины: они были размещены в селе Мокроеланчик¹. Причем здесь финские эсэсовцы пробыли достаточно долго, практически целый месяц, до 10 августа². Перед выведенным в тыл батальоном была поставлена задача усердно заниматься подготовкой к предстоящему наступлению. Более того, руководство дивизии несколько изменило свое отношение к финнам: им стали «доверять» в большей степени, в частности, назначать на должности командиров взводов. В результате в батальоне появилось сразу же девять финских офицеров СС, а позже 54 финна унтер-офицера также были назначены на офицерские должности. Последние становились командирами взводов, либо их заместителями³. Таким образом, эсэсовское руководство все меньше и меньше сомневалось в своих финских подчиненных.

В батальоне начались новые и, как казалось финским эсэсовцам, изнурительные военные тренировки. Причем именно там, по мнению В. Тике, «финские добровольцы смогли наладить хорошие и сердечные отношения с местными жителями»⁴. Это утверждение, однако, выглядит крайне спорным. На самом деле никакой идиллии в отношениях эсэсовцев и гражданского населения в селе Мокроеланчик не существовало. Об этом свидетельствует тот факт, что командованию полка СС «Нордланд» регулярно поступала информация, что солдаты финского батальона в свободное от тренировок время нередко занимались, в виде развлечения, насиланием местных жительниц. Это происходило без каких-либо соответствующих «разрешений» или «благословения» командования и поэтому могло рассматриваться немецким командованием в качестве серьезного правонарушения. Тем не менее головорезы, какими они считаются во всем цивилизованном обществе, за совершаемые преступления не

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 467.

² Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 118.

³ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 468.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 119.

несли никаких наказаний. Подобные действия в полку СС «Нордланд» просто не рассматривали как злодеяния, и в результате «преступников не привлекали ни к какой ответственности»¹.

В конце концов, Г. Коллани посчитал, что финны достаточно долго находятся в Мокроеланчике и уже готовы к новым «подвигам». 29 июля он с большим оптимизмом доложил своему начальству, что частями батальона «полностью освоена техника современного боя, а боевой дух позволит преодолеть», как надеялся Г. Коллани, все возможные трудности². Однако приказ о наступлении в батальон пришел лишь 10 августа, когда сама эсэсовская дивизия уже прорывалась к Кавказу.

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 82.*

² Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 472.*

ГЛАВА II

НАЧАЛО БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

17 июля 1942 г. А. Гитлер окончательно принял решение «сосредоточить подвижные соединения и бросить их на Ростов»¹. Немецкая армия вновь перешла в наступление. В результате длительного и серьезного пополнения готовящихся к прорыву частей германское командование добилось подавляющего преимущества над перешедшими к позиционной обороне советскими войсками. Понесенные до этого большие потери Красная армия так и не смогла полностью компенсировать². «По завершении зимней компании, — справедливо указал отечественный исследователь Т. Х. Матиев, — советские Вооруженные силы, хотя и нанесли в предшествующий период ряд чувствительных поражений противнику, пока еще значительно уступали ему и по численности, и особенно по технической оснащенности»³. К началу наступления соотношение немецких и советских войск в личном составе на Южном фронте составляло 1:1,5. Но особенно серьезным было преимущество вермахта в танках (1:9,3), а также в самолетах (1:7,7)⁴. Это позволяло в случае прорыва вести наступление вглубь советской территории очень высокими темпами. Иными словами, немецкое военное руководство решило летом 1942 г. провести новый блицкриг. Причем, как считают отечественные военные историки, тогда на южном направлении «немцы были настолько уверены в успе-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 303.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 425.

³ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 17.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. М., 1975. С. 202; См. также: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 501.

хе, что сочли возможным 11-ю армию, освободившуюся от боевых действий в Крыму, не привлекать для наступления на Кавказ, а передать ее группе армий «Север» для штурма Ленинграда»¹.

В Приазовье и на Кубани

В данной ситуации Красной армии удержать оборону становилось практически невозможно. Объективно им ничего не оставалось, как начать отход с тяжелыми боями к Ростовскому оборонительному району². Таким образом, германские войска, имея значительное преимущество, вновь двинулись к Ростову. В числе наступавших также была, естественно, и дивизия СС «Викинг». Уже 22 июля она вышла к окраинам города. Начался штурм Ростова-на-Дону.

Немецкое наступление на южном направлении, как считало германское командование, развивалось «неожиданно быстро и благополучно»³. Уже 23 июля Гитлер, «опьяненный первым успехом»⁴, подписал новую директиву. В ней говорилось, что «после уничтожения противника южнее Дона» немецкие войска «должны овладеть восточным побережьем Черного моря». Далее приказывалось «наступать по побережью на юго-восток, а частью сил двигаться через среднюю Кубань на Майкоп и Армавир, к перевалам Западного Кавказа». Окончательную цель немецкого наступления Гитлер определил: «Захватить нефтеносные районы Грозного, перекрыть высокогорные перевалы к юго-западу от него и, наконец, выйти вдоль Каспийского моря к Баку»⁵. Именно эти масштабные цели должны были быть теперь реализованы. В том числе и финскими эсэсовцами. В этот период в немецкой армии уже никто не смел сомневаться в правильности распоряжений фюрера. Как справедливо указал финский исследователь М. Йокипии, «ни один из низших командиров не мог напрямую игнорировать конкретные приказы Гитлера, которые... могли даже касаться местных деталей». И далее он подчеркнул: «Жесткая непри-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 428.

² Там же. С. 426.

³ Цит. по: *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 23.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 502.

⁵ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 304.

миримость, недостаточно учитывавшая условия... стала, таким образом, с немецкой стороны характерной для способа ведения боев на Восточном Кавказе»¹.

Вначале казалось, что фюрер все хорошо продумал и все предусмотрел. Красная армия оказалась не готова к отражению мощного удара немецких войск. Достаточно быстро советскому командованию стало ясно, что в сложившейся обстановке оборонять Ростов просто невозможно². Подразделения советских войск не выдержали первого удара и, как отмечают современные отечественные историки, начали «с противником на плечах почти в прямом смысле» отходить за Дон. Оценивая складывавшуюся ситуацию, исследователи приходят к выводу, что «возможности организовать оборону они не имели»³. Из Ростова, где уже завязались «тяжелые уличные бои»⁴, начался вывод войск. Реально организовать оборону города советской армии было практически невозможно, поскольку «отступавшие войска Южного фронта в это время представляли собой плохо управляемую массу разрозненных, дезорганизованных соединений и частей»⁵. 24 июля Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Ростов в целом в наших руках, бои продолжаются только в восточной части города»⁶.

25 июля танки дивизии СС «Викинг», действовавшие в передовых порядках наступающих частей вермахта, форсировали Дон. Перед немецкими войсками открывалась хорошая перспектива прорыва в предгорья Северного Кавказа. Причем на достигнутый успех дивизии СС «Викинг» сразу же обратили внимание в немецком командовании⁷. Теперь именно на нее стали возлагать большие надежды.

К тому же измотанные оборонительными боями советские войска оказывали лишь вялое сопротивление. Они попали в крайне тяжелое положение. Как отмечают отечественные военные исследователи, советские войска «из-за недостатка авиации не прикрывались с воз-

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia.* S. 503.

² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 430.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. М., 2012. С. 295.

⁴ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 195.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 295.

⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 305.

⁷ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia.* S. 405.

духа... Многие соединения потеряли связь со своими тыловыми учреждениями... Все шоссейные и грунтовые дороги были забиты движущимися на юг и юго-восток машинами, повозками, сельскохозяйственной техникой...»¹. Вырисовывалась леденящая картина полного разгрома, а само наступление дивизии СС «Викинг» в такой ситуации выглядело весьма перспективной и «несложной» операцией². В целом советская оборона на 170-километровом участке фронта была взломана, и немецкие войска прорвались в общую глубину до 80 километров³.

В сложившейся в ходе отступления Красной армии обстановке для немецкого командования не только создавались условия для быстрого продвижения вперед, но и просматривалась перспектива окружения значительной части отступающих войск. В Генштабе сухопутных войск стало понятно, что советскому командованию создать «здесь какую-то сплошную оборону уже нельзя»⁴. Как отметил 30 июля 1942 г. в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, «противник отходит ... по всему фронту, а на восточном крыле... обратился в беспорядочное бегство». Далее, говоря о ситуации восточнее Ростова, он 31 июля написал: «Фронт противника разгромлен»⁵.

Советскому командованию ничего не оставалось, как отдать приказ об отходе далее на юг, за реку Кубань⁶. Однако полностью занять оборону на этом рубеже и таким образом остановить наступающие немецкие части Красной армии тоже не удалось. Вермахт, используя свои моторизованные и танковые части, смог расширить образовавшиеся в боевых порядках советских войск прорывы, а уже 3 августа передовые части немецкой армии форсировали полноводную реку⁷. Тем самым германские войска устремились непосредственно к горным вершинам Северного Кавказа. Теперь направлением их главного удара стали города Майкоп и Грозный.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 454.

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia.* S. 405.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 457.

⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 306.

⁵ Там же. С. 309.

⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 297.

⁷ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 200.

Что же касается дивизии СС «Викинг», то она на своем участке наступления начала форсировать Кубань только 5 августа. Эта операция была ею завершена лишь спустя два дня¹. Как патетически отметил исследователь Т. Хоффман, «последний форпост советского сопротивления был сломен, и путь к Кавказу открыт»². После достижения данного результата, эсэсовцам предстояло начать непосредственное наступление в сторону Майкопа, а затем, прорываясь через горные перевалы Кавказа, стремительно выйти к побережью Черного моря в районе города Туапсе³.

Однако уже тогда не все пошло так «гладко», как об этом торжественно объявил историк Т. Хоффман. В предгорьях Кавказа «разгорелись жестокие бои», а «сопротивление советских войск, несмотря на их малочисленность и утомленность, непрерывно возрастало»⁴. Причем именно в это время, 13 августа, до боевых порядков наступающих частей дивизии «Викинг» добрался и финский эсэсовский батальон. До этого он находился в резерве. Только 10 августа, в 3 часа ночи, финские эсэсовцы, «наконец, выступив из Мокроеланчика... погнались “со скоростью ветра” за своей дивизией»⁵. Батальон быстро перебрасывался через Таганрог и Ростов на Кубань, «двигаясь почти тем же самым путем, которым ранее прошла вся дивизия»⁶.

В середине дня 10 августа финны прибыли в Ростов-на-Дону, а затем, преодолев Дон и выстроившись в моторизованные колонны, добрались до станицы Кагальницкая. В результате их марш действительно выглядел весьма впечатляюще. Батальон смог за день преодолеть более 200 километров. На следующий день, не сбавляя темпа, финские части добрались уже до станицы Новоалександровка (ныне город Новоалександровск). Причем, как вспоминают эсэсовцы, у них

¹ Хоффман Т. Дивизия «Викинг» СС. С. 12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 459.

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 506. См. также: Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin. S. 123.

⁶ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 125.

тогда возникли новые проблемы: «езда в палящую жару, которая, по данным военного дневника, достигала 50 °С, и удушливые облака пыли, поднимаемые колоннами» автотранспорта, перевозившего батальон, конечно, носили для них изнуряющий характер¹.

На третий день марша, 12 августа, финские эсэсовцы достигли реки Кубань, которую за неделю до этого форсировали передовые части немецкой армии. Таким образом, финны, шедшие во втором эшелоне, пока еще не находились в зоне активных боевых действий. Они лишь боролись с трудными для них климатическими условиями Юга России, но никакого участия в военных операциях не принимали. Финский батальон двигался по пятам немецкой армии, по уже занятым частями дивизии СС «Викинг» советским территориям.

Поспешность, с которой финский батальон перебрасывался на фронт, была вызвана тем, что немецкие войска, вступающие в предгорья Кавказа, срочно нуждались в дополнительных силах. К этому времени стало очевидно, что «германский авангард — дивизия “Викинг” — был фактически слишком слаб, чтобы прорваться через горные перевалы к Туапсе» и достигнуть побережья Черного моря. Причем — и это было особенно печально для немецкого командования — первоначально стремительное наступление начало останавливаться. 10 августа генерал Ф. Гальдер вынужден был признать: на «юге, на Кубани, — стабилизация фронта». Чуть позже он заметил, что «сопротивление противника усиливается»².

Действительно, к этому времени обороняющиеся части Красной армии начали получать подкрепления. Из резерва Ставки сюда были переброшены «несколько стрелковых соединений, артиллерийских и танковых частей»³. Кроме того, был отдан приказ окончательно «завершить подготовку оборонительных рубежей по рекам Терек, Урух, а также на перевалах Главного Кавказского хребта»⁴. Как заметил В. Тике, «русские уже отошли от шока чересчур поспешного отступления», и далее добавил: «Вступив в область лесных предго-

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia.* S. 506.

² *Гальдер Ф. Военный дневник.* Т. 3. Кн. 2. С. 319.

³ *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945.* Т. 2. С. 457.

⁴ Там же.

рий Большого Кавказа, они получили выгодные условия для обороны»¹.

Таким образом, в Кавказских горах немецким войскам для продолжения их наступления требовался разгром уже новых, свежих частей Красной армии. Более того, они должны были быть готовыми прорвать быстро создаваемую систему советской обороны, поскольку, как заметил 13 августа генерал Ф. Гальдер, в немецком Генеральном штабе «становится очевидным намерение противника удерживать Северный Кавказ»². Советские войска перестали отступать. Более того, они начали переходить от обороны к активному проведению контратак³. Причем изменившаяся тактика ведения боевых действий Красной армии приносила эффект. Советские войска стали наносить достаточно серьезные удары по авангардным позициям немецких частей, «отрезая им всякие пути снабжения»⁴. Принятые меры привели к тому, что немецкие войска не смогли добиться глубокого прорыва на Кавказе. По мнению отечественных военных историков, уже к «17 августа наступление противника на этом рубеже было остановлено»⁵. В этот день Ф. Гальдер в своем служебном дневнике был вынужден записать всего лишь одну фразу: что здесь произошла «стабилизация фронта»⁶.

Именно в это время к наступающим подразделениям дивизии СС «подключились финские части, которые за три дня ускоренного марша смогли пройти почти 700 километров»⁷ и теперь должны были принять непосредственное участие в новом этапе немецкого наступления. Причем это происходило, когда германскому командованию «события совершенно ясно демонстрировали, что боеспособность противника недооценена, а возможности собственных войск в значительной степени ограничены»⁸.

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 136.

² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 321.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 458–459.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 508.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 460. См. также: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 303.

⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 323.

⁷ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 507.

⁸ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 128.

Через Кавказские горы к Черному морю

Финские эсэсовцы прибыли на линию фронта, когда механизированные подразделения дивизии взяли город Майкоп. Это означало, что немецкие части уже прорываются к нефтеносным районам Кавказа, поскольку Майкоп считался первой, хотя и не самой большой нефтяной областью из тех, что стремились захватить при начавшемся наступлении¹. Тем не менее взятием Майкопа германское командование решало важную для себя задачу. Прежде всего, немецкие войска получили возможность приблизиться к нефтепроводу Грозный — Туапсе, через который шли транзитные поставки нефти к побережью Черного моря. Теперь вермахту удалось перекрыть этот путь поставок.

Однако добиться большего немецкой армии на этом направлении уже не удалось. Главное, что не удалось — это получить крайне важную для Германии нефть. Благодаря мерам, предпринятым советским руководством, основные запасы нефти «были заблаговременно вывезены, буровые скважины разрушены, а оборудование либо спрятано в земле, либо эвакуировано»². В результате захватить на данном направлении находящиеся в рабочем состоянии советские нефтяные центры Германия просто не успевала. Немецкие войска обнаружили лишь «взорванные и совершенно непригодные для дальнейшего использования нефтеперерабатывающие предприятия»³. Благодаря «тщательности, с которой были разрушены нефтеперерабатывающие заводы» в районе Майкопа, рейху «из этих мест невозможно было ничего получить»⁴.

Таким образом, перед немцами вставала новая проблема, связанная с необходимостью срочного восстановления разрушенных предприятий. Поэтому вслед за наступающими немецкими частями «двигались и специалисты-нефтяники, которые должны были срочно восстанавливать добычу нефти», поскольку, как считает В. Тике, именно в получении советской нефти и «состоял смысл всей опера-

¹ См.: Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 26.

² Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. III. С. 302.

³ Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца. С. 319.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 524; См.: Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 3. С. 302.

ции»¹. Однако обнаруженных на Кавказе нефтепродуктов вермахту категорически не хватало. В итоге важное для немецких войск горючее немцы были вынуждены, как и раньше, продолжать ввозить на Кавказ из Румынии². По мнению некоторых исследователей, именно «нехватка бензина часто мешала продвижению танковых дивизий» немецкой армии на этом нефтеносном направлении³.

Что касается дивизии СС «Викинг», то она после взятия Майкопа развернулась на юго-запад. Она должна была теперь двинуться через перевалы по главной горной дороге в сторону Туапсе. Финским эсэсовским частям, вошедшим в состав полка «Вестланд», было тогда приказано занять позиции у станицы Комсомольская. Таким образом им следовало осуществлять общий контроль над железной дорогой, которая шла далее «на нефтяные месторождения района Нефтегорска»⁴. Одновременно их задачей стала оборона находившегося в этих местах командного пункта дивизии⁵.

Как только финские эсэсовцы появились на фронте, возобновились прежние проблемы. Батальон начал нести существенные боевые потери. В частности, в результате артиллерийского обстрела, не успев вступить в бой, сразу же были убиты два из трех командиров рот, а также два унтершарфюрера СС⁶. Через три дня после этого погиб еще один командир роты⁷. Это, конечно, стало «весьма чувствительной потерей для всего финского батальона»⁸, напоминавшей предшествующий период, когда эсэсовцы только начинали свои боевые действия.

Однако пока еще наступление оставалось главной задачей, которую дивизия СС «Викинг» должна была решить. Ей предписывалось,

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 128; См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 302.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 508.

³ *Ibid.* S. 524.

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 129.

⁵ Там же. С. 128; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 507.

⁶ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. S. 507.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 129.

используя высококомобильные танковые соединения, через перевалы форсировать хребты Кавказских гор. Это была сложная боевая операция. Она требовала от личного состава дивизии соответствующей подготовки и специфических навыков ведения боя в высокогорье. К тому же продолжало нарастать сопротивление советских войск, которым после отхода к западной части Главного Кавказского хребта удалось закрепиться на сильных позициях¹. Южнее Майкопа разгорелись яростные бои². Командованию дивизии СС «Викинг» ничего не оставалось, как отправить на передовую и финский батальон. Теперь в дивизии явно «нуждались во всех своих войсках»³. Впервые финские эсэсовцы были вынуждены принять активное участие в наступательной операции. Они оказались втянуты в «ожесточенные и кровавые бои»⁴. 14 августа, после перевода в боевые порядки полка СС «Нордланд», батальон принял участие в боевых столкновениях в предгорьях: сначала у станицы Тверская, а затем, 16 августа, в штурме станицы Линейная. Наступательная операция финских эсэсовцев оказалась достаточно успешной, по мнению немецких офицеров, она была «такой же хорошей, как и немецкие атаки»⁵.

Но в целом дивизия СС «Викинг» в предгорье продолжала терять темп наступления. Прорваться через хребты Кавказских гор к побережью Черного моря немцы так и не сумели. 21 августа, как отметил в своем дневнике генерал Ф. Гальдер, у фюрера было «большое возбуждение по поводу медленного овладения перевалами Кавказа»⁶. Гальдер о боевых действиях на данном направлении в конце августа — начале сентября 1942 г. записывал фактически только одну и ту же мысль: «на Кавказе без перемен» или что «на Кавказе незначительные изменения»⁷. Более того, стало понятно, что «немецкий авангард — дивизия “Викинг” — оказался объективно слишком слабым, чтобы прорваться через перевалы к Туапсе»⁸. Дальнейшее продвиже-

¹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 307.

² См.: *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin. S. 124–125; *Хаунт В.* Сражения группы армий «Юг». С. 210.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pataljoonan historia. S. 508.

⁴ *Nieme J., Pipes J.* Volunteers in the Wehrmacht in WWII.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 512.

⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 326.

⁷ Там же. С. 327, 329, 330, 331, 333, 334, 340.

⁸ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 509.

ние дивизии в глубь Кавказских гор, так же, как и наступление других соединений немецкой армии, сильно замедлилось. Дивизия СС «Викинг», имея достаточно широкую полосу фронта — около 130 километров¹, никаких активных операций по прорыву советских укреплений не предпринимала. Наступление не получалось...

Боевые действия дивизии стали плавно переходить в стадию позиционной войны, в ходе которой эсэсовцы прикрывали фланги других «наступающих частей» немецкой армии². Бойцам, по образному замечанию командира дивизии СС «Викинг» Ф. Штейнера, приходилось лишь «разбивать свои головы о камни», вспоминая сюжет из античной истории — «переход Ганнибала через Альпы». По мнению группенфюрера СС, прорыв обороны советских войск на данном направлении оказался крайне «трудной задачей». Как он образно выразился: советские войска выглядели просто «водонепроницаемыми»³.

Начавшаяся позиционная война вносила определенные коррективы в общий характер боевых операций. Военнослужащие финского батальона и на этот раз не сумели проявить свою особую доблесть. Более того, их так и не рискнули направить на наиболее сложные участки передовых рубежей фронта. В результате в боевых столкновениях с советскими войсками они активного участия не приняли. Это вело к тому, что их потери тоже были минимальными⁴. К тому же в горно-лесистом ландшафте финские эсэсовцы чувствовали себя вполне уверенно. Считалось, что «лесистая и холмистая местность вынуждала как их, так и противника, действовать небольшими отрядами», а это финнов вполне устраивало. Как, говоря о финнах, отметил командир дивизии, они тогда действовали «словно в своих финских лесах»⁵. Успешное решение не слишком сложных задач приводило к тому, что эсэсовцы «ясно стали осознавать свою значимость, что являлось, — как считает профессор М. Йокипии, — предпосылкой хорошего боевого духа»⁶. Таким образом, финский батальон на-

¹ Ibid. S. 514.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 132.

³ Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 512–513.

⁴ Ibid. S. 513.

⁵ Цит. по: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 133.

⁶ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 514.

чал входить в затяжные боевые столкновения постепенно и достаточно плавно.

Более того, на практике эсэсовцы в горах в значительной степени занимались не ведением боевых действий с регулярными частями Красной армии, а проведением антипартизанских карательных операций¹. Впервые с партизанами они столкнулись прямо у станицы Линейная². Причем партизанские отряды, с которыми финны начали воевать на Северном Кавказе, были не очень большими, и борьба с ними не требовала серьезного напряжения сил.

Методы борьбы с партизанами у СС были хорошо апробированы. В частности, у станицы Линейная всех партизан, попавших в плен, сразу же «на высоких столбах повесили». Причем, как подчеркнул в своем письме на родину финский эсэсовец С. Хайкала, традиционно «у повешенных на шее была прикреплена табличка с надписью: “Партизан”»³. Таким образом, финны мало чем здесь отличались от немцев. Организованные ими казни были, как они считали, лишь мерой «воспитательного характера», и эти убийства должны были «просто» стать своеобразным «знаком предупреждения селянам»⁴. Однако, как выяснилось, подобные «знаки предупреждения» не приводили к желаемым результатам. В станице Линейная, где было около 2 тысяч жителей, карательные операции не вызвали у местного населения никакого особого испуга. Традиционно «по вечерам и особенно ночью, — как указывали финские эсэсовцы, — ...наши машины пытались поджечь, нападая на их охрану». Финны четко осознавали, что их методы не дают должного эффекта и что им «приходилось иметь дело с партизанами»⁵, которых явно оказалось трудно запугать. Тем не менее СС продолжали крайне жестко бороться с сопротивлением гражданского населения.

Карательная деятельность эсэсовских формирований, а также особенности в организации «зачистки гористой местности»⁶, имели свой

¹ Ibid. S. 515.

² См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 125–126.

³ Ibid. S. 126.

⁴ Ibid. S. 240.

⁵ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 516.

⁶ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 131.

специфический почерк. Это хорошо заметно из письма, отправленного в Финляндию в конце августа 1942 г. финским эсэсовцем Х. Леметтиненом. В нем он объяснил причины актов кровавой мести местным жителям, совершаемых эсэсовцами. Военнослужащие финского батальона организовали в одной из кавказских деревень массовые казни по одной лишь причине — из-за гибели в этой деревне немецкого патруля. Причем Леметтинен подвел достаточно своеобразный итог, подчеркнув, что, после проведенных в этой деревне экзекуций, только «некоторые из русских смогли выжить»¹. У финских эсэсовцев существовал четкий порядок: «в зависимости от настроения немецкого командования, сопротивление одного-двух человек могло повлечь за собой гибель 20—30 жителей села»². Так же жестоко обращались и с советскими военнопленными, которых эсэсовцы продолжали без всякого повода незамедлительно расстреливать³.

Везде, где оказывались военнослужащие дивизии СС «Викинг», как на Кавказе, так и в других районах Советского Союза, имели место многочисленные казни советских военнопленных и гражданских лиц. Финны же, если лично в каких-либо из них непосредственного участия не принимали, то отражали полученные впечатления в письмах на родину⁴.

Из станицы Линейная батальон 25 августа был переброшен далее на юг, в станицу Кабардинскую. Здесь финским эсэсовцам было поручено контролировать немецкие коммуникации, проходящие непосредственно у этой станицы. Также финский батальон должен был «прикрывать» находившийся в Кабардинской командный пункт полка СС «Нордланд»⁵. В этой станице для финнов единственным занятием были лишь «долгие часы вахты, тщательный уход за оружием и оборудование позиций»⁶. Подобные весьма незатейливые задачи свидетельствовали о том, что командование эсэсовской дивизии не планировало направлять финнов на передовую. Судя по воспоминаниям, не было в батальоне тогда и каких-либо серьезных боевых по-

¹ *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 59.*

² Цит. по: *Ibid. S. 125.*

³ См.: *Ibid. S. 135.*

⁴ См. *Ibid. S. 126–127.*

⁵ *Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 137.*

⁶ Там же. С. 138.

терь, были зафиксированы лишь отдельные ранения, которые часто являлись лишь следствием налетов советской авиации¹.

Столь щадящие условия ведения войны позволяли финнам вплотную заняться обустройством своего быта. В частности, они сразу же организовали в одном из домов станицы финскую сауну². При этом крайне жесткое отношение к местным жителям сохранилось. Их, как и везде, могли вполне обыденно повесить за одно лишь подозрение в связях с партизанами³. Также продолжались здесь и расстрелы советских военнопленных⁴.

Однако борьба с партизанами и позиционные боевые столкновения с советскими войсками не приносили германскому командованию желаемого результата. Гитлер, наряду с задачей выхода к Кавказскому побережью Черного моря, четко обозначил еще одну стратегическую задачу: прорваться «к Каспийскому морю и нефтяным месторождениям Баку»⁵. Постепенно именно эта цель начала у немецкого руководства выдвигаться на передний план. Считалось, что успешное осуществление данной операции позволит не только улучшить снабжение горюче-смазочными материалами немецкой боевой техники, но также поможет решить исход войны в пользу рейха. В Берлине пришли к выводу, что только стремительный прорыв через Северный Кавказ к Каспию станет оптимальным результатом немецкого наступления. Именно таким образом Германия лишит «русских нефтеносных районов», а это будет означать «смертельный удар» по СССР⁶.

Задача овладения нефтеносными территориями этого региона оставалась для немецких войск определяющей. В связи с этим было решено срочно перебросить части моторизованной дивизии СС «Викинг» с Туапсинского направления на Грозненское. Это решение было принято несмотря на то, что в Генштабе сухопутных войск считали, что в зоне наступления немецкой армии к северному побережью Черного моря было «без дивизии СС “Викинг” не обойтись»⁷. При-

¹ Там же. С. 139.

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 519.

³ См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943.* S. 126–127, 240.

⁴ *Ibid.* S. 240.

⁵ *Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг».* С. 12.

⁶ *Фляйшман Г. По колено в крови. Откровения эсэсовца.* С. 220.

⁷ *Гальдер Ф. Военный дневник.* Т. 3. Кн. 2. С. 314.

нимая столь ответственное решение, германское командование, очевидно, учитывало то, что все же «единственный нефтеносный район в пределах нашей [немецкой] досягаемости был Грозный»¹. Дивизия СС «Викинг», прекрасно оснащенная новейшим вооружением, должна была справиться с этой задачей. К тому же она на тот момент не понесла больших боевых потерь и «крупные сражения этого лета еще не успели ее сильно измотать»². Все это подводило германское командование к решению о переброске дивизии на более важное, как казалось, направление.

Таким образом, финским эсэсовцам прорваться к Черному морю так и не удалось. Им оставалось довольствоваться тем, что они узнавали «о достижениях» на этом направлении других частей германской армии. Как отметил финский профессор М. Йокипии, здесь «наши бойцы конечный результат так увидеть и не успели»³. Да и не было особых результатов. Как мрачно констатировал немецкий историк В. Хаупт, «систематически готовившееся наступление вдоль дорог через перевалы на Туапсе, несмотря на начальные успехи, своей цели не достигло»⁴.

¹ *Фляйшман Г.* По колено в крови. Откровения эсэсовца. С. 319.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 529.

³ *Ibid.* S. 508.

⁴ *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». С. 218.

ГЛАВА III

НА ГРОЗНЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Утром 17 сентября 1942 г. основные силы дивизии СС «Викинг» начали перебрасываться на Грозненское направление¹. Туда же уходил и финский батальон, который выступил из станицы Кабардинская, где в достаточно спокойной обстановке находился уже в течение трех недель. Теперь перед дивизией была поставлена более сложная задача. В распоряжении, отданном Ф. Штейнеру, торжественно говорилось: «Вся армия смотрит на вашу дивизию. Перед вами стоит задача расчистить для армии путь к Грозному»². Дивизию выдвигали на Грозненском направлении прямо на острие наступления³.

В результате, части дивизии СС «Викинг» в спешном порядке начали перемещаться с запада на восток, вдоль Кавказских гор к реке Терек. Чтобы переброска шла как можно быстрее, механизированным подразделениям дивизии даже решили передать запасы горючего от других соединений немецкой армии⁴. Ускоренным маршем дивизия начала двигаться по тылам германских войск, минуя уже захваченные ими станицы и поселки, а также город Минеральные Воды.

Сама передислокация говорила о том, что у немецкого командования уже не хватало ресурсов для развития наступления на нескольких стратегических направлениях. Теперь Берлин стремился выбрать наиболее приоритетный для прорыва участок фронта и усилить его,

¹ Полк СС «Германия» некоторое время оставался в западной части Кавказских гор. См.: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 147.

² Цит. по: *Батлер Р.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 82; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 527.

³ См.: *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М., 1967. С. 121.

⁴ См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3. Кн. 2. С. 341.

проведя быструю перегруппировку войск. Делалось это в разгар уже проводившихся операций. Как заметил исследователь Т. Х. Матиев, переброска дивизии «Викинг» на новое оперативное направление «весьма красноречиво свидетельствует о нервозности и спешке, которая царила в конце сентября в штабах» германской армии¹.

Сражение за Малгобек

Для финского батальона марш получился не очень стремительный: он продлился целую неделю. Лишь 24 сентября финны, наконец, подошли к заданной точке и заняли позиции на пересечении дороги, ведущей из Малгобека в Моздок. Они расположились у кабардинского села Нижний Курп². Теперь основные боевые операции эсэсовцев были полностью перенесены на Грозненское направление. На тот момент батальон, толком еще и не принимавший участия в реальных боевых действиях, по численности стал соответствовать действующему на этом участке фронта целому полку вермахта. Дело в том, что в ходе ожесточенных боев немецкие фронтовые части понесли очень серьезные потери, и их численность резко сократилась³. Финнам предстояло заменить крайне потрепанный и обескровленный в боях один из полков вермахта⁴. Это «показывало, насколько были изнурены в боях передовые части немецких войск»⁵ и к чему следовало самим финнам готовиться. Их наступление должно было поддержать атаки на позиции советских войск на правом берегу реки Терек.

¹ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 133.

² Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 145.

³ См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. С. 120.

⁴ С переднего края из состава 370-й пехотной дивизии здесь отводился 666-й пехотный полк (Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 137; Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 147), который затем был преобразован в гренадерский. В 370-й дивизии вообще, как показывали допросы военнопленных, «многие батальоны уничтожены полностью», а «в уцелевших ротах оставалось по 10—12 человек» (цит. по: Гречко А. А. Битва за Кавказ. С. 120).

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 526.

На данном направлении дивизии СС «Викинг» предстояло двигаться на самом острейшем предполагаемом прорыве. Ее первой задачей был выход к небольшому ингушскому городу нефтяников Малгобек¹. Таким образом дивизия «становится основным участником битвы за Малгобек»², город, взятию которого в Ставке фюрера придавали колоссальное значение. Некоторые отечественные исследователи даже считают ее поворотным моментом в битве за Кавказ, а сам город называют кавказскими Фермопилами и «географическим “вестибюлем” на пути к Грозному»³.

Опираясь на механизированные подразделения дивизии, предполагалось углубиться в цепь Кавказских гор. Здесь следовало вклиниться в боевые порядки советских войск, а дивизия СС «Викинг», как и все остальные танковые соединения немецкой армии, должна была сыграть «роль тарана»⁴. Эта задача из-за сложности использования крупных механизированных соединений в данной местности была, однако, весьма трудно выполнимой. На самом деле это была очевидная стратегическая ошибка. Горы, через которые должны были пробиваться немецкие войска, сами по себе были «не очень высоки, но крутые, перерезанные ущельями и оврагами и покрытые густым лесом»⁵, что создавало для танковых частей серьезные проблемы. Для обороняющихся советских войск складывались весьма благоприятные условия. Как отмечают исследователи, «оказавшись под прикрытием гор, русские начали оказывать более серьезное сопротивление». Далее также подчеркивалось, что «отличающиеся крепким моральным духом, русские использовали каждое ущелье, пещеру и перевал, чтобы сдерживать наступающие» танковые подразделения немецкой армии⁶, причем «естественные препятствия... выступали в качестве волноломов наступления, расчленив фронт атаки и препятствуя маневру»⁷.

¹ См.: Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 27–30.

² Там же. С. 131.

³ См.: Там же. С. 14, 54, 132.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Гречко А. А. Битва за Кавказ. С. 121.

⁶ Маккарти П., Сайрон М. Panzerkrieg: Бронетанковые войска III рейха. Взлет и падение. М., 2009. С. 152.

⁷ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 31.

Сомневался в эффективности действий немецкой бронетехники на данной местности и командир дивизии Ф. Штейнер. В середине сентября 1942 г. он прямо указывал на это эсэсовскому руководству¹.

С чем Штейнер опасался столкнуться в Кавказских горах, его дивизия и встретилась на Грозненском направлении. Причем проблемы для нее начали возникать уже при первых боевых столкновениях с частями советской армии. «Вольготная жизнь» финских эсэсовцев здесь закончилась. Им уже не хватало времени «воевать» с гражданским населением, а также с партизанами. Более того, подразделения дивизии начали бросать в бой по частям, то есть сходу, как только они прибывали на линию фронта². Это еще более усложняло задачу.

Показательным было еще и то, что переброска подразделений дивизии СС «Викинг» на Грозненское направление не стала большим сюрпризом для советского командования. Их появление здесь быстро зафиксировали. Как указывает исследователь Т. Х. Матиев, «советские бойцы передовых линий из своих окопов могли все чаще наблюдать на позициях противника рослые фигуры солдат, одетых вместо обычной в вермахте серо-зеленой униформы в пятнистый камуфляж»³. В итоге, как только части финского батальона заняли свой участок фронта, то сразу же по их позициям был развернут интенсивный минометный огонь⁴.

Тем не менее, финским эсэсовцам следовало буквально за пару дней «привыкнуть к новой местности», а затем идти в бой⁵. Впрочем, атака сходу их не особо волновала: боевой дух бойцов финского батальона оставался высоким, и они проявляли «драматическое рвение и усердие в подготовке к наступлению». В батальоне вообще «считали нашу [немецкую. — В. Б.] победу абсолютно несомненной и естественной»⁶. Поясняя эти взгляды, один из бойцов заметил: «Нам очень понравились победы»⁷. Трудно сказать, какие именно «побе-

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 520.

² Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 136.

³ Там же. С. 129.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 145.

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 526.

⁶ Ibid. S. 532—533.

⁷ Ibid. S. 531.

ды» имел в виду финский эсэсовец. Казни партизан, военнопленных и просто гражданского населения сложно было назвать военными «победами». Для эсэсовцев пока боевые задачи как на Кавказе, так и ранее, на линии фронта по реке Миус, носили весьма локальный, ограниченный характер. Они были связаны с проведением чисто позиционных действий. Ранее финны в серьезном наступлении, нацеленном на прорыв хорошо подготовленных позиций, участия не принимали.

Теперь на Грозненском направлении им предстояли самые настоящие кровопролитные боевые операции. Здесь финские эсэсовцы могли продемонстрировать свое военное мастерство, которое шлифовали не один месяц под руководством немецких инструкторов... И, действительно, финны в свои особые возможности воевать против советских войск свято верили. Они видели в себе чуть ли не божественных существ, неких «сверхлюдей». Они просто полагали, что «мы двинемся вперед, и ничто не сможет нас остановить»¹.

Все оказалось, однако, совсем не так. Лишь только подразделения полка СС «Нордланд», в числе которых был и финский батальон, начали «в морозную туманную ночь с 25 на 26 сентября 1942 г.» наступление, уже «через полчаса после начала атаки половина солдат, а также несколько офицеров и унтер-офицеров были убиты или ранены»². Финский эсэсовец Э. Тулонен после завершения атаки записал в своем дневнике: «Видеть врага мы не могли. Нас осыпал буквально град пуль»³. Действительно, как вынужден был признать боец батальона В. Тике, «позиции русских были мастерски расположены и замаскированы», и далее прибавил: «Завязался ближний бой, и наступавшие, и оборонявшиеся действовали автоматами и ручными гранатами»⁴. Иными словами, начались встречные боевые действия. Они показывали, что перед финскими эсэсовцами стоят хорошо подготовленные советские войска⁵. Финнов встретили подразделения 176-й стрелко-

¹ Цит. по: Ibid. S. 532.

² Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 13; См. также: Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 219.

³ Цит. по: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 152.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 180–181.

вой дивизии¹. Быстро выдохшиеся эсэсовцы стали «около 09:00... окапываться на той линии», до которой тогда «смогли дойти»². Позже один из них заметил: «Впоследствии я часто думал о том, насколько неправильным было мое понимание войны, или, лучше сказать, что я был далеко не в курсе ситуации»³. Атака захлебнулась в крови, «многочисленные потери и полное изнурение солдат смешали весь задуманный план наступления “Викинга”»⁴. Стало ясно, что перед эсэсовцами «находится не только численно превосходящий их противник, но и то, что он занимает хорошо оборудованные оборонительные позиции»⁵.

Все попытки возобновить атаки ни к чему не приводили. Финские эсэсовцы оказались «не в состоянии продвигаться дальше»⁶. Как справедливо заметил исследователь Т. Х. Матиев, «несмотря на упорство, доходящее до фанатизма... атака со всей очевидностью захлебнулась»⁷. В руководстве дивизии это также почувствовали, и командир полка «Нордланд», оберфюрер СС Ф. фон Шольц, получил приказ «прекратить наступление... и закрепиться на достигнутом рубеже»⁸. Показательно, что на следующий день после провального наступления в «долину смерти» Ф. фон Шольц отметил этот эпизод «полного безумия» и массовой гибели его «богов войны» тем, что напился⁹. Пьянство стало тогда вообще распространяться и на других офицеров полка...¹⁰

Финны называли 26 сентября «черным днем», когда в момент их атаки уже «каждый метр требовал сверхчеловеческой самоотвержен-

¹ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 145.

² Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 150—151.

³ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 532.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 151.

⁵ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 219.

⁶ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 152.

⁷ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 146—147.

⁸ Цит. по: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 152.

⁹ См.: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941—1943. S. 82.

¹⁰ См.: Ibid. S. 83.

ности и самопожертвования»¹. Таким образом, в результате первого реального боя у финнов «потери оказались шокирующими»². Как указывал один из них, пришлось вспоминать «все то, чему нас учили в Гросс-Борне». В его взводе, состоявшем из 34 человек, в строю осталось лишь 9 солдат³. Другой финский эсэсовец отметил, что после этого боя у него «исчезла уверенность в собственной победе и вера в невозможность попадания в него пуль»⁴. Им стало, наконец, понятно, что они отнюдь не являются, как их учили, — *Übermenschen* («сверхлюдьми»). Представления о собственной исключительности быстро испарились. Теперь, как они почувствовали, у них уже «не было больше уверенности в себе», и это «было как минимум горьким чувством»⁵. Финским эсэсовцам стало ясно, что «друг против друга стояли почти равные силы, при этом обороняющиеся, которые находились на оборудованных позициях, имели преимущество»⁶.

Шведский доброволец Эрик Валлен (Erik Wallin), воевавший в дивизии СС «Викинг», уже после окончания войны опубликовал свои мемуары, которые были переведены на русский язык под названием «Гибель богов»⁷. В них он описывает последний период существования Третьего рейха и, прежде всего, финальную часть катастрофы, которая постигла сторонников Гитлера. Однако на самом деле для финских эсэсовцев идейные представления об их особой божественной исключительности, привитые им нацистами, рушились именно в сражении у Малгобека. Кстати, тогда погиб и близкий по фамилии к автору мемуаров финский доброволец оберштурмфюрер СС Леннарт Валлэн (Lennart Wallén)⁸.

Действительно, на Грозненском направлении завязались ожесточенные, кровопролитные бои. Причем они не приносили немецким

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 530.

² Ibid. S. 531.

³ Цит. по: Ibid. S. 532; Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 154.

⁴ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 534.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 534–535.

⁶ Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 149.

⁷ См. перевод на русский язык: Валлен Э. Я — доброволец СС. «Берсерк» Гитлера. М., 2013. С. 4.

⁸ Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuusdet 1941–1943. S. 225.

войскам никакого стратегического результата¹. Атаки финского батальона были совершенно бесплодными². Как указывает профессор М. Йокипии, финским солдатам «пришлось ввязаться в упорные локальные бои», где противостоящие им красноармейцы «умело пользовались холмистой местностью и своей бронетанковой мощью», «был виден их хороший боевой дух»³. В целом стало понятно, что «ввод в сражение частей дивизии “Викинг”... не привел к решающему перелому в ходе битвы»⁴.

Положение наступающих частей дивизии «Викинг» становилось критическим. Чтобы изменить ситуацию, ее командование приняло решение нанести главный удар. Было решено бросить в атаку все основные танковые соединения. Этот удар был нацелен на район южнее Малгобека, в направлении ингушского села Сагопши. В наступление был двинут отдельный танковый батальон дивизии. Также его атаку должны были поддержать пехотные подразделения полка «Вестланд». В результате, 28 сентября у села Сагопши разгорелась крупнейшая на Кавказском фронте танковая битва, которая продолжалась десять с половиной часов⁵. Она превратилась во встречное сражение с перешедшими в контратаку частями 52-й советской танковой бригады⁶.

Это сражение для эсэсовцев закончилось серьезным поражением. Командование дивизии СС «Викинг» вынуждено было признать, что только за один этот бой потеряно до 50 % всех их танков⁷. Колоссальные потери были и в пехотных частях. Так начал рушиться ореол «бессмертия», столь тщательно создаваемый вокруг частей этой дивизии. Один из командиров батальона полка «Вестланд», как отмечали тогда очевидцы, после сражения «просидел всю ночь и плакал, пока медики

¹ См.: «Кавказское побоище», или «печальное путешествие» 5-й тд СС «Викинг» на Северном Кавказе осенью 42-го. По фронтовым записям. URL: <https://dzen.ru/a/YadQLYfnNELJ52Wd> (дата обращения: 16.11.2024).

² См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 537–539.

³ Ibid. S. 539.

⁴ *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 153.

⁵ *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. С. 125.

⁶ Командовал 52-й танковой бригадой участник Советско-финляндской войны майор В. И. Филиппов, военнослужащие бригады также имели большой боевой опыт.

⁷ См.: *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 154–171, 260.

батальона извлекали тела погибших». Причем среди очевидцев было пятеро финских добровольцев, которые еще продолжали служить в этом батальоне¹. Таким образом, танковый прорыв к Грозному для немецких войск провалился. Для них «Малгобек превратился из промежуточной цели в одну из главных задач» дальнейшего наступления².

В столь стремительно меняющейся обстановке 29 сентября командование дивизии приняло решение расширить зону ответственности полка «Нордланд», а финский эсэсовский батальон перевести на северный склон Сунженского хребта и постараться «силами пехоты» взломать оттуда советскую оборону, чтобы, наконец, взять село Сагопши³, за которое продолжали идти основные бои. Иными словами, финнов бросили туда, где танковые части дивизии СС «Викинг» потерпели сокрушительное поражение. Их двинули в наступление уже без поддержки разгромленных до этого танковых подразделений дивизии. Трудно было сказать, каким образом предполагалось, что финские эсэсовцы смогут переломить ситуацию. Отданный приказ выглядел мало выполнимым и был встречен «с плохо скрываемым раздражением»⁴. Тем не менее финны были вынуждены начать атаку. Никакого результата она не дала. Было крайне сомнительно, что «после фактического разгрома, который наступающий на малгобекском направлении ударный кулак немцев пережил 28 сентября, у них хватит сил и решимости продолжить активные наступательные операции в ближайшие дни»⁵. У эсэсовцев создавалось впечатление, что атаки идут как-то не так. Казалось, что их просто используют «в силу их фанатизма и выучки как таран для прошибания самых неприступных стен»⁶. В результате «даже рядовые стали осознавать всю малость своих сил по сравнению с противником и то, что операция уже не приведет к окончательной победе»⁷.

¹ *Westerlund L.* Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943. S. 84.

² *Мамуев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 172.

³ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 160.

⁴ *Мамуев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 174.

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Там же. С. 183.

⁷ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 732.

Прорыва, действительно, не получалось. Оставалось только закрепляться и переходить к тактике атак малыми штурмовыми группами. Это означало, что финнам следовало приступить к медленному, изнурительному и «поэтапному захвату наиболее важных узлов обороны противника»¹. Но это исключало саму вероятность стремительного прорыва² и «превращало операцию... в долгое затяжное сражение в лучших традициях позиционной войны»³. Более того, как стало понятно, штурмовые группы не всегда обеспечивали надежное вскрытие советской обороны. В результате финны вынуждены были лишь «лежать в своих норах перед линией противника почти по 11 часов, страдая от голода, жажды, жары и страха...»⁴.

Обойти Малгобек с юга оказалось невозможным. Бои за этот город становились все более и более изнурительными. Теперь, вместо победоносного наступления на Грозный — «главный трофей» дивизии СС «Викинг» на Кавказе, — лучшим результатом их «прорыва» мог стать лишь Малгобек, «разрушенный и превращенный в арену ожесточенных боев городок нефтяников на севере Ингушетии»⁵. Для «гвардии фюрера» это выглядело не слишком большим достижением.

В складывающейся обстановке стало абсолютно понятно, что с задачами, которые поставило немецкое командование, дивизия СС «Викинг» не справляется⁶. Более того, «боеспособность дивизии оказалась, несмотря на ее многочисленное и ценное вооружение, ниже чем в 1941 г.»⁷ К тому же над пытавшимися наступать эсэсовскими войсками буквально «зависла» советская авиация⁸, которая, собственно, сыграла очень значительную роль в срыве танкового прорыва у села Сагопши. По впечатлениям финских солдат, их позиции «и днем и ночью» подвергались «суровым атакам» с воздуха, превращавшими су-

¹ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 177.

² Там же.

³ Там же. С. 199.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 539.

⁵ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 177.

⁶ Там же. С. 182—183.

⁷ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 538.

⁸ См.: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 154—155; Гречко А. А. Битва за Кавказ. С. 127—128.

ществование финнов на передовой «в сущий ад»¹. Эсэсовцам оставалось лишь «лежать в норах и смотреть на воздушные бои»².

При такой ситуации моральное состояние бойцов «Викинга» стремительно ухудшалось, а у финнов стали усиливаться самые «мрачные настроения»³. Это, естественно, не могло не насторожить командование дивизии. Поэтому неслучайно Ф. Штейнер 1 октября 1942 г. лично посетил боевые порядки финского батальона и попытался разобраться в складывающейся ситуации⁴.

Немецкое командование не хотело отказываться от новых попыток наступления. Теперь к нему подключалась бóльшая часть боевого состава полка СС «Германия», который с рядом других подразделений «Викинга» в начале октября 1942 г. был включен в ее боевые порядки. Эти части перебросили с Западного Кавказа на Грозненское направление. Было принято окончательное решение: всей мощью обрушиться на никак не дававшийся немцам город Малгобек⁵. Как указал В. Тике, «со всеми этими новыми силами “Викинг” должен был сломить русскую оборону у Малгобека и открыть дорогу на Грозный»⁶. 4 октября наступление на Малгобек возобновилось.

Благодаря титаническим усилиям, части дивизии, в конце концов, вплотную подошли к Малгобеку. Здесь также продолжались нескончаемые кровопролитные атаки, «доходящие до рукопашной»⁷. Из-за своего расположения вытянутый вдоль долины город казался наступающим войскам состоящим «из несколько не связанных один с другим городских кварталов». Это говорило о том, что его «взять одним ударом» невозможно⁸. Немецким войскам с большим трудом удалось лишь организовать штурмы отдельных районов этого не-

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 538–539.

² Ibid. S. 539.

³ Ibid. S. 537.

⁴ Ibid. S. 542.

⁵ Подробно см.: Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 184.

⁶ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 165.

⁷ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 187, 190.

⁸ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 165.

большого городка. Кровавопролитное наступление на город продолжалось в течение двух-трех суток, начиная с 5 октября. Подразделения дивизии СС «Викинг» поэтапно захватывали отдельные районы Малгобека¹. Только 7 октября в вечерней сводке Верховного командования вермахта было официально объявлено о взятии Малгобека². Темпы продвижения штурмовых групп здесь «исчислялись даже не сотнями, а десятками метров»³. Эсэсовцам с большим трудом удалось, как отмечает историк Т. Х. Матиев, «установить полный контроль над почти стертым с лица земли городком, несколько кварталов которого оказались, как выяснилось, слишком крепким орешком, чтобы вермахт (захватывавший когда-то за одни сутки целые страны) овладел ими в течение одного дня»⁴. Причем эсэсовские подразделения оказались в результате штурма города «настолько обескровленными... что о развитии наступления вглубь не велось и речи»⁵.

Столь кровавопролитный захват Малгобека сопровождался еще и проявлением «чудес» жестокости со стороны подразделения дивизии СС «Викинг». Пленных, как всегда, не брали⁶. Но при этом сам штурм города не изменил общую ситуацию. Немецкая армия «после многодневных боев, овладев наконец руинами города», как справедливо отмечают отдельные исследователи, лишь «добилась скорее символического, чем реального оперативного, а тем более — стратегического успеха»⁷. Также германским войскам не удалось захватить какие-либо действующие нефтяные объекты. Они были разрушены или охвачены пожарами. Таким образом, «огромные нефтяные разработки» Малгобека никак не могли быть использованы Германией. Более того, теперь их нужно было как-то восстанавливать и одновременно продолжать отчаянно оборонять.

В развернувшихся вокруг Малгобека боях главным постепенно становился не сам город, а окружающая его местность. «Началась из-

¹ См.: *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 192—195; *История Великой Отечественной войны 1941—1945.* Т. 2. М., 1963. С. 464; *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 14.

² *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 387.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. С. 192.

⁷ Там же. С. 197.

матывающая борьба за каждую высоту»¹, находившуюся в районе Малгобека. Именно на этом этапе наступления, 7 октября, немецкое командование решило вновь подключить к активным боевым действиям финский батальон. Он был сконцентрирован в юго-восточной части города и должен был начать наступление на одну из стратегически важных высот, находящуюся уже за Малгобеком. Как раз с нее, «с ее вершины открывался вид на район станицы Вознесенской, мимо которой проходила Военно-Грузинская дорога»². Захват высоты позволял надеяться на перспективы дальнейшего немецкого наступления. Более того, как считалось, эта высота стала «в сознании атаковавших... вроде магического ключа к успеху», предполагалось, что «овладение этой высотой... открывало путь к долгожданной победе во всем полуторамесячном сражении»³.

Но финскому батальону, как и всем немецким войскам, «удавалось лишь довольно медленно продвигаться вперед»⁴. Только 9 октября финские эсэсовцы пошли на генеральный штурм высоты. Сразу же их атака стала захлебываться. Подразделения батальона смогли продвигнуться на расстояние всего от 300 до 400 метров. Наступающих встретило вполне ожидаемое сопротивление, где «путь вперед отрезал шквал вражеской [советской. — В. Б.] артиллерии и минометов»⁵. В итоге батальон вынужден был достаточно быстро перейти к обороне⁶.

Дальнейшие попытки штурма высоты также оказались неудачными. В течение пяти дней пробиться к ее вершине у финнов так и не получалось. Батальон ежедневно нес весьма заметные потери⁷. Сам же этот штурм «виделся бойцам почти как “самоубийственная миссия”»⁸.

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 166.

² Там же. 177.

³ *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 225.

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 166.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 548.

⁶ *Ibid.* S. 549; *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 169.

⁷ См.: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 170–172; *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 214.

⁸ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 552.

Тогда им казалось, что «в этих ужасных атаках наши ряды оставили павшими и ранеными, по крайней мере, около двух третей», что явно демонстрировало: теперь эсэсовцам «будущее не могло казаться таким уж светлым», и у них уже не осталось «никаких признаков юношеского энтузиазма»¹.

Только вечером 16 октября ударная группа под командованием оберштурмфюрера СС Тауно Похьянлехто смогла все же прорваться на высоту и, «несмотря на тяжелые потери», закрепившись, удержала ее². Немцы тогда посчитали, что финские эсэсовцы «сотворили невозможное»³. Им действительно удалось успешно отбивать начавшиеся контратаки. К тому же для финнов данный успех заключался еще и в том, что захваченная высота «была самая восточная и самая высокая точка местности, — как заметил профессор М. Йокипии, — которую когда-либо достигал финский батальон». Для финнов эта высота «стала символом кровопролитных сражений под Малгобеком»⁴.

Однако большой радости эта победа эсэсовцам не принесла. Один из них, Эро Тулонен, 17 октября в своем дневнике отметил: «Ситуация совершенно безнадежная, мои нервы на пределе»⁵. Другой лишь грустно и одновременно безжалостно признал: «Этот маленький грязный городок, за который мы так долго боролись и который стоил нам столько крови, теперь полностью в наших руках. Его зовут Малгобек»⁶. Ничего большего финским эсэсовцам уже «не светило». Взятая высота не означала победу. Поэтому нотки отчаяния в записях финских солдат были вполне объяснимы. Как мрачно заметил исследователь Р. Батлер, «на фоне других событий эта удача мало что значила»⁷.

¹ Ibid. S. 566, 567.

² Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 15. См. также: Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 84; Туке В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 176–177; Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 189.

³ Однако, согласно германским оперативным сводкам дивизии «Викинг», этот успех был отнесен к действиям немецких нацистских формирований, относящихся к другим ее подразделениям (см.: Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 230).

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 553.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 557.

⁶ Цит. по: Ibid. S. 556.

⁷ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 84.

Более того, финский батальон нес очень серьезные потери. За неделю, с 10 по 17 октября, в боях за высоту погибло 28 человек¹. Таким образом, за столь короткий промежуток времени финский батальон потерял целый взвод. Ряды батальона выбивались «такими темпами, что казалось, что через несколько дней весь он до последнего человека вообще погибнет»². Положение эсэсовцев, которые обороняли занятую высоту, становилось критическим. Из-за огня артиллерии они, как сами подчеркивали, «не могли поднять головы»³. Плачевное положение финского батальона привело к тому, что уже 19 октября его на этой высоте полностью заменили подразделениями полка СС «Германия»⁴.

Сами финские эсэсовцы вздохнули с облегчением. Они «были рады покинуть этот холм»⁵. Их вновь отвели на более спокойный участок фронта, в район Сагопши. Более того, у дивизии СС «Викинг» уже явно не было сил для дальнего наступления. Это 20 октября ясно дал понять своему руководству Ф. Штейнер. Он указал, что «с имеющимися в его распоряжении силами дальнейшее наступление из района Малгобека невозможно»⁶.

Состояние финского батальона в те дни мог лично наблюдать генерал П. Талвела. Представитель Ставки Маннергейма при ОКВ вновь прибыл в боевые порядки финского батальона. Но это его посещение оказалось не столь приятным, как в прошлый раз. П. Талвела вынужден был сообщить К. Г. Маннергейму, что «последние три недели батальон, как и вся дивизия, в которую он входит, ведет чрезвычайно тяжелые бои»⁷. Для себя он мрачно заметил наблюдавшееся падение боевого духа. Причем скорее не среди солдат, а, что было не менее печально, у большинства офицеров. Талвела отметил, что у офицеров «в полном здравии остался только один человек, тогда как остальные либо погибли, либо получили

¹ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 554–558.

² Цит. по: *Ibid.* S. 557.

³ Цит. по: *Ibid.* S. 559.

⁴ *Ibid.* S. 560; *Тише В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 184.

⁵ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 560.

⁶ Цит. по: *Матиев Т. Х.* Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 235.

⁷ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 562.

ранения»¹. Очевидно, что для представителя финской Ставки стала крайне неприятной высокая смертность военнослужащих батальона². Из-за больших потерь сражение стали даже называть «Малгобекской резней»³.

Талвела, стремясь вселить в финских военнослужащих чувство уверенности, стал активно раздавать раненым разнообразные финские награды⁴. Однако, как он горестно при этом заметил: «Я бы с радостью дал каждому раненому награду, но их больше 400, медалей явно недостаточно»⁵.

Для солдат батальона врученные финским генералом награды становились слабым утешением. Немецкое наступление на Кавказе явно «пробуксовывало», а штурм захваченной финнами высоты стал фактически единственной реальной их «победой» на фронте. Парадоксально, но этот бой у Малгобека оказался для финского эсэсовского батальона вообще самым известным за всю их войну⁶. Служивший в батальоне В. Тике даже позволил себе торжественно отметить: «Все, кому выпало на долю сражаться в эти дни, до конца своей жизни не смогут забыть высоту 701. Здесь во всем блеске проявило себя в боях истинно финское упорство»⁷. Подобных боевых побед у финских эсэсовцев было очень мало. Однако захват высоты немного что менял в ходе дальнейшего немецкого наступления.

Перспектив к развитию прорыва, который следовало превратить в «широкомасштабную операцию по захвату далекого Грозного» у германского командования уже не оставалось⁸. Попытки наступления у Малгобека продолжались на протяжении месяца⁹, но они мало что дали рейху и лишь напоминали, как заметил М. Йокипии, стрем-

¹ Цит. по: Ibidem.

² *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. S. 194.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 662.

⁴ Ibid. S. 195; *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 186; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 190.

⁵ Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 562.

⁶ *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 188.

⁷ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 184.

⁸ *Бамлер P.* SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 83.

⁹ *Mikola K. J.* Poliitiikkaa pataljoonana voimin. S. 334.

ление «пробить лбом стену»¹. К тому же все части дивизии несли колоссальные потери². За достаточно короткий отрезок времени, фактически за один месяц, эсэсовцы недосчитались почти 10 % личного состава во всех своих подразделениях³.

В конечном итоге немецкое командование приняло тяжелое для себя решение. Поскольку атаки советских позиций не приносили никакого реального результата, оставалось только одно — перейти к обороне. При этом небольшим утешением оставалось лишь то, что, по мнению весьма благосклонного к боевой деятельности «Викинга» исследователя Т. Хоффмана, финны, как и представители других национальностей, входивших в состав этой дивизии, действительно «познали ужасы войны». И это, по его наблюдениям, позволило им еще «фанатичнее... выполнить задачу, которую они взяли на себя»⁴.

С захватом Малгобека главных целей немецкой операции на Кавказе германская армия не добилась. Прорваться к Грозному ей так и не удалось, а участие в наступлении дивизии «Викинг» никакого оперативного успеха не принесло. В результате в рейхе были вынуждены отказаться от дальнейшей реализации плана наступления с помощью этой дивизии⁵.

Попытка восстановить потери, переход к обороне

После неудачного для немецких войск стратегического наступления в районе Малгобека, германское командование приняло решение срочно перебросить дивизию СС «Викинг» на новый участок фронта. Теперь финский батальон, вместе с остальными ее частями, оказался в юго-западном секторе наступления на Кавказе. Там тоже в это время шли напряженные бои. Они разгорелись в горах в районе североосетинского города Алагир. Германские войска пытались через этот населенный пункт прорваться к городу Орджоникидзе (Владикавказ). Цель наступления заключалась в том, чтобы выйти в долину реки Сунжа

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 552.

² См.: Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 14.

³ Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. С. 246.

⁴ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 66.

⁵ История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 2. С. 464.

и уже оттуда, наступая вдоль этой реки, опять начать продвигаться к Грозному¹.

Что же касается финского эсэсовского батальона, то он за время боев на Кавказе был уже серьезно обескровлен. За два месяца — в сентябре и октябре 1942 г. — он понес самые существенные потери: 88 человек было убито и около 380 ранено². Причем потери были столь значительными, что, по наблюдениям командования, вскоре батальон мог «вообще потерять финский характер»³. Угроза физического уничтожения финского батальона в ожесточенных боях 1942 г. требовала притока новых добровольцев из Финляндии. Нацистское командование это хорошо понимало. Поэтому в Берлине решили заранее обеспечить дивизию СС «Викинг» новыми финскими бойцами, и еще до начала кровопролитных боев, в середине лета, проблема эсэсовских новобранцев стала предметом обсуждения с руководством Финляндии.

Готовя почву для обсуждения набора финских добровольцев для боевых действий на Кавказе, в германском дипломатическом представительстве в Хельсинки приступили к беседам с финскими высокопоставленными лицами о значении их батальона СС для успешных боевых операций на Кавказском участке Восточного фронта. В этот момент в рейхе принялись откровенно восхищаться боевыми качествами и воинственным духом финских эсэсовцев, подчеркивая, что в Берлине крайне удовлетворены этими солдатами, поскольку «батальон воевал хорошо и получил от немецкого руководства весьма благоприятные отзывы»⁴.

Этими рассуждениями нацисты стремились создать наиболее благоприятную обстановку, чтобы начать на высшем уровне переговоры о дополнительном наборе в эсэсовские войска финских граждан. Для встречи с финским руководством 27 июля 1942 г. в Финляндию лично прибыл сам рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Несмотря на загруженность текущими делами, шеф эсэсовцев провел здесь весьма продолжительное время. Гиммлер вел с финнами переговоры больше недели — до 3 августа. Формально рейхсфюрер СС встречался

¹ Там же.

² *Jokipii M.* Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 63.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 489.

⁴ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 302.

с высшим финским военным руководством¹, но кроме того у него была аудиенция и у президента страны Р. Рюти. Именно эти переговоры сыграли ключевую роль в формировании отношения финского высшего руководства к идее организации нового пополнения для войск СС, воюющих тогда на Кавказе. Гиммлер не стеснялся в похвалах солдатам финского батальона. В ходе беседы он, в частности, отметил, что сам «неравнодушен к дивизии “Викинг” и особенно беспокоится о финских мальчиках», указывая при этом на «их тщательную военную подготовку»².

Несмотря на то что в это время в Финляндии явно наблюдался дефицит мужского населения боеспособного возраста, как на фронте, так и особенно в тылу³, Гиммлер сумел подобрать нужные слова, чтобы склонить финнов к «взаимопониманию» по данному вопросу. Была достигнута договоренность: несмотря ни на что, на Кавказ из Финляндии будет направлено еще порядка 200 человек, причем, как указано в документах К. Г. Маннергейма, больше половины этих новых финских резервистов составляли молодые люди в возрасте 21–22 лет⁴. Более того, все призванные в СС финские военнослужащие имели опыт боевых действий против советских войск на фронте, поскольку набор в эсэсовские войска производился из солдат, которые находились на передовой⁵.

Мотивом к принятию подобного решения, очевидно, было то, что в рейхе финскому руководству настойчиво обещали новый штурм Ленинграда группой армий «Север»⁶. Об этом там могли только восторженно мечтать, поскольку, как отмечает профессор М. Йокипии, предполагаемый здесь успех немцев для Финляндии «открывал су-

¹ Jokipii M. Himmlerin Suomen-matka v. 1942 // Historiallinen Arkisto. 1962. № 58. S. 428.

² Цит. по: «Käymme omaa erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. S. 201.

³ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 216–217.

⁴ KA. G. Mannerheimin arkisto. Kokoelma 611 (Päämaja 1939–1944). Батальон СС.

⁵ Ibidem; Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 22. (Каждое финское войсковое соединение, однако, могло позволить записаться в СС из одного батальона не более чем двум добровольцам.) См.: Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 194.

⁶ См.: Барышников Н. И. Финляндия: Из истории Финляндии военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 155–160.

ществленные преимущества: все их подразделения на Карельском перешейке, и, возможно, частично войска на Олонецком перешейке освобождались, а военные действия переносились в южном направлении все дальше» от территории самой Финляндии. «Это, — по мнению финского исследователя, — в свою очередь, стало одним из факторов, который открывал в финско-германских отношениях новый период»¹. В результате нацисты добились принципиального согласия на отправку очередной партии добровольцев из Финляндии и могли продолжить тем самым боевой путь финского батальона.

Таким образом на финской территории СС опять начали разворачивать работу по вербовке добровольцев. Появился и соответствующий головной офис, который разместился в городе Коувола. Однако немецкие сотрудники созданного эсэсовцами «военкомата» были не совсем удовлетворены поступающими к ним добровольцами. «Человеческий материал, — как докладывалось руководству, — был менее подходящим для нас, поскольку не имел крепкого образования, которое предстоит еще им привить». Говоря об «образовании», германские «сотрудники» имели в виду идеологическую подготовку добровольцев. В военном отношении у добровольцев все было в порядке. Здесь эсэсовцы были вполне удовлетворены, поскольку пришедшие к ним финны обычно «имели фронтовой опыт»².

Отобранных для службы в СС финнов в начале сентября 1942 г. партиями стали по уже знакомому маршруту кораблями доставлять из Финляндии в Германию. Далее их сразу же определили на ускоренные курсы, где новобранцев начали готовить по отработанным эсэсовским технологиям. На курсах прежде всего обращали внимание не на военную подготовку. Здесь главные усилия немецких инструкторов были сосредоточены на решении специфической задачи: «проращивании» в сознании финнов политических основ нацистской идеологии³. Затем новая партия добровольцев, иронично прозванных «200 храбрых», прибыла в распоряжение финского батальона на Кавказ, как раз на Грозненское направление⁴.

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 490.

² Ibid. S. 492.

³ Ibidem.

⁴ Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 64; Lehmus K. Kolme kriisiä. S. 45.

Новобранцы оказались на фронте в распоряжении командования дивизии СС «Викинг» не только в качестве соответствующей смены раненым и погибшим. Ими также решили заместить часть финских эсэсовских солдат, которых тогда, для повышения их квалификационного, «образовательного уровня», направили в рейх. Они должны были обучаться в специальной офицерской школе, в соответствии с «особенностями национал-социалистической идеологии и в духе учения рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера». Важной задачей обучения там оставалась пропаганда особой миссии Германии. Поэтому в этом учебном заведении под особый контроль был поставлен идеологический вопрос, связанный с раскрытием задач гитлеровцев в плане формирования будущей «новой Европы»¹. Нацисты явно стремились сохранить финское эсэсовское движение и не допустить физического уничтожения отдельного финского батальона. Одновременно продолжали работу над повышением лояльности финнов делу Третьего рейха. Это говорило о том, что в Германии предполагали этих людей использовать «вдолгую», не только на фронте, но и позже на их собственной родине. Безусловно, они были нужны для последующей ее нацификации.

Данную тенденцию можно было заметить и в отношении самого финского эсэсовского батальона. Теперь его уже не собирались бросать на наиболее опасные участки фронта. 12 ноября финны были полностью выведены из-под Малгобека. Батальон «моторизованным маршем» перебросили к осетинскому селу Дигора и далее — в район селения Хаталдон. Здесь эсэсовцы 14 ноября заняли позиции на передовой, и сразу же стало ясно, что она, в отличие от Малгобека, «оказалась относительно спокойной»². Да и от финнов уже не требовали наступления. Им было поручено прикрытие немецких войск «от флангового удара со стороны гор», то есть сугубо оборонительная задача. Место, куда финский батальон был направлен, имело для эсэсовцев особое значение. Как заметил В. Тике, в данном районе финны «располагались в тени Казбека» и для них это «стало самым дальним пунктом долгого марша... по просторам Рос-

¹ *Jalonen J.* Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisien silmin. S. 127.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 192.

сии»¹. Действительно, так далеко на восток они еще никогда не доходили.

Для батальона наступил период относительной «спокойной и тихой жизни». К этому времени немецкое командование пришло к выводу о вынужденной необходимости отказаться от какого-либо наступления. В результате в зоне ответственности финского батальона была лишь организация сильных оборонительных позиций. В отданном по частям батальона приказе подчеркивалась необходимость создания в районе села Дигора «зимних укреплений и хорошо накатанных блиндажей»².

Дивизия СС «Викинг» особых успехов в проведении наступления так и не добилась, каких-либо серьезных прорывов в боевых порядках советских войск не совершила и буквально везде встречала яростное сопротивление, которое была не в состоянии преодолеть. Более того, силы наступающей германской армии продолжали стремительно таять. Как признают исследователи, у германского командования здесь, когда «до стратегически важной цели — Грозного — оставалось всего 80 км», оказалось недостаточно «ресурсов, чтобы идти дальше»³.

Переход к обороне не гарантировал немецким войскам стабильное «тихое» положение. Строительство на фронте оборонительных сооружений, призванное позволить нацистам закрепиться на занимаемых территориях, никоим образом не устраивало советское командование. Поэтому начавшиеся работы внимательно отслеживались, и районы строительства стали подвергаться атакам Красной армии. В результате финнам также приходилось отбивать периодические удары по их позициям.

Однако говорить о каких-либо ожесточенных боях все же не приходится. В первые дни их пребывания на новом участке фронта погиб лишь один эсэсовец⁴. Таким образом, действия эсэсовских войск здесь плавно трансформировались в чисто позиционную, окопную войну. Для них ключевым становилось не столько проведение локальных боевых операций, сколько преодоление в Кавказских горах

¹ Там же. С. 193.

² Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 574.

³ *Маккарти П., Сайрон М. Panzerkrieg: Бронетанковые войска III рейха. Взлет и падение*. С. 152.

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 575.

«ужасных бытовых условий и начала осенних дождей». Сложившуюся ситуацию в своем дневнике описал 20 ноября Т. Курри: «...Мы провели несколько несчастных ночей под дождем, промокнув насквозь и замерзнув на лютom морозе, не испытывавший подобного человек не может себе даже представить такое». Далее он приписал: «Ранее я даже не мог себе вообразить, чтобы на Кавказе была такая жизнь»¹.

Тем не менее достаточно долго «мокнуть» под дождем им не пришлось. Батальон опять «перекинули». 25 ноября 1942 г. его направили в район осетинского селения Чикола. Но и тут основные задачи финских эсэсовцев оставались прежними. Они продолжали работы по созданию укреплений и одновременно должны были отвечать за оборону контролируемого батальоном участка. Как отметил 26 ноября в своем дневнике С. Элмгрен, «снова готовимся остановиться в деревне» Чикола². К тому же штурмбанфюрер СС Г. Коллани был назначен еще и комендантом этого селения³.

Таким образом боевых целей финскому батальону никто не ставил, он превратился в отдельную резервную часть, которую могли, в случае возникновения необходимости, привлечь к военным операциям. Финны должны были выполнять строительные и охранные функции, а также продолжать поддерживать боеготовность⁴.

Именно тогда в состав батальона и поступило свежее пополнение. Завербованные в Финляндии новые добровольцы уже закончили предварительную подготовку в Германии и прибыли на фронт. На них тогда и возложили основные работы по оборудованию военных укреплений⁵. Остальные — те, кто уже основательно успел «повоевать», — как сами они тогда признавали, «находились на долгом и заслуженном отдыхе»⁶. Но «старых» финских эсэсовцев продолжали держать в полной боевой готовности. Командование их старалось привлекать,

¹ Цит. по: Ibidem; *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43*. S. 192.

² Цит. по: Ibid. S. 577.

³ Ibidem.

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 194.

⁵ *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43*. S. 197.

⁶ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 578.

лишь когда возникала необходимость отбивать атаки советских войск. Тогда они брались за оружие и участвовали в боевых операциях¹.

Естественно, эсэсовцы не забывали и о своих карательных функциях. В условиях достаточно спокойного участка фронта они сразу же стали активно организовывать акты террора в отношении местного гражданского населения. Здесь финны опять столкнулись с партизанами. По наблюдениям, которые оставил один из финских эсэсовцев Я. Хинтика, «в селе [Чикола. — В. Б.] много партизан», поэтому, осознавая для себя определенную опасность, он подчеркнул, что «не знает, какой день будет для тебя последним»². Естественно, в селении Чикола начались казни, там тогда было расстреляно 246 советских военнопленных³. Были организованы расстрелы мирных жителей, а также случайно попавших к ним военнопленных и в других кавказских селах, которые финские эсэсовцы контролировали⁴. В целом характер боевой деятельности принял для них менее опасные и более знакомые очертания.

По мере того как военная инициатива стала переходить к частям Красной армии, батальон все больше втягивался в ожесточенные боевые столкновения. Это стало хорошо заметно уже к началу зимы 1942 г. Тогда финны вынуждены были активно включаться в оборонительные операции германской армии. Причем в результате начавшегося советского наступления в непосредственной близости от позиций финского батальона в окружении оказались румынские части, входившие в состав немецкой армии. Это потребовало энергичного вмешательства эсэсовцев, которые смогли деблокировать эти подразделения, что также было объявлено определенным достижением финнов⁵.

В целом, однако, общее положение германских войск в Кавказских горах стремительно ухудшалось. Как справедливо отмечает немецкий военный историк В. Хаупт, для фюрера «Кавказ стал второстепенным театром военных действий». Это произошло, по обоснованному мнению исследователя, «после того как наметилось окружение 6-й армии

¹ См.: Idid. S. 578–582.

² Цит по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 127.

³ Ibid. S. 132.

⁴ См.: Ibid. S. 241.

⁵ См.: *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 16.

под Сталинградом»¹. 23 ноября на Волге была окружена советскими войсками ударная группировка немецких войск.

Катастрофическое положение на южном участке Восточного фронта требовало отказаться от продолжения наступления на Кавказском направлении. Да и боевые возможности дивизии СС «Викинг» были серьезно подорваны. Численный состав дивизии серьезно сократился: с начала Великой Отечественной войны, несмотря на полученные подкрепления, он уменьшился почти на 3,5 тысячи человек².

Таким образом, финский эсэсовский батальон, так и не прославившись в каких-либо серьезных наступательных операциях, опять вынужден был отступать. «На рубеже нового года здесь, на склонах вечных гор, на переднем плане сияющих на солнце Кавказских Альп, завершались бои финнов. Впереди было отступление. За летним потоком немецких армий теперь последовал зимний северо-западный поток»³. Финским эсэсовцам предстояло сдавать свои позиции и быстро отходить из Кавказа.

¹ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 221.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 595. У многих соседних с ней дивизий вермахта потери были еще больше — около 4000–5000 человек. (См.: Ibidem.)

³ Ibid. S. 589.

Часть V

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ

ГЛАВА I

В ТЕНИ СТАЛИНГРАДА

28 декабря немецкие войска получили приказ начать отступление с Кавказа. Так бесславно для дивизии СС «Викинг» заканчивалась «Кавказская эпопея». Дивизия должна была отходить в направлении реки Дон. И «в ночь на 1 января 1943 года отступление началось...»¹. Причем, как указывает финский эсэсовец Я. Хинтиikka, напоследок, «мы выявили пятерых гражданских шпионов и прикончили их». Также были расстреляны находившиеся там и советские военнопленные. Смакуя это явное преступление, не имеющее, естественно, срока давности, Я. Хинтиikka подчеркнул: «На закате их вывели на холм и расстреляли». Далее он добавил: «Самому младшему было 17 лет, второму 20 лет, остальные старики с бородами. Последним был расстрелян самый младший. Он засыпал остальных землей, а потом настала и его очередь. Это был, конечно, парень с крепкими нервами, так как смерть он встретил с честью»².

¹ Хаунт В. Сражения группы армий «Юг» С. 225.

² Цит. по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 241. Российские исследователи впоследствии сумели выявить имена части жертв финских эсэсовцев. Тогда финнами были расстреляны военнопленные сержант Е. Дурнев и рядовой А. Маличенко. Из местных жителей были казнены Д. И. Габеев, Г. Б. Хортиев, а также братья Хамицаевы (Данел и Сандир) и 17-летний сын Сандира — Владимир Хамицаев. Именно самый младший из казненных вынужден был зарывать тела военнопленных и своих родственников, поразив карателей мужеством перед своей гибелью. См.: Финские СС расстреливали мирных жителей на Кавказе. В Финляндии об этом вспоминать не любят. URL: <https://dzen.ru/a/ZH3wJ6KdXybEbvQo> (дата обращения: 25.11.2024).

Январь 1943 г. — коренной перелом в сознании «победителей»

Действительно, говорить, что у финских эсэсовцев кроме подобных расстрелов на Кавказе были какие-либо реальные военные достижения, в целом не приходится. Более того, начавшийся отход приобрел стремительный, если не сказать панический, характер. «В истории войн, — отметил в своих воспоминаниях один финский эсэсовец, — отступление на запад, подобное отступлению Наполеона, повторилось, хотя на этот раз оно происходило с постоянными затягивающими боями, но в значительной степени в тех же холодах и метелях, которые французам, непривычным к русскому климату, пришлось пережить в 1812 году»¹. Было понятно, что начавшееся отступление превращалось в «гонку со временем», когда буквально «русские дышали в затылок» эсэсовцам². Советские войска уже 1 января 1943 приступили к преследованию отступавших³. Поэтому финским военнослужащим приходилось быстро отходить, одновременно отбивая регулярные атаки авангардных частей Красной армии⁴. В результате уже в первый день отступления в ряде подразделений финского батальона стала подниматься паника. Ее описал эсэсовец П. Вуоленто: «Ситуация стала выглядеть безнадежной, связь постоянно обрывается, люди не понимают, что происходит», и далее он припишет: «Большую часть боеприпасов выбросили»⁵.

Финны признавали, «речь уже шла не об организованно марширующей воинской части, все напоминало движение бродячей группы нищих»⁶. Действительно, им сначала приходилось отступать вообще в пешем строю — и это в суровых условиях начавшейся на Кавказе зимы. В результате каждый стремился как можно лучше утеплиться, поскольку форма не была приспособлена к подобным климатическим условиям. Военнослужащий финского батальона В. Тике весьма кра-

¹ *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 214.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 219–220.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 329.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 597.

⁵ Цит. по: Ibidem.

⁶ Цит. по: Ibid. S. 598.

сочно описал эти хаотичные, панические передвижения: «Людская масса едва ли не бежала через холмы и леса, продираясь сквозь густой подлесок... Солдаты, которые должны были нести ящики с артиллерийскими минами, опустошали их, бросая мины в густые заросли». Затем Тике не без иронии заметил, что в этот момент «эсэсовцы переквалифицировались в горных егерей»¹. Лучше всего настроения среди бойцов батальона отражены в отчете, подготовленном в 10-й роте финского батальона. Там записано: «Во время этого марша любимая наша страна, где мы родились, стала нам, эсэсовцам, еще дороже»².

Финский батальон вместе с остальными частями дивизии уходил, а точнее, бежал с Кавказа, из зоны непосредственных боевых действий. Он всей своей массой двигался на северо-запад через село Аргудан к городу Нальчику. Причем эсэсовцы вскоре стали перемещаться значительно более быстрыми темпами: они активно использовали автотранспорт, двигаясь по дороге в направлении города Баксан. Далее, следуя выбранным маршрутом, 3 января финны добрались до Пятигорска, батальону удалось выйти из зоны боевых действий. Он вместе с другими подразделениями дивизии теперь должен был спешно перемещаться в район наиболее ожесточенных боев на Волге. Дивизии СС «Викинг» ставилась задача быстро подойти к Сталинграду и оказать содействие сражающимся там немецким войскам.

Не задерживаясь, 6 января финские эсэсовцы добрались до города Ворошиловск (Ставрополь). Только там они смогли несколько перевести дух. Город «все еще жил по-старому»: Ворошиловск находился в глубоком тылу и был буквально забит многочисленными германскими штабами. Там можно было как-то «прийти в себя» от столь быстрого отступления и полученных впечатлений. В городе можно было даже посетить кино и «потратить свои совершенно бесполезные деньги»³.

Однако события на фронте развивались столь стремительно, что участие дивизии СС «Викинг» в Сталинградской битве становилось просто бессмысленным. Помочь окруженным частям 6-й немецкой армии она уже не успевала. В результате части дивизии, включая фин-

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 222.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 598.

³ Ibid. S. 600. См. также: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 225.

ский батальон, «застряли в Ворошиловске»¹, а через несколько дней на машинах они вновь двинулись на Запад — в Ростовскую область.

Во время этого маневра финским эсэсовцам, судя по их дневникам, прежде всего запомнился город Сальск. Они обратили особое внимание на сооруженный немцами большой военный аэродром. Этот аэродром активно использовался для оказания помощи окруженным в Сталинграде немецким войскам. Однако финские эсэсовцы на этом аэродроме разглядели лишь большое количество поврежденных немецких самолетов: он «производил угнетающее впечатление, поскольку, несмотря на стоящую здесь суету, в его состоянии было что-то неестественное, что указывало на начало конца...»².

Действительно, ничего хорошего эсэсовцев в будущем не ожидало. Единственное, что было понятно, что «долгий моторизованный марш финского батальона от Терека... был окончен». Подводя итог отступлению, В. Тике лишь заметил, что «это был утомительный марш сквозь стужу и снежные метели»³. Но это не означало, что все проблемы финнов, выскользнувших с Кавказа, на этом заканчивались. Отступая, они «снова оказались в зоне боевых действий»⁴.

Теперь на дивизию СС «Викинг» была возложена новая задача: сдержать возможное наступление советских войск, поскольку командование Красной армии явно готовило мощный прорыв в направлении Азовского моря⁵. Здесь, в междуречье Кубани и Маныча, предполагалось окружить большую часть тех сил немецкой армии, которые летом 1942 г. прорвались в Кавказские горы. Эту угрозу в рейхе не могли не учитывать. Там хорошо понимали, что советское наступление на данном направлении может вывести Красную армию к выходу «на коммуникации всей немецкой группировки на Кавказе»⁶. Поэтому в новой обстановке эсэсовцам предстояло занять оборону в восточ-

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 600.

² Цит. по: Ibid. S. 601.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 225; Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 215.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 603.

⁵ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. М., 1964. С. 80; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. III. С. 329.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 81.

ной части Ростовской области, то есть вновь «пройти и выдержать жесточайший экзамен на стойкость»¹.

12 января подразделения дивизии СС «Викинг» вышли на позиции на реке Маныч примерно в 20 километрах от Сальска. Их главной задачей было не допустить прорыва советских войск, которые к этому времени уже начали наступление в южном направлении. Таким образом, значение дивизии было довольно большим. В условиях складывающейся для немецких войск катастрофической ситуации на Волге, было необходимо срочно успеть вывести войска с Кавказа и не допустить еще одного окружения. В противном случае германская армия могла быть и здесь просто уничтожена.

Финские эсэсовцы, действовавшие в составе «Викинга», пытались по мере сил сдерживать советское наступление. Сам финский батальон опять «находится в качестве резерва», но при этом ему «в любой момент следовало быть готовым к отражению возможной атаки» советских войск². И эта возможность финским эсэсовцам вскоре представилась. 14–15 января состоялся первый крупный и ожесточенный бой. Он разгорелся за хутор Красное Знамя: точнее этот хутор финны должны были удержать. Как вспоминал В. Тике, тогда «борьба шла за каждую хату»³, а передовая линия финской обороны проходила по самому центру селения.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, войска 28-й советской армии Южного фронта продолжали двигаться вперед, а финский батальон с боями отступал. Его потери были колоссальными: к 16 января его численность на фронте составила, по финским данным, всего 287 человек⁴. Теперь они должны были занять позиции в непосредственной близости от Сальска: здесь им была поручена оборона села Екатериновка. С 19 января тут также разгорелись ожесточенные бои с наступающими частями 99-й советской стрелковой бригады. Как указывали очевидцы, в Екатериновке, в отдельных местах, дело доходило до рукопашных схваток, «повсюду рвались ручные гранаты, раз-

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 228.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 603.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 229.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 662.

давались пулеметные и автоматные очереди»¹. Естественно, финны совершенно не заботились о том, что в селе все еще находились мирные жители. Как они сами признавали, «даже густонаселенные дома подвергались лобовым атакам», где активно применялись «ручные гранаты, которые причиняли ужасные разрушения»².

В боях за это село приняла непосредственное участие большая часть финского батальона. Там активно сражались сразу две роты. Потери у них тогда опять оказались критическими. Погиб даже командир одной из рот, участвовавший в бою³, численность рот сократилась до одного боеспособного взвода⁴. Бои за село Екатериновка оказались «самыми кровопролитными... за всю историю отступления батальона с Кавказа...»⁵.

Немецкие войска продолжали откатываться дальше на Запад. В ночь на 22 января все части дивизии СС «Викинг» начали новый общий отход. Такой же спешный, как и раньше. К этому времени советскими войсками уже был освобожден Сальск. Как докладывалось советскому руководству, «в результате 15-дневных ожесточенных боев... нанесены большие потери... дивизии СС “Викинг”»⁶. В любом случае дивизия продолжала быстро отступать, а «русские буквально дышали нам в спину и сразу же занимали села и поселки, которые оставляли германские части»⁷. Пройдя более 100 километров, солдаты финского батальона, как и всех остальных подразделений дивизии «Викинг», смогли, наконец, оторваться от преследовавших их советских войск. Но столь стремительный отход германское командование не устраивал. Там посчитали, что «скорость необходимо было снижать»⁸.

¹ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 236; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 217.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 609.

³ *Ibidem.*

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 237; *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 217.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 608.

⁶ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 82–83.

⁷ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 241.

⁸ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 616.

25 января финнам было приказано прекратить отступление и занять оборонительные позиции. Батальон должен остановиться в районе железнодорожной станции Мечётинская. Здесь эсэсовцы действительно задержались почти на неделю. Фактически они ожидали подхода советских войск и, как сами указывали, смогли «провести на этой позиции несколько мирных дней»¹. Задача финнов в Мечётинской состояла в том, чтобы имеющимися у них силами осуществить прикрытие общего отступления немецкой армии. Более того, финнам были выданы новые скорострельные немецкие пулеметы², которые сразу же в батальоне окрестили «чудесным орудием убийства»³. Новые пулеметы были использованы, но, очевидно, не только для того, чтобы отбивать вскоре начавшиеся атаки советских войск. В Мечётинской были произведены и очередные расстрелы советских военнопленных⁴.

Отступление финского батальона со станции Мечётинская было неминуемым. Оно и состоялось вечером 30 января. При этом «дома поселка были подожжены, и пока все кипело, колонны уходили в темную степь»⁵. Действительно, финские эсэсовцы здесь четко продолжали использовать тактику «выжженной земли»⁶. Причем они оказались примерно в тех же местах, из которых летом 1942 г. начали свое наступление к Кавказским горам. И это на них навевало грустные мысли, которые можно увидеть в письме на родину одного из эсэсовцев. Сравнивая свои чувства полгода назад с нынешними, он написал, что прошлым летом они двигались по этой земле «в сомкнутых рядах, в хорошей форме, с храбрыми настроениями и вооруженные до зубов. Теперь это была уже горстка усталых и замерзших людей, продвигающаяся на Запад, не зная, где и когда закончится гонка с врагом и холодной зимой, и сколько из нас увидят новый день»⁷. Таким обра-

¹ Цит. по: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 245.

² Скорее всего, речь идет о пулемете MG-42. — *Примеч. ред.*

³ Цит. по: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 618.

⁴ См.: *Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuudet 1941–1943*. S. 245.

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 618.

⁶ *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43*. S. 216.

⁷ *Ibid.* S. 619.

зом начало коренного перелома было положено не только на поле общей битвы, но и в сознании вторгшихся в СССР солдат.

Эсэсовская дивизия с боями откатывалась назад к Ростову. В самом начале февраля 1943 г. финский батальон в общем потоке немецкого отступления вновь достиг низовьев Дона¹. Ситуация для германской армии оставалась крайне сложной. Через два дня после капитуляции немецких войск под Сталинградом, 4 февраля 1943 г., командование дивизии СС «Викинг» было вынуждено начать полный отвод всех своих соединений, оставив позиции также и на левом берегу Дона. Причем прикрытие отступления и сдерживание натиска советских войск были доверены именно финскому батальону. Теперь бойцы этого подразделения явно могли гордиться тем, что завоевали доверие германского командования. Их ценили, прежде всего, за то, что они еще могли сражаться «особенно стойко»². Но их «стойкость» не могла повлиять на общую ситуацию грандиозного отступления немецких войск. В результате на Ростовском направлении Германия стала терять не только своих солдат, но и огромное количество боевой техники, вооружения и другого военного имущества³.

Что же касается финских эсэсовцев, то 5 февраля их основная часть уже выстроилась «в очередь на переправу через реку у знаменитой Донской плотины». Эта переправа заняла для нескольких сотен солдат финского батальона не один день. В полном составе на правом берегу Дона они смогли собраться лишь к 7 февраля. Количество немецких войск, стремящихся оказаться на противоположном берегу полноводной реки, было столь значительным, что наблюдавшим за всем этим финнам казалось, что переправа стала «самой большой в мире пробкой», которая тогда образовалась из полумиллиона мужчин и десятка тысяч их автомобилей⁴. Так бежали те, кто еще совсем недавно маршировал на Восток. Коренной перелом в их сознании тогда уже произошел. Хотя пока этих изменений немецкие генералы не замечали⁵.

¹ См.: *Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa*. S. 64.

² *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 18.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 95–96.

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 622.

⁵ *Ibid.* S. 623–625.

Последние бои финских эсэсовцев на Донбассе

Финским эсэсовцами удалось благополучно завершить переправу через Дон до начала общего советского наступления на Ростов. Части советского Южного фронта лишь к 4 февраля подошли вплотную к восточным пригородам города. Собственно, наступление началось 7 февраля, то есть в тот самый день, когда батальон уже полностью оказался на правом берегу реки. Это спасло его от полного разгрома. Однако успешный отход за Дон не ликвидировал перспективу возможного дальнейшего уничтожения. Для эсэсовцев начала формироваться новая угроза. Как докладывалось в Ставку Гитлера, «опасность заключается не только лишь в районе южнее Ростова, но и в том, что противник может прорваться через Ворошиловград [Луганск. — В. Б.] к Азовскому морю». Сообщалось, что «кажется, что вырваться из рук противника и отбиться от него невозможно»¹.

Советское командование все еще рассчитывало провести широкий охват и окружить немецкие войска, действовавшие на Юге России и на Донбассе. Для этого было необходимо провести масштабное наступление с севера, через территорию Донецкого экономического района, в направлении Азовского моря. Иными словами, в Москве начали задумываться о возможности повторить в степях нижнего Дона окружение немецкой группировки подобно тому, что случилось под Сталинградом. К тому же 9 февраля части 28-й армии форсировали Дон южнее Ростова. Ситуация для немецких войск складывалась критическая².

Учитывая нависшую над германской армией опасность полного разгрома, 14 февраля немецким руководством было принято принципиально важное решение: оставить Ростов-на-Дону. Германские войска во второй раз покинули город. Их отход сразу же был обнаружен советской разведкой, и вскоре войска Южного фронта освободили вначале Новочеркасск, а затем и сам Ростов³. Что касается немецкой армии, то она продолжила свой отход на подготовленные ранее оборонительные рубежи, которые проходили по реке Миус. Таким обра-

¹ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. М., 1998. С. 171.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 330.

³ История Второй мировой войны. Т. 6. М., 1976. С. 133.

зом, дивизия СС «Викинг» отступила в те же районы, где после первого освобождения советскими войсками Ростова-на-Дону в конце ноября — начале декабря 1941 г. уже успела повоевать.

Так и финский эсэсовский батальон через год вернулся примерно туда же, откуда в январе 1942 г. он начал свою «ратную историю». С 9 февраля финны вообще продвигались по территории, где находились их «былые позиции». У мирных жителей их возвращение никакого восторга по понятным причинам не вызывало. Эсэсовцы же были вынуждены, к их собственному удивлению, признать, что Германия не смогла как-то «завоевать сердца местного населения»¹. Подобное недоумение, в частности, выразил в своих воспоминаниях В. Тике. Конечно, это выглядело верхом цинизма. Гражданское население хорошо знало повадки эсэсовцев и прекрасно могло отличить эсэсовскую форму от формы солдат вермахта. Им было абсолютно ясно, что «ситуация всегда станет хуже, если вместо солдат вермахта вдруг появятся люди из СС»². Тике это было хорошо известно. Он прекрасно представлял маниакальную ненависть эсэсовцев к гражданскому населению, в котором они всегда видели исключительно партизан. Как, например, откровенно указывали сослуживцы Тике, участвовавшие в этой местности зимой 1943 г. в «охоте на партизан», у них существовал такой порядок: «советские мужчины и подростки, замеченные в деревнях, как правило, приговаривались офицером ваффен СС к смерти, люди вешались независимо от того, были ли они вооружены или были безоружными»³. При такой практике трудно было ожидать восторга у мирных жителей, которые опять увидели у себя в деревнях и поселках финских эсэсовцев.

Части батальона, как и другие подразделения дивизии СС «Викинг», находились в достаточно плачевном состоянии⁴. По мнению исследователя Р. Батлера, военнослужащих вообще «охватила усталость»⁵. После переправы через Дон в течение нескольких дней в ба-

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 267.

² См.: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 631.

³ Цит. по: Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisudet 1941–1943. S. 124.

⁴ См.: Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 275.

⁵ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 87.

тальоне занимались тем, что усиленно приводили в боевой порядок все свои подразделения¹. Также в дивизию прибыло небольшое пополнение. Это были финны, которые получали в Германии дополнительное военное образование². После длительного отступления с Кавказа произошло некоторое восстановление сил. В это время командир дивизии Ф. Штейнер успел даже побывать в Ставке Гитлера в Восточной Пруссии. Он лично доложил фюреру о ситуации в дивизии и получил от него очередную нацистскую награду³. Гитлер собственноручно вручил ему дубовые листья к Рыцарскому кресту Железного креста, которыми он был официально награжден еще 23 декабря 1942 г. Относительно спокойной обстановке на реке Миус благоприятствовало то, что советское наступление здесь было приостановлено. С 17 февраля продолжали идти ожесточенные бои, но они явно перерастали в позиционные действия. Подобный характер боев сохранялся на данном направлении вплоть до лета 1943 г.⁴ Как отмечает профессор М. Йокипи: «Настроение батальона тогда, вероятно, становилось лучше, чем в предыдущие недели. Их удачная переправа через Дон всем ясно показала, что опасности оказаться в ловушке, как в Сталинграде, им удалось уже избежать»⁵.

Однако отдыхать все же было некогда... Дело в том, что над немецкой группировкой с севера продолжала нависать угроза возможного нового окружения. А в эти дни, как отмечают военные историки, на южном фланге Восточного фронта началось «мощное общее наступление Красной Армии». Оно развернулось «после разгрома врага на Волге» и вследствие того, что был разрушен «весь фронт немецко-фашистских войск от Воронежа до предгорий Кавказа»⁶. Отходившие от Сталинграда и с Северного Кавказа немецкие войска «были обес-

¹ См.: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 267; *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 630–631; *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 20.

² *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 630.

³ *Хоффман Т.* Дивизия СС «Викинг». С. 19.

⁴ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 114; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 177.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 631.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 109.

кровлены, резервы отсутствовали»¹. В итоге в руководстве вермахта зафиксировали: «События последних недель характеризуются тем, что русским удалось... отбросить южный фланг германских войск почти до исходных позиций перед летним наступлением»².

В новых условиях для частей советского Юго-Западного фронта была поставлена масштабная задача: через район Старобельска в Ворошиловградской (Луганской) области, освобожденный советскими войсками 23 января 1943 г., развернуть наступление далее на Донбасс в направлении на Славянск. Затем предполагалось развить прорыв и выйти к Азовскому морю в районе Мариуполя, то есть зайти в тыл немецкой группе армий «Дон»³.

29 января войска Юго-Западного фронта начали Ворошиловградскую наступательную операцию, получившую кодовое название «Скачок». Советское командование планировало провести стремительное наступление на Красноармейское (Покровск)⁴, а после его освобождения выйти на линию Селидовка (Селидово) — Курахово — Волноваха и продолжить движение уже непосредственно к побережью Азовского моря.

Красная армия, руководствуясь этим планом, сумела взломать немецкую линию укреплений. Она достаточно быстро начала освобождение важнейших районов Донбасса⁵. Уже 11 февраля было взято Красноармейское, и таким образом был нанесен серьезный удар по немецкой группировке, находившейся на юге. Угроза ее окружения казалась неминуемой. С освобождением Красноармейского также были перерезаны важнейшие транспортные коммуникации немецких войск. Прежде всего, это касалось железнодорожной линии Днепр-петровск — Сталино (Донецк) — Ростов-на-Дону. Как заметил М. Йокиппи, «скорость атаки русских удивила немцев»⁶. Перед германским командованием возникала реальная угроза развала фронта.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 172.

² Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 109.

³ Там же; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 507–508.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 508; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 172–173.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 508.

⁶ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 632.

В этой ситуации к руководству нацистскими войсками на этом направлении был подключен генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн¹. Он видел надвигающуюся угрозу и хорошо понимал, что «противник до или сразу после распутицы мог пробиться до побережья Азовского моря»². К тому же для отхода на запад у немецких войск теперь «оставалась только дорога через Запорожье»³.

Германскому командованию срочно потребовалось найти силы, чтобы не допустить дальнейшего продвижения советских войск. Поэтому дивизию СС «Викинг» было решено снять с оборонительного рубежа на реке Миус, и она получила приказ «немедленно развернуться на запад»⁴. Эсэсовцам нужно было выдвинуться на территорию Донбасса и провести контрнаступление против прорвавшихся в тыл немецкой армии советских войск. Контрнаступление должно было начаться из района Красноармейское — Изюм. 9 февраля, используя все свои последние ресурсы, ваффен СС, как выразился В. Тике, «должны были принять на свои плечи груз и изнурительных маршей, погодных невзгод, и ожесточенных боев»⁵. Так открывалась новая и последняя страница деятельности финских эсэсовцев на территории советской Украины.

Финский батальон (в составе полка СС «Нордланд») начал быстро перемещаться. Изначально он двигался в район Сталино. При чем маршрут его передвижения был достаточно сложным. Миновав Ясиноватую, финские эсэсовцы в ночь на 11 февраля добрались до Горловки, а когда стало известно, что Красноармейское уже взято советскими войсками, то они резко развернулись. Батальон двинулся маршем через Сталино по линии сел Галициновка — Селидовка — Даченское. Финнам предстояло пройти около 70 километров и прибыть в село Даченское, находившееся уже в непосредственной близости от Красноармейского. Именно здесь они должны были включиться в боевые действия. Причем в пути перед эсэсовцами раскрывалась весьма неприглядная для них картина. Они тогда наблю-

¹ См.: Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». С. 258.

² Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 479.

³ Там же. С. 480.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 266.

⁵ Там же.

дали «толпы итальянцев, без всякого строя бредущих на запад...»¹. Становилось понятно, что для германского командования «быстрое достижение Красноармейского имеет решающее значение»².

Контрнаступление эсэсовцев на советские позиции началось фактически с марша, без какой-либо подготовки³. Им была поставлена задача взять, прежде всего, село Новопавловка, которое находилось на окраинах у Красноармейского. Разгорелись ожесточенные бои. С налета выполнить поставленную задачу финнам не удалось, и они были вынуждены откатиться назад. Бои за Новопавловку начали явно затягиваться. Несколько дней село раз за разом «переходило из рук в руки». В этих фанатичных атаках финский батальон стремился строго выполнять отданный А. Гитлером приказ демонстрировать «мужество, выдержку и ответственность»⁴.

17 февраля Гитлер прибыл в зону разгоревшихся боев — в город Запорожье, в штаб группы армий «Юг» — с тем, чтобы попытаться повлиять на складывающуюся на фронте ситуацию⁵. Финские эсэсовцы его приказы в меру своих возможностей стремились выполнять. Они, действуя в авангарде наступающих частей полка СС «Нордланд», «без устали на протяжении нескольких дней и практически без сна»⁶ пытались прорвать советскую оборону в районе села Новопавловка. Причем, как они сами признавали, «соперник по-прежнему владел инициативой», и в результате их быстрых атак бойцы Красной армии «ни в коем случае не начали отступать»⁷.

Штурм финнами Новопавловки становился для них явно «бесмысленным»⁸. Как они вспоминали, их боевые действия выглядели следующим образом: «Мы бегаем, крадемся, прячемся, перекатываемся, ползаем и бросаемся из дома в дом и из укрытия в укрытие»⁹.

¹ Там же. С. 270; См. также: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 634.

² *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 632.

³ См.: Ibid. S. 634.

⁴ Цит. по: *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 270.

⁵ См.: *Маништейн Э.* Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 486—492.

⁶ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia*. S. 637.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Цит. по: Ibidem.

Все это не приносило реального результата. Финны вынуждены были раз за разом откатываться назад. Причем приказы о постоянных отходах под давлением советских войск отдавались лично командиром полка СС «Нордланд» — оберфюрером СС Ф. фон Шольцем. В решениях о временном прекращении атак он, как считалось, видел возможность «спасти войска, поскольку они атаковали уже несколько дней практически без сна и большую часть времени под открытым небом, часами на земле». Действительно, закрепиться в селе финнам никак не удавалось, а им в любом случае нужен был мало-мальски реальный отдых. Как они сами утверждали, «мы действительно умираем от голода и смертельно устали»¹.

В конечном счете 14 февраля 1943 г. эсэсовцы уже в третий раз за четыре дня начали общую атаку. Наконец, им удалось зацепиться в Новопавловке². В результате бесчисленных атак практически ни одной постройки здесь не осталось. Судьба Новопавловки оказалась весьма трагичной. Как сами эсэсовцы признавали, в начале их первых атак на этот населенный пункт «во многих домах еще проживали русские граждане»³. Теперь, естественно, там остались одни руины...

Дивизии СС «Викинг», как считал Э. Манштейн, в какой-то мере «удалось в это время приостановить вражеские танки», но им «не удалось быстро уничтожить противника»⁴. Фанатичные усилия, с которыми в то время финский батальон, как и все остальные части дивизии СС «Викинг», стремился добиться перелома, не могли не отразиться на общем его состоянии. Непрерывные атаки вели к росту боевых потерь во всех подразделениях эсэсовской дивизии. В ротах, как отмечает В. Тике, «насчитывалось в среднем до 40 человек личного состава». Далее он уточняет: «Подразделения были измотаны непрерывными боевыми действиями»⁵. В этих боях гибли, конечно же, не только рядовые. Например, был смертельно ранен (и 28 февраля скончался в госпитале) исполняющий обязанности командира полка СС «Вестланд»

¹ Цит. по: Ibidem.

² См.: Ibid. S. 639–640.

³ Ibid. S. 637.

⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 481.

⁵ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 275.

штурмбанфюрер СС Эрнст Рейхель¹. Свой пост он получил только накануне — 12 февраля 1943 г. В дивизии явно «ощущался большой недостаток в командирах»². Как заметил Э. Манштейн, говоря о дивизии СС «Викинг», «потери были настолько велики, что не хватало офицеров с соответствующим знанием языка». Генерал-фельдмаршал имел в виду немецкий язык, который, естественно, был необходим для общего руководства боевыми действиями. Все, что происходило под Красноармейским, показывало, по его мнению, что «боеспособность этого хорошего соединения была невысокой»³. К тому же выходила из строя военная техника, что, естественно, также отражалось на падении ударной силы дивизии. Как отмечал Р. Батлер, эсэсовские полки просто «были не в состоянии быстро продвигаться» вперед⁴. Более того, становилось ясно, что несмотря ни на что «русские все еще сохранили свою боеспособность»⁵. Немецкое контрнаступление на этом направлении было приостановлено, и «в течение 16–17 февраля на фронте у Красноармейского царил тишина»⁶. За неделю суровых боев, в которых приняли участие соединения дивизии СС «Викинг», стало очевидно, что ее возможности оказались «явно недостаточными для того, чтобы выполнить то, что от нее хотели»⁷. Тем временем общая ситуация на фронте достигла «высшего напряжения»⁸.

Чтобы как-то «спасти положение», германскому командованию требовалось привлечь дополнительные силы. Решение о переброске на этот участок фронта свежих войск было принято в штабе Э. фон Манштейна в присутствии А. Гитлера. Фюрер тогда оказался в эпицентре принятия решений и «более ясно понял опасность обстановки на южном фланге»⁹. На совещании, проходившем в течение трех дней — с 17 по 19 февраля — пришли к общему мнению о необходимости использования всех имеющихся резервов для организации сроч-

¹ Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 22.

² Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 481.

³ Там же.

⁴ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 93.

⁵ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 276.

⁶ Там же.

⁷ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 634.

⁸ Манштейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. С. 484.

⁹ Там же. С. 490.

ного контрнаступления¹. Нужно было, как считают некоторые исследователи, «смыть “пятно Сталинграда” с мундира гитлеровской армии и взять реванш»². Что же касается контрнаступления у Красноармейска, то на данное направление стали стягивать новые части³. Началась подготовка к очередному прорыву. А. Гитлер обратился к войскам: «Исход сражения мирового значения зависит от вас. Нынешняя и будущая судьба германского народа решается за тысячи километров от границ империи. Основная тяжесть войны ложится на ваши плечи»⁴.

Общий штурм города начался 18 февраля. В нем принимало участие до трех немецких дивизий. Имея подавляющее преимущество над оборонявшимися Красноармейское советскими войсками⁵, им удалось взять город. Бои за него продолжались несколько дней, и он был полностью захвачен только спустя три дня непрерывного штурма⁶. Лишь 24 февраля 1943 г. Германия смогла добиться восстановления железнодорожного сообщения с южной группировкой своих войск через Красноармейское. Характерно, что данный успех эсэсовцы по традиции отметили еще и тем, что расстреляли тех немногочисленных советских военнопленных, в основном раненных, которые были захвачены в ходе штурма⁷.

Однако, зверствовать в Красноармейском эсэсовцам времени уже не оставалось. Дивизия СС «Викинг», в составе немецкой группировки войск, двинулась дальше на северо-запад, к излучине реки Северский Донец, к Изюму⁸. Показательно, что финских эсэсовцев вновь не стремились направлять на передовые позиции. Как торжественно отметил исследователь М. Йокипии, боевые действия под Красноармей-

¹ Там же. С. 487–490; История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941–1945. Т. 3. С. 115.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 115.

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 642; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 509.

⁴ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 179.

⁵ Там же. С. 180; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 510.

⁶ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 3. С. 116.

⁷ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 282.

⁸ Там же. С. 287.

ским показали лишь только одно: «клинок сокращающегося в численном составе финского батальона был еще не сломлен». Но боевые возможности данного соединения явно были недостаточны для того, чтобы «вести новые наступательные действия»¹. Его привлекали только к организации прикрытия тыловых позиций дивизии. Финские эсэсовцы дислоцировались в занятых немецкими войсками населенных пунктах, занимаясь исключительно обеспечением охраны². Это указывало на то, что немецкое командование продолжало стремиться сохранить финский батальон и не допустить его физического уничтожения³.

В целом, контрнаступление частей германской армии развивалось достаточно быстро. К вечеру 28 февраля они вышли к реке Северский Донец западнее Изюма, а к 3 марта линия фронта стабилизировалась на рубеже городов Змиев — Изюм — Красный Лиман⁴. Для подразделений дивизии СС «Викинг», находившихся в южном секторе Восточного фронта, после жарких боев зимы 1943 г. наступило кратковременное затишье. Что касается финского батальона, то он расположился в 10 километрах к юго-западу от окраины Изюма, в районе села Красный Шахтер (Спеваковка) и сразу же начал окапываться⁵. Никаких активных боевых действий на этом направлении эсэсовцы не вели, как и спустя 10 дней, когда батальон перекинули поближе к Изюму, в район деревни Семеновка. Там они также занимались строительством полевых укреплений, ожидая атак советских войск.

Тем не менее окружить немецкие части на Донбассе и в Приазовье зимой 1943 г. советским войскам так и не удалось. Германское командование посчитало это крупным успехом. Оставалось, как отмечает профессор М. Йокипии, лишь гордиться, что рейху «на Украине с огромными усилиями снова удалось достигнуть линии фронта прошлой зимы»⁶. Тем не менее было ясно, что в ходе войны начался коренной перелом, и все происходившие тогда события для немецких войск проходили в тени Сталинградской битвы.

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 732.*

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 283, 286–287.

³ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 648.*

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. III. С. 513; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 2. С. 183.

⁵ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 653.*

⁶ *Ibid. S. 661.*

ГЛАВА II

ЛИКВИДАЦИЯ ФИНСКИХ ЭСЭСОВСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

Напряженные, непрерывные бои, которые вела дивизия СС «Викинг», начиная с лета 1942 г., изрядно измотали ее соединения. Как заметил исследователь Н. Уорвал, «стало совершенно очевидно, что в их тогдашнем состоянии они абсолютно непригодны для боевого использования на русском театре военных действий»¹. Временная приостановка активной фазы боевых действий на Донбассе позволила германскому командованию подвести определенные итоги деятельности дивизии СС «Викинг».

Долгая дорога с Восточного фронта

Подразделения эсэсовцев в меру своих возможностей справлялись с поставленными перед ними задачами. Но это стоило колоссальных жертв. Как заметил Т. Хоффман: «Потери были огромны»². Все это требовало от германского командования принятия решения о ее срочном доукомплектовании, а также отвода с передовой, с тем чтобы ее личный состав получил возможность отдохнуть и оправиться от непрерывных боев. 16 марта такой приказ поступил в штаб дивизии, и она была отведена с линии фронта³.

Что касается пополнения подразделений, то еще задолго до принятия решения о снятии дивизии с фронта, эсэсовское руководство начало продумывать вопрос о возможности развертывания нового

¹ Уорвал Н. Войска СС: история и факты. С. 190.

² Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 22.

³ Там же.

широкого набора финских добровольцев в ряды ваффен СС. В рейхе решили реанимировать прежний проект формирования на базе финского батальона СС полнокровного полка. Еще весной 1941 г. нацисты задумывались о формировании в Финляндии полка СС, который условно должен был именоваться «Суоми». Теперь же к этой идее вернулись. В ноябре 1942 г. в рейхе принялись обсуждать перспективу очередного набора до 600 финских добровольцев, которые могли бы быть переправлены в Германию к январю 1943 г.¹

К данной инициативе в финском военном руководстве, в условиях провала летнего наступления вермахта на Восточном фронте, отнеслись скептически². Тем не менее в Берлине мысли о необходимости нового набора финнов в СС не оставили. Более того, в рейхе начала меняться концепция строительства ваффен СС. В их состав стали активно набирать в качестве добровольцев военнослужащих неарийского происхождения. Это было во многом вызвано колоссальными потерями, которые несли эсэсовские части, и исчерпанием немецкого мобилизационного ресурса. В результате, в конце 1942 г. А. Гитлер разрешил увеличить количество иностранных легионеров в подразделениях дивизии СС «Викинг», создавая из них даже отдельные национальные формирования³.

Финских добровольцев, естественно, тоже учитывали. Поэтому в начале 1943 г. сочли «желательным не только сохранить финский батальон, а еще его расширить до немецко-финского полка, который должен был уже именоваться “Калевала”»⁴. Приняв такое решение, 11 марта 1943 г. СС начали официальные переговоры с финляндским руководством. Но ответ из Хельсинки оказался отрицательным. По дипломатической линии в рейх ушло сообщение, из которого было понятно, что в Финляндии не допустят нового набора эсэсовских добровольцев, объяснив негативное отношение к новому германскому предложению сохраняющейся в стране «всеобщей мобилизацией и, следовательно, нехваткой рабочей силы» для финской экономики⁵.

¹ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 686.

² *Ibid.* S. 689; *Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat.* Os. 2. S. 203–204.

³ *Уорвал Н.* Войска СС: история и факты. С. 191.

⁴ *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 690.

⁵ *Ibid.* S. 692.

Таким образом, отношение к идее нового набора в состав эсэсовских войск финских добровольцев у руководства Финляндии изменилось буквально за считанные месяцы. До этого, еще летом 1942 г., в Хельсинки в целом не возражали против дополнительного комплектования финнами частей СС. Но поражение германской армии на фронте сразу же делало проблематичным дальнейшее сотрудничество с нацистами и участие финнов в эсэсовском движении. Более того, финское руководство не могло забыть, что «обещание, данное Гитлером в момент его визита в Финляндию в 1942 г. о захвате Ленинграда, не выполнено»¹. Когда в январе 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана, в Финляндии начали задумываться о целесообразности вообще сохранения дальнейших тесных связей с рейхом.

Разгром же немецких войск под Сталинградом оказал на руководящие круги Финляндии «воздействие, подобное шоку»². 3 февраля 1943 г., на следующий день после окончания сражения, в Ставку К. Г. Маннергейма срочно прибыло все высшее руководство страны. Иными словами, немедленно решили провести совещание, «чтобы, — как указал в своих мемуарах маршал, — узнать мое мнение о международной ситуации»³. Мнение Маннергейма оказывалось определяющим: он продолжал всемерно влиять не только на военные вопросы, но и вопросы «большой государственной политики». Безусловно, маршалу вместе с остальными участниками этого совещания следовало «внимательно оценить свою позицию и подумать о будущем»⁴. Чтобы сложившаяся обстановка была предельно понятна, на совещание был также приглашен начальник разведки Ставки Маннергейма полковник А. Паасонен. Он без всяких условностей четко заявил: теперь уже ясно, что «разгром Германии является очевидностью, и за ним должно было последовать поражение Финляндии». Далее он подчеркнул, что «в данный момент нужно решить трудную задачу выхода из войны»⁵. Итог совещания подвел Маннергейм. «Мы решили, — как он записал в своих воспоминаниях, — что большая война окончательно достигла

¹ Ibid. S. 694.

² *Rusi A. Lehdistöensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta sodankäynnin välineenä 1941–1944.* Hels., 1982. S. 253.

³ *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II.* S. 415.

⁴ *Tanner V. Suomen tie rauhaan 1943–1944.* Hels., 1952. S. 12.

⁵ *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä.* Hels., 1974. S. 135.

своего поворотного пункта, и для Финляндии это означало необходимость поиска путей выхода из нее»¹. Он также заявил, что теперь «продолжать войну заставляет лишь существующая необходимость»².

Однако такая констатация еще ничего не меняла. Выводы, к которым пришли на совещании, не означали отход Финляндии от своей достаточно агрессивной позиции. В узком кругу финского руководства решили, что выход из войны надо искать, но в любом случае «во взаимоотношении с Германией», которая, как предполагалось, проявит «лояльность» при определении Финляндией «безопасного пути» решения данного вопроса³.

В этом направлении и начались поиски дальнейших решений, которые обеспечили бы стабильность положения, но позволили бы прощупать возможность выхода из войны и удержания власти, сохраняя прежнюю политическую линию. В этой ситуации финский батальон СС создавал для Хельсинки излишние проблемы. К чему при этом следовало стремиться: «избегать конфликтов с немцами, и поэтому учитывать возможные частичные им уступки»⁴.

Пока разворачивалась эта достаточно сложная дипломатическая игра, остатки финского батальона СС оставались на фронте. По немецким данным, его численность резко сократилась: боеспособных и находившихся тогда в строю солдат было всего 350 человек⁵. Долго в таком составе воевать он просто был не в состоянии. В конечном счете его сняли с передовой и отвели с фронта в составе также изрядно потрепанного полка СС «Нордланд». Было очевидно, что данное подразделение нужно отправить в глубокий тыл, поскольку требовалось серьезное его переформирование и пополнение. Как отметил В. Тике, «в начале апреля 1943 г. стало точно известно, что финский батальон будет выведен из состава 5-й моторизованной дивизии СС “Викинг” и вывезен в Германию»⁶. Он должен был быть отправлен в тихую

¹ *Mannerheim G.* Muistelmät. Osa II. S. 415.

² Цит. по: *Lehmus K.* Tuntematton Mannerheim. S. 136.

³ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–1944. S. 16; *Polvinen P.* Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin. Porvoo; Hels.; Juva, 1979. S. 203.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 696.

⁵ *Ibid.* S. 690.

⁶ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 289.

и пока еще мирную юго-восточную часть рейха, в Баварию, в район города Рупольдинг¹. Решение по этому вопросу было принято 10 апреля 1943 г.², и финны получили приказ передать позиции на передовой эстонскому эсэсовскому батальону «Нарва»³.

Действительно, финны просто были не в состоянии удерживать линию фронта. Потери личного состава были гигантскими и составили 255 убитыми и 401 ранеными⁴. Эти цифры означали, что чуть ли не половина прибывших когда-то в Германию из Финляндии добровольцев были либо убита, либо получила серьезные ранения. Как заметил профессор М. Йокипии, общее количество раненых в батальоне свидетельствовало также о том, что «большинству личного состава батальона требовалась в результате ранений или болезней медицинская помощь, что в среднем составляло половину бойцов, которые, по крайней мере, один раз в год вынуждены были обращаться за медицинским лечением»⁵. Любопытно, что финский военный историк К. Ю. Микола сравнивает потери батальона по своим масштабам (в процентном соотношении) с потерями 2-й финской пехотной дивизии, которой пришлось принять на себя наиболее сильный удар Красной армии во время ее наступления в июне 1944 г. на Карельском перешейке⁶.

Неслучайно, когда финны узнали о том, что их отводят с линии фронта, то среди них «уже царило нескрываемое ожидание перемен». Для них заканчивались «16 месяцев лишений и ожесточенных боев при палящей жаре и ледяной стуже», месяцы, «изматывающего пути»⁷, который они прошли ради идеалов «великой Германии» и «великой Финляндии». К тому же в Хельсинки не забыли за все это эсэсовцев

¹ Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС С. 468.

² Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa. S. 65.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 290.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 673, 670. Цифры погибших и раненых в ходе боевых действий, которые приводятся в исследовании М. Йокипии, однако, не учитывают немецких эсэсовцев, которые тоже воевали в составе этого батальона. В результате, по данным финского военного историка Микола, общие потери тогда составили — 270 убитыми, и 700 человек было ранено (см.: Mikola K. J. Poliitikkaa pataljoonan voimin. S. 335).

⁵ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 670.

⁶ Mikola K. J. Poliitikkaa pataljoonan voimin. S. 335.

⁷ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 291.

отблагодарить: им опять начали обильно вручать финские медали «За отвагу»¹. 29 апреля финские эсэсовцы, как служившие в батальоне, так и проходившие службу в других подразделениях дивизии СС «Викинг», наконец, «на перроне железнодорожной станции Старые Близнюки [Близнецы. — В. Б.] сели в транспортный состав и направились в Германию»². Их война на немецком Восточном фронте заканчивалась.

Более того, отъезд в Германию для тех оставшихся в живых финских эсэсовцев был спасением. К лету 1943 г. у них уже заканчивался контракт, по которому они несли службу. Этот контракт подписывался поступающими в эсэсовские части добровольцами еще в 1941 г. и действовал два года, поскольку накануне нападения на Советский Союз в Германии твердо рассчитывали на быструю победу. Теперь же наступало время, когда для контрактников возникала перспектива выбора: либо продлить соглашение, либо отправляться на родину.

Нужно отметить, что у многих из тех, кто служил вместе с финнами в войсках СС, возникла откровенная «мечта» о возвращении на родину. Эти «демобилизационные настроения» вообще стали нарастать среди военнослужащих дивизии, особенно у скандинавов. Некоторые эсэсовцы из Дании и Норвегии, например, даже пытались нелегально покинуть дивизию. Обычно, как было замечено, «они заявляли, что больны, а потом, пользуясь положенным отпуском, старались проскочить границы и сбежать домой, не собираясь возвращаться для дальнейшей службы»³.

Что же касается финнов, то на стороне тех, кто решил завершить свое пребывание в немецких войсках, оказалось само финское государство. Дело в том, что после Сталинграда в Хельсинки стали все больше и больше склоняться к мысли, что настал момент, когда нужно добиваться полного возвращения своих легионеров из Германии. Для финского руководства «батальон становился обузой, от которой нужно было как-то избавиться»⁴. В правительстве страны пришли к заключению, что и для самой финской армии тоже настало время завершить боевые действия. Показательным симптомом подобной

¹ Там же.

² Там же. С. 291–292.

³ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 100.

⁴ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 730.

линии в политике Финляндии стала демонстрация ее военного руководства в отношении финнов, служащих в вермахте. Тогда Маннергейм прямо обратился к командующему 20-й немецкой горнострелковой армии, дислоцированной на севере Финляндии, с просьбой вернуть ему в подчинение часть финских войск, которые до этого находились под немецким руководством¹.

Решив искать пути выхода из войны, финское правительство не могло игнорировать еще и тот факт, что порядка «1000 финнов служат в вооруженных силах, считающихся нацистскими войсками»². Поэтому следующим шагом Хельсинки явилось решение о том, что молодежи, вступившей в батальон СС, уже не дается «освобождение от службы в финской армии»³. Таким образом, как заметил М. Йокипии, «финский батальон добровольцев, мыслившийся как определенный символ этой войны, стал излишним»⁴.

Подобный подход в отношении эсэсовцев был выработан внешнеполитической комиссией правительства. В руководстве решили, что финнам «не следует разрешать продолжение службы в рядах иностранной армии, и одобрили положение о запрещении впредь вербовки в Финляндии новых эсэсовцев»⁵. Это изменение в политике руководства страны было связано с крушением перспектив образования как «великой Германии», так и «великой Финляндии». В Хельсинки посчитали, что общая дорога с нацистами может привести только к катастрофе, и в этих условиях страна лишь «компрометирует себя тем, что финны служат в национал-социалистических формированиях»⁶.

Таким образом, к моменту вывода финского батальона с фронта в апреле 1943 г., в узком кругу финского руководства вопрос относительно него был окончательно решен. Договорились, что К. Г. Маннергейм вручит нацистам соответствующее представление⁷. Для большинства финских добровольцев наступали последние месяцы службы в СС.

¹ *Jokisipilä M.* Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimus vaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004. S. 62.

² *Stein G. H., Krosby H. P.* Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. S. 448.

³ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Hels., 1970. S. 232.

⁴ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 709.

⁵ *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 232.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

Официальный роспуск финских частей СС

Во время пребывания финского батальона на отдыхе в Германии, рейх, сохраняя свои хорошие отношения с Финляндией, не мог препятствовать финским военнослужащим использовать возможность для поездки на каникулы на родину. К тому же в Берлине продолжали надеяться, что финские эсэсовцы вскоре вернутся в свою «родную» дивизию. Об этой надежде тогда в Германии говорило буквально все.

Прибывших 11 мая 1943 г. в Рупольдинг финских эсэсовцев немецкие власти принимали подчеркнуто тепло. Батальон был прямо-таки «сердечно встречен на перроне местными жителями, а бургомистр произнес приветственную речь»¹. Эсэсовцев разместили не в казармах: они стали проживать «на квартирах местных жителей, с которыми, — как заметил В. Тике, — вскоре их соединила сердечная дружба»². Об их пребывании в Рупольдинге немецкая пресса поместила большое количество хвалебных материалов. У финских эсэсовцев брали множество интервью, где всячески подчеркивалось германо-финское «боевое братство». О финском батальоне был даже снят фильм³.

Дружеские чувства немцев также проявились в том, что 23 мая для финских эсэсовцев был организован грандиозный банкет, вечер отдыха, в котором участвовали «всемирно известные мастера искусств»⁴. Там также оказался и прибывший в Баварию первый командир дивизии группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС Феликс Штейнер. Он выступил с пышной речью, где нашел теплые слова благодарности за проявленную финнами на фронте храбрость. В целом это мероприятие оказалось кульминацией всех тех торжеств, которые были связаны с проживанием финских эсэсовцев на курорте в Рупольдинге. 27 мая они, скрепя братство по оружию, парадным строем промаршировали по улицам, «где собрались едва ли не все жители» города. Фактически это явилось прощальным жестом проявления дружеских чувств. На следующий день финские эсэсовцы покинули

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 292; См. также: *Parvilahti U. Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941—43. S. 257.*

² Тике В. Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 293.

гостеприимный город, отправились на поезде через Мюнхен, на север, к Балтийскому побережью¹. Так, с весьма приятными воспоминаниями, вполне организованно, остатки эсэсовского батальона прибыли из Рупольдинга, через оккупированную немцами Центральную Европу, в Прибалтику. Здесь из Таллинского порта по Финскому заливу на корабле 1 июня их доставили в гавань города Ханко. В результате возвращались финские эсэсовцы не по прямому маршруту Таллин — Хельсинки и приплыли не в столицу страны, а на юго-западную оконечность Финляндии. Причем на родине им стало ясно, что «намерения финского правительства состояли в том, чтобы по возможности без всякой огласки принять вернувшийся в страну батальон»².

Это было заметно еще и по тому, что уже в первом финском городе, куда они попали, эсэсовцев поджидали не совсем приятные сюрпризы. В порту Ханко их не встречали с почестями. Причал, к которому пришвартовался их транспортный корабль, к удивлению бойцов батальона, был практически пуст. «Героев Восточного фронта» официально приветствовали только два или три офицера и четыре полицейских³, после чего «батальон пешим маршем двинулся в казарму»⁴. И все! Это, конечно, было далеко не то, на что рассчитывали финские эсэсовцы.

Не все из прибывших в Финляндию вообще осознавали, что на этом их немецкая служба закончилась. Некоторые полагали, что «после отдыха, и доукомплектования они опять будут обратно направлены на немецкий фронт»⁵. Тем не менее, когда 2 июня в Ханко эсэсовцы все же смогли продемонстрировать свою немецкую выучку и промаршировали на одной из спортивных площадок города перед публикой, состоявшей всего из 100 зрителей⁶, а также командующим силами Шюцкора генералом Л. Малмбергом и прилетевшим на это

¹ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 670.

² *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 293.

³ *Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja.* Hels., 2001. S. 374.

⁴ *Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 293.

⁵ *Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja.* S. 373.

⁶ См.: *Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia.* S. 705.

мероприятие из Германии все тем же Ф. Штейнером, то им сразу же приказали сдать немецкое оружие. Это, как свидетельствует В. Тике, «привело в раздражение многих добровольцев»¹. Также разочарованием стало и то, что уже на первом торжественном параде присутствовала «лишь горстка зрителей, которая, в свою очередь, обескураживала настроениями полного безразличия к происходящим событиям»².

После парада финских эсэсовцев сразу же посадили в поезд и отправили в Центральную Финляндию, в город Тампере. Именно он в годы гражданской войны считался главным центром «красных финнов», и именно в нем должно было состояться торжественное закрытие финальной страницы истории, связанной с финским батальоном СС. 3 июня 1943 г. в Тампере прошел главный и последний его парад. Вышколенные финские солдаты дивизии СС на этом церемониале пытались полностью соблюдать все принятые у нацистов особые ритуальные жесты и характерные для фашистов приветствия, которые, естественно, звучали на немецком языке. Однако и на этом торжественном мероприятии, проходившем на городском стадионе в присутствии родственников финских эсэсовцев, полностью отсутствовало все высшее финское руководство. Этот парад постарались превратить просто «в семейный праздник»³. Официально эсэсовцев опять приветствовал Л. Малмберг, которому Ф. Штейнер, который тоже там был, официально передал командование этим батальоном. После этого эсэсовцы получили разрешение разъехаться «на четыре недели — до 2 июля — в отпуск по местам своего проживания»⁴. Показательно, что финской прессе было запрещено «ссылаться на речи», произнесенные на эсэсовском параде, а также «не разрешалось публиковать интервью, взятые тогда у эсэсовцев»⁵.

Так в июле 1943 г. финское руководство решило незаметно закрыть эту мрачную страницу истории, связанную с существованием финского эсэсовского движения. Министр иностранных дел Финляндии

¹ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 294.

² *Hartikainen P.* Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja. S. 374.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 731.

⁴ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 294.

⁵ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 708.

вообще заявил в парламенте, что «батальон СС — это наследие прошлого, когда преобладали совершенно другие политические условия»¹. Действительно, эсэсовцы стали считаться неким «феноменом прошлого»², и о них нужно было теперь побыстрее забыть!

Тем не менее совсем тихо с финским эсэсовским движением тогда проститься все же не получилось. Как заметил В. Тике, «весть о прибытии добровольцев в Финляндию распространялась по стране как пожар в степи»³. Их появление отнюдь не воспринималось в финском обществе как возвращение «героев». Со стороны гражданского населения финские СС уже тогда столкнулись с негативным к себе отношением. Как они замечали, их не воспринимали как «героев Восточного фронта». Наоборот, теперь в них видели «предателей своей страны», «беглецов», «полицейских подмастерьев», «международных перевертышей», «говорящих по-фински немцев» и, наконец, даже «нацистских бандитов»⁴.

Действительно, за то время, пока финские эсэсовцы находились на Украине и Юге России, в Финляндии многое изменилось. Отношение к нацистской Германии стало достаточно критичным, начали нарастать антивоенные настроения. Причем практически во всех политических партиях страны появились сторонники окончания войны и достижения мира. Как раз когда эсэсовский батальон прибыл на родину, в Финляндии из легальных политических сил сформировалась «мирная оппозиция», выступающая за оказание решительного давления на руководство страны с целью добиться реального достижения Финляндией мира⁵.

Это означало начало в Финляндии «периода внутреннего политического перелома»⁶. Причем в «мирной оппозиции» весьма важную

¹ Цит. по: Ibid. S. 709.

² Ibid. S. 731.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941—1943. С. 294.

⁴ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 685; Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941—43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. S. 48.

⁵ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 221—227; Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943—1944 гг. // Скандинавский сборник XXIX. Таллин, 1985. С. 58—67.

⁶ Voionmaa V. Kuriiripostia 1941—1946. S. 229.

роль играли такие известные финские государственные и политические деятели как Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконен. Паасикиви в 1920 г. вел мирные переговоры с Советской Россией, а затем в 1939 г. переговоры со Сталиным, был послом в Москве в 1940–1941 гг., осенью 1944 г. станет премьер-министром Финляндии, а позже и президентом страны. Весной 1943 г. он считал, что в складывающейся на фронте ситуации, «начинается тот период, когда мы будем вынуждены сами выяснять наши отношения с Кремлем»¹. Эту мысль чуть позже развил и будущий президент Финляндии (1956–1981) У. К. Кекконен. В сентябре 1943 г. он в памятной записке, адресованной президенту Финляндии Р. Рюти, указал, что мира можно достичь только при условии, если «от имени правительства Финляндии официально предложить Советскому Союзу начать переговоры о мире»². Оценивая политическую ситуацию в стране, член «внутреннего круга» финского руководства В. Таннер пришел к заключению, что радикально настроенная часть «мирной оппозиции» полагает, что «осуществления смены правительства уже недостаточно, поскольку теперь необходимо менять сам образ мыслей у многих из тех, кто представлял правительство»³.

Постепенно главной для определенной части «мирной оппозиции» становилась идея, которую сформулировал У. К. Кекконен. 7 декабря 1943 г. в Стокгольме в своем выступлении в здании шведского Риксдага он заявил, что «не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы»⁴.

Таким образом, даже само существование финских формирований СС становилось политически нецелесообразным. Тем не менее формально финский эсэсовский батальон не мог быть сразу распущен. Его военнотружашие официально были переведены из Германии в Финляндию лишь для поправки «пошатнувшегося здоровья», а также для полагающегося всем эсэсовцам отпуска⁵. Л. Малмберг только

¹ Паасикиви Ю. К. Дневники. Война-продолжение (11 марта 1941 — 27 июня 1944). СПб., 2004. С. 250.

² Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. М., 1979. С. 12.

³ Tanner V. Suomen tie rauhaan. 1943–44. Helsingi, 1952. S. 277.

⁴ Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. С. 16.

⁵ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005. С. 194.

временно должен был заботиться о батальоне. В Берлине продолжали рассчитывать, что батальон вернется на Восточный фронт, а в Финляндии будет даже продолжен набор в подразделения СС, и потери батальона будут «компенсированы новой вербовкой добровольцев»¹. Но в финском руководстве уже приняли окончательное решение: никого из батальона возвращать в рейх не собирались. Хранить это в тайне в Хельсинки не планировали. Так, о принятом в отношении эсэсовского батальона вердикте откровенно сообщили и зарубежным дипломатам. Тогда были поставлены в известность даже американские представители, которые в 1943 г. все еще работали в Финляндии². Что же касается официальной информации, то маршал Маннергейм эту миссию взял на себя. В своей Ставке в Миккели он 27 июня встретился с представителем немецкого командования генералом В. Эрфуртом и сообщил, что для продолжения ведения войны «в Финляндии существует потребность в своих собственных сыновьях» и что у финских добровольцев нет «обязательства продолжать службу» в Германии³. При этом особо подчеркивалось, что он знает, что финский батальон на Юге России и Украине «сражался достойно и тем самым имеет признание со стороны высшего руководства» Третьего рейха⁴.

В новых условиях заявлению маршала было трудно что-либо противопоставить, и рейх не мог заблокировать данное решение. В Берлине оставалось лишь негодовать и квалифицировать Финляндию, по заявлению Гиммлера, как «шатающуюся» или вообще «вшивую» страну⁵. Единственное, на что в рейхе могли еще надеяться — это согласие финского руководства, чтобы «после отдыха желающие из бывшего батальона... смогли получить разрешение опять стать добровольцами» для продолжения службы в СС⁶. Но и это не имело никаких перспектив. В Финляндии общественные настроения были уже далеко не в пользу возвращения эсэсовцев обратно в рейх. Это особенно отчет-

¹ Jonas M. Kolmannen valtakunnan lahettiläs. Wilpert von Blücher ja Suomi. Juva, 2010. S. 190.

² См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 280–283.

³ Lehmus K. Kolme kriisiä. S. 47.

⁴ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. S. 710.

⁵ Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? S. 787; «Käymme omaa erillistä soitaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. S. 255.

⁶ Lehmus K. Kolme kriisiä. S. 47; Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 194.

ливо проявилось в дискуссии, которая возникла 30 июня 1943 г. на заседании комиссии парламента по иностранным делам. Тогда, учитывая сложившуюся ситуацию, присутствовавший там премьер-министр страны Э. Линкомиес прямо заявил, что «лучше было бы оставить эсэсовцев дома»¹. Разделял эти взгляды и К. Г. Маннергейм. Он в своих воспоминаниях заметил: «Хорошо, что бойцы батальона на момент его расформирования оказались в отпуске в Финляндии... Я понял, что наступил подходящий момент: следует запретить бойцам возобновлять контракты»².

Положение финского батальона СС после этого становилось противоречивым. Приказ о его расформировании эсэсовское руководство не отдавало, и военнослужащие этого батальона формально продолжали числиться в рядах дивизии СС «Викинг», и носить немецкую форму. Но в Финляндии их уже никто не рассматривал как представителей рейха. Причины такого отношения в родной стране им было трудно понять. Это демонстративное безразличие «не было объяснено даже офицерам, не говоря уже о рядовых». Притом эсэсовцы хорошо понимали и продолжали справедливо считать, что «война вместе с Германией еще вовсе не закончилась»³. Столь неопределенный статус, естественно, вызывал у личного состава батальона нервозность. Начала резко падать дисциплина. Причем то, как их встречали на родине, возможно, стало для них самым большим разочарованием за всю их службу в СС⁴. Поэтому военнослужащие батальона сразу же начали доставлять местным жителям довольно много хлопот, особенно после их возвращения в распоряжение части, которая официально продолжала находиться в Ханко. Здесь финские эсэсовцы стали откровенно нарушать общественный порядок, среди них открыто начало процветать пьянство⁵.

Стремясь ликвидировать столь двусмысленное положение, финское командование приняло решение срочно создать специальную комиссию, которая с 8 июля 1943 г. приступила к изменению статуса размещившегося в Ханко эсэсовского формирования. Оно должно

¹ *Voionmaa V.* Kuriiripostia 1941–1946. S. 243.

² *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 445.

³ *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 732.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Ibid.* S. 717–718.

было войти в состав финской армии. В частности, эсэсовцам стали выдавать финскую военную форму, а немецкую амуницию и боевое снаряжение отобрали¹. Внешне эсэсовский батальон прекратил свое существование. 10 июля состоялось «последнее построение». На нем командир эсэсовцев оберштурмбанфюрер СС Г. Коллани обошел каждого из своих прежних сослуживцев и «на прощание пожал руку всем финским солдатам»². «Братство по оружию», как заметил В. Тике, ... «внешне как будто подходило к концу». При этом он подчеркнул, что эсэсовское братство все же продолжало «существовать как посредник между двумя народами»³. Конечно, «дух СС» у финнов, которые прошли столь серьезную нацистскую школу, трудно было как-то ликвидировать. И в рейхе это очень хорошо понимали. Там из финнов долгое время стремились сделать правоверных нацистов. Теперь на них тоже продолжали рассчитывать.

Ликвидация отдельного финского батальона СС стала для Берлина неприятным известием. Но это далеко не было разрывом отношений между двумя государствами. Для немецкого руководства было важно, прежде всего, сохранить хорошие связи с финскими властями. В рейхе не могли позволить себе какого-либо «конфликта из-за финских добровольцев»⁴. Поэтому германскому руководству этот обидный факт нужно было просто «пережить». Гиммлеру ничего не оставалось, как 11 июля своим приказом сообщить о расформировании данного батальона. Было официально объявлено, что батальон «увольняется со службы... и переходит в подчинение финских вооруженных сил»⁵. Но в личном обращении к финским эсэсовцам Гиммлер еще заявил: «Моя последняя команда к вам, бойцам финского подразделения СС, звучит так: “Стремитесь изо всех сил быть самыми верными и храбрыми солдатами в Финляндии”»⁶. Он также подчеркнул, что «ждет от

¹ Ibid. S. 718–719.

² Ibid. S. 722; Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 296.

³ Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 296.

⁴ Йокипини М. Роспуск финского батальона СС в 1943 году // Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. С. 299.

⁵ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 195.

⁶ Цит. по: Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 722.

них нового поступления на службу в СС» и «будет этому искренне рад, поскольку эта служба вытекает из давнего духа немецко-финского братства по оружию»¹. Это теперь оставалось единственным, на что могли рассчитывать в Берлине.

Любопытно, что после принятого руководством Финляндии решения, эсэсовский батальон, как отдельное подразделение, не сохранился в составе финской армии. Никакого его перехода «в подчинение командованию финских вооруженных сил» также не произошло. Финское военное руководство решило действовать радикально. В Хельсинки пошли дальше того, что, вероятно, предполагал Г. Гиммлер. Маршал К. Г. Маннергейм решил батальон полностью ликвидировать как самостоятельную единицу. Таким образом, бывших эсэсовцев просто распустили. Солдаты батальона СС — порядка 616 человек — получили новые назначения, причем в несвязанные друг с другом войсковые части². Таким образом, в Хельсинки не рискнули оставлять у себя в качестве самостоятельного монолитного подразделения батальон, который целиком состоял из солдат, прошедших эсэсовскую школу. Это говорило о том, что прежним эсэсовцам в Финляндии не доверяли и, прежде всего, по политическим соображениям. В итоге финский батальон СС прекратил свое существование.

Однако на этом, как оказалось, служба бывших эсэсовцев своему немецкому командованию все-таки не закончилась. Так, по крайней мере, считали в руководстве СС. В Берлине в отношении расформированного финского батальона стали строить собственные планы...

¹ Цит. по: Ibid. S. 720–721.

² *Lehmus K. Kolme kriisiä*. S. 46.

ГЛАВА III

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

Официальное решение о расформировании финского эсэсовского батальона, состоявшееся в начале июля 1943 г., для германского руководства оказалось достаточно неоднозначным. Безусловно, «ропуск батальона стал одним из первых признаков крутого поворота, начавшегося в политике Финляндии»¹. Более того, финский исследователь М. Йокипии считает, что «в этом впервые можно было увидеть черты новой финской политики, которая в то время уже ставила своей конечной целью выход из Великой войны»².

Тем не менее остатки прежней финско-германской «дружбы» все же сохранялись. В Берлине продолжали заявлять, что «Германия верит в способность Финляндии делом доказывать свою лояльность братству по оружию и что так будет и впредь»³. Более того, нацистам все же удалось добиться признания Финляндией права своих бывших эсэсовцев в индивидуальном порядке вернуться в Германию. Ведя сложную дипломатическую игру, К. Г. Маннергейм поддался определенному давлению рейха⁴. Он вынужден был заявить, что «мнение немецкого руководства должно быть принято во внимание»⁵. В конце концов, маршал сообщил, что «военнослужащие распущенного финского батальона СС, на которых распространяются законы о действительной воинской службе, обязаны быть призваны в финскую армию». Но при этом добавил, что «те, кто не подчинится этому распо-

¹ Йокипии М. Роспуск финского батальона СС в 1943 году. С. 300.

² Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 685.

³ Цит.: Voionmaa V. Kuriiripostia 1941–1946. S. 242.

⁴ См.: Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 2. S. 261–265.

⁵ Tanner V. Suomen tie rauhan 1943–44. S. 68.

ряжению, имеют возможность вернуться на сверхсрочную службу в ваффен СС Германии»¹. Подобное уточнение, как считалось в финском руководстве, было «необходимым», чтобы «не обидеть» рейх, и, более того, как сообщил министр иностранных дел Финляндии американским дипломатам, в правительстве страны будут продолжать обсуждать вопрос о возможности в перспективе помочь немцам организовать новую вербовку финских добровольцев в эсэсовские войска².

Трудный путь отказа от «дружбы» с эсэсовцами

Окончательные решения финских официальных представителей в отношении батальона СС делали летом 1943 г. политику, проводившуюся Финляндией, достаточно неоднозначной. Неслучайно работавший тогда в Хельсинки американский дипломат Р. Мак-Клинтон пришел к четкому выводу, что «часть, если не весь финский батальон СС, скоро опять вернется в Германию». Он без тени сомнения сообщал в Госдепартамент США, что «почти уверен, что в Финляндии набор свежих войск СС будет вновь организован» и что «немцы в этом больше заинтересованы для своей пропаганды, нежели им вообще необходимы для военных целей финские солдаты»³. Подтверждением этому стала и вся дальнейшая специфическая финская внешняя политика. Президент Финляндии перед иностранными дипломатами даже рискнул заявить: «Американцы предлагают нам только слова. Немцы же дают хлеб»⁴. Комментируя это утверждение, современный исследователь из США Р. М. Берри, заметил, что «Рюти был прав, но, немецкий “хлеб” был платой финнам “фунтом за услугу” в их поддержке германских целей войны, а американские “слова” включали посредничество» для достижения мира, были обращены в будущее⁵. Таким образом, в финском руководстве пока еще предпочитали находиться в лагере нацистской Германии. У финского командования сохранялась тенденция к колебаниям относительно

¹ Цит. по: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 280.

² Ibid. P. 281.

³ Ibid. P. 282.

⁴ Ibid. P. 280.

⁵ Berry R. M. American Foreign Policy and the Finnish Exception. Hels., 1987. P. 305.

вопроса о степени участия их войск в боевых действиях. Там явно оставалась надежда на возможность перелома в войне в пользу рейха. Она прежде всего связывалась с перспективой успеха летнего наступления вермахта. Как заметил в своем дневнике Ю. К. Паасикиви, тогда еще в финском руководстве были «в отношении германо-русской войны оптимисты»¹.

Таким образом, нацистское влияние в Финляндии сохранялось, так же как у ряда фанатично преданных делу рейха финских эсэсовцев существовала возможность продолжить сражаться на завершающей стадии Второй мировой войны за нацизм, проходя службу в дивизии СС «Викинг». В целом в Германию согласилось вернуться лишь весьма ограниченное число финнов. Полностью восстановить финский батальон Г. Гиммлеру так и не удалось. К тому же вопрос о новом наборе в Финляндии в войска СС также не ставился. Очевидно, что многое теперь зависело от результата разгоравшегося сражения на Курской дуге.

Дивизия СС «Викинг» в это время принимала активное участие в боевых действиях на южном фланге советско-германского фронта. Ее опять двинули на передовую. Причем к тому моменту она была вновь оснащена новейшими видами немецкого вооружения и в значительной степени доукомплектована свежими пополнениями. Более того, в новых условиях дивизия была переформирована в полноценную танковую, а 1 мая 1943 г. командование ею принял бригадефюрер СС и генерал-майор войск СС Г. Гилле. Надо учитывать, что финнов в составе дивизии оставалось совсем немного. Более того, в руководстве СС решили, что на смену финскому подразделению следует подготовить новый батальон, который состоял бы из эстонских «арийцев». Таким образом, в войсках СС появились уже другие представители финно-угорских народов. Именно этот эстонский батальон, получивший звучное название «Нарва», сменил финнов на фронте весной 1943 г.²

О финских эсэсовцах, продолживших службу в немецких войсках, существуют лишь отрывочные, достаточно приблизительные сведения. Скучность информации об их деятельности в новых условиях крайне усложняет отслеживание их конкретного вклада в боевую

¹ Паасикиви Ю. К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944. С. 260.

² Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». С. 28.

историю дивизии СС «Викинг». Известно, что в начале 1944 г. финны вместе с голландскими и немецкими эсэсовцами вели тяжелые бои в районе реки Днепр¹. В дальнейшем, уже во время наступления советских войск в районе реки Буг, себя особо проявил финский эсэсовец — оберштурмфюрер СС У.-О. Олин. Для него, по мнению немецкого исследователя Т. Хоффмана, дивизия СС «Викинг», стала чуть ли не «второй родиной»². Причем, вероятно, для него и Германия тоже оказалась «второй родиной», поскольку он уже успел в 1942 г. заключить брак с немкой, и всю оставшуюся жизнь прожил в Германии³. Но в 1943 г., сражаясь за свою новую родину, он сумел на своем участке фронта силами вверенных ему солдат несколько задержать прорыв советских танков, которые атаковали железнодорожный мост через эту полноводную реку. Как не без иронии заметил английский исследователь Р. Батлер, подобный «триумф был не таким уж и большим, но сейчас и это для немцев было редкостью»⁴.

С другой стороны, следует учитывать, что в Германии о своих бывших финских военнослужащих тоже не забыли. Наоборот, о них продолжали помнить и даже связывать с ними определенные надежды. Как заметил германский посланник в Хельсинки В. фон Блюхер, после официального роспуска в Финляндии эсэсовского батальона Г. Гиммлер «не прекратил свою игру»⁵.

Для нацистского руководства в новых условиях более важным, чем использование финских эсэсовцев на Восточном фронте, стало сохранение верных и надежных людей в самой Финляндии. В воспоминаниях В. фон Блюхера прямо отмечается, что после расформирования финского батальона Г. Гиммлер «основал в Хельсинки центр, через который принялся организовывать широкую поддержку для бывших эсэсовцев и их семей». Объясняя важность создаваемого учреждения, немецкий дипломат заметил: «Целью этого центра, несомненно, явля-

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 350.

³ У.-О. Олин умер в Германии в 1995 г. См.: Ulf-Ola Olin // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Ulf-Ola_Olin (дата обращения: 11.11.2024); *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 273.

⁴ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 135.

⁵ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 302.

лось помимо общечеловеческих благотворительных задач», еще стремление через своих бывших эсэсовцев удержать прежнее нацистское влияние в Финляндии¹.

Нацистский заговор

Война шла к концу. В первой половине 1944 г. советские войска освободили практически всю территорию СССР. Они вышли к границам рейха, начали наступать в Польше. Союзники высадились во Франции и открыли в Западной Европе второй фронт. Финская армия в июне — июле 1944 г. потерпела сокрушительное поражение на Карельском перешейке и в Карелии. 20 июня части 21-й армии Ленинградского фронта взяли Выборг, финские войска в ряде мест уже окончательно были отброшены к государственной границе.

Для руководства Финляндии наступил ответственный момент. Нужно было принимать судьбоносные решения и постараться вывести страну из войны. При этом парадокс заключался в том, что проблеме окончания войны должны были решать именно те, кто до этого Финляндию в эту войны втянул. Фактически, в тот момент возникшую перспективу полной катастрофы увидело практически все финское руководство. Но самым удивительным в этом смысле стала позиция маршала К. Г. Э. Маннергейма. Он также вынужден был признать поражение и встал на путь поиска возможностей достойного выхода Финляндии из войны².

1 августа 1944 г. в Хельсинки было официально объявлено об отставке президента Р. Рюти в связи с «ухудшением состояния здоровья», а затем без обычных выборов президентом стал маршал Маннергейм. К тому же за ним сохранился и пост главнокомандующего, что означало сосредоточение в одних руках политического и военного руководства. Это указывало еще и на то, что в финской столице готовятся к принятию кардинальных решений, связанных с участием Финляндии в войне. Причем в финских политических кругах произошедшее расценили не иначе как государственный переворот³.

¹ Ibidem.

² См.: Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. С. 308—309.

³ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 275.

Критическое положение, в котором оказалось финское государство, понимали также и в Берлине. Там начали думать над тем, как помешать заключению финско-советского перемирия, которое неминуемо означало бы потерю еще одного союзника. Как заметил известный немецкий историк М. Менгер, в рейхе, «чем больше утрачивалась вера в собственные возможности, тем более масштабными становились безудержные расчеты на коллаборационистские круги Финляндии»¹. Теперь немецкому руководству казалось, что оставалось лишь одно: организовать в Финляндии государственный переворот, который должен был закончиться отстранением от власти всех тех, кто выступал за мир. Моделью для будущего Финляндии мог стать режим, который был установлен нацистами в Норвегии, где страной управлял их ставленник В. Квислинг². Опору же в организации и проведении этого переворота гитлеровцы видели, прежде всего, в финских солдатах, прошедших суровую эсэсовскую школу.

Главным инициатором вновь оказался обергруппенфюрер СС и генерал войск СС Г. Бергер. Он считался хитроумным и энергичным человеком³ и, будучи начальником Главного управления СС, непосредственно курировал вопросы, связанные с возрождением финского эсэсовского движения. 4 августа 1944 г. в условиях явно наметившихся перспектив полного разрыва Финляндии с Германией, Г. Бергер прибыл к Г. Гиммлеру. Их беседа касалась возможности осуществления переворота в Хельсинки и отстранения от власти всего финского руководства. Бергер не смог не признать, что общеполитическая ситуация в Финляндии в 1944 г. в корне изменилась. Он прямо заметил, что она отличается от того времени, когда в начале войны он лично выступал за формирование финского эсэсовского батальона. «После вынужденной ликвидации эсэсовского батальона, — отметил Г. Бергер, — позиции СС в Финляндии оказались ослабленными». Тем не менее, по его мнению, определенные надежды на взаимопонимание с финнами все же сохранились, поскольку «после роспуска летом 1943 г. финского эсэсовского батальона в Финляндии лишь

¹ Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 220.

² Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 290. Подробно см.: Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. С. 168–170.

³ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 14.

формально отказались от услуг СС», и эсэсовцы «реально продолжают активно оставаться в деле». Как он подчеркнул: «Работа велась в правильном направлении». Бергер указал на то, что «командный состав эсэсовского батальона был подобран хорошо». Более того, по представлениям обергруппенфюрера, именно «данный факт может быть непосредственно использован для организации профашистского сопротивления»¹.

В лице рейхсфюрера СС Бергер нашел благодарного слушателя. Гиммлер придерживался аналогичного мнения. Он считал, что «должен был нанести удар, когда масон Маннергейм призвал домой финнов, служивших в ваффен СС». Поясняя эту мысль, Гиммлер заявил: «Тогда я должен был вообще ликвидировать финское правительство и это независимое финское государство. Вот бы у нас и была национал-социалистическая, германская Финляндия...»² Таким образом, в эсэсовском руководстве начали обсуждать перспективу нацистского переворота, для проведения которого планировалось использовать финских «солдат фюрера». В планах непосредственной подготовки, а затем и проведения переворота эсэсовцам отводили ответственную роль.

8 августа 1944 г. Г. Гиммлер отдал распоряжение приступить к организации комплекса мероприятий, которые следовало срочно начать в Финляндии с тем, чтобы «укрепить пронацистские силы»³. Важно было четко определиться с личностью руководителя планирующегося заговора и, возможно, будущего финского диктатора. Перспективы в организации переворота стали связывать с именами финских генералов Х. Эстермана и П. Талвела. В них видели именно тех, кто наиболее эффективно смог бы силовым образом изменить военно-политическую ситуацию в Финляндии и отстранить от руководства страны ее президента и правительство, и, наконец, был бы способен создать некое подобие военной диктатуры⁴. При таком развитии событий, по

¹ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg». 1983. № 3—4. S. 9; *Menger M.* Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. S. 221.

² Цит. по: *Jokipii M.* Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 724.

³ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 10.

⁴ *Ibid.* S. 9—10.

мнению эсэсовского командования, можно было вынудить Финляндию сохранить верность рейху и обеспечить ее участие в войне. Именно так в Берлине пытались оставить ее в нацистском лагере «братьев по оружию».

В начале осени 1944 г. усилия Германии по созданию в Финляндии пронацистского сопротивления достигли своей кульминационной точки¹. 5 сентября, то есть спустя два дня после того, как «Маннергейм направил Гитлеру послание, в котором выражал “теплые слова признательности по адресу немецкой армии” и в тоне провинившегося школьника сообщал, что Финляндия решила прекратить войну»², в Берлине отреагировали крайне жестко. Там, по личному распоряжению А. Гитлера, приступили к практической реализации идеи о переориентации части финской армии на продолжение совместной с германскими войсками войны против СССР. Причем эсэсовцы здесь должны были играть ключевую роль

Работа осуществлялась комплексно. Речь шла об образовании в вермахте из «финских солдат, не желавших смириться с участием капитуляции Финляндии... войскового соединения под командованием немцев». Конкретно проработкой этой задачи должны были заниматься в штабе группы армий «Север»³. Германским войскам, находившимся в Финляндии, было отдано распоряжение «привлечь выражавших недовольство финских солдат в немецкую армию, стоящую в Лапландии»⁴. Но параллельно к решению поставленной цели были подключены и непосредственно СС. Ставилась задача возродить в Финляндии идею вербовки финских граждан в эсэсовские части. Как заметил представитель германского командования при Ставке Маннергейма генерал В. Эрфурт, в Берлине надеялись, «используя старые финские связи с войсками СС, набрать в эти войска финских солдат»⁵. Само возрождение в Финляндии эсэсовского движения пла-

¹ Ibid. S. 10.

² Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 281. Полный текст письма А. Гитлеру см.: *Mannerheim G. Muistelmät. Osa 2. S. 474–475.*

³ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. М., 2005. С. 255; *Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfrent im Jahre 1944. S. 10.*

⁴ Эрфурт В. Финская война 1941–1944 гг. С. 255.

⁵ Там же.

нировалось осуществить на базе находившейся на финском фронте 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд»¹.

Эсэсовцы развернули в Финляндии активную работу. Как отмечает профессор М. Менгер, рейхсфюрер СС Гиммлер даже «ждал успеха в этом вопросе»². Более того, в пригородный финский город Пори было направлено порядка десяти немецких эсэсовских офицеров. Они прибыли туда «в качестве гостей», по приглашению бывших военнослужащих финского батальона СС, и принялись с ними активно обсуждать проблемы создания будущего «теневого правительства Финляндии»³.

Работу по организации в Финляндии «внутреннего фронта сопротивления» возглавил начальник VI управления (внешняя разведка) Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС и генерал-майор полиции В. Шелленберг. Под его контролем в начале сентября сотрудники СС в Хельсинки приступили к работе «по организации добровольцев» для создания финских воинских соединений на базе 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд»⁴. Активную роль в этом играл финский эсэсовский офицер Ю. Итяля (псевдоним — Б. К. Лик). Он после расформирования финского батальона продолжил свою службу в СС в Германии. Теперь, имея при себе «значительное количество финской валюты», он стал выполнять функции офицера связи при дивизии СС «Норд»⁵.

Эсэсовцы планировали формирование в Финляндии также так называемого «антисоветского подполья, которое должно было приступить к действиям в случае советского вторжения в страну»⁶. Основу «движения сопротивления» должны были составить представители антироссийской организации Академическое карельское общество,

¹ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 11.

² *Ibid.* S. 12.

³ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 291.

⁴ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 12. См. также: *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. S. 281.

⁵ Jouko Itälä // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Jouko_Itälä (дата обращения: 17.11.2024).

⁶ *Menger M.* Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 11.

профашистской партии Патриотический народный союз, а также других пронацистских и крайне правых групп типа «Союза офицеров резерва», «Союза братьев по оружию» и т. д.¹ Естественно, большую роль продолжали играть финские эсэсовцы. В частности, унтерштурмфюрер СС Лаури Тёрни, служивший на тот момент в финской армии, занялся вместе со своими прежними сослуживцами подготовкой партизанских отрядов и приступил к созданию на территории Финляндии складов с оружием².

Однако эти мероприятия имели весьма ограниченный характер. 8 сентября немецкий генерал В. Эрфурт вынужден был признать в своем дневнике: «До сих пор непохоже, чтобы хотя бы один финн был готов сражаться в рядах вооруженных сил Германии»³. Это можно было объяснить прежде всего тем, что в Финляндии итог войны был уже всем ясен. Большинство населения страны, за исключением финских эсэсовских фанатиков, мечтало лишь только об одном — о мире. Поэтому попытка организовать с помощью финских эсэсовцев тайной сети будущего «движения сопротивления»⁴ не имела никаких перспектив.

С другой стороны, советское руководство не планировало оккупации Финляндии. На переговорах с финской делегацией в сентябре 1944 г. Москва также не требовала от правительства Финляндии безоговорочной капитуляции. Это делало главную цель нацистского «движения сопротивления» — борьбы с советским режимом — достаточно сомнительной. К тому же финские власти стали проявлять в отношении пронацистски настроенных финнов явную настороженность. В Ставке Маннергейма стало известно об активизации немецкой разведки в Финляндии⁵. Были срочно приняты контрмеры. По распоряжению маршала, в Хельсинки начали усиливать меры безопасности «против угрозы диверсий со стороны немцев»⁶. Они выразились, в частности, в том, что в начале сентября в Финляндии стали

¹ *Susi E.* Oikeiston salaliitto 19440–1945 // Tiedonantaja, 1984. 14.09.

² См.: Lauri Törni // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Lauri_Törni (дата обращения: 17.11.2024).

³ *Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. S. 281.

⁴ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 293.

⁵ *Mäkelä J. L.* Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Hels., 1964. S. 258.

⁶ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 291.

задерживать сочувствовавших национал-социализму финнов¹. После того, как 19 сентября было подписано соглашение о перемирии, существовавшие в Финляндии профашистские организации вообще были запрещены. Все это не позволяло использовать бывших финских эсэсовцев для проведения решительных действий против тех, кто выступал за окончание войны.

Таким образом, попытка организации нацистами переворота с использованием бывших военнослужащих финского эсэсовского батальона провалилась уже на начальной стадии. Не удалось и создать новые пронацистские финские воинские части. Как не без горечи заметил немецкий генерал В. Эрфурт, «те финны, которые стремились вступить в германский вермахт, представляли собой исключение». Далее же он добавил: «Большинство... даже и не думало срывать принятый финским правительством политический курс и отказывать маршалу в повиновении»². В целом бывшие военнослужащие финского эсэсовского батальона в идейном отношении составляли в Финляндии очень ограниченное число людей. Более того, они не были объединены в единую армейскую часть, а основная масса финских солдат гибнуть за идеи национал-социализма не собиралась.

Однако прогерманские настроения в финском руководстве все же сохранялись. Подтверждением этому являлось подписанное высшим военным командованием Финляндии тайное соглашение с Третьим рейхом. По распоряжению К. Г. Маннергейма, представитель Оперативного отдела Ставки маршала подполковник У. С. Хааhti 12 сентября прибыл на север Финляндии, в Рованиemi, в штаб германского командования³ и подписал с начальником штаба 20-й горной армии секретный договор. В нем говорилось о проведении совместной военной операции, получившей кодовое название «Осенние маневры»: находившиеся на территории Финляндии немецкие войска получили возможность беспрепятственно отойти на север страны и собраться в Лапландии. Таким образом, на данном этапе для немецкого командования создавались исключительно благоприятные условия вывода войск и полного сохранения 20-й армии, поскольку Финляндия взяла

¹ Ibid. S. 292.

² Эрфурт В. Финская война 1941—1944 гг. С. 255.

³ Ursin M. Pohjois-Suomen tuhot ja jälleenrakennus saksalaissodan 1944—1945 jälkeen. Rovaniemi, 1980. S. 20.

на себя обязательство, исключавшее возможность любых боевых столкновений своих войск с немцами¹. Германии это соглашение позволяло не только полностью взять под свой контроль стратегически важные районы Лапландии, но еще и сохранить определенные надежды на возможность «склонить часть финской армии к дальнейшей борьбе» на стороне рейха². Как записал в своих воспоминаниях бывший военнослужащий 6-й горнострелковой дивизии СС «Норд» И. Фосс, «нам казалось невероятным, что наши братья по оружию повернут против нас штыки»³.

С подписанием СССР и Финляндией 19 сентября 1944 г. соглашения о перемирии разрыв с Германией становился неизбежным. Более того, Германия начала терять прежние рычаги влияния на население Финляндии. После заключения соглашения о перемирии, финская цензура сразу же отдала распоряжение средствам массовой информации о запрете публикации любых материалов о финско-германском «братстве по оружию», о финском батальоне СС и т. д.⁴ Более того, радио Финляндии приступило к активной критике тезиса немецкой пропаганды о том, что «финское население сочувственно относится к Гитлеру»⁵, что явно означало стремление более решительно, в идеологическом плане, отмежеваться от нацизма.

В складывавшейся для Германии неблагоприятной ситуации эсэсовцам оставалось лишь только одно: пытаться наладить работу своей собственной пропаганды, направленной на формирование в общественных кругах Финляндии взглядов, противоположных официально провозглашаемым финскими средствами массовой информации. 23 сентября 1944 г. в эсэсовском руководстве определили главные задачи агитации. Они выражались в стремлении «разжечь у финского населения настроения, направленные против мирных условий», а также создать обстановку для «обеспечения притока новых добро-

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 284.

² Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 10.

³ Фосс И. «Черные эдельвейсы» СС. М., 2009. С. 215.

⁴ Rusi A. Lehdistösensuuri jatkosodassa. Sanan valvonta aodankäynnin välineenä 1941–1944. S. 354.

⁵ Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 13.

вольцев [в немецкие части на севере Финляндии. — В. Б.]. Кроме того, считалось необходимым с помощью активной пропаганды «не допускать столкновения частей армии Маннергейма с немецким вермахтом» и параллельно распространять идеи «создания основ для образования этнически национального правительства». СС озвучили установки, направленные на то, чтобы представить действия Маннергейма «как преступные в отношении своего народа». Причем этот тезис имел особое значение для развертывания специальной пропаганды в отношении финских войск, которых следовало всячески призывать к «продолжению борьбы против советской армии и присоединению к немецким частям», а также в отношении сельского населения с тем, чтобы активно вовлечь его в организацию «партизанской борьбы»¹. Иными словами, со стороны СС развернулась активная пропагандистская работа, направленная против государственного и военного руководства Финляндии.

Значительная роль здесь была отведена созданной тогда специальной радиостанции «Свободное радио Финляндии». Она начала вещание на коротких волнах на всю территорию страны, а ее основным диктором был назначен бывший военнослужащий финского эсэсовского батальона оберштурмфюрер СС К. Пурьо. После расформирования батальона он продолжил службу в СС в Германии, а теперь активно включился в борьбу против выхода Финляндии из войны². На Финляндию посыпались призывы: «Стране в час ее бедствия брошен вызов, речь идет о наших домах, о наших семьях, о нашей вере! Защитим каждую пядь нашей земли! Сохраним Финляндию от русских! Только такая борьба будет благословлена Богом!»³ Однако дальше этих «красивых» лозунгов, озвученных немецкой эсэсовской радиостанцией, дело не шло. Поэтому и эффективность данной работы была весьма незначительной. Свидетельством тому стал факт, что на завершающей стадии войны финнов, желающих продолжать боевые действия на стороне Германии, оказалось немного — всего 68 человек. Причем из их числа только восемь имели офицерские звания.

¹ Ibid. S. 14.

² См.: Claes Purjo // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Claes_Purjo (дата обращения: 17.11.2024).

³ Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 14, 15.

По распоряжению руководства СС, эти последние «братья по оружию» были приведены к присяге на верность А. Гитлеру. Причем фюрера в клятве финнов именовали не иначе как «лидером всех немцев и покровителем националистской Финляндии»¹.

Таким образом, к концу 1944 г. СС из финских новобранцев опять пытались создать воинское формирование. Однако оно по своей численности не достигло и одной трети от прежнего финского батальона. Руководство СС теперь при всем желании было способно организовать только одно войсковое подразделение, по численности менее одной роты. В сложившихся условиях эсэсовцам в Финляндии оставалось рассчитывать на весьма незначительное количество сторонников. Эти люди могли в очень ограниченном масштабе пополнить финский батальон.

Для финских добровольцев СС нашли еще одно применение. Их стали привлекать к достаточно своеобразной деятельности: в качестве сотрудников немецкой агентурной разведки, которая должна была действовать уже против Финляндии². Любопытно, что к этому стали привлекать также и женщин. Очень небольшая часть поклонниц эсэсовского движения из числа женского населения Финляндии смогла даже перебраться в самом конце войны в рейх. Их там определили в специальную разведывательную школу³. Но долго подобная специфическая работа в условиях краха нацизма в Европе осуществляться просто не могла.

Обострение финско-германских отношений в конечном итоге привело к началу прямых боевых столкновений между войсками двух стран. К тому же перехода к решительным действиям, направленным против германской группировки войск на севере Финляндии, требовало и соглашение о перемирии. В конце концов в Лапландии развернулись боевые действия между финскими и немецкими войсками, получившими название «лапландской войны»⁴. Маннергейм отдал достаточно показательный по своей сути приказ, в соответствии с которым бывшие военнослужащие эсэсовского батальона, находившиеся в рядах финской армии, но не желавшие «по соображениям сове-

¹ Ibid. S. 16–17.

² *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 292, 293, 295.

³ Ibid. S. 296.

⁴ См.: *Росс И.* «Черные эдельвейсы» СС. С. 238–254.

сти» воевать против германских войск, могли в боевых действиях уже не участвовать¹.

Таким образом, сторонники Третьего рейха в Финляндии еще оставались. Более того, финско-германская война (официально объявленная руководством Финляндии 4 марта 1945 г.) не переубедила финских эсэсовцев, продолжавших хранить верность клятве, данной ими фюреру. Они остались на стороне Германии. Прежде всего это были те, кто служил в дивизии СС «Викинг»². Сама же дивизия сражалась за рейх вплоть до момента капитуляции Германии, ее бойцы даже приняли участие в обороне Берлина весной 1945 г., но это были уже «жалкие крохи “Викинга”». Как пишет английский исследователь Р. Батлер: «Это было все, что осталось от некогда гордых и порой надменных питомцев Штайнера»³.

Так закончилась история участия финнов в войсках СС. «Гвардия фюрера» в Финляндии прекратила свое существование.

¹ Vapaaehtoispatallioona Nordost // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: http://fi.wikipedia.org/wiki/SS-vapaaehtoispatallioona_Nordost (дата обращения: 20.09.2010).

² См.: Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 135. В переводе книги английского исследователя Р. Батлера на русский язык фамилия командира дивизии дается в несколько отличающемся от других изданий варианте. См.: Кто был кто в третьем Рейхе. М., 2003. С. 766–768; Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг».

³ Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. С. 166.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение эсэсовского движения для Финляндии

Непродолжительная история финского эсэсовского движения и создания из финнов эсэсовских войск в конце Второй мировой войны закончилась. Нельзя сказать, что финские эсэсовцы смогли добиться на Украине и Юге России каких-либо блистательных побед, действуя в составе дивизии СС «Викинг». Финские эсэсовцы, как и их немецкие «братья по оружию», «прославились» лишь своими откровенными зверствами, обращенными прежде всего на гражданское население и военнопленных. Особых боевых достижений на фронте у них не было, или их было недостаточно, чтобы они имели какое-либо реальное военное значение¹.

В целом существование финских подразделений СС играло скорее политическую и идеологическую роль. Здесь можно отчасти согласиться с оценками, которые существуют по данному поводу в современной финской литературе. Такое весьма неординарное явление, как формирование на территории суверенного государства немецким командованием эсэсовских частей, было вызвано большим желанием самого руководства Финляндии иметь некий залог в лице военнотружущих финского батальона СС, который «мог окончательно укрепить уверенность Финляндии в получении от Германии помощи»².

Когда же ко второй половине войны произошел коренной перелом, и немецкая армия начала терпеть неудачи, а союз с рейхом для

¹ Исследователь Л. Вестерлунд подсчитал, что финские эсэсовцы непосредственно участвовали в боевых действиях лишь «менее одной пятой времени, от фактической службы на передовой» (см.: *Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941—43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser*. S. 11).

² *Jokipii M. Jatkosodan synty*. S. 206.

финского руководства стал опасным, в Хельсинки решили от своего батальона СС отказаться. Но до самого последнего момента в Финляндии все же сохранялись условия, при которых эсэсовское движение могло вновь возродиться.

При этом нельзя считать, что подобные действия финского правительства имели глубокую моральную составляющую по отношению к своему собственному народу, часть которого продолжала разделять нацистскую идеологию. Это лишь свидетельствовало о достаточно серьезной готовности верхов страны не только приносить в жертву нацистам своих граждан, но даже и где-то самим воспринимать их взгляды. Доказательством тому стала легкость, с которой была организована запись в эсэсовские части на финской территории в 1941 г. Тогда фактически за два месяца в Финляндии удалось завербовать в СС такое количество людей, что Германия могла развернуть у себя полнокровную финскую войсковую часть.

Оценивая сложившуюся тогда в Финляндии ситуацию, далеко не достаточно указать лишь на формальную заинтересованность Хельсинки в получении немецкой поддержки. Важно учитывать и другое. Нацистская идеология не просто существовала, но и нашла в Финляндии неплохо подготовленную почву. Это произошло даже при условии отсутствия у финнов арийского, расового соответствия с германскими народами, что являлось весьма важным атрибутом для Третьего рейха.

В Финляндии просматривалась определенная идеологическая близость к нацистам. Она прежде всего обнаружилась в политике финской оккупационной администрации на захваченной Финляндией советской территории. В 1941–1944 гг. в Карелии, «в глазах финского оккупационного правительства, “русские не были людьми”»¹. Это, как раз и соответствовало расовым критериям, которые, в условиях войны против народов СССР, активно внедрялись в сознание нацистами и очень хорошо подходили эсэсовцам.

Однако в Финляндии нацистской идеологии был, безусловно, нанесен сильный удар, который был связан не с позицией руководства страны. Он был вызван поражениями немецких войск на Восточном фронте. Динамично меняющаяся в ходе войны обстановка требовала изменений и в отношении подхода к нацизму. По мере увеличения

¹ См.: От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 309.

числа военных поражений Германии эсэсовское движение в Финляндии стали воспринимать с все большей подозрительностью. Это был вполне объективный процесс, и его причины, столь неприятные для Берлина, раскрыл немецкий профессор М. Менгер. Он указал, что в конце войны в Финляндии «даже от самых решительных противников Советского Союза не удавалось скрыть понимание того, что в продолжении войны не было ничего хорошего». Далее он замечает: «Этот объективный факт не мог быть развеян только лишь с помощью размахивания нацистским стягом или знаменем антикоммунизма»¹.

Финский народ дорого заплатил за сотрудничество с рейхом. То, что руководство Финляндии на завершающей стадии войны стремилось сохранить доброжелательные отношения с Германией и даже заключило в сентябре 1944 г. тайное соглашение, позволяющее беспрепятственно отвести немецкому командованию свои войска на север страны, сослужило плохую службу самой Финляндии. Вывод 20-й немецкой армии из ряда районов страны позволил нацистам осуществить концентрацию своих сил на стратегически важных направлениях Лапландии. Это имело для Финляндии печальные последствия. Та часть страны, где сосредоточились немецкие войска, превратилась в руины. Неизбежность столкновений немецкой и финской армий привела к тому, что на севере немецкие части при отступлении осуществляли тактику «выжженной земли», подвергая почти тотальному уничтожению населенные пункты на оставляемой ими финской территории. Они действовали примерно так же, как финские эсэсовцы при отступлении с Юга России и Украины. По приказу командующего 20-й горной армии генерал-полковника Л. Рендулича в контролируемой немецкими войсками Лапландии началось сплошное разрушение шоссейных и железных дорог, мостов, паромных переправ, средств связи, общественных зданий и жилых построек. В этой части страны было также превращено в руины немало крупных населенных пунктов. Урон на севере Финляндии составил до 90 % существовавших там построек. Здесь тысячи людей остались без крова, имущества и средств к существованию. Как записал 17 сентября 1944 г. в своем дневнике офицер службы пропаганды финской армии О. Пааволай-

¹ *Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944. S. 17.*

нен: «Немцы приступили к организованному уничтожению Северной Финляндии! Наше отношение к ним сразу стало резко антинемецким...» На следующий день в его дневнике появилась еще одна выразительная запись: «Я никогда не любил немцев, а теперь я их ненавижу»¹. Таков был в Финляндии финал нацистской «дружбы».

В этих условиях существование пронацистских и ультраконсервативных финских организаций было просто нелепо. Их начали запрещать. В общей сложности в конце войны было распущено 1100 подобных организаций². Это происходило уже в соответствии с условиями соглашения о перемирии и после принятия по данному поводу специального закона. Что же касается финских эсэсовцев, то тех, кто в это время продолжал проходить службу в вооруженных силах Финляндии, стали срочно демобилизовывать, а затем приглашать в финскую полицию для дачи соответствующих показаний, выясняя их причастность к военным преступлениям нацизма. При этом были случаи, когда некоторых из них даже арестовывали, а затем передавали в СССР³. Тех, кто успел на стороне Германии повоевать непосредственно против финских войск, отдавали под суд, но уже в самой Финляндии. Им инкриминировалась государственная измена.

Однако, в отличие от других стран, эсэсовцев в Финляндии в большинстве своем особо не преследовали. Считалось, что они, «следуя идеям высшей расы и ее историческому идеалу», не могли все же совершать, действуя во фронтовых частях ваффен СС, военных преступлений. Это утверждение не до конца соответствует историческим реалиям Второй мировой войны, поскольку финны, проходя службу в идеологизированных и весьма специфических войсках Германии, были обязаны даже самым фактом добровольного «служения фюреру» разделять определенный груз ответственности, который существовал у всех эсэсовцев, активно совершающих военные преступления на оккупированной территории. Финские эсэсовцы на оккупированной территории Украины и на Юге России участвовали в актах массового

¹ *Paavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Hels., 1960. S. 571.

² *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 295.

³ *Vapaaehtoispatalljoona Nordost.* URL:http://fi.wikipedia.org/wiki/SS-vapaaehtoispatalljoona_Nordost (дата обращения: 20.09.2010).

террора и геноцида в отношении гражданского населения и военнопленных. Они здесь ничем не отличались от своих немецких сослуживцев. Безусловно, на Украине и Юге России они совершали ярко выраженные военные преступления, поскольку, без всякого сомнения, вели войну на истребление¹.

В этом плане груз ответственности за совершенные деяния должен был быть разделен и руководством Финляндии и, прежде всего, окружением К. Г. Маннергейма и им самим. Финский маршал лично был связан с историей финского эсэсовского движения, поскольку именно он персонально решал все основные вопросы, связанные с созданием, деятельностью, а затем и роспуском финских эсэсовских формирований. Это является абсолютно очевидным фактом. Неслучайно поэтому даже памятный знак на главном кладбище финской столицы, посвященный погибшим бойцам финского эсэсовского батальона, находится в непосредственной близости от того места, где похоронен сам К. Г. Э. Маннергейм.

К вопросу о возрождении «великой Финляндии»

Остается важным понять, насколько те идеи, которые проповедовались в Финляндии в годы Второй мировой войны и на основе которых возникло эсэсовское движение, сохранились в современном финском обществе.

Долгое время этот вопрос считался неактуальным. Сложилось твердое убеждение, что с русофобией — а именно она во многом лежала в основе финского эсэсовского движения — в Финляндии покончено. Так же как были «сняты с повестки» идеи создания «великой Финляндии». Как утверждают современные отечественные исследователи, в России «долгое время казалось, что после всего того, что пережила Финляндия в первой половине XX века, послевоенная линия президента У. К. Кекконена на выстраивание добрососедских взаимоотношений с СССР окончательно возобладает»². Существовало твердое убеждение, что Парижский мирный договор 1947 г. закрепил новый

¹ См.: Holmila A. Kiistanalainen SS-palapeli. S. 83.

² Гончарова Т. Н., Смолин А. В. Финляндия и Скандинавия на кафедре истории Нового и новейшего времени // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. № 24 (1). С. 31.

миролюбивый курс Финляндии, создал гарантии того, что в стране никогда не возникнут силы, которые могли бы встать на путь, ведущий к войне. Финляндско-советские отношения стали строиться на взаимном доверии и этим создавали атмосферу мира на Севере Европы¹. Однако, как сейчас выяснилось, доверие и дружба «остались в мечтах»².

Финляндия легко и просто отказалась от проверенной временем политики нейтралитета. Это выразилось и в отходе от критического отношения к деятельности финских эсэсовцев в годы Второй мировой войны на Украине и Юге России. Постепенно отношение к службе финских граждан в «войсках фюрера» менялось от осуждения, которое наблюдалось в конце Второй мировой войны, к их поэтапной реабилитации и даже героизации. Так уже спустя 10 лет после окончания войны, те бывшие финские эсэсовцы, которые до этого были осуждены финским судом за их деятельность в годы войны, были освобождены. Как по этому поводу заметил исследователь А. Сванстрём, «молчание, отрицание и плохо организованное расследование способствовали тому, что виновные не были привлечены к ответственности за свои действия»³. Более того, бывшие финские эсэсовцы были легко интегрированы в послевоенное финское пространство. Дело доходило до того, что прежние «солдаты фюрера» становились уважаемыми и далеко не бедными жителями своего государства. Некоторые из них оказывались очень состоятельными гражданами⁴. Многие из прежних эсэсовцев активно занялись бизнесом, другие даже стали преподавателями⁵ или во-

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Фёдоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. С. 300.

² Гончарова Т. Н., Смолин А. В. Финляндия и Скандинавия на кафедре истории Нового и новейшего времени. С. 31.

³ Цит. по: *Karjalainen M.* Keskustelua suomalaisista SS-miehistä Uusia tulkintoja suomalaisten SS-vapaaehtoisten sotatiestä. S. 79.

⁴ См., например: Claes Purjo // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Claes_Purjo (дата обращения: 17.11.2024); Clas-Eric Rafael Forss // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Clas-Eric_Forss (дата обращения: 17.11.2024). В 1994 г. финский эсэсовец Б. Б. Бротелл был избран почетным председателем гильдии оружейников Финляндии. См.: Börje Bror Brotell // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Börje_Brotell (дата обращения: 17.11.2024) и др.

⁵ См.: *Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. S. 301–302; Leo Heikurainen // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Leo_Heikurainen (дата обращения: 17.11.2024).

обще поступили на государственную службу, некоторые остались в армии. Как указал профессор М. Йокипии, «можно было бы подумать о возможности использовать их особый опыт»¹. Затем об их «боевой доблести» во время оккупации немецкими войсками территории Украины и Северного Кавказа стали снимать документальные фильмы, появились различного характера публикации, включая иллюстрированные альбомы², рассчитанные на широкий круг читателей. Более того, некоторые ближайшие родственники бывших эсэсовцев стали известны тем, что оказались в финском правительстве или избирались депутатами парламента³. Процесс интеграции в послевоенное финское общество у эсэсовцев успешно завершился.

Но и само финское общество постепенно во многом стало меняться. Принципиальный разворот во внешней политике Финляндии, который произошел в начале XXI в., когда страна опять вошла в агрессивный военно-политический союз, был далеко не случаен. Эволюция российско-финляндских отношений от политики добрососедства до формирования на восточной границе Финляндии плацдарма НАТО, направленного против России, была обусловлена идеологическими изменениями, которые постепенно происходили в Финляндии. Сейчас вопрос о безопасности страны стал решаться точно так же, как это было в 1920–1930-е гг.⁴ Единственным отличием оказалось не стремление, как раньше, найти себе опору в лице Германии или любой другой конкретной страны Западного мира, а закрепить свои антироссийские позиции за счет вступления страны в структуры Североатлантического договора. То, что финские эсэсовские части в годы Второй мировой войны вошли в «фашистский интернационал», объединивший большую часть Западного мира, также указывает на современные политические тенденции, господствующие в финском обществе.

Отход от прежней политической линии нейтралитета и возвращение Финляндии к концептуальным построениям кануна Второй мировой войны формировались на протяжении не одного десятка лет.

¹ Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaisen SS-pataljoonan historia. S. 734.

² См., например: Brantberg R. Suuret suomalaiset sotasankarit. Tampere, 2007.

³ См., например: Jouko Itälä // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Jouko_Itälä (дата обращения: 17.11.2024).

⁴ См.: Барышиников В. Н. Финская война. С. 405–406.

По мнению посла России в Финляндии (в 1992–1996 гг.) Ю. С. Дерябина, критическое отношение в финском обществе к русским существовало еще в советское время. Дипломат прямо указал в своих мемуарах, что «при всей официальной риторике о “дружбе” нередко проявлялось неприязненное» к России отношение¹.

В идеологическом плане для тех в Финляндии, кто не считал нужным сохранять традиции советско-финляндских отношений, важно было дискредитировать как саму политику соседнего государства, так и прежнее финское руководство. Прежде всего, это, конечно, касалось президента Финляндии (в 1956–1981 гг.) У. К. Кекконена. Именно он был одним из основателей новой послевоенной Восточной политики Финляндии. Он активно осуждал прогерманские тенденции в прежней политике финского руководства, что относилось и к идее образования эсэсовского движения в Финляндии.

Уже на рубеже XXI в. в Финляндии начали реанимировать прежнюю политическую линию, и стали нарастать тенденции по дискредитации Кекконена. Появлялись утверждения, что «линия Кекконена», основанная на «укреплении национальной независимости и нейтралитета Финляндии — представляется чрезмерно соглашательской» по отношению к Советскому Союзу². Такие обобщения были представлены в ряде работ финских историков. Причем пересмотр взглядов именно в исторической науке являлся для Финляндии особенно важным. Считалось, что «в Финляндии историю рассматривали в действительности как форму национального осознания»; что историческая наука для населения является неким национальным «самоотчетом»³. Также она, как утверждалось, была призвана формировать соответствующее общественное мнение. Это, прежде всего, касалось именно Новейшей истории.

В этом плане наиболее показательными стали работы финского историка Х. Рауткаллио. Он первым в 1990-е гг. взялся критически пересматривать взгляды на наследие президента Кекконена. Сама

¹ Дерябин Ю. С. Легко ли быть послом? Записки о жизни и карьере дипломата. М., 2010. С. 283.

² Хяйкине М. Урхо Кекконен (1900–1986) // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 248.

³ Kinnunen M. Tutkijan on osattava ulosikin arkistosta // Helsingin Sanomat. 1997, 16.11.

мотивация этого исследовательского «похода» была весьма далекой от научных задач, и в ней явно просматривались идеологические основания. Исследователь утверждал: к критическому изучению политики Кекконена его подтолкнула мысль, что данный президент буквально уже «из могилы продолжает руководить умами многих финнов»¹. Более того, было очевидно, что направленность исследователя хорошо согласовывалась с его собственной мотивацией. Она ему прививалась еще с детства, поскольку его отец в годы войны являлся на оккупированной финскими войсками территории СССР комендантом одного из концентрационных лагерей. После поражения Финляндии и окончания войны за совершенные военные преступления отец Х. Рауткаллио был приговорен финским судом к тюремному заключению². Все это не могло не повлиять на внутренние переживания будущего исследователя. Иными словами, Х. Рауткаллио, имея соответствующую идеологическую установку, занялся поиском сведений, которые дискредитировали бы Кекконена, а также и миролюбивые основы финско-советских отношений. Как отмечалось в печати Финляндии, отправной точкой его исследования была «идея, что Советский Союз является империей зла»³.

Что важно, финансирование работы Рауткаллио взяла на себя Академия наук Финляндии. В результате историк смог за 1990-е — начало 2000-х гг. выпустить до десятка весьма объемистых книг, затрагивающих период президентства Кекконена⁴. Его книги в Финляндии стали

¹ *Rautkallio H. Agenda Suomi. Kekkonen — SDP — NKP. 1956–66. Porvoo; Hels.; Juva, 1999. S. 8.*

² Hannu Rautkallio // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Hannu_Rautkallio (дата обращения: 31.01.2024); Paavo Rautkallio // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Paavo_Rautkallio (дата обращения: 31.01.2024); *Bäckman J. Pronssisoturi. Viron patsaskiistan tausta ja sisältö. Tallinn, 2008. S. 188.* Попытки Пааво Рауткаллио обжаловать судебное решение и личное обращение к министру юстиции и будущему президенту страны У. К. Кекконену с апелляционной просьбой ничего не дали. Кекконен ему отказал. Единственное, что ему тогда удалось — было изменение фамилии. Прежняя, с которой он являлся начальником лагеря, была — Каллио, а после войны он ее преобразовал в Рауткаллио. См.: *Bäckman J. Pronssisoturi. Viron patsaskiistan tausta ja sisältö. Tallinna: Tarbeinfo, 2008. S. 188.*

³ *Bäckman J. Pronssisoturi. Viron patsaskiistan tausta ja sisältö. S. 188.*

⁴ См.: Hannu Rautkallio // Wikipedia. Vapaa tietosanakirja. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Hannu_Rautkallio (дата обращения: 31.01.2024).

выходить регулярно, чуть ли не каждый год. Это указывало на достаточно системную работу. Как писали в прессе, в Финляндии быстро «начинают переписывать новейшую историю»¹. «Новаторские» мысли Рауткаллио сразу же получили весьма благожелательные отзывы в средствах массовой информации².

Все говорило о том, что точка зрения этого исследователя стала широко распространяться. В итоге за весьма короткое время в Финляндии начали стремительно утверждаться новые взгляды, касающиеся эпохи Кекконена. Общей здесь мыслью было то, что финский президент не являлся выразителем интересов своей страны. Наоборот, в финском руководстве он представлял Советский Союз и даже его секретные службы³. Все, о чем писал Рауткаллио, можно было квалифицировать, как попытку доказать, что Кекконен совершил очевидное «государственное преступление»⁴.

Но эти сенсационные утверждения не подтверждались реальными доказательствами и напоминали очернительство. Особенно это было заметно для других историков-профессионалов. Исследования Рауткаллио, анонсированные как «открытия», напоминали скорее чистую публицистику, выполненную в жанре «журналистского расследования»⁵. Единственное, что оставалось удивительным, Рауткаллио, несмотря на весьма справедливую и жесткую критику со стороны своих коллег, с завидной регулярностью и методичностью все 1990-е гг. продолжал издавать одно сомнительное по качеству произведение за другим.

Так Рауткаллио стал в Финляндии своеобразным первопроходцем. Но критический подход к периоду президентству Кекконена на этом не закончился. Вслед за Рауткаллио в 1990-е гг. этой темой занялся еще один известный финский историк, профессор Ю. Невакиви, который все же не решился повторять путь, который проделал его коллега. Более того, Невакиви, опираясь на архивы, не смог подтвердить «открытия» Рауткаллио о связях Кекконена с КГБ. Тем не менее

¹ *Susi E.* Pääkonnana Urho Kekkonen, uhrina SDP // Tiedonantaja. 1999, 19. 11.

² См.: *Suomi J.* Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia? // Historiallinen Aikakauskirja. 1992. № 2. S. 144, 150; Helsingin Sanomat. 1992. 19. 01; Historiallinen Aikakauskirja. 1992. № 4. S. 290.

³ См.: *Rautkallio H.* Laboratorio Suomi: Kekkonen ja KGB 1944–62. Hels., 1996.

⁴ *Suomi J.* Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia?.. S. 144, 145.

⁵ Ibid. S. 150, 149.

Невакиви поддержал Рауткаллио в главном: он подчеркнул, что политику «Советского Союза следует без колебаний рассматривать как своеобразное искажение нашей политической культуры»¹. Появление работы Невакиви свидетельствовало о том, что процесс пересмотра трактовок советско-финляндских отношений «пошел». Прав был в данном случае профессор О. Маннинен, который со страниц ведущего в Финляндии научного журнала «Хисториалинен Айкаауски» заявил, что «исследователям новейшей истории — независимо от объективности их исследований — грозит опасность попасть под влияние “общественного мнения”»². Действительно, дело было сделано. Общественное мнение уже явно сложилось. Семена сомнения в искренности политики Кекконена в отношении добрососедства и дружбы с СССР были в Финляндии посеяны. К восточной политике Кекконена в стране стали относиться с большой подозрительностью.

Далее на «исторической ниве» эстафету жесткой критики кекконевского периода подхватил еще один финский историк, хорошо известный в России, профессор Т. Вихавайнен. Он своими исследованиями пытался показать, что «внешняя и внутренняя политика нашей страны [Финляндии. — В. Б.] стала объектом дистанционного управления»³. Причем центр этого управления находился в Москве. При этом политику Кекконена исследователь стал сравнивать с политикой А. Гитлера или даже с линией И. В. Сталина⁴, приходя к выводу, что «нация, следовавшая за Кекконеном», оказалась «на коленях» перед Советским Союзом⁵.

В результате «линия Кекконена», которая в действительности пользовалась ранее общенациональным доверием, начала активно дискредитироваться. И это происходило даже несмотря на то, что реально Финляндия отнюдь не «находилась на коленях» перед Советским Союзом. На самом деле эта страна в условиях «холодной войны» проводила вполне самостоятельную взвешенную политическую линию, которая целиком соответствовала ее национальным интересам.

¹ Ibidem.

² О. М. (Manninen O.) Pyhä Henrik ja Pyhä Urho // Historiallinen Aikakauskirja. 1992. № 4. S. 290.

³ Vihavainen T. Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. S. 295.

⁴ См.: Ibid. S. 301.

⁵ Ibid. S. 303.

Однако СССР, на излете своего существования, а затем и новая Россия достаточно быстро стали сдавать свои политические позиции. Это, прежде всего, выразилось в том, что начался пересмотр подписанных ранее фундаментальных межгосударственных соглашений. В частности, в 1992 г. был заключен новый договор об основах отношений между Российской Федерацией и Финляндской Республикой. Это привело уже к тому, что процесс коренных изменений в двухсторонних отношениях оказался запущен.

Финским экспертам стало ясно, что в Финляндии «является востребованным» возможная демонстрация «нашей “подлинной западности”... некритической идеализации европейскости, а также унижение и насмешки над русскими»¹. К тому же премьер-министр Финляндии Э. Ахо в 1992 г. открыто указал на историческое значение Североатлантического договора как «гаранта безопасности» и высказался за возможность того, чтобы, «не задевая России», перейти под военное «покровительство» НАТО². В результате влияние России в Финляндии начало сокращаться, и там стали подчеркивать, что «в будущем все будет зависеть от конкретной ситуации»³.

Не менее важным было то, что в дипломатической среде новой России также быстро стали отказываться от всех прежних, проверенных временем, политических связей, включая даже личные контакты. Превращая, как выразился один из сотрудников российского МИД, «в хлам все существующие взгляды на советско-финляндские отношения»⁴. Подобная линия была подхвачена в средствах массовой информации Финляндии⁵, что наносило несомненный вред дальнейшим перспективам развития двухсторонних межгосударственных отношений.

Все это совпадало с общей критикой политики СССР в отношении Финляндии. Планы создания «великой Финляндии», сотрудничество с нацистской Германией, финское эсэсовское движение — все

¹ Ibid. S. 302.

² Цит. по: *Барышников В. Н.* Россия и страны Северной Европы. Ч. II. СПб., 2014. С. 66.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Дерябин Ю.* Легко ли быть послом? Записки о жизни и карьере дипломата. С. 297.

⁵ Там же. С. 280.

стало рассматриваться как форма противостояния Советскому Союзу. И здесь существовало достаточно широкое поле для соответствующей деятельности. СССР неизменно представлялся как государство, несшее очевидную опасность для Финляндии. На это постоянно обращалось внимание финской общественности. В Финляндии целенаправленно формировались соответствующие традиции и исторически негативный образ соседнего государства, «повинного» в участии Финляндии в войнах, где для какой-либо критики финского эсэсовского движения места уже не оставалось. Линия на дискредитацию политики Советского Союза оказалась на рубеже XXI в. доминирующей. Участие Финляндии в войнах против СССР также теперь рассматривалось исключительно как «подвиг» финского народа, а эсэсовское движение вполне укладывалось в формирующийся образ.

Теперь даже на высшем государственном уровне в Финляндии стали предприниматься попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны в совершенно неуклюжем и абсолютно не соответствующем истории направлении. В результате в начале XXI в. в Финляндии полностью «забыли» слова У. К. Кекконена, которые он сказал в декабре 1943 г., выступая в Стокгольме: «Не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы»¹.

В новых условиях в Финляндии не просто отошли от данного принципа. Здесь были созданы идеологические предпосылки к смене ее внешнеполитического вектора. В итоге в августе 2024 г. финский премьер-министр П. Орпо открыто заявил о безосновательности обвинений Финляндии в геноциде советского народа², а президент страны А. Стубб, во время предвыборной кампании, стал открыто рассуждать, что после его избрания страна будет стремиться с помощью НАТО создавать «великую Финляндию»³. Происходящее напоминало то, как Финляндия когда-то вместе с нацистской Германией

¹ Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. С. 16.

² См.: Премьер Финляндии заявил о безосновательности обвинений в геноциде советского народа // Lenta.ru. 2024. 4 августа. URL: <https://lenta.ru/news/2024/08/04/premier-finlyandii-zayavil-o-bezosnovatelnosti-obvineniy-v-genotside-sovetskogo-naroda/> (дата обращения: 25.11.2024).

³ «Великую Финляндию» с помощью НАТО — реваншистские лозунги будущего финского президента Стубба. https://www.youtube.com/watch?v=T_wK25mOmoA (дата обращения: 01.11.2023).

и с эсэсовским интернационалом начала объединяться ради общей борьбы за «жизненное пространство»¹.

Тем не менее сейчас уже новое поколение финских историков, занимающихся изучением финского эсэсовского движения, начинает обращать внимание на то, что теперь «выросшие в стране [Финляндии. — В. Б.] с “транснациональной” исторической культурой, находящейся под влиянием Германии, Франции, Британии и США, мы видим нацизм повсюду, возможно, отчасти потому, что предыдущие поколения были более слепыми к нацизму, чем мы»². Считается, что, «хотя о батальоне СС было много написано, все же исследовательская работа, касающаяся финского эсэсовского движения еще не закончилась», и «последнее слово по этой исследовательской теме еще не сказано»³.

Действительно, изучение деятельности финских эсэсовцев в 1941–1943 гг. на Украине и Юге России стало выходить из сферы удовлетворения сугубо академического интереса к практическому осмыслению его современного значения, где идеи «великой Финляндии» получают хорошую историческую основу, которая включает и существовавшие в годы войны финские эсэсовские формирования.

¹ См.: Черная книга. Краткая история шведской и финской русофобии. М., 2024. С. 86.

² Holmila A. Kiistanalainen SS-palapel. S. 83.

³ Ibidem; Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies. P. 5, 36.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИКЛ (Isänmaallinen kansanliik) — Патриотическое народное движение

КГБ — Комитет государственной безопасности

МИД — Министерство иностранных дел

НАТО (North Atlantic Treaty Organization; NATO) — Организация Северо-атлантического договора

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР

НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP) — Национал-социалистская рабочая партия

ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht; OKW) — Верховное командование вермахта

ОКХ (Oberkommando des Heeres; ОКН) — Верховное командование сухопутных сил вермахта

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

СА (Sturmabteilung; SA) — штурмовые отряды в НСДАП

СД (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS; SD) — Служба безопасности рейхсфюрера СС

СС (Schutzstaffel; SS) — охранные отряды в НСДАП

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

США — Соединенные Штаты Америки

БИБЛИОГРАФИЯ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Фонды финляндских архивов

Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki) (Архив Министерства иностранных дел)

Berliinin-lähetystön raportit, 5 C 5.

Menneet Sähkeet.

Saksa, 12 L.

Sota 1939–1940 (Talvisota), 109 F 1.

Sota 1941–1944, 110. G 12.

Suomen ulkoasiainministerit, 5 D.

Suomen ulkopoliitiikka ja ulkopoliittinen asema yleensä, 12K.

Suomen ulkopoliitiikka maittain, 12L.

Ulkohto/GE pääll. PM-PYPE.

Ulkomaaneduston tiedoitukset, 5 C I.

Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat UM:n esittelystä, Ca 8.

Kansallisarkisto (Helsinki) (Национальный архив)

Auswärtiges AMT, Büro Des Staatssekretärs, Finnland (микрофильм).

Hackzellin A. Kokoelma.

Holstin R. Kokoelma.

Kivimäen T. M. Kokoelma.

Mannerheimin G. Kokoelma.

Rytin R. kokoelma.

Svinhufvudin P. E. kokoelma.

Tannerin V. keokoelma.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970.
Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М., 1974.
Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976.
Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1–2. Ч. 1–2. М., 1995, 1998.
Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010.
Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 1–7. М., 1965–1966.
Сообщения Советского Информбюро. М., 1944.
Documents on German foreign policy 1918–1945. Ser C. Vol. II–III. London, 1959, 1962; Ser. D. Vol. V–XI. Washington, 1953, 1954, 1956, 1957, 1960.
Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. V. III. Washington, 1963.
Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939–1944. Lahti, 1967.
Sotasyllisoikeuden käynin asiakirjoja. Os. 1. Hels., 1945.
Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. 1–42. Nuernberg, 1946–1948.

3. ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

- Баграмян И. Х.* Так начиналась война. М., 1971.
Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1976.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1975.
Вален Э. Я — доброволец СС. «Берсек» Гитлера. М., 2013.
Гольц Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015.
Дерябин Ю. Легко ли быть послом? Записки о жизни и карьере дипломата. М., 2010.
Йерк В. Последние бои дивизии «Норланд». Шведский панцергренадер на Восточном фронте. 1944–1945. М., 2014.
Маништейн Э. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М., 2009.
Мейер К. Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС 1939–1945. М., 2007.
Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. М., 2004.
Нидермайер Г., Вальтерс Й. Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Мемуары фронтовиков. М., 2009.
Паасикиви Ю. К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 — 27 июня 1944. СПб., 2004.

- Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1998
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1–2. М., 1968, 1973.
- Фляйшман Г.* По колено в крови. Откровения эсэсовца. М., 2009.
- Фосс И.* «Черные эдельвейсы» СС. М., 2009.
- Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. М., 2005.
- Born E.* Levnadsminnen. Hels., 1954.
- Bücher W.* Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Wiesbaden, 1951; финское издание: *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo; Hels., 1951.
- Erfurth W.* Sotapäiväkirja vuodelta 1944. Porvoo; Hels., 1954.
- Friesch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945.
- Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres, 1939–1942. Band I–III. Stuttgart, 1963–1964; русское издание: *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942. Т. 1–3. М., 1968–1971.
- «Käymme omaa erillistä sotaamme». Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. Hels., 2006.
- Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo, 1965.
- Lappi-Seppälä S.* Haudat Dnjeprin varrella — SS-miehen päiväkirjan lehtiä. Hels., 1945.
- Lehmus K.* Kolme kriisiä. Hels., 1971.
- Lehmus K.* Tunteiden Mannerheim. Hels., 1967.
- Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Hels., 1970.
- Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952; русское издание: *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999.
- Metzger H.* Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984.
- Metzger H.* Poliittiset aseuliet. Hels., 1986.
- Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hels. 1974.
- Paavolainen O.* Synkkä yksinpuhelu. Päiväkirjan lehtiä vuosilta 1941–1944. Hels., 1960.
- Parvilahti U.* Terekille ja takaisin: suomalaisen vapaaehtoisjoukon vaiheita Saksan itärintamalla 1941–43. Hels., 1958.
- Saksan kenraali Suomen päämajassa 1941. Suomalais-saksalainen yhteistyö Waldemar Erfurthin päiväkirjan valossa. Jyväskylä, 2017.

- Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 1. Jyväskylä, 1976.
- Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 2. Jyväskylä, 1977.
- Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1950; английское издание: *Tanner V.* The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940. Stanford, 1957.
- Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–44. Hels., 1952.
- Tyrkkö J.* Suomalaisia suursodassa. SS-vapaaehtoisten vaiheita jääkäreiden jäljillä 1941–43. Hels., 1960.
- Viilkuna K.* Sanan valvonta. Hels., 1962.
- Voionmaa V.* Kuriiripostia. Hels., 1971; русское издание: *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. М., 1984.
- Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967.
- Österman H.* Neljännevuosisata elämästäni. Porvoo, 1966.

4. РЕЧИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПЕРЕПИСКА, ПУБЛИЦИСТИКА

- Акунов В. В.* Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг. М., 2006.
- Вильми О.* Фашизм в Финляндии. Л.; Петрозаводск, 1931; М., 1947; М., 1949.
- Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. Добрососедство, сотрудничество и взаимопонимание: Речи 1967–1972 годов. М., 1973.
- Кекконен. У. К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству: Статьи, речи, письма 1948–1978 гг. М., 1979.
- Куусинен О. В.* Финляндия — вассал гитлеровской Германии: Стенограмма публичной лекции. М., 1944.
- Куусинен О. В.* Финляндия без маски. М., 1943.
- Куусинен О. В.* Что раскрыл процесс финских сообщников Гитлера // Новое время. 1946. № 3.
- Куусинен О. В.* Избранные произведения (1918–1964). М., 1966.
- Спекке Б.* Финляндский фашизм (лапуаское движение в Финляндии). Л., 1931.
- Тике В.* Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2015.
- Черная книга. Краткая история шведской и финской русофобии. М., 2024.
- Ювеналий Ю.* Борьба классов в Финляндии. М.; Л., 1931.
- Akateemisen Karjala-Seuran vuosikertomukset* 1932–39. Hels., 1933–1940.
- Auer V., Jutikkala E.* Finnlands Lebensraum. Berlin, 1941.
- Brantberg R.* Suuret suomalaiset sotasankarit. Tampere, 2007.

- Huldén A.* Finnlands deutsches Königsabenteuer 1918. Reinbek, 1997.
- Immonen K.* Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Keuruu, 1987.
- Itä-Karjala.* Hels., 1934.
- Kaukoranta T.* Itä-Karjalan vapauden tie. Hels., 1944.
- Kyösti J., From S.* Suomalaisena SS-miehenä itärintamalla. Hels., 2016.
- Lauttamus N.* Hiljaiset sotilaat. Jyväskylä, 1957.
- Nupnau E.* Farligt spel: Två års upplevelser i Tyskland under kriget. Stockholm, 1946.
- Posio S.* Isänmaan puolesta Saksan ja Suomen armeijassa // Turun Sanomat. 2006. 22.4
- Reenpää H. A.* Pojanpoika. Hels., 1998.
- Suomen ja Saksan aseveljeydestä oli kiinteä sopimus // Kansan Uutiset, 1977. 11.5.
- Tieke W.* Das Finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS: III. (finn.)/ «Nordland». Osnabrück, 1979.
- Tieke W.* Suomalainen SS-pataljoona. Das Finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS. Hels., 2002.
- Waltari M.* Neuvostovakoilun varjossa. Helsingin neuvostolähetystö kiihotus — ja vakoilutoiminnan keskuksena. Hels., 1942.
- Vesala T.* Uskossa Suur-Suomen ja Hitlerin johtotähteen // Kansan Tahto, 10.11.1977.
- Vilkuna K.* Hitler marsalkan 75-vuospäivillä // Uusi Kuvalehti, 1954, 5.11.

5. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Залесский К. А.* Охранные отряды нацизма. Полная энциклопедия СС. М., 2009.
- Залесский К. А.* Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

6. ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

МОНОГРАФИИ

- Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005.
- Барышников В. Н.* Маннергейм и Советский Союз. М., 2020.
- Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014.
- Барышников В. Н.* Финская война. СПб., 2023.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хел., 2002.

Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985; финское издание: *Baryšnikov N. I., Baryšnikov V. N.* Suomi II maailmansodassa. Hels.; Vaasa, 1988.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.

Батлер Р. SS-WIKING. История пятой дивизии СС «Викинг», 1941–1945. М., 2006.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II, III. М., 2012.

Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1, 2. М., 1998.

Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967.

Зимняя война 1939–1940. Политическая история. М., 1998.

Исаев А. В. От Дубно до Ростова. М., 2004.

История Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1–3. М., 1962–1964.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 3, 4, 5, 6. М., 1974–1976.

Маккарти П., Сайрон М. Panzerkrieg: Бронетанковые войска III рейха. Взлет и падение. М., 2009.

Матиев Т. Х. Малгобекский бастион. Поворотный момент битвы за Кавказ. Сентябрь — октябрь 1942 г. М., 2016.

Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб., 2004.

Похлебкин В. В. СССР — Финляндии. М., 1975 (финское издание: *Pohlebkkin V.V.* Suomi vihollisena ja ystavana 1744–1967. Porvoo, 1969).

Семенов К. К. Дивизии войск СС. История организации, структура, боевое применение. М., 2007.

Тике В. Марш на Кавказ: Битва за нефть. М., 2005.

Уорвал Н. Войска СС: история и факты. Ростов н/Д, 2010.

Хаунт В. Сражения группы армий «Юг». М., 2006.

Хоффман Т. Дивизия СС «Викинг». М., 2009.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хел.; СПб., 2013.

Elo V. Pantin lunastajat. Hämeenlinna, 2006.

Hartikainen P. Hugo Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja. Hels., 2001.

Hiedanniemi B. Kulttuuriin verhottua politiikka. Kansallissosialistisen Saksan kulttuuripropaganda Suomessa 1933–1940. Keuruu, 1980.

Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. Porvoo, 1959.

Jokipii M. Hitlerin Saksa ja sen vapaaehtoisliikkeet: Waffen-SS:n suomalais-pataljoona vertailtavana. Porvoo, 2002.

Jokipii M. Jatkosodansynty. Hels., 1987; русское издание: *Йокипиу М.* Финляндия на пути к войне. Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999.

Jokipii M. Panttipataljoona. Suomalaiset SS-pattaljoonan historia. Hels., 1969 (Porvoo, 1996).

Jokipii M. Suomalaisen SS-pataljoonan hajottaminen v. 1943. Hels., 1960.

Jokisipilä M. Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Hitlerin Saksan liittosopimus vaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Hels., 2004.

Jonas M. Kolmannen valtakunnan lähettiläs. Wiper von Blücher ja Suomi. Juva, 2010.

Lackman M. Esko Riekk. Jääkärivärväri, Etsivän Keskuspoliisin päällikkö, SS-pataljoonan luoja. Hels., 2007.

Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys turlevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan — politiikassa 1941. Hels., 1980.

Mazaur A. Finland between East and West. Princeton, 1956.

Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.

Paasivirta J. Suomi ja Eurooppa 1914–1939. Hels., 1984; английский перевод: *Paasivirta J.* Finland and Europe. Hels., 1988.

Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975.

Pesonen A. Matrikkeli lapinläänin SS-vapaaehtoisista. Hels., 1990.

Polvinen P. Suomi kansainvälisessä politiikassa 1941–1947. Osa I: 1941–1943, Barbarossasta Teheraniin. Porvoo; Hels.; Juva, 1979.

Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982.

Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Hels.; Juva, 1984 (русское издание: *Сенпяля Х.* В кильватере Германии // Север. 1988. № 7).

Siltala J. Lapuan liike ja kyyditykset 1930. Keuruu, 1985.

Silvennoinen O. Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. Keuruu, 2008.

Stein G. H. Waffen-SS — Hitlerin eliittikaarti sodassa 1939–1945. Jyväskylä, 2004.

Swanström A. Hakaristin ritarit. Suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset. Hels., 2018.

Swanström A. Valkoisen uskon soturi. Jääkäri, pappi ja SS-mies Kalervo Kurkiala. Hels., 2022.

Tiainen M. SS Wiking panttipataljoona. Hels., 2008.

Tiainen M. Panttipataljoona suomalaiset Tscikolan taistelussa 1942. Hels., 2010.

Überschär G. Hitler und Finnland 1939–41. Die deutsch finnischen Beziehungen während des Hitler-Stalin-Paktes. Wiesbaden, 1978.

Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Hels., 2018.

Vehviläinen O. Finland in the World War. Between Germany and Russia. New York. 2002.

Vehviläinen O. Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933–1934. Porvoo, 1966.

Veikko E. Pantin lunastajat. Saarijärvi, 1993.

Westerlund L. Cirkus Collani — De finländska SS-frivilliga 1941–43: En sedesskildring baserad på de frivilligas egna berättelser. Hels., 2017.

Westerlund L. Suomalaiset SS-vapaaehtoiset ja väkivaltaisuus 1941–1943. Hels., 2019.

Williamson G. Waffen-SS — Saksan eliittijoukot 1933–1945. Hämeenlinna, 2006.

Wuorinen J. H. Nationalism in Modern Finland. New York, 1931.

Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001.

СТАТЬИ В НАУЧНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник, XXIX, Таллин, 1985.

Барышников В. Н. Искусственное создание «белых пятен» в отечественном изучении истории Финляндии и последствия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2024. № 1. С. 135–141.

Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-х гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2).

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. СПб., 2002.

Барышников Н. И. Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8.

Васара В.-Т. К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3.

Васара В.-Т. Лапуаское движение (1929–1932 гг.) и путч в Мянтсяле // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007. № 1.

Гончарова Т. Н., Смолин А. В. Финляндия и Скандинавия на кафедре истории Нового и новейшего времени // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 24 (1). 2024.

Менгер М. О значении Финляндии для военного руководства Германии во второй мировой войне // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991.

Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 92.

Семенов К. К. Иностранные добровольческие легионы и корпуса СС на Восточном фронте // Крестовый поход на Россию. М., 2005.

Хяйкие М. Урхо Кекконен (1900–1986) // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004.

Ahto S. Siilasvuo ja saksalaiset // Tuntematon sota. Hels.; Porvoo, 1991.

Baryšnikov N. I. Mannerheim ja Göring // Ulkopoliitiikka. Vo2. № 2. 2005.

Holmila A. Kiistanalainen SS-palapeli // Historiallinen Aikakauskirja. 2019. № 1.

Holmila A. Varieties of Silence: Collective Memory of the Holocaust in Finland // Finland in World War II: History, Memory, Interpretations. Leiden; Boston. 2012.

Jalonen J. Kolmannen valtakunnan idänsotaretki suomalaisen jääkäriupseerin esikoisen silmin // Sotahistoriallinen Aikakauskirja. 2008. № 27.

Jokipii M. Himmlerin Suomen-matka v. 1942 // Historiallinen Arkisto. 1962. № 58.

Jokipii M. Suomen SS-pataljoona toisessa maailmansodassa // Jatkosodan pikkujättiläinen. Hels., 2006.

Jonas M. The Politics of an Alliance: Finland in Nazi Foreign Policy and War Strategy // Finland in World War II: History, Memory, Interpretations. Leiden; Boston. 2012.

Karjalainen M. Keskustelua suomalaisista SS-miehistä Uusia tulkintoja suomalaisten SS-vapaaehtoisten sotatiestä // Historiallinen Aikakauskirja, 2019. № 1.

Lennart W. Finländare som stred i Waffen-SS // Militär Historia. 1997. № 2.

Manninen O. Suomen vai Suur-Saksan riveissä? Ristiretki bolševismia vastaan. Pohjoismaisten SS-joukkojen asema Hitlerin idänretken alkuvaiheissa // Sotilasajakkalehti. 1981.

Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widertandsfront im Jahre 1944 // Bulletin des Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg». 1983. № 3–4.

Mikola K. J. Poliitiikkaa pataljoonana voimin // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4–1.

Pajunen J., Karjalainen M. Finnish Volunteer Battalion of the Waffen SS in 1941–1943 and Related Finnish studies // Finnish-German Yearbook of Political Economy. 2019. № 2.

Plat T. Vladimir Baryšnikov: Finny na službe v vojskach SS v gody vtoroj mirovoj vojny [Finnen im Dienst der Waffen-SS während des Zweiten Weltkrieges]. Sankt Peterburg 2012 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ZfG), 61 (6–7), Berlin, 2013.

Stein G. H., Krosby H. P. Das finnische Freiwilligen-Bataillon der Waffen-SS // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1966. 4.10.

Vehviläinen O. Itsännät ja aseveljet — Suomalaisen hallinnon ja saksalaisen sotaväen suhteista 1940–1944 // Historiallinen Arkisto. 1984. № 82.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аалтонен Б. — 61, 62, 75, 82, 84, 90,
Акунов В. В. — 21, 25
Ахо Э. — 315

Баграмян И. Х. — 193, 196
Батлер Р. — 154, 196, 241, 264, 270, 292, 303
Бергер Г. — 98, 294–295
Берри Р. М. — 290
Бест В. — 60, 75
Блюхер В. фон — 46, 54, 62, 70, 83, 85, 86, 99, 292
Болл Б. — 144
Борн Э. фон — 99, 100, 111, 134

Вайцзеккер Э. фон — 67
Валконен М. — 16
Валлен Л. — 234
Валлен Э. — 234
Вальден Р. — 81, 99, 100
Вальтерс Й. — 125
Варес В. — 35, 36, 54, 56
Васара В.-Т. — 40
Вейссауер Л. — 86
Вестерлунд Л. — 28, 107, 117, 128, 144, 146, 147, 151, 155, 160, 192, 209
Вехвиляйнен О. — 67
Викман Л. — 122
Виллемс П. — 177
Витерсгейм Г. А. фон — 141
Витинг Р. Й. — 100, 105
Вихавайнен Т. — 17, 314
Вуоленто П. — 256
Вуоримаа А. — 43, 48, 52, 59
Вэккерле Х. — 117, 142, 143

- Габеев Д. И. — 255
 Гальдер Ф. — 92, 139, 140, 157, 159, 169, 170, 173, 176, 177, 191, 192, 194, 215, 216, 218, 219, 222
 Геббельс Й. — 48
 Геринг Г. — 44, 45, 48, 49, 59, 67, 68, 69, 74, 75, 76, 77, 82, 83, 86, 89, 91
 Гилле Г. — 291
 Гиммлер Г. — 61, 75, 95, 97, 98, 105, 112, 146, 184, 245, 246, 248, 285, 287, 288, 291, 292, 294, 295, 297
 Гинденбург П. фон — 48, 58
 Гитлер А. — 43, 45, 47, 50, 55, 56, 58, 62, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 85, 86, 87, 88, 91, 96, 108, 121, 125, 128, 132, 133, 134, 172, 195, 197, 213, 214, 226, 234, 263, 265, 268, 270, 271, 274, 275, 296, 300, 302, 314
 Гольц Р. фон дер — 36

 Дам П. — 101
 Дерябин Ю. С. — 311
 Дитрих Й. — 125
 Дурнев Е. — 255

 Ирье-Коскинен А. С. — 42
 Исаев А. В. — 170, 171, 177, 192
 Итяля Ю. (Б. К. Лик) — 297
 Лик Б. К. — *Итяля Ю.*
 Йокиппи М. — 25, 29, 84, 96, 99, 103, 109, 118, 122, 125, 128, 130, 143, 147, 151, 153, 154, 156, 160, 167, 177, 188, 191, 197, 201, 203, 204, 205, 214, 223, 227, 235, 241, 243, 246, 265, 266, 271, 272, 277, 279, 289, 310

 Кайла Ю. — 127, 141, 153, 165, 172
 Каллио К. — 56, 57, 69, 77
 Кан А. С. — 12
 Карвинен Г. — 178
 Карьялайнен М. — 28
 Квислинг В. — 294
 Кекконен У. К. — 10, 284, 308, 311, 312, 313, 314, 316
 Кивимяки Т. М. — 46, 67, 69, 74, 75, 76, 77, 82, 83, 88, 89, 92, 98, 108, 182, 183, 184
 Клейст Э. фон — 176, 193
 Коллани Г. — 124, 125, 126, 132, 134, 204, 212, 250, 287
 Корхонен К. — 40
 Курри Т. — 187, 250
 Куусинен О. В. — 21
 Кярияйнен К. — 168

 Лакеала Я. — 150
 Лаппи-Сеппяля С. — 20

Леметтинен Х. — 225
Леппяля М. — 138
Лехмус К. — 110
Лехти Л. — 128
Лиддел Гарт Б. — 72
Лиесинен О. — 152
Линкомиес Э. — 286

Маак Б. — 117
Маккензен Э. фон — 170
Мак-Клинтон Р. — 290
Маличенко А. — 255
Малмберг Л. — 282, 284
Маннергейм К. Г. — 14, 15, 36, 42, 43, 44, 45, 58, 59, 81, 88, 89, 91, 92, 99, 100, 101, 110, 168, 171, 182, 183, 184, 209, 210, 242, 246, 275, 279, 285, 286, 288, 289, 293, 295, 296, 298, 299, 301, 302, 308
Маннинен О. — 314
Манштейн Э. фон — 127, 269, 270
Марин С. М. — 18
Мартола А. — 59
Матиев Т. Х. — 213, 229, 231, 233, 239
Менгер М. — 66
Мецгер Г. — 82, 109
Микола К. Ю. — 21, 127, 277,
Молотов В. М. — 73
Мюллер Г. — 62, 75, 84, 90

Невакиви Ю. — 313, 314
Неппонен В. — 203
Ниукканен Ю. — 76, 77

Олин У.-О. — 292
Орпо П. — 316

Пааволайнен О. — 306
Паасикиви Ю. К. — 67, 92, 284, 291
Паасонен А. — 275
Пайккала А. — 143
Пайунен Т. — 132
Пакаслаhti А. — 54
Парвилаhti У. (Боман) — 22, 148
Пелтовуори Р. О. — 55, 71, 73
Пихкала Э. С. — 143, 164
Плёв В. — 119, 163, 164
Пленков О. Ю. — 24

Покеле А. — 157
Полевач Г. — 119
Похлебкин В. В. — 10
Похьянлехто Т. — 241
Пунтила Л. — 13
Пурьо К. — 301

Рангелль Ю. — 99, 100
Рауткаллио П. (Каллио) — 312
Рауткаллио Х. — 311–314
Рейхель К. Э. А. фон — 270
Рендулич Л. фон — 306
Риббентроп И. фон — 68, 86, 92
Риекки Э. — 60, 61, 62, 102, 103, 104, 105, 107, 110, 168, 181
Рислакки Ю. — 207
Розенберг А. — 52, 53
Рундштедт Г. фон — 197
Рюти Р. — 74, 76, 83, 92, 99, 100, 246, 284, 290, 293,

Селен К. — 44
Саарела Я. — 115
Сванстрём А. — 29, 309
Свинхувуд Э. — 40, 44, 45, 46, 53, 57, 75
Сибелиус Я. — 53
Силвенноинен О. — 61, 90
Сомерсало А. — 47
Сталин И. В. — 314
Стомоняков Б. С. — 42
Струве К. — 149
Стубб А. — 8, 316

Талвела П. — 208, 209, 242, 243, 295
Таннер В. — 70, 74, 76, 109, 284
Тёрни Л. — 298
Тике В. — 26, 27, 120, 123, 132, 133, 187, 200, 202, 204, 205, 211, 218, 220, 232, 238, 242, 243, 248, 256, 257, 258, 259, 264, 267, 269, 276, 280, 282, 283, 287
Тулонен Э. — 232, 241
Туомпо В. — 182
Тюрккё Ю. — 23

Уорвал Н. — 126, 142, 172, 273

Фельтъенс Й. (Велтъенс) — 88, 89
Филиппов В. И. — 235
Фляйшман Г. — 139

Фосс И. — 300
Фрич К. О. — 83, 103

Хаахти У. С. — 299
Хайкала С. — 224
Халлаво В. В. — 150
Хамицаев В. С. — 255
Хамицаев Д. — 255
Хамицаев С. — 255
Хаупт В. — 170, 174, 186, 227
Хейнрикс Э. — 92, 112
Хиеданниemi Б. — 40, 50
Хинтика Я. — 251, 255
Холмила А. — 107
Холсти Р. — 56, 57
Хорн В. — 83, 92, 181, 182
Хортиев Г. Б. — 255
Хоффман Т. — 217, 244, 273, 292,

Чаммер унд Остен Г. фон — 59
Черевиченко Я. Т. — 195

Шелленберг В. — 297
Шольц Ф. фон — 119, 233, 269
Штейнер Ф. (Штайнер) — 97, 100, 101, 118, 150, 153, 156, 164, 169, 173, 192,
198, 201, 208, 209, 223, 228, 231, 238, 242, 265, 282, 303
Штакельберг К. фон — 24
Шуленбург Ф. фон дер — 73

Эквист Х. — 168, 169, 183
Экке Г. — 163
Элмгрен С. — 250
Эркко Э. — 69, 71
Эрфурт В. — 183, 296, 298, 299
Эстерман Х. — 96, 295

Юликангас Х. — 78
Юссила О. — 10, 13

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
В образе «великой Финляндии»	8
Финские эсэсовские войска	19
ЧАСТЬ I. ГЕРМАНИЯ И ФИНЛЯНДИЯ В 1920—1940 гг.	
Глава I. Финско-немецкое сотрудничество в межвоенный период	35
<i>После провозглашения независимости</i>	36
<i>Нацистская Германия и Финляндия</i>	41
Глава II. Рейх и «финская война»	65
<i>В начале войны</i>	65
<i>Германия и выход Финляндии из «зимней войны»</i>	71
ЧАСТЬ II. ФИНСКИЕ ЭСЭСОВЦЫ	
Глава I. Между миром и новой войной	81
<i>В поисках большего</i>	81
<i>Немецкие войска в Финляндии</i>	87
Глава II. Возникновение эсэсовского движения в Финляндии	94
<i>Позиция руководства Финляндии в отношении эсэсовского движения</i>	94
<i>Набор финнов в СС весной 1941 г.</i>	105
Глава III. Формирование на территории Германии финских эсэсовских подразделений	114
<i>Финны в строевых частях дивизии СС «Викинг»</i>	114
<i>Создание отдельного финского батальона СС</i>	123
ЧАСТЬ III. УКРАИНА	
Глава I. 1941 год: финские эсэсовцы на Украине	137
<i>Первые дни войны — первые зверства</i>	137
<i>«По выжженной равнине — За метром метр — Идут по Украине» финские солдаты ваффен СС</i>	153
Глава II. От карательных операций к боевым действиям	162
<i>От Киева к Днепрупетровску</i>	162
<i>На юг, в Новороссию</i>	173
<i>Где должны были воевать финские эсэсовцы?</i>	179

ЧАСТЬ IV. НА ЮГЕ РОССИИ

Глава I.	Провал плана «Барбаросса»	191
	<i>Срыв наступления немецких войск на Ростов-на-Дону.</i>	191
	<i>Финские эсэсовцы в ожидании нового наступления</i>	199
Глава II.	Начало битвы за Кавказ	213
	<i>В Приазовье и на Кубани</i>	214
	<i>Через Кавказские горы к Черному морю</i>	220
Глава III.	На Грозненском направлении	228
	<i>Сражение за Малгобек</i>	229
	<i>Попытка восстановить потери, переход к обороне</i>	244

ЧАСТЬ V. КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ

Глава I.	В тени Сталинграда	255
	<i>Январь 1943 г. — коренной перелом в сознании «победителей»</i>	256
	<i>Последние бои финских эсэсовцев на Донбассе</i>	263
Глава II.	Ликвидация финских эсэсовских формирований	273
	<i>Долгая дорога с Восточного фронта</i>	273
	<i>Официальный роспуск финских частей СС</i>	280
Глава III.	Окончание войны	289
	<i>Трудный путь отказа от «дружбы» с эсэсовцами</i>	290
	<i>Нацистский заговор</i>	293

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	304
<i>Значение эсэсовского движения для Финляндии</i>	304
<i>К вопросу о возрождении «великой Финляндии»</i>	308

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	318
БИБЛИОГРАФИЯ	319
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	329

Владимир Николаевич Барышников

ФИНСКИЕ СС НА УКРАИНЕ И ЮГЕ РОССИИ
От возникновения до ликвидации

Редакторы *О. Г. Андреева, Е. Р. Секачева*
Художественное оформление *Л. В. Чуйковой*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*
Корректоры *М. А. Кинах, И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 117312, ул. Вавилова, д. 53, к. 1, помещ. 1Н.
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 03.04.2025.
Формат 165×235 мм. Печ. л. 21.
Тираж 700 экз. Заказ № 11595.

ISBN 978-5-907813-25-0

12+

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

В. Н. Барышников

ФИНСКИЕ СС НА УКРАИНЕ И ЮГЕ РОССИИ

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ЛИКВИДАЦИИ

«Тактические действия дивизии СС “Викинг” были в лучшем случае посредственными».

— Ю. Кайла, гауптштурмфюрер СС

«Среди финских добровольцев СС особенно бурным выражением антисоветских настроений стала их относительная готовность расстреливать советских военнопленных».

— Л. Вестерлунд, финский исследователь

«Казалось, что “первые дни войны на Востоке были чем-то схожими с охотничьей экспедицией, добычей которой становились люди”».

— Б. Болл, немецкий исследователь

«Война на уничтожение началась... Но задуманный стремительный и глубокий прорыв группы армий “Юг” на территорию Украины до конца так и не получился. Стало понятно, что “русский солдат воюет с такой энергией и самоотверженностью, на которые не были способны французы и англичане во время Западной кампании”».

— В. Н. Барышников

9 785907 813250